

Цикл аномалии

ША ФОРД

Шарли побили и оставили умирать. В ней почти не осталось жизни. Но она почему-то не может умереть.

Странная головная боль ведет ее на север, к загадочному зданию, где она быстро раскрывает, что она не одна. Там еще одна Аномалия, а еще подозрительный робот, который говорит, что постарается «исправить» все, что пошло не так в голове Шарли. Но, когда тайны смешиваются с опасностями, раскрывается сила, которая может изменить мир.

Или убить всех.

Перевод: Kuromiya Ren

ГЛАВА 1

ЯНВАРЬ 2413

Кап... кап... кап...

Сияющие жемчужины воды падали с потолка на пол. Они соскальзывали с языка треснувшей балки и собирались в дрожащий шар, раздуваясь до тех пор, пока их общий вес не становился слишком большим. Затем они падали.

Падение было мягким. Не громче шелеста листа. Они били и распадались с тихой песней. Тела капель катились в луже на искривленном деревянном полу. Падало все больше, лужа росла, и громче становилась их песня.

Глубже.

Больше было невозможно игнорировать.

Я вытянула руку и пошевелила ладонью на пути их падения. Сфера лопнула на костяшках, и ее осколки стекли к кончикам пальцев — между синяками, натываясь на паутину шрамов, которых я не помнила.

Я поймала очередную каплю чашечкой ладони и поняла, что моя рука была намного больше, чем раньше. И чище: вся грязь и копоть, которые пачкали мои ногти, исчезли.

Снаружи грохотал раскат грома под ровное пение теплого весеннего дождя. Капли падали с облаков отчаянным потоком. Они с шипением ударились об обветренную крышу и исчезали в измученной жаждой земле. Свет лился из пустого дверного проема, где дождь образовал достаточно плотную завесу, чтобы затуманить мир за ее пределами.

Мои глаза наблюдали за занавеской, покачивающейся на мягком дуновении ветра; моя рука задержалась на пути капель. Я в замешательстве наблюдала, как моя рука скользила взад-вперед, стараясь поймать каждую вытекающую каплю, прежде чем она упадет на пол.

Внутри меня нарастала тревога — какой-то резкий всплеск воспоминаний, который не оставлял меня в покое. Эта сцена со стуком дождя и рукой, похожей на мою, но не моей, таяла от этого всплеска. Шипы пронзали капли воспоминаний. Они выскакивали с другой стороны и не давали им задержаться.

Я не знала, где я была, но мне нужно было выбраться отсюда.

Я могла быть в какой-то опасности...

Приглушенный звук вернул меня к дому под дождем. Какой-то предмет выпал из моего кармана и отскочил в лужу. Я двигалась быстро, осторожно, пытаюсь схватить его, не издавая ни звука.

— Что это было? — шепнул кто-то позади меня. Женский голос. Ее слова звучали

странно от какого-то акцента.

— Ничто, — моя грудь гудела от глубокого мужского ответа. Я смотрела, как моя рука сжала предмет на полу, пряча его в кулаке. — Просто закрой глаза и постарайся немного отдохнуть, дорогая.

Женщина что-то пробормотала. Ее губы были близко к моему уху, но я не могла разобрать, что она говорила: дождь усилился.

Он стал жестоким. Холодный ветер бил в стены со всех сторон и сжимал их, как стенки пустой консервной банки. Провисшая балка надо мной начала визжать от усилий, которые ей требовались, чтобы удержаться. Но мои глаза не двигались.

Они были прикованы к предмету внутри моего кулака. В то время как шум нарастал до разрыва и мир угрожал рухнуть, я смотрела, как мои пальцы раздвинулись, и стало видно маленький, поцарапанный ключ...

* * *

Капля теплой жидкости упала мне на макушку и скатилась по затылку. Она текла рекой по каньону, образованному моим изогнутым позвоночником, вызывая волну озноба, достаточно сильного, чтобы вытащить меня из разрушенной бурей лачуги — всего за несколько секунд до того, как крыша провалилась.

Я инстинктивно откинулась, пытаюсь раздавить озноб о стену позади меня, и закончила тем, что ударилась затылком.

— Ой... фу!

То, что начиналось как вопль боли, превратилось в кашель. Часть теплой жидкости стекла по моему носу и упала в открытый рот. Я ощутила вкус железа и соли и почти сразу поняла, что у меня на языке была кровь... Я просто не знала, откуда взялась эта кровь.

Она могла быть откуда угодно. Не было дюйма моего тела, который бы не кричал от боли. У меня были десятки синяков и порезов, а на левой руке — как минимум одно отверстие размером с пулю. У меня на голени был свежий красный рубец, из-за которого в воздух вокруг меня исходил аромат горячей плоти. Но самые тяжелые из моих ран были в пространстве над моей шеей.

Я не знала, пропадет ли когда-нибудь опухоль на моем лице и бардак в голове. Голову будто кто-то зажал между коленями и давил в висках. Снова и снова, пока мое зрение не расплывалось, а глаза не пытались вылезти из орбит.

Я задрала подбородок, пытаюсь выплеснуть сильнейшую боль на затылок. Вместо этого я поймала струйку крови прямо перед глазами.

Это ужасно обжигало. Я решила вытереть кровь рукавом и поняла, что мои руки были связаны — раскинуты по бокам и привязаны к чему-то металлическому. Мне потребовалась почти минута, чтобы заставить ноющее тело принять положение, в котором я могла вытереть кровь о плечо. Как только мой глаз прояснился, я обернулась и попыталась понять, что продолжало брызгать на меня.

Это была нога.

Целая человеческая нога.

Ногу вырвали из гнезда и швырнули на капот электромобиля. Я была привязана к решетке машины, распластанная и придавленная, как шкурка белки Уолтера. Я ничего не могла сделать, кроме как закрыть глаза, пока кровь извергалась из массы разорванных вен надо мной и заливала мой скальп.

Потоки красного цвета вытекали из мяса и спускались по бедренной кости. Они

разделялись вокруг выступа в кости — выступа, который когда-то вставлялся в бедренную впадину, но теперь свисал над краем решетки — и капали теплой липкой жидкостью по моему затылку.

Я ничего не могла с этим поделать. Я просто сидела здесь, пока сгустки крови впитывались в волокна моего комбинезона и засыхали на моей коже. Клянусь, прошло почти десять минут, прежде чем из ноги, наконец, перестала идти кровь. Не успела я снова выпрямиться, как артерия решила извергнуть еще порцию крови из разорванного конца — и попала прямо мне в лицо.

Хуже, чем напиток крови, могло быть только напиток чужой крови.

— Боже! — я сплюнула изо всех сил, выпуская каждую липкую каплю красными брызгами. Я кричала. Я ругалась. Я прижималась ноющим телом к решетке, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы лишиться сознания.

Этого не хватило.

У меня не хватало сил разорвать эти путы, а это значило, что я застряну здесь навсегда. Привязанная к решетке проклятой машины. Покрытая чужой кровью. Обреченная умереть в одиночестве, высохнуть коркой, в которой не останется слюны, чтобы выдавить несколько предсмертных слов...

Слезы жалобно выступили в уголках моих глаз. Их было больно выдавливать, и они жалили, пока текли по выпуклостям моего разбитого лица. Но я буду плакать. Со всем адом, который я пережила за последние несколько дней, я заслуживала поплакать.

Я уже почти настроилась, когда из ниоткуда вылетела отрубленная рука и ударила меня по животу, прерывая мои рыдания.

— Враги уничтожены, — прочирикал роботизированный голос.

Я подняла голову, чтобы посмотреть — все еще задыхаясь из-за того, что я только что получила рукой по животу, — и мой взгляд сосредоточился на возвышающейся форме экзоскостюма.

Он стоял надо мной, облака пара вырывались из суставов его чудовищных конечностей, пока поршни замедлялись до более устойчивого темпа. Слова крутились на экране его лицевой панели, за которой ухмылялись останки его давно умершего пилота:

Все угрозы устранены... возобновить нормальную работу.

Я увидела еще около дюжины экзоскостюмов, разбросанных по земле передо мной, и услышала, как несколько других отключились за моей спиной. Их руки шипели, когда мышцы теряли напряжение, а когти снова сжимались в кулаки. Ноги костюмов, ранее удлинённые паутиной набухших сухожилий, сжимались с хором тихих стонов.

— Сообщить юниту X1-37, что экзоподдержка останется в этом районе в течение двадцати четырех часов для проведения проверки периметра. Безопасного пути, — сказал экзоскостюм передо мной. Затем он поднял ноги и прошел к остальным.

Я какое-то время наблюдала, как они сканировали груды разорванных человеческих останков своими красными датчиками, убеждаясь, что все в этом районе были мертвы.

От наемников с Севера мало что осталось: одни обрывки. Туловище здесь, некоторые конечности там. Горстка внутренностей рассыпалась по траве веером. Ведра крови — их хватило бы на целый пруд.

Почему в людях было так много крови? На кой черт она нам требовалась, кроме ужасного беспорядка в конце?

Рука, которая ударила меня в живот, наверное, принадлежала Маурье, боссу наемников.

На ней было меньше волос, чем на остальных конечностях вокруг меня, а пальцы были довольно маленькими. Они дергались, пока я смотрела на них, сгибаясь к ладони, как наполовину раздавленный паук. Интересно, этой рукой она меня ударила? Интересно, это рука держала курок или винтовку, когда она приставила раскаленный ствол к моей ноге.

Интересно, часть ее осталась здесь? Интересно, ходил ли ее призрак сейчас среди руин, его полупрозрачная форма была поражена бледным видом ее трупа, разрезанного почти пополам внутри раздавленной пасти окна пикапа. Интересно, смотрел ли ее призрак на череп, его губчатая начинка вырвалась сзади с такой силой, что забрызгала боковое окно водителя...

И мне было интересно, жалела ли она, что не убила меня, когда у нее был шанс.

Но больше всего меня удивляло, почему я не была раздавлена, как Маурья.

— Обнаружена аномалия.

Я закричала, когда свет от другого экзокостюма просканировал мое лицо, пронзая заднюю часть глаза почти невыносимой болью.

— Юнит X1-37, пожалуйста, явитесь на Двенадцатый объект для технического обслуживания.

— Я не знаю, где это! — мои руки сжались и напряглись в путах. Я не могла сказать, двигалась я намеренно или у моего тела был какой-то спазм. — Ты можешь разрезать на мне пути? Эй, я никуда не поеду, если я привязана к этой машине!

Экзокостюм не ответил. На его лицевой панели не было подсказки, признаков того, что он услышал мою просьбу. Еще через мгновение он повернулся ко мне спиной и подошел к пикапу.

— Стой! Если хочешь, чтобы я уехала, то ты должен... ах!

— Обнаружена аномалия.

Другой костюм просканировал мое лицо.

Затем еще один.

И другой.

Они ходили по кругу, используя свои датчики на всем, что не являлось травой, и я стала частью их рутины. Они сканировали наемников, разбитый грузовик, а затем меня.

Каждый раз, когда красный свет касался моего лица, мне казалось, что кто-то воткнул нож в мой зрачок. Я чувствовала, как резиновая белая плоть разрывалась вокруг лезвия, и кричала, когда острие вонзалось в серую губку позади него.

Мой глаз не закрывался. Я пыталась зажмурить его, игнорировать, когда ощущала, как красный свет царапал мое лицо. Но я не могла. Секунду, которая требовалась для сканирования меня, мое тело мне не принадлежало: оно выгибалось и пыталось оторвать меня от земли.

Оно пыталось делать то, что мне приказывали экзокостюмы.

Оно пыталось доставить меня на Двенадцатый объект.

Но я не могла моргать и двигаться. Я не могла делать то, что хотели от меня экзокостюмы. И вскоре я уже не могла терпеть боль.

Все стало черным.

* * *

— Боже, дитя, черт возьми, ты сделала с собой?

Я не знала, как долго мне удавалось оставаться в сознании, но я могла предположить, как долго была без сознания. Экзокостюмы наконец-то исчезли, значит, прошло как

минимум двадцать четыре часа. Я не могла поверить, что я еще была жива.

Либо я была самым счастливым человеком на земле, либо кто-то издевался надо мной.

Было темно, когда я проснулась. Ничто сияло в ослепительном свете восходящей луны, полная луна озарила зимние пустоши. Одеяло из звезд начиналось на краю горизонта и простиралось над моей головой. Разреженность ледяного воздуха делала все ярче, острее. Глядя на звезды, я ощущала, как весь мир вращался в тисках этого бесконечного неба.

— Боже, дитя...

Я снова уловила голос. Он был грубым, звонким и удивительно знакомым. Я села прямо и закричала в бледную пустоту:

— У-Уолтер...?

Он вышел из тьмы. Худое морщинистое тело Уолтера появилось передо мной; все микроскопические крохи его существа собрались, как облако комаров, чтобы создать его форму.

Это был не настоящий Уолтер. Я знала это, потому что он был одет не по погоде. Он выглядел как в день нашей первой встречи: в выцветшей рубашке и штанах, промасленном кожаном жилете. Его зеленоватая шляпа висела на грязных лохматых волосах, пока он ковылял ко мне.

Это было невозможно, ведь его шляпа была у меня. Она упала с моей головы и застряла где-то между лопатками. Характерная складка на полях шляпы впилась в середину моего позвоночника.

Нет, это был не настоящий Уолтер, а какой-то обман ума.

Или, может, он был настоящим, а мы оба были мертвы.

— Какого черта ты сделала? — Уолтер замер примерно в трех шагах от меня. Он вонзил кулаки в костлявые бедра и взглянул на кровавую бойню вокруг нас, открыв рот в густой щетине своей бороды. — В какой ад ты ввязалась, а?

— Не то чтобы я хотела, чтобы это произошло, — сказала я, голос сильно напрягал пересохшую кожу в горле. — Если бы я поступила по-своему, ничего бы этого не случилось. Я все еще была бы с тобой, отмораживая свою задницу в глуши.

Уолтер будто меня не слышал.

— Я же говорил... я говорил тебе, что эти янки-граклы до добра не доводят. Я сказал, что нужно просто оставить их в покое. И что ты сделала?

— Я задела их...

— Ты их задела! Ты впилась в это осиное гнездо обеими руками и просто, — он яростно потряс кулаками над головой, — будто ждала, что из этих дыр выпадет что-то сладкое. А теперь посмотри на себя, — кости Уолтера скрипели, он сел на корточки. Его выцветшие голубые глаза с жалостью смотрели в мои. — Только посмотри на себя, урод... ты вся изранена.

Тогда я стала это чувствовать. Будто моих ран не существовало, пока Уолтер не упомянул о них. Онемение ушло из моего тела, и боль пронзила меня одной сильной ледяной волной.

Я умирала.

Я умру.

Никто не мог оправиться от таких избиений: все, что я чувствовала раньше было там, перебродившее за часы, которые я провела в отключке, и стало примерно в десять раз сильнее. Новые неудобства — последствия того, что меня туго связали и оставили без еды и

воды — били между трещинами в моих сломанных ребрах.

И было холодно. Очень. Кончики моих пальцев рук и ног жгло, будто я застряла ими в куче углей. Когда я попыталась сжать кулак, моя рука не пошевелилась. Может, замерзла.

Не было смысла здесь торчать. Я не могла так продолжать. Звездное небо плясало перед моими глазами, когда я расслабилась, и моя душа пыталась уйти. Я ощущала, как оно отступала, покалывая, наполовину покинула мой скальп.

— Думаю... это все, Уолтер, — буркнула я. — Думаю, что, наконец, я смогу закончить...

— Хм, — громкое фырканье снова вернуло мой взгляд к его лицу. Трудно было сказать по всем линиям на его обвисшей коже, но он мог быть разочарован. — Ну, если ты хочешь сдать и умереть, тогда вперед. Я не могу остановить тебя.

— Что еще я могу сделать? — сказала я сквозь зубы. — Ты хочешь, чтобы я сгнила здесь?

— Нет, я хочу, чтобы ты боролась с этим! — крикнул Уолтер, махая рукой. — Хватит висеть, жалея себя, борись!

Покалывание покинуло мой скальп, моя душа вернулась обратно.

Я вдруг разозлилась, уже не могла умереть.

— Я не могу двигаться! — я с силой потянула веревки на запястьях, сжала замерзшие ладони в кулаки и рвала руки вперед, пока не стало больно дышать. — Видишь? Понимаешь? Я не могу бороться, потому что не могу двигаться!

— Могла бы, если бы хотела...

— Черт возьми!

Хор резких воплей перекрыл ответ Уолтера. Это был крик двадцати больших койотов. И они были рядом.

Говард постоянно показывал мне фотографии койотов. Они были частью игры, которую он назвал «Колесо», в которой участвовала быстро движущаяся карусель изображений, кристаллическая батарея и десятки солатродов, приклеенных к различным частям моего тела.

Когда выскакивала одна из тощих серо-коричневых собак, мне приходилось кричать «койот» так быстро, как я только могла. В противном случае я бы испытала шок в каком-нибудь месте, выбранном Говардом.

И он редко выбирал что-нибудь приятное.

Я была удивлена, когда впервые увидела настоящего койота. Однажды утром он неторопливо подошел к Логову, изо рта у него шла белая пена, и он совсем не был похож на фотографии Говарда. Койот, которого я увидела, был огромным и полностью черным. Я бы даже не подумала назвать его койотом, если бы Уолтер не закричал:

— Убирайся отсюда, чертов койот, — и выстрелил ему в голову одним из мощных лучей Жозефины.

Твари, твякающие сейчас вокруг меня, явно были койотами. По тому, как их призрачные тела крались сквозь бойню, я видела, что они были дикими. По тому, как свирепо они бросались на ближайшие трупы, я видела, что они изголодались за зиму. Но я не понимала, как они могли подобраться так близко без моего ведома.

Я моргала от холодного ветра, пытаюсь понять, что я пропустила. Уолтера не было видно. На горизонте виднелась стальная полоса, которая говорила, что близился рассвет. Но всего несколько секунд назад была тьма ночи.

Внезапное давление на внутреннюю сторону руки вывело меня из мыслей. Казалось, кто-то проводил пальцем по моей пулевой ране — сильно и медленно, успокаивая ее теплой сыростью. Я повернула ноющую голову, чтобы посмотреть, и оказалась лицом к лицу с большим черным койотом.

Давление, которое я чувствовала, было не пальцем, а розовым языком койота. Он очистил засохшую грязь и теперь деловито лакал свежую кровь из рваного пулевого отверстия в моей коже. Койот поймал мой взгляд — крик застрял у меня в горле — но, похоже, ему было все равно. Его глаза удовлетворенно закрылись, пока он лакал мою кровь.

Я боялась дышать. Боялась двигаться. Вскоре койоту надоест пить и он решит поесть.

Я могла пнуть его, но не хотела, потому что меня точно съедят.

— Уолтер, — прошипела я сквозь зубы. — Уолтер, п-помоги!

— От тебя одни проблемы, урод, — он появился за койотом, стоял, скрестив тонкие руки, будто всю ночь ждал, когда я произнесу его имя. — Ты не хочешь, чтобы он лез к тебе? Тогда нужно быть проблемой для него. Заставь его оставить тебя в покое и выбрать что-нибудь полегче.

Я сделала то, что сказал Уолтер.

— Отвали! — закричала я, размахивая ногами. — Отвали! Убирайся отсюда!

Койот подпрыгнул, когда я закричала, и убежал, когда пятка моего ботинка задела его ухо. Он стоял передо мной миг, щелкая языком, чтобы очистить морду от крови. Затем он пошел ко мне.

— Нет, держись подальше! — мой голос стал выше, в панике. — Уходи отсюда! Получи!

Койот бросился вперед, и на секунду мне показалось, что он разорвет мне глотку. Вместо этого он схватил руку Маурьи с земли передо мной и убежал с ней. Я видела, как ее рука безвольно качалась в лунном свете, пока койот бежал к своей стае — будто она махала на прощание.

— Хм. Вот видишь? Беда, — Уолтер наклонился и сплюнул комок табака на увядшую траву. — Если хочешь, чтобы животное оставило в покое, нужно лаять громче. Вот и все, урод.

— Спасибо за... спасибо...

Я пыталась сказать это, но не закончила. У меня слишком сильно болела голова, чтобы произнести слова. Черный занавес закрыл глаза, и я уснула мертвым сном.

* * *

Когда я проснулась, давно рассвело. Уолтера больше не было, а моя кожа горела.

Надо мной сгушалась армия густых угольно-черных облаков. Они извергали ледяной дождь на пустоши со всей яростью летней бури. Порывы вихревого ветра подхватывали из воздуха охапки льда и хлестали им по моему лицу.

Ужасно жалило — будто меня забросали кучей крошечных камней. Но, по крайней мере, сейчас, когда шел дождь, я могла попить. Я открыла рот и повернула его к ветру. Ледяная вода хлестала по зубам и попадала на язык. Я глотала, сколько могла, прежде чем кожа на моем лице не стала ныть. Затем я отвернулась и позволила льду бить меня по затылку.

Когда я повернулась, я поняла, что была не одна.

— Анна?

Прошли месяцы с тех пор, как я видела ее в последний раз, но я, наверное, думала о ней каждый день. Ночь, которую мы провели за разговорами, была одним из немногих моих

счастливых воспоминаний. Иногда я закрывала глаза и снова прокручивала ее в голове, как по телевизору, успокаиваясь тем, что знала, что все закончится благополучно. С того момента, как она пожала мне руку, до момента, когда она ушла. И я была счастлива в тот день...

Я переживала, ведь она делала меня такой счастливой, а я никогда больше ее не увижу. Я беспокоилась, что если буду думать о ней недостаточно часто, то забуду.

Но вот она. Стояла рядом с покореженным пикапом в форме с нашивкой в виде собаки, с винтовкой на плечах. Она стянула красную бандану на подбородок, и я увидела ее улыбку. Эта очаровательная улыбка со сморщенным носом всегда согревала меня.

И мне нужно было немного тепла сейчас.

— Привет, Шарли.

— Анна... — выдохнула я, улыбаясь в ответ.

Она пошла ко мне, и мое сердце упало в живот.

Анна была не настоящей. Она была из того же материала, что и Уолтер, которого я видела прошлой ночью. Вокруг нас были ветер, вода и мокрый снег, но Анна была невозмутима. Ее шляпа оставалась на ней, а ее одежда даже не развеялась. Ярко-рыжие волосы, торчащие из-под ее шляпы, были идеально закручены на ее лбу.

Нет, она не была настоящей.

Но я все равно была рада ее видеть.

— Ладно, чью задницу мне надрать? — сказала она, скользя взглядом по моим ранам.

— Мою, наверное. Это действительно моя вина, — тихо сказала я.

И это была моя вина. Если бы я просто убила Ашу, когда у меня был шанс, она бы не забила меня до полусмерти. Граклы не стали бы разрушать Логово. Уолтер не заболел бы. Я бы никогда не пересеклась с Маурьей и не разнесла бы их штаб на сотню ярдов к небу.

Каждое решение, которое я приняла, привело меня сюда.

Виновата была только я.

— Извини... Хотела бы я послушать тебя, — сказала я, и мой голос стал хриплым, пока Анна смотрела на меня. — Хотела бы я быть жесткой, когда это было необходимо.

— Ой, все в порядке.

Она опустилась на колени передо мной. Я смотрела, а она сняла шляпу с головы и провела пальцами по густому пятну ярко-рыжих кудрей под ней. Моя кровь стала горячей, а кожа — липкой, когда я вспомнила, каково это было, когда эти руки тянули мои волосы.

Еще одна волна разочарования накатила на мой язык, когда я подумала о том, какой могла быть та ночь, если бы воспоминания обо всех плохих вещах не сбили меня.

— Просто пообещай мне, что в следующий раз будешь немного жестче, хорошо? — тихо сказала Анна. На ее лице проступило беспокойство — я узнала то же выражение, с каким она смотрела на меня, когда я вырвалась из ее рук. Когда плохие вещи не оставляли меня в покое.

Я вздрогнула от боли, тяжело вздохнув.

— Я не думаю, что будет следующий раз, Анна. Я думаю, это все.

— Ты так думаешь?

— Ага, — я вытянула руки вперед еще раз, просто чтобы убедиться, что они все еще в порядке и связаны. — Это точно конец.

Она отвела взгляд — и на секунду я увидела, как теплый свет рассвета озарил ее лицо. Анна выглядела идеальной, умопомрачительно совершенной, и я поймала себя на том, что

тянулась к ней. Будто я увидела самое лучшее, что могла предложить жизнь. И теперь я могла уйти.

Мой подбородок опустился на грудь, и я начала глубоко дышать. Я парила на краю того, что обещало быть вечным спокойным сном.

— Эй... иди сюда, — прошептала Анна.

Я подняла глаза, чтобы улыбнуться ей, и увидела, что мир изменился.

Дождя больше не было. Трава подо мной стала густой и зеленой. Птицы пели на деревьях вокруг нас. Ветер не нес лед — только успокаивающее весеннее тепло, от которого мое тело казалось месивом. Кашей. Мне хотелось лечь и погрузиться в землю.

Когда Анна наклонилась надо мной, я ощутила ее тень. Ее руки обвили мои лодыжки и медленно потянулись вверх по ногам. Это давление не было похоже ни на что, что я когда-либо чувствовала. Почти замечательно. Почти невыносимо. Чувство витало так близко к муке... но в конце оно становилось слаще.

Это был приятный шок.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, когда ее руки скользнули вверх по моим коленям.

— Ты же не думала, что я так легко тебя отпущу, да? — прошептала Анна, улыбаясь. — Ты никуда не пойдешь, пока я не попрощаюсь.

Я не знала, что она имела в виду. Затем внезапно ее лицо наклонилось к моему — и я точно знала, что она имела в виду.

Анна хотела поцеловать меня.

Она намеревалась поцеловать меня в губы.

Ее глаза закрылись, когда она наклонилась; ее руки скользнули к моим бедрам. Я ощущала ее дыхание на своем подбородке. Чувствовала, как ее губы парили так близко к моим — и прилив, который я испытывала в этот момент мог сбить меня с ног.

Вместо этого я упала на спину.

Анна крепче сжала мои ноги, потянула меня вперед. С силой. Моя задняя часть оторвалась от земли, и мой затылок сильно ударился о решетку позади меня.

— Ой! Для чего, черт возьми, это было? — завопила я.

Дождь вернулся. И мокрый снег, и ветер, и холод. Когда я открыла глаза, я увидела, что мир был так же несчастен, как и когда я покинула его. Но на этот раз я была не одна. На самом деле.

Анна исчезла — и вместо нее надо мной склонился кто-то другой.

Мои глаза двигались, чтобы сфокусироваться на лице молодого человека. Он был волосатым и грязным. И на нем был какой-то халат из меха животных. Его руки сжимали мои ботинки — он уже развязал шнурки и, наверное, просто пытался их сорвать. Вот что заставило меня упасть на спину и удариться головой.

Наши рты одновременно открылись. Он отдернул руки, а я убрала ноги подальше от него. Через секунду он отполз от меня, словно от змеи, и крикнул:

— Джошуа! Джошуа! Эта жива!

ГЛАВА 2

— Жива? Как такое возможно?

— Н-не знаю. Ее сильно побили. Но она достаточно жива, чтобы ругаться.

Я пыталась сосредоточиться. Пыталась щуриться сквозь ветер и дождь, пока ко мне шли две расплывчатые фигуры.

Юношу было проще разглядеть. Наверное, потому что я его уже видела. Мой взгляд быстро сосредоточился на его пятнистой бороде и гриве темных волнистых волос. Его одежда из звериной шкуры свободно висела на его худых плечах. Она почти проглотила его. Насколько я могла судить, веревка, которую он носил вокруг талии, — единственное, что удерживало все это вместе.

За ним внимательно следовал пожилой мужчина. Плечи этого мужчины были широкими, и они заполняли его одежду до швов. В его волосах и бороде были полосы седины. Глубокие складки портили кожу на его лбу. Я не могла сказать, были они от возраста или солнца. И я не тратила время на размышления.

В ту секунду, когда я заметила длинный посох в его руке, мои глаза больше ничего не видели.

Я надеялась, что он послушает, а не решит ударить меня этим.

— Как она ругалась? — сказал старший. Казалось, погода его не беспокоила: его грива спугалась в темные тугие кудри. В завитках его бороды были ледяные крупинки. Но он наклонился к резкому ветру, будто не чувствовал его. — Неужели она произнесла имя Господа напрасно?

— Нет, — ответил молодой человек. Он казался обеспокоенным. Его худое тело дрожало под мантией, и он стиснул зубы, когда сказал. — Нет, она просто сказала «черт возьми» — какого черта я ее дергал, наверное.

Глаза старшего потемнели.

— Ты прикоснулся к ней?

— Ну, да. Я не знал, что она жива. Я бы не прикоснулся к ней, если бы знал, Джошуа.

Пожилой мужчина, Джошуа, пристально смотрел на меня. Он держал свой посох так, будто хотел воткнуть его мне в нос, и я никак не могла остановить его. Я боялась этих двух мужчин больше, чем двадцати с лишним койотов.

Мужчины не убьют меня просто так.

Я закрыла глаза и отвернулась, съеживаясь от того, что точно будет адским ударом. Но вместо того, чтобы бить меня, Джошуа сунул посох между моими коленями и использовал его, чтобы раздвинуть ноги.

— Нечистая, — прошипел он через мгновение.

Я взглянула, туда, куда он смотрел, и чуть не расхохоталась.

Это все, что я могла сделать со своей ситуацией на данный момент: смеяться. Конечно, у меня началась истерика после всего. А как иначе? Все же было не так плохо — нужно было добавить.

— Я думал, она умерла, Джошуа. Я думал, что она умерла, как и все остальные, — сказал юноша.

— Я тебе верю, — через мгновение ответил Джошуа. Он вытащил посох и повернул лицо к брюху грозовых туч. — А раз ты не знал, может, Бог тебя и простит. Но ты прикоснулся к нечистой женщине. Ты должен постирать одежду и оставаться в одиночестве до захода солнца. Иди.

Молодой человек нервно поклонился, прежде чем исчезнуть из виду, уже развязывая веревку на поясе.

Остались только я и этот странный Джошуа.

Он долго смотрел. Его глаза были пронизывающими и зеркально-черными. Я почти видела свое разбитое лицо в них. Когда он, наконец, заговорил, его голос стал тихим:

— Я знаю, что здесь произошло. Я видел, как Господь использует этих железных зверей, чтобы судить нечестивых. Я видел тысячи наказанных Его рукой. Но я никогда не видел, чтобы кто-то был пощажен.

Джошуа смотрел на меня еще мгновение.

Я держала рот закрытым. Я не доверяла языку, потому что слова «какого черта ты несешь, сумасшедший ублюдок?» могли вырваться наружу. Нет, я просто сидела и пыталась выглядеть жалко.

— Что ты такое? — наконец, сказал Джошуа.

Что я такое? Значит, он уже знал, что я не была человеком. Даже с моим сломанным телом и разбитым лицом Джошуа мог сказать, что со мной что-то было не так. Теперь он хотел правды.

Проблема была в том, что... я не знала, что ему сказать. Поймет ли он, что такое Дефект? Поверит ли он мне, если я скажу ему, что эти боты ходили вокруг, щебеча о том, что я какая-то Аномалия? Я не была уверена.

Я решила сказать что-то простое:

— Я из Эль-Пасо.

— Запад? Ханаан? — лоб Джошуа сильно сморщился, когда он поднял брови. Что-то мелькнуло в его глазах, и на мгновение костяшки вокруг посоха побелели. Затем, глубоко вздохнув, он успокоился. — Левиты не должны разговаривать с хананеями. Мы были избраны, чтобы изгнать их из-за их стен и потребовать их земли во имя Бога. Если бы я убил тебя сейчас, это избавило бы меня от необходимости убивать тебя позже. Но потом я вспоминаю, что если бы не шлюхи в Иерихоне, стены никогда бы не рухнули. Итак, что Господь пощадил, — Джошуа потянулся за спину, — я не буду перечить.

Я не понимала, что происходило. Это не имело никакого смысла. Поэтому, когда Джошуа выхватил из-за пояса огромный изогнутый нож, я тут же решила, что он собирался разрубить меня им.

— Н-не надо! — сказала я, сжимая ноги. Если он приблизится ко мне с этим ножом, я ударю его пятками. И я не заикливалась на том, куда ударю. — Да ладно, я даже сопротивляться не могу!

— Я не причиню тебе вреда, глупая женщина, — прорычал Джошуа сквозь зубы. — Я разорву твои оковы и пощажу твою жизнь.

Он выглядел таким искренне раздраженным из-за того, что я дергалась, что я ему поверила.

— Ой. Хорошо.

— Но не трогай меня, — предупредил он, грозя ножом у меня под носом. — Ты нечиста.

— Хорошо, поняла. Спасибо, — сказала я, когда он стал резать веревки.

Нож был настолько острым, что перерезал пропитанную льдом веревку практически без сопротивления. Я не осознавала, насколько мои руки были лишены крови, пока они не рухнули по бокам, как кирпичи. Я вздрогнула, кровь пыталась вернуться в вены. Но вены будто настолько высохли, что кровь не могла течь. Она просто как бы пенилась.

Мои конечности покалывало, будто кто-то накачал меня «SuperFizz». Я могла только ждать, когда вернется достаточно чувств, чтобы я могла проверить остальные раны.

Тем временем Джошуа присел на пропитанной льдом земле передо мной.

И он смотрел.

— Так... кто ты такой? — сказала я, когда больше не могла молчать.

— Я Джошуа, левит. Один из богоизбранных, — тихо сказал он. — А ты лишь нечистая блудница из Ханаана. Но Господь будет использовать тебя, чтобы исполнить Свое обещание. Ты увидишь.

Я понимала, почему он продолжал говорить, что я нечиста. Говард заставлял меня принимать душ три раза в день во время приступов и еще три раза перед выпиской из больницы. Это, в сочетании со всеми сочащимися ранами, делало меня чертовски грязной. Но я ни за что не могла понять, почему он продолжал говорить, что я была шлюхой.

Я, наверное, была наименее распутным человеком на сотню квадратных миль.

Если бы не агония, пульсирующая в моей голове сейчас, я подумала бы, что сплю.

— Ты отпустишь меня? — сказала я, когда Джошуа не дал никакой другой информации.

— Да. Пока что. Но ты запомнишь эту доброту, ханаанская блудница, — зарычал он на меня. — И если когда-нибудь левиты будут нуждаться в тебе, ты должна ответить.

Это был не вопрос. Джошуа, похоже, был убежден, что я буду ждать, когда буду ему нужна. Он уперся посохом и медленно пошел прочь.

Я услышала звук дождя на плоской жестяной крыше — десятки пронзительных позвякиваний. И когда я высунулась, я увидела большое стадо коз. Они ждали примерно в пятидесяти ярдах от края бойни, их странные глаза были устремлены на Джошуа. У многих из них крошечные колокольчики висели на веревочных ошейниках на шеях. Колокольчики тихонько звякали, когда они повернули головы, чтобы посмотреть, как Джошуа шел сквозь их ряды.

Это была наименее правдоподобная вещь, которую я видела за последние пару дней — эти волосатые мужчины в халатах с их разговорами о Боге и стадом коз. И все же, наверное, только это было на самом деле реальным.

— Когда время твоего одиночества закончится, присоединяйся ко мне у алтаря, чтобы помолиться, Бенджамин, — позвал Джошуа. — Мы должны благодарить Господа за эту

щедрость.

Молодой человек, Бенджамин, ответил откуда-то из-за небольшой бетонной будки контрольно-пропускного пункта. Но я не могла разобрать его слова.

Когда Джошуа подошел, козы разбежались, и я увидела посреди стада какой-то недостроенный каменный стол. Джошуа опустил свой посох и начал складывать на стол новые камни, увеличивая его высоту. Я наблюдала в недоумении до тех пор, пока в мои руки не вернулись чувства. Затем я встала.

— Ах-ах! Ах!

Я вскрикивала, заставляя себя преодолевать боль. Все скрипело и трещало, огонь пронесся по моим сломанным ребрам с таким жаром, что щипало глаза. Я подозревала, что так чувствовал себя Уолтер каждый раз, когда он садился или вставал. В следующий раз, когда я увижу его, я спрошу.

И я надеялась, что увижу его в ближайшие несколько часов.

Ужасная часть моего будущего держалась на надежде. Я надеялась, что электрическая машина уцелела. Что у меня получится ее завести. Что Уолтер все еще ночевал в импровизированной пещере среди холмов — прошло как минимум пару недель с тех пор, как я видела его в последний раз, когда я сдала себя полиции для перезагрузки.

И я надеялась, что это сработало.

Я повернулась и уперлась в решетку тележки. Большая часть наемников исчезла, так что мне не нужно было беспокоиться о том, чтобы убирать ногу с капота. Трещина на лобовом стекле и много вмятин на кузове. Но двигатель должен быть в порядке.

Единственная проблема — если я правильно помнила — была в том, что батарея была разряжена.

Мне понадобилась почти целая минута, чтобы медленно пробраться к водительской стороне машины. Его негабаритные шины торчали из широкой рамы, а сама кабина была подвешена почти на три фута.

Я задыхалась, когда прижалась к двери. Это было жалко, но мне нужно было подождать еще минуту, прежде чем я смогу собраться с силами, чтобы открыть ее. Затем я плюхнулась на сиденье и откинулась, насколько могла, втягивая неглубокие, едва достаточные для того, чтобы оставаться в сознании, глотки воздуха.

Хорошей новостью было то, что кабина выглядела целой. Кровь была брызгами везде, конечно. И какой-то помет был на половицах. Но кроме этого все было на месте. Я нажала ногой на педаль тормоза и повернула ключ.

Ничего.

С таким же успехом я могла бы помолиться и удариться головой о руль, это не принесло мне пользу.

Зима высасывала жизнь из дневного света. Я не видела солнца из-за облаков, но по тому, насколько холоднее стало, я могла сказать, что оно уже миновало зенит. Мне повезет, если осталось хотя бы три часа до наступления темноты.

Мое положение быстро стало отчаянным. С наступлением ночи и важными жидкостями, вытекающими из меня в нескольких неудобных местах, я знала, что мне нужно было найти убежище. И припасы.

В будке контрольно-пропускного пункта ничего не осталось. Мы с Ашей разграбили ее вплоть до подвала — и даже если мы что-то упустили, кто-то другой уже пришел и нашел это. Вероятно, тот же человек, который украл все оружие мертвых наемников.

Раньше я этого не понимала, потому что всю свою энергию тратила на то, чтобы оставаться в сознании, но в поле зрения не было оружия. Хотя эти ружья не принесли бы особой пользы: их автокузнец был уничтожен, и не было способа получить больше патронов. Они могли стрелять только тем, что у них осталось в обоймах. А этого было мало.

Холодный ветер непрерывным потоком дул в открытые окна машины. Я должна была убраться от этой погоды. Этот контрольно-пропускной пункт был единственным местом на многие мили с какой-то крышей.

Выходить из машины было больнее, чем вытаскивать себя из промерзшей земли. Ветер бил меня сильнее, чем раньше. Я вдруг осознала, насколько я промокла. Как мне было холодно. Жесткость осела внутри моих суставов и делала практически невозможным движение. Приходилось шаркать к контрольно-пропускному пункту; каждый резкий шаг вызывал новую волну боли.

КПП был слишком далеко. Я не дойду. И я остановила свой взгляд на мятом пикапе: если я смогу проковылять двадцать с лишним ярдов, я смогу на мгновение прислониться к капоту и выкашлять лед из легких. Если я не смогу, у меня не будет другого выбора, кроме как сидеть на пропитанной мокрым снегом земле — это был верный способ привлечь самый неприятный вид насекомых, который могло предложить Ничто.

Я опустила голову и шаркала, пока не врезалась в фару грузовика со стороны водителя. Осколки стекла впились мне бедро сквозь штаны, но я почти не заметила.

Мои легкие замерзли. Они больше не впивались в сломанные ребра, а врезались. Каждый раз, когда я дышала, я получала удар в грудь. Боль заставляла меня задыхаться. Дышать было чертовски больно. Я находилась в такой точке, когда могла только прислониться к грузовику и ждать, пока потеряю сознание.

В последней попытке удержаться на ногах я повернулась и сунула руки под край капота грузовика. Был зазор, где металл смялся. Через эту щель я могла заглянуть внутрь двигателя. Я смотрела на него так, как Ночной Уолтер смотрел на дальнюю стену, когда он был настолько пьян, что не мог стоять на ногах, пытаясь сосредоточиться, пока мир вращался и качался.

Мои глаза разглядывали разноцветные провода, идущие по днищу двигателя. Электромобили были сложнее, чем солнечные. Везде были трубки и отсеки. Даже батарея выглядела так, будто она меня убьет, если...

Если бы я ее передвинула.

Я просто наклонилась, пытаясь отвлечься от неизбежной смерти, но, возможно, случайно нашла способ избежать этого. Если аккумулятор грузовика еще был цел и если он поместится внутри машины, у меня мог быть шанс выбраться отсюда живой. Все, что мне нужно было сделать, это игнорировать тот факт, что я испытывала невыносимую боль, еще несколько минут.

— А, хорошо, — буркнула я, просунув руки под деформированную часть крышки. — Хорошо, будет больно, но ты должна это сделать. Так что просто смирись с этим и... гах!

Я хотела удостовериться, что мне удастся поднять капот с одной попытки, поэтому я приседа и толкнула его изо всех сил.

А потом я оказалась на земле, и кто-то кричал мне в ухо.

— Молчи, ханаанская блудница! — кричал Джошуа откуда-то из стада коз. — Я не могу общаться с Господом, пока ты оплакиваешь свои несчастья.

Я не понимала, что это я выла. Я не помнила, чтобы когда-либо издавала подобные

звуки в своей жизни. А я прошла через особый ад. Но эта боль была в другом: я лежала на спине, нижняя часть тела была покрыта льдом, и я могла думать лишь о том, что я не могла пошевелиться.

Если я двинусь, боль убьет меня. Я должна была полежать некоторое время и отдышаться.

Звон колокольчиков не дал мне уснуть. Стадо разбежалось — я слышала грохот их копыт, когда они удалялись от голоса Джошуа. Наверное, что-то их напугало.

Пока я думала об этом, я услышала хлюпанье, за которым последовало безошибочное блеяние умирающего животного. Козы убежали дальше, а мне пришлось сесть и прижаться к грузовику, чтобы меня не затоптали. Когда я высунулась, я увидела, как Джошуа поднял над своим каменным столом молодую пеструю коричнево-белую козу.

Одной рукой он обхватил козу за середину и держал голову за рога. Джошуа расколол зверя, как орех pekan: из огромной раны в горле хлынула свежая кровь, покрывая поверхность стола слоем красного цвета.

— Я благодарю тебя, о Боже, за безопасный проход, который ты предоставил нам в эту чужую страну, — кричал Джошуа в бурю. — Я иду к Тебе ныне в поисках мудрости: сделал ли я доброе и святое пред Тобою сегодня, Господи? Мудро ли я поступил, избавляя моего врага?

Я была почти уверена, что была врагом в речи Джошуа. И я решила, что мне было лучше обратиться отсюда, пока этот сумасшедший ублюдок не передумал.

Подняться с места на земле на ноги было минутным усилием. Я могла чуть не умереть, поднимая капот, но, по крайней мере, мне удалось поднять его до того, как я упала на землю. Я ясно видела двигатель и могла дотянуться до аккумулятора.

Он был похож на солнечную батарею: квадратный, закрытый и закрепленный на запирающей системе. Одна из клипс была сломана. Мне пришлось сильно прижать большой палец к зубчатому краю и давить, чтобы вытащить аккумулятор. Но, по крайней мере, он был намного легче, чем я думала, — три-четыре пуда? Я могла с таким справиться.

Но пришлось сделать несколько перерывов на обратном пути к машине. Даже этот небольшой вес давил на мои ребра. Раньше я никогда особо не задумывалась об этом наборе костей — кто знал, что они так важны для каждого движения? Теперь мне казалось, что я не могла моргнуть, чтобы мои легкие не произвели какой-то шум.

Я не знала, как я добралась до тележки. Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что я стояла перед залитой кровью решеткой, без эмоций глядя на кнопку, которую нужно было нажать, чтобы открыть капот.

Это заняло примерно полсекунды. Но за это время я молилась больше, чем когда-либо молился Джошуа. Если аккумулятор грузовика не влезет в машину, я замерзну насмерть.

Это если Джошуа не решит поджарить меня на своем алтаре.

К тому времени, когда я открыла капот и вытащила разряженную батарею из гнезда, дождь прекратился. Я уловила знакомый треск пламени — звук, который обычно привлекал меня к огню. Но долгая прогулка в сочетании со зловонием горелой козьей шерсти удерживали меня.

Я не знала, как Джошуа вообще удалось разжечь огонь. Все промокло, огонь не должен был загореться.

— Хорошо, — прошептала я.

Вот. Мне нужно было поднять аккумулятор грузовика, опустить его в двигатель и одним

движением установить — потому что на одно движение у меня хватало сил.

Я хотела бы иметь возможность сделать более глубокий вдох, прежде чем я нагнусь, чтобы поднять аккумулятор грузовика с земли. Но с моими замерзшими легкими и сломанными ребрами мне повезло, что я хоть немного вдохнула. Мое зрение расплылось, когда я поднялась, и полностью потемнело, прежде чем я смогла полностью встать. Мне пришлось бросать аккумулятор вслепую, а затем хвататься за край капота, чтобы ноги не подогнулись.

Щелк.

Я не могла в это поверить. Мне очень повезло. Ушло время, чтобы зрение вернулось. Но когда это произошло, я увидела, что батарея упала на место.

И она подошла.

— Слава... Богу, — прошипела я. Я говорила тихо — отчасти для того, чтобы не напрягать легкие, а отчасти потому, что не знала, понравится ли Джошуа мое упоминание Бога.

Теперь воздух был насыщен зловонием горячей плоти. Странное голубое пламя покрыло верхнюю часть алтаря. Я никогда не видела такого огня. То, как он танцевал и почти растекался по сторонам, делало его более жидким, чем пламя. Он горел даже поверх луж.

Я не знала, что огонь мог сжигать воду. Я ужасно заинтересовалась. Меня невыносимо тянуло туда. Мне нужно было увидеть, как это горело, вблизи. Я бы протащила свой разбитый труп по полю стекла, чтобы научиться разводить такой костер. И я почти сделала это.

Но у Господа были другие планы.

Не успела я залезть в машину и завести ее, как последний порыв штормового ветра пронесся по алтарю. Он был как предсмертный вздох: вырвался из центра облаков и с силой выбросился наружу.

Одежды Джошуа подхватил ветер, как полог палатки. Он споткнулся, пытаясь удержать их закрытыми, пока ветер не задул алтарь. Он стряхнул жидкий огонь с обугленных останков козы и пролил его на землю, где тот быстро распался.

Когда Джошуа увидел это, он закричал и упал на колени.

— Почему? Господи, почему? Почему мое предложение не нравится тебе? Что я...? — он внезапно повернулся ко мне, и его темные глаза были стальными, он завопил. — Ты!

Я исчерпала везение. Я повернула ключ и почти потеряла сознание, услышав, как ожил двигатель. Уолтер был уже не в нескольких днях от меня. Я буду с ним снова примерно через час. И мне нужно было увидеть его даже больше, чем этот огонь.

Я разогнала машину и нажала на газ. Джошуа гнался за мной, что, на мой взгляд, было глупой тратой энергии. Он не мог поймать меня на двух ногах. Мне нужно было отправиться на север, чтобы найти Уолтера. А для этого мне нужно было проехать мимо контрольно-пропускного пункта.

Бенджамин все еще сжимался за ним, со своей одеждой, камнем и маленькой кастрюлей с дождевой водой. Его глаза вылезли из орбит, когда он увидел приближающуюся машину. Затем он увидел Джошуа, выронил камень и прижал промокшую одежду к интимным местам.

Я знала, что должна была благодарить Бенджамина и Джошуа. Может, они и были безумнее, чем пара пчел, изголодавшихся по меду, в высохшем улье, но они спасли мне

жизнь. Но я не могла удержаться от того, чтобы повернуть назад и пересечь лужу.

— Я не шлюха! — крикнула я, когда оба мужчины исчезли в огромных брызгах ледяной воды.

Вой мотора заглушил их крики, я повернула руль на север. Зима, возможно, убила траву и сбросила листья со всего, но я до сих пор помнила, как вернуться в гористую местность. Примерно через пятнадцать минут езды в правильном направлении я все вспомнила.

Я снова буду с Уолтером к закату. Я расскажу ему обо всей сумасшедшей чепухе, которая случилась со мной за последние пару недель, и мы хорошенько посмеемся...

— Ах! — что-то попало мне в глаз, и я тут же ослепла. Мои руки резко повернули руль вправо, а нога нажала на тормоз.

Раны не было. После боли, которую я почувствовала, я почти ожидала, что найду мясистый шар глазного яблока, свисающий у моей щеки. Но глаз был целым. Когда ко мне вернулось зрение, я села и посмотрела в зеркало заднего вида, убежденная, что там будет кровь или что-то в этом роде. Никто не принимал такой удар, не оставляя следов.

Мои глаза смотрели на меня; темно-коричневые круги вокруг зрачков тускнели в угасающем свете. Они не были ранены. Только они на моем лице не опухли и не были поцарапаны. Я выглядела как уродливое яблоко: зеленое и комковатое, кожа затвердела до такой степени, что мне интересно, будет ли она когда-нибудь снова мягкой.

Может, когда заживет, это будет твердая кожа.

Примерно через минуту я все еще не могла понять, что повредило мой глаз. Может, это была просто боль, оставшаяся после того, как экзокостюмы продолжали сканировать меня. Меня не удивило бы, если бы я проснулась утром с колоссальной головной болью. И это было нормально — если я проснусь под храп Уолтера в другом конце пещеры.

Я убрала ногу с педали тормоза и повернула на север. На этот раз мне едва удалось разогнать машину выше двадцати, прежде чем мой глаз снова начал ныть.

Мои руки крутили руль; моя нога ударила по тормозу.

Я делала это четыре раза, прежде чем мне пришлось высунуться из кабины и выкашлять желчь в корку травы внизу. В моем желудке не было еды уже довольно давно. Все, что мне удалось выдавить, — это немного пены желтого цвета.

— Что за черт...

Голова кружилась. Я могла потерять сознание. Я припарковала машину и откинулась на сиденье. У основания черепа была шишка — старая рана, оставшаяся после того, как Аша избивала меня до полусмерти. Она стала плотной, тупо болела. В последние дни я мало думала об этом. Но моя голова была прижата к спинке сиденья, и она снова начала пульсировать.

— Успокойся, Шарли, — прошептала я. — Сделай глубокий вдох и сосредоточься. Смирись, борись с болью и...

— Это тебе не поможет, — внезапно раздался мужской голос. — Они тебя поймали — теперь с этим не поспоришь.

ГЛАВА 3

Я подпрыгнула на сидении, услышав тот голос. Звучало так, будто он исходил от меня — что было достаточно жутко. Но еще более жутко было то, что я примерно на восемьдесят процентов была уверена, что знала его.

Я уже слышала голос этого человека; я видела, как его руки появлялись перед моими глазами и показывали мне, что нужно делать, чтобы выжить. Похоже, что он всегда был рядом, когда я нуждалась в нем. Я просто не знала, откуда он взялся.

Или кем он был.

— Привет? — мои слова отражались с биением моего сердца. Я ощущала, как они лопались, как крошечные пузырьки, внутри моего горла. — Кто ты?

Ничего. Только какой-то протяжный стон, когда ветер пронзил мою голову. Холодно. Я внезапно и внутренне ощутила холод. Моя рука тряслась на потертом пластиковом колпачке ключа, когда я пыталась его повернуть. Но даже это маленькое движение утомило меня.

Я снова откинулась и закрыла глаза...

— Проходил это, поверь мне. Болеть не перестанет, пока ты не сделаешь то, что они говорят.

— Чего ты хочешь? — я резко вскочила, почти уловила вспышку какого-то цвета на сиденье рядом со мной. Как отблеск зеркала. — Какого черта ты хочешь от меня?

Я не ждала ответа. Но когда я уже собиралась сдаться и уехать, я ощутила что-то странное в этой шишке на затылке. Не боль и не пульсацию. Будто... что-то извивалось.

Я инстинктивно прижала туда руку и сильно надавила — на случай, если какая-то тварь пыталась проникнуть в мою плоть. Очень сильно щипало. Боль от незаживающей раны. Но я забыла о боли, когда увидела мерцание цветов на сиденье рядом со мной.

Перед моими глазами материализовался мужчина. Он не состоял из крох, как Анна и Уолтер, которых я видела ранее. Он не проявился, и его существование не зависело от меня. То, как изображение его тела размывали помехи, напоминало мне плохой телевизионный сигнал.

Будто он всегда был там.

Я просто не переключалась на нужный канал.

— Вот в чем дело, — вздохнул мужчина. Он все еще был немного нечетким — прием не был зафиксирован. Но я видела даже сквозь помехи, что у него были яркие голубые глаза. И они смотрели в мои глаза. — Люди, как мы, могут пойти куда угодно. Боты нас не убьют. Но если понадобится доступ выше, — мужчина щелкнул пальцами, и звук приглушили помехами, — тогда нужно делать то, что тебе говорят.

— Кто ты? — сказала я снова. Я двигала пальцами по бугорку, пытаюсь найти точку, которая сделает изображение более четким.

Белый полумесяц растянулся по его расплывчатому лицу, мужчина усмехнулся.

— Думаю, вопрос, который ты хочешь задать, заключается в том, кто мы?

Я не знала, что он имел в виду. Я хотела сказать это, когда, наконец, попала в нужное место на кочке — и впервые ясно увидела его.

Это было как смотреться в зеркало. Только в этом зеркале мои глаза были голубыми. Я была выше.

О, и я была мужчиной.

— Что, черт возьми? — я заикалась. Моя рука дрожала, но я заставила себя держаться за шишку. — Кто ты?

— Меня звали Блейз... вроде, во время последнего цикла. Но что-то мне подсказывает, что это не имеет большого значения, — его губы потянулись в сторону, придавая ему неуверенную гримасу.

Я ощутила холодный воздух на зубах и поняла, что корчила то же лицо. Я быстро сжала губы.

— Последний цикл?

Повторяя слова Блейза, я уловила воспоминание:

Я привязана к холодному столу в закрытом крыле Лаборатории... Крыле Д, как называет его Говард. Он тоже там. Он склоняется надо мной, его рука с силой впивается в спутанные волосы моей косы.

Мурашки пробегают по моей коже, когда Говард шепчет:

— Это раньше случалось с такими людьми, как ты, Шарлиз... их отправляли на переработку — переработку людей... это та комната, в которой мы сейчас находимся, дуручка. Добро пожаловать на переработку.

— Значит, это правда, — выдохнула я, и мое сердце тревожно билось о ребра. — Говард говорил правду. Даллас перерабатывает... все.

— Да, — сказал Блейз, и его лицо было таким же бледным, как и мое.

Я протянула другую руку, чтобы коснуться опухшей бугристой кожи на щеках. Сколько раз кто-то еще носил эту кожу? Сколько раз роботизированные руки разрезали ее и растягивали на другом теле?

— Это не совсем так работает, — сказал Блейз, когда я спросила. — Они берут только часть тебя — только эту часть они и сохраняют. Затем они выращивают из этого твое новое тело.

— Какая это часть? — выдохнула я.

Словно в ответ, Блейз коснулся своего затылка.

Мой желудок сжался, когда всплыло еще одно воспоминание. Я видела роботизированные руки, жужжащие над распростертым трупом Ральфа. Одна из них вытащила что-то из затылка. Что-то серое и липкое. Что-то, у чего на конце закручивался короткий хвост...

Память унеслась прочь, прежде чем я смогла понять, что это значило. Я повернулась, чтобы посмотреть на Блейза, и пыталась найти причину, чтобы ему не верить. Невозможно было перевоспитать человека. Продолжать повторно использовать разум, их воспоминания — складывать их друг на друга в какую-то запутанную кучу и надеяться, что они будут прекрасно ладить друг с другом.

Потому что я не была в порядке.

— Мы одинаковые, да? — выдохнула я. — Мы один и тот же человек... или, наверное, одно и то же. Мы не совсем люди. Мы не люди, да?

Блейз оскалил зубы, и на секунду я увидела в его ярко-голубых глазах свои страдания. Затем он нахмурился.

— Нет, мы определенно люди. У нас с тобой может быть слишком много общего, — добавил он с улыбкой, — но мы — люди, ясно? Мы сделали свое дело и свой выбор. У меня есть своя история, а у тебя будет своя. Понятно?

Я кивнула, и слезы, которые за несколько мгновений до этого угрожали моим глазам, неохотно отступили.

— Просто так странно смотреть на кого-то рядом с моим отражением. У тебя везде веснушки.

— Да.

— Веснушки, как у меня.

— Точно как у тебя, — исправил Блейз, постукивая по особо темному пятну под нижней губой.

Я всегда немного стеснялась этой метки. Говард называл это крошкой дерьма. Он подходил ко мне, тер большим пальцем мой подбородок и говорил:

— Нет, нет, Шарлиз, ты должна смыть эту гадость. Не ешь ее.

Я хмуро смотрела на него, думая об этом. На меня смотрел Блейз. Его взгляд был таким же, как мой. Будто я видела воспоминание, разыгравшееся в глубине его глаз.

— Твои синие, — сказала я.

Он кивнул.

— Да. Твои тоже должны были быть, но что-то пошло не так, — он отвернулся от меня, повернул шею, чтобы посмотреть в лобовое стекло. — С нами что-то не так, Шарли.

— Эти экзокостюмы сказали, что я... мы были аномалиями.

Говорить «мы» было не так странно, как должно было. Я должна была защищать свой разум и свои воспоминания. Я должна была чувствовать, что я единолично владела собой. И этот человек, который носил мою кожу и использовал мои выражения, должен был чувствовать себя нарушителем. Но по какой-то причине мне понравилось говорить «мы», а не «я».

— Аномалия — это просто термин для чего-то, что не работает так, как должно. Аномалия может означать что угодно, — продолжил Блейз, его взгляд с каждой секундой становился все шире и задумчивее. — Боты знают, что с нами что-то не так. Вот и все.

— Нам придется отправиться в Двенадцатый комплекс, чтобы выяснить, что это за штука, — услышала я свой голос. Только через секунду после того, как я произнесла эти слова, я поняла, что они означали. — Вот почему у меня постоянно болит глаз, да?

— Ага. Вот как они тебя достают, — ответил мужчина. Его изображение колебалось, когда он постучал по голове. — Трудно игнорировать такую боль, да?

Я рассеянно кивнула, все еще пытаюсь справиться с тем, как странно было видеть, как часть меня вытянулась и сидела рядом со мной. Через мгновение кожу стало покалывать.

— Что мы такое? — прошептала я.

Мужчина отвернулся от окна, и я увидела, как в его чертах отражалось мое взволнованное замешательство.

— Когда-то я знал ответ на этот вопрос. Но сейчас не могу вспомнить. Будто я могу

помнить, как поступать, только когда ты втягиваешь нас в неприятности — когда от этого зависит наше существование.

Я заметила, что он сказал, что от этого зависит *наше существование*. Не жизнь. Будто он не был уверен, что мы были живы. Но у меня могли быть синяки, и я могла истекать кровью — и я достаточно часто просыпалась в аварийном доке, чтобы доказать, что я могла умереть. И не было ли признаком живого тот факт, что оно могло стать мертвым?

— Спасибо, кстати. Спасибо, что присматриваешь за мной, — тихо сказала я.

— Конечно, — ответил он с легкой улыбкой. — Я просто хотел бы помочь нам больше.

Я тоже этого хотела. Было бы хорошо, если бы он знал все ответы. Это уберегло бы меня от кучи проблем.

— Может, если я отведу нас в Двенадцатый комплекс, мы во всем разберемся.

— Да, может быть, — мужчина почесал голову. — Я знаю, что был там раньше — название звучит знакомо. Может, если ты пойдешь туда, я вспомню.

— Куда мне идти?

Он снова похлопал себя по голове.

— Если тебе больно, ты ошиблась. Так что, может, следует ехать медленно.

* * *

Блейз был прав. Я должна была ехать медленно.

Мой глаз действовал как игла компаса. Наш север находился прямо на востоке, и если я отклонялась в любом другом направлении, меня поражала такая сильная боль, что желчь подступала к горлу.

— Форт-Уэрт, — прошептал Блейз, когда я остановилась, чтобы откинуть голову на сиденье. — Мы направляемся к Форт-Уэрту — там спрятано Учреждение. Теперь я это помню.

Он посмеивался про себя, но я не была в восторге. Наверное, приятно было существовать как нечто большее, чем поток света и цвета. Блейз не чувствовал ни холода, ни боли. Он просто мерцал на сиденье рядом со мной и улыбался звездам.

А я, наоборот, едва цеплялась за жизнь. Холод прожигал кожу насквозь, поселился в моем кишечнике. Там, где раньше были мои органы, была глыба льда. Она болезненно вонзалась между ребрами, и каждый раз, когда я вздрагивала — каждый раз я выгибалась назад, и мне приходилось прикусывать губу, чтобы не закричать от боли.

— Это не совсем крепость. Возможно, была когда-то. Но я всегда знал место как город, — продолжал Блейз, не обращая внимания на мою боль. Еще через мгновение, в течение которого он задумчиво улыбался замерзшей траве, Блейз повернулся и хмуро посмотрел на меня. — Почему ты остановилась?

— Больно, — простонала я, слезы катились по глазам. — Больно... так плохо...

— Ну, лучше здесь не будет, — Блейз махнул рукой на окно, жестом призывая меня двигаться дальше. — Так что можешь продолжать двигаться к Учреждению.

Он не понимал.

— Я, черт возьми, не могу... дышать...

— Ты умрешь здесь, черт возьми, посреди пустыни, где тебя никто никогда не найдет, вот и все. Умрешь по-настоящему, — резко сказал Блейз. — Ты должна продолжать, Шарли. Ты должна продолжать — ради нас обоих.

Я не очень понимала, что говорил Блейз, но я знала, что не была готова умереть. Я вернула машину в исходное положение и продолжила ехать со скоростью, которая была

немногим быстрее ковыляющей походки Уолтера.

Мы проехали еще три мили, прежде чем над рулевым колесом начала мигать красная лампочка. Я посмотрела на нее со стоном, увидев знакомый символ.

— Батарея разряжена... черт. Мы не сможем ехать намного дальше.

Блейз даже не смотрел. Он только пожал плечами и сказал:

— Тогда прогуляемся.

Мы не будем идти. Я буду идти. И у меня не было особого выбора.

Когда батарея, наконец, отключилась, я заплакала. Я наклонилась, давление спало с моего затылка, Блейз исчез. Затем я свернулась поперек сидений и позволила слезам вытечь из меня.

Было слишком больно. Мне было слишком больно, чтобы позволить себе хоть на мгновение быть несчастным. Почти в ту же секунду, как я легла, мои кости вспыхнули огнём, и я не могла выдержать жжение больше нескольких минут. Наименее болезненно было стоять прямо, а если я собиралась стоять, то могла и идти.

Рассвет приходил медленно. Я была так занята тем, что переставляла ноги, что лишь смутно осознала тот факт, что видела потертости на своих ботинках. Они больше не были черными пятнами: я видела царапины и обесцвеченные пятна, потрепанные концы шнурков, которые безвольно свисали с язычков.

Я слушала ритмичный стук моих подошв по ледяной земле и следовала за болью в глазах, пока что-то не сказало мне остановиться. Я не знала, что, но мне казалось, что я достигла точки, когда должна была посмотреть вверх.

Я сделала паузу, мои пятки уперлись в ложе сморщенных сорняков, и я посмотрела на мир передо мной.

На горизонте было сероватое пятно, огромная полоса чего-то, что полностью отвергало солнце. Черное и высокое — страна теней, притаившаяся на пороге рассвета. Городские руины, подобных которым я никогда не видела. Призраки прошлого.

— Наконец-то, — буркнул Блейз, когда я надавила на затылок. Он указал пальцем на что-то вдалеке — арку сломанного моста. — Туда. Пройди туда, а затем вызови меня снова. Мы приближаемся.

Я смотрела, как он шагал от меня, и предчувствие сдавило мой живот. Поначалу я чувствовала себя хорошо из-за Блейза. Было приятно не быть одной. Но чем ближе мы подходили к Учреждению, тем меньше его заботил тот факт, что мне было больно.

Блейз был как клещ: он был рад оставаться на мне, пока я его кормила.

И он будет счастлив прыгнуть, как только закончит со мной.

ГЛАВА 4

— Туда нельзя, дитя! Черт, ты какая-то сумасшедшая!

Мир вращался, сильная рука отбросила меня назад. Носок ботинка зацепился за пятку другого, и я упала на задницу. Я была так сосредоточена на том, чтобы не потерять сознание последние полторы мили, что мне и в голову не пришло опасаться других людей.

Теперь на меня смотрели трое мужчин.

По крайней мере, они говорили по-техасски. Так что они могли не убить меня. Все трое были чисто выбриты, а может, просто молоды. Голоса у них были низкими, но тяжелые плащи как бы спадали с плеч, будто они еще не доросли до них. У всех были темные глаза и всклокоченные черные волосы. И они выглядели такими же растерянными, как и я.

— Что ж ты, — один из них протянул руку, чтобы дать пощечину парню, который меня схватил. — Нельзя так швырять — смотри, как он весь избитый!

— Ну, я не видел, чтобы его били! Я был слишком занят, пытаюсь спасти его задницу от какой-нибудь глупости.

— Как тебя зовут, дитя? — сказал третий мужчина, кивая на меня.

Я не сделаю этого снова. Я не буду притворяться кем-то, кем я не являюсь. Слишком много хлопот. И, кроме того, если кто-нибудь убьет меня, они просто сделают мне одолжение в этот момент. Я чувствовала себя так, будто я была на волосок от смерти.

— Шарли, — буркнула я.

Все трое отступили назад, будто я свернулась и начала греметь.

— Это... девушка? — сказал один из них.

— Вроде, да, — ответил другой.

Они снова замолкли. Они просто смотрели на меня сверху вниз, их замешательство сгущалось по мере того, как рассвет становился ярче. Затем третий мужчина сказал:

— Итак... мы должны попытаться продать ее?

Ближайший ко мне мужчина громко фыркнул.

— Продать ее? Ты видел ее, чувак? Ее лицо разорвано. Нам пришлось бы платить людям, чтобы они смотрели на нее. Она не стоит ничего. Вся эта поездка была провалом.

Он ушел, оставив других разбираться со мной.

— У тебя есть что-нибудь при себе? — сказал мужчина, который меня схватил.

— Как что? — буркнула я.

Он пожал плечами.

— Еда, вода, лекарства... пистолет? Что-нибудь подобное?

Я бы посмеялась, но я искренне боялась, что у меня могли треснуть ребра.

— У меня ничего нет.

— Даже пистолета?

Я улыбнулась, пересохшие губы трескались от напряжения.

— Если бы у меня был пистолет, ты бы это знал.

Мужчина выпрямился, хмуро глядя на меня.

— Ну, я Дэнни, — он шлепнул парня слева от себя, — это Тодд, а вон тот, — он показал большим пальцем за спину, — Бейкер.

— Пошел ты! — крикнул Бейкер.

Дэнни обернулся.

— Я только что представил тебя, ублюдох!

— Как насчет того, чтобы перестать называть мое имя каждому тупице, которого мы здесь встречаем, а?

— А как еще нам подружиться?

— Мне наплевать на дружбу!

— Эй, один парень сказал, что так здесь можно выжить, и ему было лет сто.

Слова мудрости от столетнего старика? Это звучало знакомо.

— Уолтер? — выдохнула я, поднимаясь на ноги. — Его звали... гах... его звали Уолтер?

— Ага, — хмыкнул Тодд, его темные глаза впились в мои. На его лице были распухшие красные шишки — будто на него напал рой комаров. — Ты знаешь Уолтера?

— Он — мой друг. Когда вы...? — я махнула рукой. Боже, слишком больно было даже дышать, не то что говорить.

К счастью, Дэнни догадался, о чем я пыталась спросить.

— Год назад, может быть? Он был одним из первых людей, с которыми мы столкнулись после того, как нас выгнали.

— Выгнали... откуда?

— Бриджтаун. Слышала о таком? Это место — куча мусора, как по мне, — Дэнни наклонился и плюнул в траву. Здесь было так холодно, что я вижу, как от места, куда попала его слюна, поднялась белая струйка пара. — Если только ты не хороший стрелок или у тебя нет каких-то навыков...

— Или если ты женщина, — крикнул Бейкер.

— ...тогда они выгоняют тебя после того, как ты... ну, знаешь... — Дэнни указал на ширинку. — После того, как начинаешь меняться. Им приходится удерживать население на низком уровне из-за того, что еды не так много и места мало.

Я понятия не имела, о чем он говорил. Но если они не видели Уолтера в последнее время, и если они собирались махать промежностями, я уйду. Я решила уйти отсюда.

Света хватало, чтобы разглядеть, с чем я столкнулась: группа высоких зданий торчала из земли в паре сотен ярдов передо мной. Меньшие здания приседали под высокими, потрясая, у меня закружилась голова. Этого было так много. Так много. Как, черт возьми, я должна была найти Учреждение во всей этой неразберихе?

Я нажала большим пальцем на затылок и вздрогнула, когда появился Блейз. Он вышел из-под бетонной арки, и я медленно последовала за ним. Я слышала, как мальчики кричали на меня, но не обращала на них внимания. Когда Блейз достиг гребня холма, он остановился. Он уперся кулаками в бедра. Один из его больших пальцев беспокойно щелкал по ладони, пока он осматривал город.

— Боже, выглядит по-другому... его сильно пережевали, — еще через минуту он указал на башню на восточном краю скопления. — Там. Я узнаю это место. Раньше повсюду были блестящие зеркальные окна. Учреждение спрятано в баре через улицу.

— Бар? — буркнула я.

— Ага, — Блейз обернулся, его темные брови были высоко приподняты. — Ты знаешь, что такое алкоголь?

— Например, виски?

— Ага. Люди пьют алкоголь в барах. Это было отличное место, чтобы спрятать Учреждение, потому что люди всегда были слишком пьяны, чтобы понять, что происходит. Мы приходили в последний раз, и никто не обращал на нас внимания. Это было идеальное прикрытие.

Я видела, каким Уолтер становился после нескольких глотков. Так что я поверила в это.

— Иди к этому зданию, — Блейз улыбнулся, спускаясь с холма. — Я буду здесь, если я тебе понадоблюсь.

— Хорошо, я позову, если потеряюсь, — я убрала большой палец с головы и сделала два шага, прежде чем Тодд схватил меня за руку.

— С кем, черт возьми, ты разговаривала? — прорычал он, его темные глаза скользили по моему лицу. — У тебя есть рация? Я думал, ты сказала, что у тебя ничего нет.

— У меня нет никакой рации, — слабо сказала я. Когда он отпустил, я откинула волосы в сторону и обнажила шишку на затылке. — Если я жму на это, я вижу мужчину. Вот с кем я разговаривала.

Все три мальчика собрались за моей спиной. Я впервые заметила, что у них за поясом

были мачете — и у каждого из них рука была занесена над рукоятью.

— Ах, черт, — буркнул Бейкер через секунду, — она сошла с ума.

Дэнни кивнул в знак согласия, поджав губы.

Тодд просто смотрел на меня. Он ковырял распухшую шишку на подбородке тупым, обглоданным краем ногтя. Он продолжал ковырять даже после того, как кожа стала содранной и начала кровоточить.

Я не знала, что эти мальчики хотели от меня. Никто из них не собирался этого говорить, и я решила развернуться и продолжить идти к тому высокому зданию.

— Эй! Эй! Нельзя идти туда! — крикнул Бейкер.

— Почему нет? — сказала я, не останавливаясь.

Тодд выбежал передо мной. Он обернулся и вытащил из-за пояса ржавое мачете.

— Потому что мы добрались сюда первыми. Мы ковыряемся в этих руинах уже две недели — каждую ночь мы проводим там. Это наша добыча.

— Мне плевать на вашу добычу, — ответила я. — Я просто пытаюсь кое-куда попасть.

— Да? Ну, я не знаю, куда ты решила попасть, — усмехнулся Бейкер у меня за спиной. — Входит солнце. Весь этот проклятый город вот-вот заполнят боты. Они оторвут тебе голову.

Я рассмеялась.

— Хорошо.

Я пошла на изогнутый край мачете Тодда. Лезвие было тупым. Возможно, оно добавило мне синяков, но не повредило кожу. Тодд, наверное, проткнул бы мне грудь, если бы захотел. Но он был молод, и по тому, как широко раскрылись его темные глаза, было видно, что он не убивал. У него не было мужества убить меня. Так что он просто позволил мне пройти мимо.

Я продолжила свой путь, мои ботинки хрустели по замерзшей траве. Восходящее солнце вырезало золотую метку в уголке моего зрения. Каждый вдох расширял трещины вдоль моих ребер и погружал меня в беспамятство; каждый выдох проходил сквозь мои стиснутые зубы, резкий. Я не знала, с какой силой я держалась в вертикальном положении, не говоря уже о том, чтобы понять силу, которая продолжала отрывать мои ноги от земли, когда я клялась, что во мне ничего не осталось.

Все, что я знала, это то, что руины приблизились, а здание растянулось, поглотило небо передо мной. Я поежилась, когда прошла в его чудовищную тень, и скудное тепло утра угасло.

Раньше это была какая-то проезжая часть. Тут были все признаки старой дороги: разбитые холмы зыбучей земли, их вершины были запечатаны многовековым асфальтом, образуя неестественные равнины. Старые фонари окаймляли проезжую часть. Большинство лежали, плоские и ржавые, внутри зарослей шиповника. Некоторые из них стояли до сих пор. Ветры и воды вытолкали их вверх, пока провода их корней не обнажились, а столбы не прислонились опасно к арматуре.

Я лишь смутно осознавала, как шипели на меня старые уличные фонари, когда я шла под ними. Их головы качались на легком ветру, тихонько поскрипывая, их тени скрежетали по ржавчине. Будто они предупреждающе качали головами, умоляя меня развернуться и оставить этот опустошенный город. И если бы у меня был выбор, я бы так и сделала.

Но боль за моим глазом толкала меня глубже в руины.

Она стала более резкой, более выраженной. Я смотрела мимо возвышающегося здания,

и мой взгляд был прикован к приземистым кирпичным руинам рядом с ним. Из руин зияла черная дыра. Я знала, что должна была войти туда. Но между проезжей частью и развалинами лежал лабиринт щебня: вся сторона соседнего здания, поваленная и взорванная поперек разбитой дороги. Нагромождения арматуры, каркасы ржавых машин и бетонные глыбы высотой с трех человек возвышались примерно на пятьдесят ярдов, образуя крошечный город.

Это чувствовал жук, когда он забирался на гнилое бревно, думала я, когда замерла, чтобы рассмотреть упавшее здание. Я чувствовала себя не больше, чем жук, и не лучше, чем любой другой падальщик, столкнувшийся с задачей прорыть туннель через труп, чтобы добраться туда, куда ему было нужно.

В бетонных глыбах было несколько щелей, пара дыр, через которые я могла бы пролезть. Они не были высокими и прочными, как мне хотелось бы. Честно говоря, я хотела бы просто обойти эту штуку. Но я была так близко к Учреждению, что даже поворот головы вправо или влево ослеплял меня приступом мучительной боли. У меня не было выбора.

Я должна была пройти через это.

— Ты не в своем уме? — прошипел кто-то позади меня.

Я была так поражена, что обернулась — и чуть не потеряла сознание от боли.

Мальчики все еще преследовали меня. Лицо Дэнни стало четче, когда я прильнула к груди сломанной стены. Он скрючился позади меня, как животное, его рот выпаливал вереницу испуганных, искаженных слов. Бейкер и Тодд присели в нескольких шагах от Дэнни. Они размахивали руками, словно ветряные мельницы, чтобы я отошла от лабиринта.

— Мне нужно куда-то добраться, — твердо сказала я. Я обернулась, и мои колени подогнулись от облегчения, когда боль стихла. — Вы все должны... эээ, вам всем лучше уйти отсюда.

За моей спиной шел короткий, но жаркий спор. Не успела я протиснуться в первый узкий бетонный проход, как ощутила дыхание Бейкера на своей макушке:

— Мы никуда не пойдем — это наше место.

— Ладно, — буркнула я. — Просто держитесь подальше от меня.

— Если ты что-нибудь увидишь, значит, у нас есть права на это, — добавил Дэнни, проскальзывая позади нас. — Попытаешься что-нибудь вытащить отсюда, мы тебя порвем.

Я услышала третью пару шагов — гораздо более тихие и неторопливые шаги — и знала, что Тодд шел сзади. Эти мальчики умрут, но я не знала, что еще сделать. Они не перестанут меня преследовать, и я сомневалась, что они прислушаются к разуму. Скорее всего, Форт-Уэрт был очищен. Первой идеей для всех было мародерство ночью, когда боты отключались. Вот почему они не нашли ничего ценного.

Но если они не могли этого понять... что ж, тогда Ничто имело право забрать их.

— Мы никогда раньше здесь не бывали, — шепнул Дэнни высоким возбужденным голосом. — Здесь будет что-то хорошее, держу пари.

— Должно быть, — согласился Бейкер.

Голос Тодда был низким и тихим:

— Если здесь что-то и осталось, так это потому, что это опасно. Мы должны быть осторожны.

Этот лабиринт из сломанных строительных частей не был быстрым путем, на который я надеялась. Едва я преодолела первую трещину, как наткнулась на кусок бетона, слишком высокий и скользкий, чтобы залезть на него. Я прикусила губу и со стоном отступила влево.

Задняя часть моего глаза протестующе пульсировала. Что бы ни происходило в моей голове, оно не хотело, чтобы я отклонялась от курса хоть на шаг. Меня наказывали за каждую секунду, когда я не могла двигаться к кирпичным развалинам. Я шагала, ослепленная болью, пока не ударилась локтем о паутину арматуры.

Я протянула руки через железную решетку и зависла на несколько мгновений, повернув голову в сторону руин. Я выдохнула с облегчением, чувствуя, как пульсация замедлилась, и все давление стекло по моему позвоночнику, как вода из ванны.

— Лучше бы ты был прав насчет этого, Блейз, — прорычала я сквозь зубы. — Лучше бы ты был прав.

— Сумасшедшая, — буркнул Бейкер, проталкиваясь мимо меня.

Я раскачивалась на решетке, а Дэнни протиснулся позади него.

— Видно что-то?

— Неа. Еще нет. Но здесь что-то есть, чувак, я это чувствую!

Я услышала, как Тодд остановился рядом со мной. Я слышала, как его ноготь царапал другую красную шишку. Но он не говорил ни слова, и я не открывала глаза.

Мне нужна была еще минута. Или три. Я знала, что мне придется перелезть через эту сеть арматуры — я не могла снова вынести боль от уклонения — я просто не знала, где я найду силы, чтобы сделать это.

— Нам не следует здесь находиться, — тихо сказал Тодд дрожащим голосом.

Я приоткрыла глаза и поймала его нервный взгляд на краю лабиринта, где утренний свет начал омыывать край. Еще через пять минут он заденет наши макушки.

— Да... вы все умрете, — услышала я свой голос.

Тодд напрягся рядом со мной. Я ощущала жар его тела, он обнял меня за плечи и зашипел на остальных:

— Эй, пора уходить!

— Ни за что, — ответил Бейкер, смеясь. — Смотрите, что мы нашли!

Тодд наклонился дальше, но все равно не прошел мимо меня. Я словно была границей между тем, что было безопасно и верной смертью.

— Что это за штука?

— Не знаю, но он точно не пустой, — раздался скрип, будто Дэнни терся кожей о лист пластика. — Вау... это... это таблетки!

— Таблетки? — еще больше скрипа, затем Бейкер воскликнул. — Черт возьми! Посмотри на это!

Я повернула голову ровно настолько, чтобы понять, о чем они кричали, и увидела, как Бейкер и Дэнни толкались перед торговым автоматом.

Я помнила, как Уолтер рассказывал мне о старом автомате, который он нашел в Логове: он якобы был загружен таблетками и лекарствами — самая большая добыча, которую он когда-либо брал. Эта машина выглядела как ржавая версия торгового автомата, в котором я пряталась, когда наемники с Севера убивали полицейских. Он даже не был включен, но меня до сих пор пробирал озноб, когда я вспоминала, каково было оказаться в ловушке между узкими металлическими полками.

Когда Бейкер вонзил рукоять мачете в дверь, знакомый лязг заставил мой позвоночник выпрямиться. Я помнила, как мне в уши било, когда наемники ударяли оружием по боку автомата. Я ничего не могла сделать, кроме как скривиться, когда этот нечестивый звук ударил меня по голове:

Лязг, лязг, лязг...

— Ох, крепкий. Я надеялся, что он достаточно проржавел, чтобы пробить его.

— Как мы должны его открыть? — ворчал Дэнни. Он вонзил лезвие в щель между дверью автомата и ее рамой и потянул вниз. Все, что ему удалось сделать, это непоправимо согнуть свой мачете. — Черт возьми!

— Ну, чего ты ожидал? Тупица... — Бейкер уронил мачете и вместо этого попытался просунуть пальцы в щель. Он хрюкал так громко, что я услышала свист, когда Тодд прижался ко мне сзади.

— Они слишком громкие, — стонал он. Одной рукой он сжимал мачете, а другой выцарапывал кровь из шишек на щеках. — Мы умрем... о, мы умрем...

— Просто уходи, если тебя это беспокоит, — сказала я.

Но Тодд растерялся. Он замер рядом со мной, покачиваясь на пятках. Его голова крутилась, как ветряная мельница в пылевом вихре — он был так напуган, что вряд ли видел то, на что смотрел.

Лязг!

Лязг!

— Уф, это не работает, Бейкер! — завыл Дэнни. — Все, что ты делаешь, это поднимаешь кучу шума.

— Ага? У тебя есть идея получше?

— Давай просто вернемся вечером...

— Кто-то другой может получить его раньше!

— Кто, черт возьми, еще придет за ним?

Бейкер секунду ворчал, прежде чем его голос долетел до меня:

— А она? Она может это вынести.

— Она? Ты видел ее, чувак? Она ни за что не возьмет этот кусок металла. Она едва может перевести дух.

Он не ошибался. Я выбилась из сил. И я не могла сосредоточиться на отдыхе из-за всех этих криков. Поэтому я решила купить себе немного тишины:

— У машины есть солнечная батарея?

— Конечно, есть, — усмехается Бейкер. — Боже, женщины такие глупые.

Я проигнорировала это.

— Ну, если у него есть панель, значит, она может поймать заряд.

— И?

— И, если вы все будете сидеть сложа руки и ждать, пока солнце поднимется достаточно высоко, чтобы ударить в эту панель, держу пари, машина разблокируется.

Тишина. Прекрасная, божественная тишина наполнила лабиринт, когда два мальчика сделали паузу, чтобы обдумать мои рассуждения.

— Ты что-то знаешь, Бейкер? Думаю, она права, — через мгновение сказал Дэнни.

— Хм. Ну, я так не думаю. Но если ты хочешь сидеть здесь, как глыба, и ждать солнца, то мы так и сделаем, — буркнул Бейкер.

— Я просто говорю, что это может быть нашим лучшим...

— Тсс!

Тодд зашипел так громко, что я вздрогнула. Моя грудь сильно ударилась об арматуру, и мир поплыл, мои ребра кричали в знак протеста. Я едва цеплялась за сознание. В моих ушах звенел резкий шум. Я едва слышала, как Тодд шептал:

— Вы все это слышите?

— Что? — прошипел Бейкер в ответ.

Прежде чем Тодд успел ответить, мы все услышали слабый шелкающий звук. Щелчки были быстрыми и повторяющимися. Звучало почти так, будто металлические пальцы барабанили по бетонной стене. Всего за несколько секунд шум стал достаточно громким, чтобы заглушить панический шепот мальчиков.

Бейкер и Дэнни скрылись в тени по разные стороны от автомата. У обоих перед собой были зажаты мачете; оба побелели. Я уловила тихий звон, Тодд уронил мачете. Полсекунды спустя я ощутила, как его пальцы впились в мою икру.

— Не позволяй этому сломить меня, Ш-Шарли! Не позволяй этому овладеть мной!

Тодд сжимал меня в месте ожога от винтовки. Плоть вопила под его хваткой. Я ощущала обжигающе горячее дуло пистолета Маурьи, когда она приставила его к моей ноге. Я слышала, как шипела кожа, чувствовала едкий запах собственной горячей плоти. И я не могла терпеть боль.

Я закричала.

Щелканье сразу прекратилось. Оно замерло на вершине обломков прямо над моей головой. На секунду стало тихо. Мы все замерли, и робот проскрежетал:

— Вы обнаружены. Пожалуйста, назовите себя.

Я не видела, что находилось на вершине обломков, но Дэнни и Бейкер могли. Их конечности начали трястись, а рты открылись в беззвучном крике. Бейкер повернул голову немного вправо. Его глаза остановились на крошечной трещине в лабиринте, а ноги подогнулись под ним.

— Пожалуйста, назовите себя, — настаивал механический голос. — Не пытайтесь бежать.

Дэнни протянул руку к Бейкеру, умоляя его не двигаться. Но Бейкер не слушал. Он вскочил и побежал к трещине.

Я вздрогнула, ощутив тяжесть тени над моей головой. Я ожидала громкий удар, когда бот ударится о землю. Но приземлился он почти бесшумно — его белое округлое тело мягко покачивалось в колыбели тонких ног.

Он напоминал паука. И он двигался, как паук. Ноги бота лихорадочно цокали, когда он помчался к Бейкеру. Красный свет вращался на вершине его закругленного центра, кроваво-красные сферы мелькали вокруг.

Бейкер нырнул в трещину, но не поместился. Его куртка была слишком толстой. Он кричал, пытаясь протаранить оставшуюся часть пути. Он оттолкнулся обеими ногами. Я слышала, как его ногти царапали бетон — царапали до кровавых ран.

— Вы арестованы, — чирикнул бот.

Его черные передние лапы поднимались и опускались, как клыки. Их заостренные кончики проткнули ноги Бейкера и вырвались из-под коленей. Кровь брызнула на руины, его артерии лопались, и я не могла забыть его предсмертные крики.

Бот выкрутил передние лапы и попытался выдернуть Бейкера из трещины.

Но он получил только половину его.

— Вы арестованы, — прочирикал бот, размахивая нижней частью тела Бейкера.

Кровь была повсюду. Я закрыла глаза, когда град теплых капель хлестал мое лицо. Я чувствовала тепло в своих ботинках, Тогда стошнило на мои шнурки. Дэнни оставался удивительно неподвижным. Я не знала, был он крепким или просто застыл в шоке. Но он

оставался, низко пригнувшись, и не вздрогнул — даже когда нижняя половина кишечника Бейкера выскользнула и шлепнулась о стену позади него.

Мы задержали дыхание на несколько ужасных секунд, которые требовались роботу, чтобы сбросить тело Бейкера со своих передних лап. Потом снова стало тихо.

Тодд больше не сжимал мою икру: его руки поднялись к складке моего комбинезона. Я была рада, что комбинезон был единым, потому что, если бы я просто надела штаны, он разорвал бы их мне до щиколоток. Нити стонали под его весом, и я молилась, чтобы они выдержали.

Напротив нас Дэнни, вероятно, молился, чтобы бот остался доволен Бейкером и пошел дальше.

Но это не случилось.

Красный свет на вершине его круглого тела перестал вращаться и выстроился в одну линию. Он скользнул этой линией по руинам. Я закрыла глаза, когда линия пересекла меня, ожидая острой боли сканирования ботом. Но было не больно. Тепло, вот и все.

— Пожалуйста, назовите себя, — внезапно сказал бот.

Я открыла глаза и увидела, что свет упал на Дэнни. Он ярко озарил его и отбросил тень на стену позади него.

— Пожалуйста, назовите себя. Не пытайтесь бежать.

Ноги Дэнни сильно тряслись, когда он поднялся. Он выронил мачете и высоко поднял руки.

— Мое и-имя Д-Дэнни, — слабо сказал он.

Свет бота стал скользить по его телу туда-сюда. Это не казалось злонамеренным. На самом деле, он двигался почти в задумчивом темпе.

— Сканирование базы данных на наличие уполномоченного персонала, обозначение имени: Дэ Дэнни, — через секунду свет снова начал кружиться. — Обозначение не найдено. Вы арестованы.

— Подожди... нет!

Дэнни не успел закричать: паук бросился к нему и вонзил передние лапы ему в грудь с обеих сторон, прокалывая оба легких.

Я не смотрела, как паук разрывал Дэнни на куски. Я слышала, как он разрывал его, как клочок бумаги, — плоть разрывалась, а сухожилия трещали в быстрой последовательности. Не было смысла подвергать себя очередному воспоминанию о растерзанном человеческом существе. Я просто не смотрела.

Я чувствовала, как по всему животу растекалась влага, и поняла, что Тодд всхлипывал у моей промежности. Он вопил, держась за мой комбинезон и умоляя:

— Не позволяй этому порвать меня, Шарли!

И я не знала почему — может, была маленькая часть моей души, которой суждено было стать матерью, и она просто не могла вынести вид мальчика, превратившегося в лужу слез, — но я ощутила внезапную обязанность попытаться спасти ему жизнь.

— Вставай, — сказала я.

— Я... не могу!

— Да, можешь, — прорычала я в ответ. Звуки измельчения стихли, и я снова ощутила, как теплый красный свет очертил комнату. — Если ты хочешь жить, нужно встать здесь, втиснуться между моими руками и не двигаться.

— Э... почему?

— Просто доверься мне.

Я дернула Тодда за воротник куртки, он не встал и пробрался к моим рукам. Наши тела были так тесно прижаты друг к другу, что я ощущала каждое его ребро, когда они прижались ко мне. Я ощущала, как дрожало его тело, как он был напряжен. Его дыхание было влажным и липким на моем ухе. Наш холодный пот смешивался, образуя пруд взаимного страха.

Я понятия не имела, как отговорить этого бота от убийства Тодда, но я знала, кто мог помочь.

— Ладно, Тодд, помнишь шишку у меня на затылке?

— Ага... да...

— Мне нужно, чтобы ты потянулся туда и нажал на нее. Тебе придется нажимать силь... ах, — я застонала, когда пальцы Тодда впились мне в череп. Он давил сильнее, чем я когда-либо давила на нее, и, наверное, поэтому Блейз появился рядом со мной так резко.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Зачем возиться со всем этим дерьмом? — он злился. Голубизна его глаз почти светилась, когда он протянул руку к верхней части арматуры. — Ты почти там. Продолжай идти!

— Я хочу спасти его, — ответила я, морщась от боли.

Блейз выглядел недоверчиво. Его взгляд скользил по дрожащему телу Тодда.

— Человек? Ой, да ладно — если он не умрет сейчас, он просто умрет по-другому. Людей не стоит спасать.

— Я хочу спасти его, — снова сказала я. — Я спасу его. Так что ты мог бы сэкономить немного времени и рассказать мне, как это сделать.

Что-то мелькнуло на его лице. На мгновение я увидела вспышку гнева, настолько сильную, что она могла соперничать с одной из истерик Говарда. Но потом выражение лица Блейза так плавно изменилось, что я задалась вопросом, видела ли я там гнев.

— Хорошо. Мы спасем человека, — его тело мерцало, он отошел, чтобы рассмотреть паука. — Это стандартный полицейский бот. Ты превосходишь его примерно на тридцать уровней. Просто держись рядом с этим ребенком, и я проведу тебя через подсказки.

Я кивнула, морщась, когда этот жест задел шишкой о пальцы Тодда.

Полицейский бот просканировал меня три или четыре раза, прежде чем, наконец, сказал:

— Приветствую, юнит X1-37, и добро пожаловать на Сандэнс-сквер. Ваша служба оценена по достоинству.

— Просто не обращай на это внимания, — буркнул Блейз, нетерпеливо взмахнув рукой. — Стой спокойно и позволь ему просканировать ребенка.

Я не была уверена в этом. Я боялась, что если бот найдет Тодда, то убьет его. Я прижалась грудью к груди Тодда так сильно, как только могла. Все мое тело было пульсацией боли. Но я боролась с этим.

Несмотря на то, что мы слиплись ребро к ребру, боту все же удалось просканировать Тодда.

— Пожалуйста, назовите себя.

— Нужно представить его, — сказал Блейз.

Тодд застонал мне в ухо, и я ощутила, как его тело повернулась, чтобы бежать.

— Не двигайся, — прошипела я. Затем я вернулась к боту. — Это Тодд. Он со мной.

Через мгновение красный свет задумчиво моргнул.

— Имя, Тодд, не найдено. Не хотите присвоить Тодду звание гражданского?

— Да, — сказала я, когда Блейз кивнул.

Паук щелкнул, принимая мою команду.

— Мне очень жаль, но площадь в настоящее время заблокирована. Пожалуйста, выберите альтернативный вариант для вашего гражданского, юнит X1-37.

— Выбери третий вариант, — Блейз прошел мимо меня, его спроецированное тело скользнуло сквозь стену. — И поторопись, черт возьми.

Блейз исчез. Тодд слишком сильно дрожал, чтобы достаточно давить на мою голову. Его дыхание сильно сотрясало мое ухо. Я не могла сказать, чувствовал он облегчение или был готов обмочиться.

— Извините, я этого не понял, — снова чирикает бот. — Пожалуйста, выберите альтернативный вариант для гражданского. Если гражданский — преступник, скажите один...

— Не говори так!..

— Тсс! — зашипела я.

— Если гражданское лицо является выборным должностным лицом, скажите, два. Если гражданский — гость, скажите три.

— Три, — быстро сказала я.

Мне мигнул красный свет.

— Вы выбрали третий вариант идентификации вашего гражданского лица: гость. Гражданский будет безопасно сопровожден за ближайший барьер. Пожалуйста, следуйте за мной.

Я расслабилась, и Тодд выскользнул из моих рук.

— Ч-что мне делать?

— Делай все, что говорит бот, — ответила я. Он медлил, я грубо схватила его за подбородок. — Эй, это твой лучший шанс выбраться живым, ясно? Просто выпрямись и делай то, что он говорит. Это так просто.

Я не знала точно, легко это было или нет, но я не могла сделать для него большего. У меня не было сил сделать что-то еще.

Все тело Тодда дрожало, когда он шел к боту. Через секунду он бросил лучом красный диск на землю.

— Для вашей безопасности, пожалуйста, оставайтесь внутри обозначенного маркера, пока вас сопровождают за пределы города.

Тодд делал, как ему говорили. И пока я могла смотреть на него, он следовал за ботом. Я потеряла их из виду, когда они повернули за угол, но мне нравилось думать, что Тодд выбрался живым.

Я очень надеялась, что это было так.

ГЛАВА 5

Я не знала, сколько времени шла через руины. К тому времени, когда я добралась до внешнего края упавшего здания, я полностью вымоталась.

Не было ни одной кости или кровеносного сосуда, которые бы не кричали. Каждый удар сердца бил с такой силой, что мое тело качалось. Я прислонилась спиной к куску

разрушенной стены и опустила подбородок на грудь. Я не знала, достаточно ли сил во мне осталось.

Я не знала, могла ли я сделать еще один шаг.

Прямо передо мной виднелась зияющая пасть кирпичных руин. Я смотрела в центр черноты, и за глазом что-то жалобно пульсировало. Будто мой глаз умолял меня сделать последние несколько шагов и просто покончить с этим. Покончить с болью.

Я пыталась, но не могла двигаться к черной пасти развалин.

И она стала двигаться ко мне.

Я позволила ей раздуться, заполнить мое поле зрения, позволила влажному воздуху окутать мои плечи и позволила разлагающимся стенам заглушить холод. Я закрыла глаза и представила, каково было в этих руинах. Как там пахло. Каким был вкус у воздуха. Через минуту это стало настолько реалистичным, что я начала паниковать. Я вздрогнула, будто проснулась ото сна, и не могла поверить в то, что увидела.

Боль за моим глазом ушла. Там было пусто, будто боль оставила вмятину на белом шаре. И мое тело... как-то сдвинулось. Я полностью ушла от обломков и теперь стояла среди сгоревших развалин, имея лишь смутное воспоминание о том, как я туда попала. Я сделала шаг назад, пытаюсь сориентироваться, и врезалась почкой в какой-то неподвижный предмет позади меня.

— Ой!

Это была столешница — часть старой деревянной барной стойки, которая обгорела так же, как и остальная часть здания. Большая часть угла осыпалась на спину моего комбинезона. Я смахнула крошку, пытаюсь понять, где я находилась.

Я стояла за прилавком, лицом к комнате, полной обугленной мебели. Здесь были столы и стулья, а вдоль стен стояли скелеты скамеек с высокими спинками. Декоративные картины с покоробившимися и треснувшими по углам рамами до сих пор упрямо свисали с ржавых гвоздей. Стекло устилало пол так густо, что казалось, будто я с хрустом пробиралась по куче листьев, пытаюсь проверить потолок.

Всегда было полезно проверить: иногда стены выглядели нормально, но потолок еле держался. И я не хотела, чтобы меня раздавило. По всему потолку были прибиты маленькие металлические обеденные тарелки — я не знала, зачем. Похоже, они не служили никакой цели. Может, они были еще одна загадкой До.

Я нырнула за прилавок и нашла под полками ряды разбитых бутылок. Жара их давно погубила. Но даже сквозь пепел и запах дыма я уловила привкус несвежего виски.

— Мы приближаемся, — услышала я Блейза, но не обернулась, чтобы посмотреть на него. — Это где-то здесь... где-то рядом...

Я оставила его мелькать среди руин, а сама пыталась понять, что вызвало пожар. Напротив меня была огромная дыра в стене. Похоже, ее что-то пробило, может, что-то туда отбросило. Больше всего углей находилось вокруг этой дыры. Снаружи я видела большой участок пустого бетона, окруженный забором из расплавленного кованого железа. Затем тянулся короткий участок почерневшего булыжника. И, наконец, я увидела то, что осталось от огромного, возвышающегося сооружения.

Держу пари, огонь начался там и перекинулся в этот бар.

Я не понимала, зачем Миру До нужны были такие огромные здания. Они заполняли улицы и собирались в удушающий навес из стали — навес, который сохранялся, несмотря на то, что под ним больше некому было стоять. Город уцелел, а люди, которые его строили, —

нет. Это было похоже на то, когда птицы улетали на юг на зимовку и покидали свои гнезда, а они загромождали деревья.

Строение через улицу находилось в худшем состоянии, чем заброшенное гнездо. Ничего не осталось, кроме стальных костей и проводов-кишочек. За ним лениво висел бледный рассвет, подмигивая мне сквозь тонкую пелену облаков. Его свет делал старую башню черной, еще более мертвой, чем она была — как тогда, когда Уолтер находил полусъеденное тело, лежащее в траве, и бормотал:

— Ну, от этого уже не вернуться.

Боже, я скучала по нему. Мои глаза жгло от воспоминаний о его голосе. Нам нужно было найти Учреждение Двенадцать и быстро убраться отсюда. Я прижала два пальца к шишке на черепе.

— Это оно.

Блейз появился рядом со мной. Он шагнул за прилавок, его прозрачная рука замерла над стеной сломанных рычагов. Некоторые рычаги были простыми, а на других были вырезаны фигурки. В какой-то момент они были ярко окрашены, но дым расплавил их вершины, а солнце выбелило поверхность.

За барной стойкой была стена из зеркал. Я видела себя в синяках и крови в обесцвеченном стеклянном тумане. Но у Блейза не было отражения.

— Этот, — сказал он через мгновение.

Я отвела взгляд от своего искаженного лица и увидела, что его рука остановилась. Она замерла над единственным не расплавленным рычагом. Краска стерлась, поверхность была покрыта копотью, но форма уцелела. Я узнала символ, вырезанный на его вершине: одинокая звезда, висящая над пушкой.

— Мэрия, — прошептала я.

— Это больше. Раньше под этим символом работало множество агентств. Мэрия — это всего лишь одна маленькая ветвь. Сейчас их нет, — добавил он через мгновение. — Ну... в основном.

Блейзу было интересно узнать о прошлом, но меня это не волновало. Я соглашалась с этим столько времени, сколько потребуется, чтобы вернуться к Уолтеру. Тогда я захочу забыть, что это когда-либо было. Я поймала себя на мысли об относительной простоте выживания в Ничто: еда, жилье, боеприпасы — все проблемы с быстрыми и легкими ответами.

В Блейзе не было ничего быстрого или легкого. Он злился, и от него у меня было кисло внутри. Он был загадкой, которую я была бы счастлива забыть.

Я подошла к рычагу и большим пальцем счистила сажу со звезды и символа пушки. Металл под грязью был отполирован и блестел — будто огонь, дым и даже проклятое солнце не могли его коснуться.

— Он не разрушен, потому что сделан из самого прочного металла на земле, — нетерпеливо сказал Блейз. — У него температура плавления более трех тысяч градусов.

— Что это значит?

— Это значит, что он никуда не денется. Этот рычаг невозможно разрушить — в отличие от твоего тела... — Блейз повернулся, чтобы посмотреть в зияющую дыру в стене. Что-то вызвало складку на коже между его глазами. Что-то выводило его из себя. — Черт... тебе лучше поторопиться. Там военный бот, и он заражен.

— Что это значит?

— Это означает, что он может не распознать наш допуск. Тебе повезло, Шарли. Мы не запнемся здесь, в конце, — резко сказал Блейз. Его рука скользила по рычагу, он пытался схватить его. — Тебе придется все сделать.

— Хорошо, — я схватилась за рычаг и наблюдала, как он вел меня через движения: толкнуть, потянуть и повернуть на девяносто градусов вправо. Я вздрогнула, когда стена содрогнулась с низким лязгом.

— Она тебя не укусит, — нетерпеливо сказал Блейз.

— Ну, я не ожидала, что будет так громко, — буркнула я. — Что теперь?

— Просто отпусти и отойди.

Я сделала, как он сказал, и с изумлением наблюдала, как часть зеркальной стены скользнула, открывая узкую металлическую дверь.

— Хорошо, а теперь что?

— А ты как думаешь? — рявкнул Блейз, проходя через отверстие. — Боже, просто чудо, как ты трусишь, хотя никто не выбрал тебя пока мишенью...

— Ну, я никогда не делала этого раньше! — возмутилась я.

— Делала! — закричал Блейз в ответ, его глаза снова ярко вспыхнули. — Ты делала это раньше, просто не помнишь. Но я знаю, ясно? И делаю сейчас, когда мы почти готовы, — сказал он, сжимая пальцы. — Мы почти там. Это почти закончилось, — он обернулся и бросил через плечо. — Лучше шевелись. С этого момента ты предоставлена сама себе.

И прежде чем я успела спросить его, о чем он говорил, он исчез.

— Эй! Подожди секунду, — крикнула я в пустую комнату, грубо давя на шишку на затылке. — Нельзя сказать что-то подобное, а потом просто уйти. Что, если мне нужно...?

— Обнаружена неопознанная форма жизни. Начинаю приближение.

Я замерла, услышав этот голос. Даже если бы Блейз ничего не сказал о том, что он заражен, я думаю, что какая-то часть меня все равно знала бы, что бот — это проблема. Он звучал неправильно.

Высокая тень прошла мимо дыры в дальней стене. Я уловила свист и шелканье механических конечностей, они двигались к входной двери. Красный свет сиял сквозь щель в нижней части стены, пока бот искал меня.

На ручке узкой металлической двери был небольшой сканер отпечатка — такой же, как тот, который мы с Ашей нашли в будке проходной. Я была потрясена, когда мой отпечаток открыл дверь в тот день. Теперь я удивилась слабее, но только потому, что Блейз думал, что у меня не будет проблем с входом. Все еще было странно, что во всех старых местах была запись о моем отпечатке... и что у меня был достаточно высокий допуск.

В ту минуту, когда я открыла дверь, вспыхнули солнечные лучи, открывая узкий лестничный пролет. Ступени выглядели так же, как металлические лестницы внутри будки контрольно-пропускного пункта, но эти были отполированными и чистыми. Даже воздух пах чище. Почти слишком чисто.

Это напоминало мне Лабораторию.

— Начинаю приближение, — чирикнул военный бот. — Пожалуйста, отойдите.

Наступила короткая пауза. Щелчок. А потом стена взорвалась градом кирпичей и осколков. Я не успела решить, хотела я войти или нет: подземные толчки сотрясали здание, и я упала с первого лестничного пролета.

В ушах звенело, я слепо ухватилась за перила. Я чуть не вывернула плечо из-за усилия, которое требовалось, чтобы нижняя часть тела не скользила дальше вниз.

Металлическая дверь закрылась с резким шипением. Едва она захлопнулась, как я услышала грохот чего-то очень большого, ударяющегося о металл. Я не знала, что за бот только что пробил стену бара, но, похоже, он бросил на дверь вес мусоровоза.

Я не собиралась возвращаться тем путем, которым пришла. На лестнице было слишком холодно, светло и чисто, но у меня нет выбора. Я могла идти только вниз.

Пять пролетов.

Я насчитала пять лестничных пролетов. Я пересчитывала их, потому что мне нужно было что-то делать — я не могла просто думать о том, как тесно, тихо и пусто было на лестнице. В какой-то момент я сделала слишком глубокий вдох и получила обонятельное воспоминание о том времени, когда Говард привязал меня к холодному металлическому столу и угрожал разрезать меня.

Я должна была что-то сделать, чтобы не потерять сознание.

Так что я считала.

Теперь я стояла на дне последнего пролета, гадая, как долго я смогу выжить без еды и воды, если не сделаю еще шаг вперед. Передо мной была арка. Не дверь, не ворота безопасности, а просто арка, ведущая в недра чего-то. И я не хотела проходить туда.

Канат красных огней тянулся над входом в арку. Они так ярко пылали в светильниках, что их общий свет образовывал что-то похожее на тонкое стекло внутри арки. Я подозревала, что смогу ощутить это физически, проходя под светом. Смогу почувствовать этот свет, царапающий мою кожу — точно так же, как я чувствовала, когда меня сканировали экзокостюмы.

И я была права.

— Ах! — на этот раз небольшой удар. Будто кто-то ущипнул меня за глаз вместо того, чтобы проткнуть зрачок ножом.

— Добро пожаловать, юнит Х1-37. Пожалуйста, пройдите к плитке с пометкой А, — чирикнул голос робота откуда-то из-под потолка.

Весь пол был покрыт плиткой. Вызывающий головную боль оттенок белого на фоне обширной пещеры с белыми бетонными стенами и абсолютно белым потолком. Плитки с черными буквами четко выделялись на белом фоне. В этом, наверное, и была суть.

Этот слишком чистый запах здесь был таким густым, что меня чуть не тошнило. Еще одно воспоминание — я была голой и вздрагивала от струй кипящей воды — мелькнуло у меня перед глазами. Похоже, я знала, что будет дальше.

Я собиралась пройти санитарную обработку.

— Отлично, — прошипела я, подходя к плитке А.

Едва я опустила оба ботинка, плитка справа от А открылась, стало видно металлический желоб.

— Пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для чистки.

Я знала, чем была чистка, и я знала, что нельзя было отпускать что-то важное. Я сняла ботинки и старую потрепанную куртку, которую Уолтер натянул на меня, и бросила их в желоб. Они упали, пропали из виду. Оранжевая вспышка света и всплеск тепла, их очистили.

— Пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для чистки.

В стене перед комнатой были датчики: группа крошечных черных линз, которые фиксировали мое изображение и отображали его в проекции. Какая бы машина ни была подключена к этим линзам, она видела мое тело со всех сторон и знала, была ли я одета. Я ничего не могла сделать с большей частью своей одежды. Но я могла сохранить шляпу

Уолтера.

Мой полосатый комбинезон следующим уйдет в мусоропровод. Он был испачкан кровью и жиром от бекона, а сзади налипли кусочки самодельного клея Уолтера — он забыл сказать мне, что починил один из сломанных стульев в Логове. Снимать этот костюм было больнее, чем спускаться по лестнице. Волокна цеплялись за все едва зажившие царапины, а сгибание тела для раздевания задействовало мышцы, о боли в которых я даже не знала.

Я испытала облегчение, когда эта штука, наконец, сорвалась с последней засохшей царапины и упала к моим лодыжкам. Мне было слишком больно, чтобы снова нагнуться, поэтому я толкнула его ногой в желоб. Удивительная боль пронзила меня в сердце, когда я увидела, как оранжевое пламя вспыхнуло на дне.

Этот комбинезон мог быть зудящим и неудобным, злил меня. Но я носила его так долго, что он начал ощущаться как часть меня. И мне было удивительно грустно видеть его уничтоженным.

Я совсем не печалилась, что избавилась от нижнего белья — после моего последнего припадка оно было слишком отвратительным, чтобы смотреть на него прямо. Я не знала, что у меня на спине были царапины, пока не попыталась расстегнуть нагрудный пояс. Я боролась с застежками секунду, прежде чем мне это надоело, и я потянула с силой.

Он расстегнулся, но от применения силы мои сломанные ребра заныли.

Я ощутила плитку под коленями, но не видела ее, что в глазах потемнело от боли. Мое тело сотрясилось, я терпела волну за волной колющей агонии. Желчь подступила к горлу и угрожала извергнуться повсюду, если я не смогу остановить кружение головы.

— Пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для чистки... пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для чистки...

Я слышала, как голос щебетал, но старалась не обращать на него внимания. Говард не управлял этой санитарной комнатой: наказания за то, что я отнимала время, не будет. Вода в душе в санитарной комнате лаборатории была спроектирована так, что чем дольше я возилась, тем горячее она становилась в геометрической прогрессии. К тому времени, как я покинула Гранит, я могла полностью раздеться и оказаться под душем за тридцать секунд.

А иногда и этого не хватало.

— Пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для чистки.

Я сбросила нагрудный пояс в желоб и заставила себя встать. Я была полностью голой. У меня осталась только зеленая шляпа Уолтера, которую я не собиралась выбрасывать в мусоропровод.

Датчики были в двадцати ярдах впереди меня. Каждый из них был размером с пуговицу, но у них был удивительно широкий диапазон обзора. Я стояла неподвижно на плитке А и держала шляпу Уолтера рядом с собой, двигая ее дюйм за дюймом, пока она, наконец, не пропала из поля того, что могли уловить сенсоры.

Меня вознаградили громким звонком.

— Спасибо. Пожалуйста, перейдите к плитке Б для санитарии.

Я видела по огромному количеству стоков в полу вокруг плитки Б, что этот процесс санитарии будет неприятным. Это были квадратные дренажные трубы для тяжелых условий эксплуатации, предназначенные для всасывания кусков мусора. И куски не отрывались без хорошего давления воды.

Я сомневалась, что мои раны выдержат такое давление, и я была рада, что вокруг стоков

не было стен. Я смогу выйти из потока, если станет слишком больно.

Как только я поставила обе ноги на плитку Б, появились стены. Они поднялись из пола с резким шипением — так быстро, что я не сразу заметила, что стены были. Это было настолько неожиданно, что я бы не удивилась, если бы они появились из ничего.

У меня была одна секунда, чтобы посмотреть на свое потрясенное лицо, отражающееся, как призрак, в сверкающем чистом стекле, прежде чем оно исчезло в облаке пара.

— Ах!

Я завопила, когда первые потоки воды ударили по моей израненной плоти. Душевые лейки выскочили из-под потолка надо мной и опустились. Каждая крутилась сама по себе, стреляя плотными потоками горячей воды везде, куда они могли достать. И они могли достать практически везде.

Ни один угол душа не был безопасен: лейки следовали за мной. Когда я попыталась прикрыть лицо шляпой Уолтера, одна из леек обогнула ее, чтобы облить меня водой. Сжиматься в клубок было бесполезно, потому что струи били по моим сломанным ребрам, пока мне не приходилось закричать и перевернуться.

Когда я это сделала, они использовали шанс, чтобы разорвать мои интимные места последним, обжигающим взрывом.

— Санитария, шаг первый, завершено. Пожалуйста, будьте готовы ко второму шагу.

— Второй? — взывала я. Я не получила ответа, конечно. Эти боты не были запрограммированы слушать и отвечать. Но это не мешало мне пытаться. — Какой второй шаг? Что ты собираешься...?

Мыло потекло по моему лицу. Он стреляло отовсюду, будто стены разверзлись и изрыгнули по десять галлонов пены. В носу, во рту. Глаза обжигало. Весь мир купался в густом цветочном мыле. В моих ушах лопались миллионы крошечных пузырьков, и это оглушало. Я слышала только это.

Потом все начало гореть.

Я закричала, поняв, что мыло обжигает меня. Ощущение было как от виски в ране: везде, где моя кожа была прорвана, пульсировала острая, жалящая боль. Я чувствовала, как она двигалась, появляясь из пены. Я словно сгорала заживо. И я даже уйти не могла, потому что вся душевая под потолок была забита мылом.

Я была в ловушке внутри огня, который пах ромашками.

И я думала, что умру здесь.

Я испытала облегчение, когда вернулись лейки душа. Они выбросили струю воды, которая растворила пену и смыла ее в канализацию. Вода брызгала мне на голову, и я присела, пытаясь ловить струи менее ноющей спиной. Я слышала рев воды, щелчок, когда лейки отключились, а затем стоки стали ритмично лязгать, пытаясь высосать все мыло и воду.

Затем стало тихо.

Было только рассеянное звяканье капель воды, скользящих по моему носу и падающих в лужи на полу.

Если бы моя кожа могла издавать звук, она, вероятно, звучала бы так, как когда механические руки на заводе по переработке перемальвали груды мусора в тюки: серия глубоких ударов, которые гремели снова и снова. Моя кожа пульсировала так сильно, что меня буквально качало взад-вперед.

Шляпа Уолтера застряла у меня в пальцах. Как мне удалось ее удержать, я могла только

догадываться. Я поднесла ее ко рту дрожащими руками и сильно прикусила край. Я должна была это сделать, потому что мне казалось, что если я этого не сделаю, то прокушу себе язык.

— Дезинфекция завершена. Пожалуйста, перейдите к плитке В.

Нет. Я больше не хотела этого делать. Может, я зашла достаточно далеко. Может, когда я проходила через арку, красные огни убили все, что со мной сделали экзокостюмы. Меня не волновало, если придется уйти отсюда мокрой и голой; не волновал какой-то гигантский бот, ждущий по другую сторону бара, чтобы убить меня.

Я просто хотела выйти.

Я хотела выйти.

— Нет... — простонала я, обернулась и увидела, что арка позади меня была закрыта.

Конечно, было закрыто. Было бы безответственно заманить кого-то в Учреждение, а затем просто отпустить посреди пыток.

— Пожалуйста, перейдите к плитке В.

— Я не хочу.

Голос робота в потолке не слушал.

— Пожалуйста, перейдите к плитке В.

В конце концов, я убедила себя, что худшее было уже позади. Меня уже продезинфицировали, обожгли и избивали до полусмерти. Учреждение больше ничего не могло мне сделать. Худшее было позади.

Я опустила ногу на плитку В — помедлила, сделала глубокий вдох — затем опустила другую. Раздался второй радостный звон, когда датчики уловили меня.

— Спасибо за ваше сотрудничество. Пожалуйста, подождите... код ошибки: ФРЭНК.

— Что? — сказала я, но голос робота больше не говорил.

Коды ошибок представляли собой набор цифр. Ральф сказал мне, что самый быстрый способ заставить бота что-то понять — это использовать числа — слова требовали много программирования и манипуляций. Поэтому, если была ошибка, бот обычно не мог ее обработать дальше своих номеров. Но голос явно сказал Фрэнк.

Я отошла от плитки В и снова вошла, задаваясь вопросом, не заставит ли это робота заговорить снова.

Не вышло.

— Ау? — крикнула я в белой комнате, мой голос отражался дрожью от кафеля. — Эй, думаю, машина сломалась... эй!

Ноги выбили из-под меня. Мои руки в шоке разжались. Шляпа Уолтера выпала из рук, и я услышала, как она шлепнулась на пол. Но я не успела наклониться, чтобы схватить ее, что-то щелкнуло по моим плечам. Оно прижало меня спиной к чему-то холодному, плоскому, поднявшемуся из кафельного пола. На моих лодыжках и запястьях щелкало все больше вещей — ремни, которые на ощупь напоминали металл, но немного поддавались, когда я размахивала конечностями.

Но недостаточно.

— Подожди, подожди! Моя шляпа!

Что бы ни схватило меня, оно игнорировало мой крик. Я поняла, что была привязана к какому-то больничному столу. Это был не лабораторный стол, потому что у меня за головой была подушка.

Она давила на мою шишку, и я мельком увидела Блейза. Он стоял у сенсорных линз,

небрежно прислонившись к стене. Он сжал губы, когда я закричала, чтобы он сделал что-нибудь. Он покачал головой.

— Прости, Шарли. Я знаю, что это больно, но это единственный способ.

— Единственный ...? Единственный способ чего? Ой!

Я ощутила, как что-то укололо мою левую руку, и успела увидеть механический шприц, скрывшийся под столом. Ярко-красное пятно появилось там, где меня уколола игла. Я ощутила слабость.

— Что это было? — я дернула руку, пытаюсь стряхнуть ужасное онемение. — Что было в этом шприце?

— Все скоро кончится. Просто постарайся расслабиться, — ответил Блейз.

Он смотрел на меня, небрежно скрестив руки на груди, и вдруг до меня дошло:

— Лжец, — прошипела я. — Ты знал все это время, да? Ты точно знал, что со мной произойдет, если я приду сюда.

Он вздохнул, и его взгляд медленно скользнул по мне.

— Извини, — сказал он. — Но здесь на карту поставлены более важные вещи. Есть вещи, которые я хочу сделать, которые мне нужно сделать. Я дал обещание, которое намерен сдерживать. Ты не можешь понять всю глубину того, что я чувствовал с тех пор, как меня ударили, — его губы скривились в отвращении, когда он добавил. — Ты слишком глупа, чтобы понять это.

Я не могла в это поверить. Я должна была знать, но я до сих пор не могла в это поверить. Даже человек, который жил у меня в голове, считал меня никчемной. Я не знала, эта мысль или лекарство заставили меня чувствовать, что я должна была сдать. Тело стало тяжелым, и я просто безвольно обмякла на кровати.

Где-то открылась дверь. Я слышала ее, но не могла держать глаза открытыми достаточно долго, чтобы найти ее. Мое зрение затуманилось. Мир вращался так сильно, что я не знала, в какую сторону была обращена кровать. У меня остались только мои уши.

Шаги приблизились к моей кровати. Они были тяжелыми, неустойчивыми и резко щелкали по плитке. Это не было похоже на ботинки... может, каблуки туфель? Или что-то металлическое?

Прежде чем я успела сообразить, я уловила, как Блейз кричал со своего места у стены:

— Что это? Что происходит, Фрэнк? Просто позволь машине доставить ее в медицинский отсек, — он не получил ответа, и Блейз начал кричать. — Эй, тебе нельзя здесь находиться! Это не по протоколу... так не бывает!

Но тот, кто шел ко мне, не слышал его: Блейз был плодом моего воображения. Мой личный демон. И когда я начала терять сознание, его голос становился тише с каждой секундой.

— Это не... ты не можешь... Шарли, послушай меня, — выдохнул он почти шепотом. — Слушай, эгоистка... брось свой цикл... дай мне закончить то, что я...!

Потом пуф — и он ушел.

Я улыбнулась про себя, когда его голос исчез. Я понятия не имела, что происходило, но я была в восторге от того, что Блейз был в бешенстве. Я была рада, что все получилось не так, как он хотел. Затем я ощутила, как что-то холодное и механическое сжало мое лицо.

Что-то в хром.

— Нет! Не убивайте меня! Пожалуйста, не убивайте меня! — мои крики оставили туман на нижней части хрома. Конденсат образовался достаточно густо, чтобы я смогла вырваться

из хватки. Я повернула голову и услышала, как мои крики падали на бетонные стены. — Вы не можете меня убить — я еще жива!

— Я не собираюсь убивать тебя, юнит X1-37, - ответил роботизированный голос.

Я замерла. Это был не тот голос, к которому я привыкла. Он не следовал той же нарушенной ритмичности предварительно запрограммированных ботов в Далласе или ботов, с которыми я сталкивалась в пустоте. Этот голос звучал интеллигентно. Почти успокаивающе.

— Ты тяжело ранен, — продолжил голос. Я не понимала, держали ли меня еще, потому что все мое тело онемело. — Я применю простую Перезагрузку, а затем...

— Нет! Я аллергик!

Я не знала, кричала ли я это на самом деле, или мне просто показалось, что я это сделала. Бот меня не слышал. А потом мир стал черным.

ГЛАВА 6 ИЮНЬ 2213

Что-то произошло несколько месяцев назад — и, видимо, это было что-то очень важное, потому что Учреждение отправило беспилотник почти на шестьсот миль к западу, чтобы предупредить полицию.

Блейз увидел знакомую тень в форме диска, плывущую по земле почти за минуту до того, как дрон появился в поле зрения. Ему показалось странным — нет, беспрецедентным — то, что беспилотник приземлится в Далласе. Даже если он приземлится на Выходе, все

равно оставался шанс, что кто-то из Сапфира или Гранита его увидит. И это вызвало бы массу вопросов. Вопросы, из-за которых кого-то могли отправить в больницу для досрочного выхода на пенсию.

Но он предположил, что этого никто не видел, потому что дрон без проблем приземлился и снова взлетел. Он оставался столько, чтобы подключиться к его Кубу и передать безумное сообщение. Сообщение имело уровень допуска: совершенно секретно, поэтому Блейзу не разрешалось делиться им с кем-либо еще. Ни с его сослуживцами, ни с его заместителем. Даже с мэром. Блейзу пришлось прочитать сообщение, а затем приступить к своим обязанностям, будто ничего не произошло, взяв на себя все заботы:

Сообщается о катастрофическом сбое. Маршрут небезопасный. Карантин введен для колоний с восьмой по семнадцатую. Пожалуйста, отмените все запланированные поездки и оставайтесь в штаб-квартире до дальнейшего уведомления.

Полковник Адам Вайс, АБР, «GeneTech Security».

Вскоре признаки катастрофической неудачи обрушились на Даллас. В течение суток у выхода появились первые нерезиденты, требующие входа.

— Да, это конгрессвумен Уолтерс. Я здесь со своими сотрудниками — мы проводили кампанию в Эль-Пасо, когда АВА сломалась.

Один из младших офицеров вызвал Блейза к переговорному устройству Выхода во время обеденного перерыва. Его заместитель, Чанс О'Брайен, почти пятнадцать минут безуспешно читал женщине протокол. Она все еще требовала поговорить с тем, кто был главным. Поэтому Блейз оставил недоеденный «SuperMeal» на столе и пошел разбираться.

— Простите, что беспокою вас, шериф, — тихо сказал О'Брайен. — Я пытался объяснить...

— Простите? Есть тут кто?

Глаза О'Брайена, казалось, вспыхнули еще более резкой смесью желтого и зеленого, пока женщина продолжала визжать в интерком. Но его лицо оставалось гладким, как камень.

— Я буду здесь, если понадобится, шериф.

Блейз в одиночку подошел к передатчику.

— Здравствуйте, мэм. Меня зовут Блейз Торн, и я...

— Вы здесь главный?

— Во всех вопросах, касающихся входа и выхода, да, мэм.

— Ну, как я уже сказала, я конгрессвумен Уолтерс, и я официально подаю заявку на въезд.

— Хорошо. Если вы оставите отпечаток, я...

— Ваш сканер не работает, — яростно сказала женщина. — Я провела пальцем с полдюжины раз, и он пишет, что у меня нет надлежащего допуска. Как у меня нет допуска? Ради бога, я могла бы войти в Белый дом!

Даже если бы это не было нарушением протокола, потребовалось бы слишком много времени, чтобы объяснить мисс Уолтерс, что существовало, по крайней мере, двадцать агентств с уровнем допуска выше, чем у президента. Секретные агентства, которых официально не существовало, потому что, если бы Мировое Правительство когда-либо узнало о них, оно, несомненно, проголосовало бы за уничтожение Соединенных Штатов.

АБР было одним из этих агентств. Даллас, или Колония Двенадцать, был проектом, санкционированным АБР, и меры безопасности в нем были далеко за пределами того, что

было официально изобретено. Тот факт, что солнечный барьер мог удерживать достаточно заряда, чтобы оставаться в рабочем состоянии всю ночь, был огромным скачком в инновациях, когда обычное огнестрельное оружие не могло разрядиться без постоянного воздействия солнца.

Неудивительно, что отпечаток конгрессвумен был отклонен. Но протокол Блейза требовал, чтобы он оставался вежливым. Он подключил свой Куб к выходу сканера печати и провел быстрый тест.

— Похоже, все в полном порядке, мэм.

— Что, черт возьми, это значит?

— Это означает, что диагностический отчет вернулся в норму...

— Плевать мне на отчет! — завопила мисс Уолтерс. — Послушайте, я близкий друг полковника Вайса. Я знаю, что там происходит. Кто, черт возьми, дал ему разрешение на строительство этого места?

— Я понимаю. Как вы думаете, что это за место, мэм?

Небольшое колебание. На заднем фоне несколько голосов бормотали свои догадки.

— Я... ну, это военный объект!

— Военный объект?

— Да! Это один из его проклятых оружейных заводов. Я знаю это, потому что вижу дым, поднимающийся вон там!

Блейз не видел женщину, но знал, что она, вероятно, указывала в сторону Гранита, где завод по переработке отходов в Далласе выбрасывал дым в тонкие летние облака. Это не был оружейный завод, и в его протоколе не было ничего о том, что городу нужно было какое-либо разрешение на работу.

— Я не думаю, что вы правдивы со мной, мэм...

— Вы обвиняете меня во лжи? Хотите сказать, что я...?

— ...но на всякий случай я буду рад подать прошение в мэрию об одноразовом исключении, — сказал Блейз, хотя он знал, что мэрия не предоставит ей исключения. — Процесс займет не менее двадцати четырех часов, и я настоятельно рекомендую вам отойти от периметра до тех пор.

— Нет. Я не позволю вам прогнать меня. Мы останемся здесь, и я буду занозой в заднице за каждую секунду, что проведу снаружи.

Блейз попытался объяснить, насколько опасно для чужака находиться так близко к периметру города. Он пытался сказать ей, что солнечный барьер было не единственным, что защищало Даллас. Но конгрессвумен отказалась уходить. Остаток дня она оставалась на связи. Младший офицер, назначенный следить за выходом на ночь, сказал, что она, наконец, остановилась где-то после трех часов утра.

Когда Блейз вернулся на следующий день с отказом мэрии в руках, коммуникатор молчал.

— Миссис Уолтерс? Мэм?

Ничего. Не было ответа.

О'Брайен подумал, что они могли сдать и уйти, но Блейз знала лучше:

— Она проявляла признаки стресса. Когда люди в беде, они ищут убежища. И это единственное убежище на мили. Должно быть, с ними что-то случилось, — сказал Блейз, говоря достаточно тихо, чтобы намекнуть на конфиденциальность.

Новобранец полиции в будке контрольно-пропускного пункта на выходе все еще мог

слышать его, но ему не разрешалось передавать что-либо, что он слышал, пока Блейз говорил тихо.

О'Брайен сдвинул плащ и вытащил револьвер.

— Должны ли мы провести расследование?

— Да, но я пойду один, — сказал Блейз, снимая с плеча дробовик. — Это не обязательное расследование: один из нас должен остаться на случай, если что-то пойдет не так.

О'Брайен сунул револьвер за пояс, и Блейз вспомнил, как его желто-зеленые глаза застыли, глядя на стену выхода.

— Будьте осторожны, шериф.

— Я не пойду на ненужный риск, — заверил его Блейз.

Открытие стены выхода — даже щели, достаточной для того, чтобы Блейз мог проскользнуть через нее — заняло десять минут. Небольшая армия офицеров собралась за его спиной и сформировала защитную арку в десяти ярдах от входа. Они вытащили винтовки и заняли огневую позицию. Если кто-то попытается проникнуть в Даллас, далеко он не уйдет.

По ту сторону стены ничего не было. Блейз прокрался через отверстие, прижимая дробовик к груди и уверенно держа палец на спусковом крючке.

Он видел, где спали конгрессвумен и ее сотрудники: вокруг почерневших остатков костра лежало кольцо одеял, а также несколько пустых упаковок с пайками для выживания. В кольце была заметная дыра — место, где должно было находиться еще одно одеяло, но вместо него было только темное пятно.

В конце концов, Блейз нашел пропавшее одеяло. Его отбросило на несколько ярдов от лагерь, а его содержимое — человеческое тело — расплющило. Вокруг тела была выемка в земле. Кровь и масса органов скопились внутри, обнажая огромный шестиконечный след.

Только один тип бота был способен оставить отпечаток такого размера и формы. И Блейз ничуть не удивился, обнаружив, что автомобиль конгрессвумен скрючился в нескольких сотнях ярдов от Далласа, и с его мятой стальной обшивки все еще стекала кровь.

— Был задействован бот, отвечающий за соответствие АБР, — пробормотал Блейз, как только вернулся в стены.

О'Брайен стоял неподвижно, его глаза метались, словно он просматривал строчки протокола в воздухе.

— Но... мы не сделали ничего плохого.

— Я знаю.

— Зачем АБР разворачивать бота для соблюдения требований?

— Я не знаю их рассуждения, — ответил Блейз. Протокол запрещал ему сообщать остальным, что они находились на карантине, а причина, по которой бот по соблюдению требований был развернут, заключалась в том, чтобы убедиться, что никто не покинул Даллас. Поэтому он настоял на том, чтобы полиция продолжала выполнять свои обязанности, и они больше не говорили о конгрессвумен.

Прошло три недели с тех пор, как Блейз выходил за стену. Было опасно выходить на улицу, когда патрулировал бот послушания.

Иногда он его слышал. Боты послушания были оснащены устройством, которое отражало окружающий ландшафт и затрудняло их обнаружение. Но его шаги звучали как раскаты грома. Обычно Блейз довольно легко слышал, как он шел по периметру Далласа. Но

в такой день, как сегодня, когда облака рычали, собираясь в то, что обещало стать жестокой летней бурей, бот был неотличим от грома.

— Пятнадцать минут, — буркнул О'Брайен, его желто-зеленый взгляд был устремлен к облакам. Они тяжело висели, расплылись в черно-синих завихрениях. — Дождь начнется через пятнадцать минут.

Блейз ничего не говорил. Неважно, когда должен был начаться дождь: его смена на Выходе не закончится до наступления темноты. Максимум, что он мог сделать, это наклонить шляпу и позволить воде стекать с ее краев.

В конце концов, у О'Брайена закончились любезности, и ему пришлось вернуться в штаб-квартиру. Когда он ушел, Блейз смог без помех сосредоточиться на своей смене. Он шагал перед выходом. Часть зрения следила за пустым полем, раскинувшимся между Выходом и Большим Далласом, другая — за стеной.

Ее сине-белая плоть мягко потрескивала между хромированными проводниками. Порыв штормового ветра отбросил плащ Блейза в сторону и превратил треск стены в пронзительный вой. Порывы ветра стали более частыми по мере приближения бури. Вскоре он дул устойчиво на стену и поля, а также на широкий хвост плаща Блейза.

Тяжелый материал шлепал его по ногам, когда он повернулся. Это не было больно. Ощущение было не тревожнее, чем похлопывание по плечу. И уж точно не мешало Блейзу выполнять свои обязанности.

Гром грохотал по земле за стеной. Он начинался где-то глубоко внутри бури и расцветал, охватывая мили беззвучного воздуха...

Или это был не гром?

Блейз внезапно повернулся, не уверенный, что этот звук был близок к шуму патрулирующего робота. Он посмотрел на Выход, его ярко-голубые глаза были устремлены на часть стены, которая должна была открываться. Вскоре бот выдаст новый набор приказов. Более агрессивный набор.

Это будет грязный способ очистки Далласа, и на несколько коротких мгновений это будет очень болезненно — но гораздо более практично, чем попытка отправить на пенсию все население. Такой процесс займет месяцы и потребует больше ресурсов, чем мог предложить Фонд.

Блейз знал, что это будет, и принимал это. Иногда, в случае сбоя, популяция должна быть уничтожена, чтобы GeneTech мог произвести обновления и ремонт. Это мало чем отличалось от того, как сосновые леса очищались огнем. Даллас всегда возвращался сильнее, чем раньше. Истребление шло на пользу циклу.

Тем не менее, Блейз должен был сохранять бдительность, пока не получит последний приказ. Гром прошел быстро, испаряясь где-то у края грозы. Значит, это был всего лишь гром. Не звук робота, пробирающегося мимо Далласа.

Белая вспышка осветила небо, а за ней кричали облака. Блейз застыл, ожидая повторения вспышки. Молния не пугала, пока она оставалась внутри облаков. Но если она упадет...

— Предупреждение о сильной грозе — немедленно ищите укрытие... Предупреждение о сильной грозе — немедленно ищите укрытие.

Блейз нахмурился, когда голос бота наполнил воздух над Далласом. По городу были разбросаны десятки отводов для молний, и когда ударяло по одной, тревога срабатывала на всех.

Дверь в будку контрольно-пропускного пункта Выхода распахнулась, и оттуда высунулась молодая новобранка. Ее фиолетовые волосы отлетели с лица, когда она крикнула:

— Шериф, вам лучше скрыться!

Блейз двигался быстро, поворачиваясь, чтобы посмотреть, как языки молний змеятся на небе в яростной вспышке цвета. Они были пурпурными по краям и чисто белыми посередине. Каждая неровная полоса оставляла светящийся черный след перед его глазами. Но он не мог отвести взгляд.

Дождь полился. Крупные капли дождя стучали по крыше со звуком града. Дождь хлестал по плечам Блейза, он нырнул в кабинку; поток стекал с передней части его шляпы на пол. Он подтолкнул лужу ботинком к двери.

— Как долго, по-вашему, это продлится, шериф? — сказала новобранка.

— О, около часа, я думаю, — ответил Блейз.

В будке было тесно, а стул был лишь один, который тут же предложила ему новобранка. Блейз отказался.

— Держите уши на связи. Я посмотрю из окна, — тихо сказал он.

Они ждали в тишине почти двадцать минут. Буря вызвала такой сильный ветер, что бело-голубая энергетическая стена начала звенеть. Она так звенела только при скорости ветра свыше пятидесяти миль в час. Эти капли дождя, вероятно, ощущались на коже человека как стальные шарики. Было бы неприятно застрять снаружи в этой буре.

Едва эта мысль пришла ему в голову, как новобранка вдруг сказала:

— Шериф, у выхода кто-то есть.

Блейз подошел к своему столу, на котором ничего не было, если не считать небольшой вертикальной переговорной коробки.

— Это кто?

— Не знаю. Не представились.

Там было пятно в форме человека, стоящее за пределами энергетической стены. Ее искажал дождь, падающий на окно, рябь шла от ударов ветра по стене, но у пятна были все характеристики человеческого облика.

Странно то, что он не нажал на переговорник.

— Чего он ждет? — буркнула новобранка. Ее палец завис рядом с кнопкой ответа в ожидании.

— Не знаю, — Блейз ждал еще мгновение, но фигура не двигалась. Она стояла, свесив руки по бокам и не шатаясь на ветру. — Это не человек, — сказал он через мгновение.

— Разведчик?

Или кто-то из другой колонии, подумал Блейз. Он не произнес этого вслух, потому что жители Далласа не должны были знать о других. Говорить с этим человеком по интеркому нельзя было: новобранка услышит, и тогда ее придется убрать. И в его протоколе было предусмотрено предотвращение досрочного выхода на пенсию, когда это было необходимо.

— Открой выход.

— Сэр?

Блейз ощутил удивление новобранки, когда она пошла к двери, не оглядываясь.

— Как шериф Далласа, я прошу вас открыть выход, — он зарядил свой дробовик, и его патронник наполнился опасным бело-голубым зарядом. — Я возьму на себя полную ответственность за инциденты, которые могут произойти в результате моих приказов.

— Да, сэр, — ответила новобранка.

Блейз вышел в бурю. Ветер сердито трепал его плащ, шум забивал уши. Дождь лил из облаков так густо, что ему приходилось полагаться на молнию, чтобы найти путь к выходу. Вот она, на короткое время в сиянии дуги электрической вены стало видно черную брешь в энергетической стене.

— Ау? — Блейз выбрался в брешь, ствол его дробовика уже был нацелен на злоумышленника. — Поднимите руки и медленно повернитесь.

Это была женщина. Ее кожа была темной, а волосы были черными. Ее глаза были редкого серебристого цвета, резко выделялись на фоне почерневшего неба — даже сквозь почти слепящую завесу дождя они все еще будто сияли. Женщина медленно повернулась, пока эти глаза не встретились с Блейзом. Ее губы раскрылись в удивительном выражении боли, когда она попросила:

— Пожалуйста... пожалуйста, просто убей меня. Не возвращай меня туда.

Блейз знал, что эта женщина была юнитом, хотя она пыталась скрыть это, ведя себя как человек. Обман был сложной функцией, для которой требовался продвинутый микрочип и очень слабый сценарий протокола.

Может X2?

Или... уж точно не X3.

— Из какой ты колонии? — крикнул Блейз.

Женщина не ответила. Она опустилась на колени, когда приблизился Блейз. Вся ее рваная одежда и темные пряди волос были покрыты грязью. Она вонзила пальцы в землю, царапая влажную поверхность, обнажая сухую плоть под ней.

— Пожалуйста, пожалуйста, — стонала она. Ее рука дрожала, когда она подняла ее с земли. Ладонь прижалась к одному из ее серебряных глаз, и грязные слезы покатались к ее подбородку. — Просто убей меня... не отправляй меня туда... пожалуйста, просто убей меня.

Блейз понимал, что случилось с этой женщиной. Он уже видел это раньше: должно быть, ее поймал бот АБР. Эта женщина была отмечена как аномалия и отправлена в ближайшую колонию для перевозки. Обычно Блейз помещал таких внутрь броненосца и отвозил прямо в Учреждение. Но поскольку Даллас находился на карантине, ей придется остаться здесь.

Это означало, что ее голова будет продолжать болеть.

— Пойдем со мной, — твердо сказал он.

— Нет... нет, пожалуйста...

— Я должен запереть тебя. Это протокол.

— Но я не могу... я не могу снова...

Раскат грома скрыл ее голос. Блейз не слышал, что она сказала. И прежде чем он успел попросить ее повторить, в воздухе позади него разнёсся еще один звук: глубокий, рычащий раскат грома, который становился громче с пугающей скоростью. Когда земля начала трястись, Блейз точно знал, что это был не гром.

Бот послушания.

— Внутри! — проревел он.

Женщина не двигалась. Она сгорбилась в болезненном оцепенении. Похоже, она не обращала внимания на то, что вся земля тряслась.

Протокол Блейза требовал, чтобы он попытался спасти ее жизнь.

Он пересек пространство между ними и схватил ее под руку. Женщина безвольно висела, он тащил ее к Выходу. Мокрая земля скользила вокруг его ботинок, а грязь замедляла шаги. Мир подпрыгивал перед его глазами, бот подбежал ближе, и его огромный вес давил на землю.

Брешь была перед ним. С каждой секундой она становилась шире. Новобранка с фиолетовыми волосами лихорадочно крутила рычаги, пытаясь открыть щель для двух человек. Но она не успевала. Промежуток был достаточно широкий только для одного. И Блейз, как он поклялся, когда принял должность шерифа, должен был ставить жизни других выше своей.

— Гах!

Он грубо швырнул женщину в щель, а затем повернулся. Ему удалось выстрелить из дробовика одним лучом — веером взрывной энергии, который поразил бота прямо в его экран. Но луч не нанес урона. На самом деле все он только сбил маскирующее устройство бота на полсекунды, уничтожая любую возможность того, что Блейз выживет.

Бот послушания был высотой более десяти футов. Он склонился над Блейзом в сокрушительной волне стали и огня. Его экран, разделенный на две части, чтобы имитировать глаза, был белым. Черные вены пульсировали в его глазах, искривляясь и мерцая, огонь луча испарился, а маскирующее устройство снова включилось. Кулак размером с мусоровоз Гранита с такой силой сжал Блейза, что его подбородок ударился о грудь.

На мгновение он растерялся. Затем, когда он открыл глаза, Блейз поднялся так высоко, что мог почувствовать вкус дождя сквозь облака. Давление окружало его со всех сторон. Он ощущал, как давление быстро нарастало, бот сжал кулак. Вскоре давлению некуда будет деваться, кроме как из макушки черепа. Бот собирался раздавить его до смерти.

Блейз не боялся. Это делали боты послушания. Ему было приказано оставаться внутри стен, но он вышел, чтобы проверить злоумышленника. Он не нарушал протокол. Он действовал согласно программе. И теперь бот послушания должен был сделать то же самое.

Следующий цикл будет лучше. Он будет лучше...

Странное чувство пронзило его внезапно. Оно началось в макушке, где его короткие черные волосы встали дыбом. Его кожа внезапно натянулась, и, когда он опустил взгляд, он увидел мелкие бугорки на всей покрытой шрамами тыльной стороне его рук. Он парил в чудовищной хватке бота, подвешенный, как лист, который каким-то образом поймал ветер. На мгновение Блейзу показалось, что он умер.

Затем в его глазах вспыхнул ослепляющий белый свет.

И боль... ужасная боль.

Блейз никогда раньше не чувствовал боли, но он знал, что это ощущение было невыносимым. Он кричал, корчился, его конечности болтались, а его кожа изо всех сил пыталась не разорваться от раскаленной добела волны, которая грозила вырваться из-под его пальцев.

Он больше не мог этого терпеть.

Он хотел, чтобы этот цикл закончился.

Он хотел отпустить...

— Шериф?

В нос Блейзу ударил едкий запах. Он дернулся и застонал, ощутив, как прядь волос превратилась в пепел между кончиками его пальцев.

Желто-зеленые глаза О'Брайена быстро вспыхнули, прежде чем он отвернулся.

— Он жив! Звоните в больницу!

— Да, сэр!

Шаги унеслись в сторону стены Выхода...

Шаги...

Стук...

Блейз вскочил с воплем:

— Уходи отсюда! Вернись за стену!

— Почему? — выдавил О'Брайен.

— Бот послушания тебя убьет!

— Он выведен из строя, — О'Брайен поднял Блейза в сидячее положение и указал на землю рядом с ним. — Нам потребуются месяцы, чтобы собрать эту штуку и отправить ее на переработку.

Огромная рука-коготь лежала перед Блейзом. Дым поднимался от ладони; дождь шипел, стуча по пальцам. Бот послушания вышел из строя.

— Но... как?

— Удар молнии, — хмыкнул О'Брайен.

— Хм, мне повезло, — сказал Блейз. Его губы раскрылись, и он ощутил ветер на своих зубах. Давление нарастало в его груди, и он уже не мог его сдержать: он разразился смехом. — Боже, мне повезло, да?

О'Брайен отклонился.

— С вами все в порядке, шериф?

— Лучше, чем в порядке, я жив! — Блейз запрокинул голову и завыл на ветер. Он никогда раньше не издавал таких звуков. Он никогда не издавал ни одного из этих звуков. Он не знал, что мог. Но его тело, кажется, действовало само по себе.

А Блейз был лишь пассажиром.

О'Брайен нахмурился, когда Блейз снова завопил. Он повернулся к ближайшему работнику и буркнул:

— Лучше предупредите госпиталь. Скажите им, что шериф ведет себя... ненормально.

ГЛАВА 7

АПРЕЛЬ 2413

— Я собираюсь двигать ее... тебе нужно присесть здесь и ловить то, что появляется...

Руки Уолтера заполнили мое поле зрения. Они обвили рукоятку ржавой пилы, его пальцы были скрючены, как корни древнего дерева. Зубья пилы скользили туда-сюда, мягко вгрызаясь в нежные кольца молодого деревца. Это движение не резало. Рана образуется просто потому, что зеленое дерево всегда уступало заточенному металлу. Но дело не в ране.

А в том, что лежало под деревом. Сотни крошечных вещей извивались среди корней. Вибрации от движения между деревом и пилой вызывали неожиданные толчки в земле, и все мелочи, которые были довольны тем, что их скрыли, внезапно обнаружили, что жизнь

становилась невыносимой.

Они поднимались и карабкались вверх, все их чувства напряглись в точке, которая вырвалась из влажной почвы в воздух. Но они не были созданы для такого мира — мира, где ветер кусал их, а солнце высасывало жизнь из их чувствительной плоти. Они корчились на земле, которая все еще содрогалась от толчков, не в силах ни выжить наверху, ни спуститься вниз.

Пила двигалась туда-сюда, становясь все громче с каждой минутой. Рана становилась все глубже и глубже. Все больше и больше червей выползло на поверхность, где они становились слепыми и беспомощными. Я хватала их обеими руками и бросала их тела в потертый кожаный мешок. Какое-то время будет темно и тихо...

Потом это закончится.

* * *

Туда-сюда... туда-сюда...

Я прислушалась к звуку пилы, пытаюсь вырваться из глубокого сна. Он был куда крепче, чем обычный сон. Он был чем-то усилен — каким-то веществом. Шум не стихал. Даже после того, как мои глаза полностью открылись и остановились на белой плитке потолка, я все еще слышала его.

Пила влетела в дерево, скользя так быстро, что я удивилась, как Уолтеру удавалось удерживать хватку. Теплый свет лился на потолок. Он смягчал то, что было мучительно ярким оттенком белого. Но хотя цвет для моих глаз смягчился, шум все еще присутствовал. Такой же громкий и неистовый, как в тот момент, когда я впервые услышала его.

Мне напомнили, что у меня была одна работа — одна очень важная задача, которая поможет Уолтеру и мне пережить эту ненормально суровую зиму.

Я вдохнула сквозь зубы, нашла слюну, чтобы прохрипеть:

— Черви.

Шум тут же пропал. Тишина ворвалась в мои уши и набухла, пока они не начали звенеть. Я со стоном замотала головой из стороны в сторону, пытаюсь прочистить уши. Я вдруг поняла, что мне должно быть больно. Состояние, в котором я была, когда пришла в Учреждение, было немногим лучше, чем состояние яблока, скатившегося по двадцати трем пролетам бетонных ступеней.

Я должна быть слишком разбитой, чтобы быть кому-то полезной.

Но это странно... Я ничего не чувствовала.

Я повернула голову и попыталась понять, где я оказалась. Вроде, я была в какой-то спальне. Это не было похоже на мою спальню в Граните, где в стенах были прогрызены крысиные норы и всегда воняло мусором. Это и не было похоже на комнаты в лаборатории с тонкими матрасами и хрустящими бумажными простынями. Кровать, в которой я спала, была толстой и удобной; в комнате пахло чистотой. Не было ни визжащего холодильника, ни стока в полу — на случай, если я умру и кому-то придется убирать беспорядок шлангом.

Эта спальня была... хорошей.

Милой, будто я должна была пожить здесь какое-то время и радоваться этому.

Мой взгляд скользил по дальней стене, ища источник теплого оранжевого света. Стены были сделаны из бетона. Они не выглядели холодными, как стены санитарной комнаты. По ним тянулись мелкие сколы и трещинки. Рисунок прерывал врожденную суровость их кожи. Я жадно, почти в бреду разглядывала эти трещины до маленькой настольной лампы.

Светильник был простым: черная металлическая подставка и кремовый абажур. Я

изучала стол, на котором он стоял, пытаясь решить, был он сделан из дерева или какого-то матового изогнутого металла, когда краем глаза заметила какое-то движение.

Я не думала, что могла так. Я не думала, что полностью исцелилась. Но когда я увидела молодую женщину, сидящую напротив меня, я вскочила на ноги.

— Ого... кто ты?

Она не ответила. Она сидела очень тихо и наблюдала, как я пыталась рассмотреть ее.

Эта женщина была примерно моего возраста. Она напоминала мне шерифа Кляйн: сумрак на губах и вокруг глаз, сумерки пробегают по всей длине ее гладких волос. В ее взгляде тоже были сумерки. Если бы она была человеком, ее глаза были бы такими же темными, как у Аши. Но они не были темными: они были серебристыми, пронзительного оттенка люминесцентного серо-белого цвета. Как зимняя луна, когда она проходит сквозь тонкую струйку облаков.

Женщина, сидящая напротив меня, не была человеком, потому что ее глаза не имели естественного цвета, как сказал бы Уолтер. Если она не была человеком, то она была Нормалом.

Я собиралась еще раз спросить ее, кто она, когда женщина вдруг улыбнулась. Это была не Нормальная улыбка, а приятная. Красивая, как свет лампы на бетонной стене.

Что, черт возьми, здесь происходило?

— Я знала это. Я знала, что ты не умерла, — тихо сказала она.

Ее голос звучал знакомо. Я никогда не видела ее раньше, но было что-то в том, как она передавала свои слова — странная ровность в ее тоне, которая заставляла меня думать, что за тем, что она говорила, стоял целый мир мыслей. Я была почти уверена, что слышала это раньше.

Я просто не знала, как.

Мое сердце билось серией быстрых неглубоких ударов. Ощущение напоминало мне камень, прыгающий по поверхности пруда: шлеп, шлеп, шлеп — и исчез. Каким бы ни было это чувство, оно ушло глубоко под воду. Я не знала его веса, формы или цвета. Все, что у меня осталось, это рябь...

Рябь, вырывающаяся из глубины серебристо-лунных глаз.

— Как тебя зовут? — наконец, сказала я, и мой голос стал тише, чтобы соответствовать ее тихому тону. Я не знала, почему она была такой тихой. Но после того как я прошла через Учреждение, я не собиралась рисковать делать то, что навлечет на нас неприятности.

— Воробей, — ответила она. — А тебя?

— Шарли.

— Шарли...? — она склонила голову и прищурилась — Нормалы не делали такое выражение лица. — Разве Шарли не мальчишеское имя?

— Разве Воробей не птичье имя?

Она улыбнулась мне, и мое сердце снова замерло.

— Ладно. С тобой все в порядке, Шарли? Фрэнк сказал, что ты вляпалась в неприятности.

— Я в порядке, — уверила я ее. Хотя я не была уверена, что со мной все было в порядке.

Я осторожно коснулась своих ребер, провела суставами пальцев по их изгибам — движение, от которого раньше я бы упала на колени. Я бы кричала от боли. Но сейчас?

— Я в порядке... я действительно в порядке.

Я отвела взгляд от Воробья, он рассеянно скользил по дальней стене, пока я

осматривала остальную часть своего тела на наличие повреждений. Царапины на спине и рваные кольца на запястьях исчезли. Мое лицо снова было гладким; комки опустились и исчезли. Там, где раньше было огнестрельное ранение, я ощутила особую гладкость шрама.

Я была в рубашке без рукавов и широких брюках. Они были мягкими и чистыми, а материал, из которого они были сделаны, был белым, как потолок. Пока я ощупывала шрам от пулевого ранения, размышляя, сколько времени прошло с тех пор, как я попала в Учреждение, я ощутила кое-что еще. Армия крохотных бугорков, численностью в тысячи, начала скапливаться на обнаженной плоти моих предплечий.

— Мне холодно, — прошептала я.

Я не знала, почему сказала это так странно, почему держала слова во рту, пока они не вырвались с недоверием. Я не удивилась, что мне было холодно, конечно. Я была удивлена, что выжила? Что вылечилась, наверное?

Я подняла взгляд и заметила, что Воробей наблюдала за мной.

Нет, изучала меня...

Поглощала меня.

Ее взгляд был прикован к моей руке, она смотрела на рисунок мурашек на моей коже, и ее взгляд был так напряжен, что я ощущала пульсирующий жар. Волны тепла спускались по спирали в виде узкого луча и царапали каждую выпуклость — взгляд столь же взвешенный, как красный свет сканера экзоскафандра. И я была поражена этим.

Застыла.

Не могла двигаться.

Рука Воробья дёрнулась с того места, где она держала её на коленях. Я увидела вспышку чего-то желтого с розовым кругом на конце. Давно я его не видела, но сразу узнала.

— Это карандаш?

Ее рука защитно сжалась, и я заметила, что она лежала на чем-то, похожем на маленький черный блокнот.

— Ты ...? Ты делала записи обо мне, пока я спала?

Воробей была уже готова дать мне прямой ответ, когда ее губы внезапно сжались.

— Мне не разрешено говорить.

— Что тебе нельзя говорить?

— Мне нельзя говорить, почему я... нет, — она покачала головой, и волны ее темных волос хлестали ее по плечу при этом движении, — нет, я не могу тебе сказать. Я должна держать свои особенности при себе, чтобы дать тебе возможность развить свои.

— Мои...?

— Особенности, — закончила она, когда я не смогла.

Я понимала слово, но не понимала, почему оно использовалось в данной ситуации. Эта ситуация началась неловко и становилась только более неудобной с каждой минутой.

— Ладно. Тебе не обязательно рассказывать мне, о чем ты писала...

— Я не... тьфу, — она швырнула блокнот на кровать рядом с собой и скрестила ноги. — Что ты хочешь узнать?

Я была ошарашена ее реакцией. Воробей выглядела Нормально: у нее было гладкое лицо, идеальная кожа — и из того, что я видела сквозь ее мешковатую одежду, в ее телосложении были характерные для Нормалов мускулы. Она, судя по всему, была Нормалом.

Но она вела себя как человек.

Ее лицо, то, как высоко поднимались брови в ожидании, а губы кривились в раздражении. Ее поза, то, как она согнула ноги на коленях вместо того, чтобы сидеть прямо. Она касалась кончиком большого пальца кончика каждого пальца, ожидая, что я скажу — жест нетерпения, который я видела у Аши десятки раз, когда я не позволяла ей просто подойти к кому-нибудь и нанести удар.

Эти воспоминания об Аше напомнили об осторожности. Я знала, как быстро кто-то мог превратиться из моего друга в полный ад. Воробей мне даже не была другом: она просто была странной, не переставала пялиться на меня. Но пока мы застряли вместе, я могла попытаться кое-что выяснить.

— Где я?

— Учреждение, — кратко ответила она.

— Учреждение Двенадцать?

Она приподняла бровь.

— Их больше одного?

— Наверное. Люди обычно не нумеруют вещи, если их всего одна.

— Ты шутишь, да? — сказала Воробей после долгого момента, когда она только смотрела в черные серединки моих глаз. — Как интересно.

Я не знала, почему это было интересно. До сих пор Воробей была бесполезной. Ей повезло, что я не вернулась к той манере Уолтера, которая заключалась в том, чтобы обмотать ее горло простыней и сжимать до тех пор, пока она не посинеет и скажет мне то, что я хотела знать.

Я сделала глубокий вдох, напоминая себе, что попытка задушить Нормала приведет лишь к тому, что меня швырнут через ближайшую стену. Если Воробей была Нормалом... я все еще не была уверена.

— Почему ты здесь? — спросила я через мгновение.

— По той же причине, по которой ты здесь.

— И это...?

— Разве они не сказали? Боже, — буркнула она, наконец, оторвавшись от меня и взглянув на стену рядом со мной. Потом взгляд вернулся. — Тебя прислали сюда, потому что ты сломана, Шарли. Ты здесь, потому что ты Аномалия.

Это было так давно, что я совсем забыла. То, что произошло незадолго до моего отъезда из Далласа — или Мира Уродов, или Эль-Пасо, или как там люди это называли, — постепенно исчезло за те месяцы, что я провела в Ничто. Я помнила плохое, но ужасно долго не думала о том, что случилось потом.

Уолтер отвлекал меня большую часть дней, и до недавнего времени я лечила группу травм настолько серьезных, что едва могла сосредоточиться на настоящем, а тем более на прошлом. Теперь мои раны зажили, и впервые за несколько месяцев я сидела в тихом месте, и все воспоминания с ревом вернулись ко мне.

Я должна был умереть, но не умерла. Мэрия удалила мой файл, и Лаборатория планировала бросить мое тело в печь, как они сделали с Ральфом. Но я очнулась прежде, чем они смогли расколоть мой череп и вытащить серое вещество. И после этого Даллас не знал, что со мной делать.

Детектив Стэнтон думал, что я была Аномалией. Нет. Шериф Кляйн настаивала на том, что это не было так, но позволила Стэнтону поверить в это, чтобы увести меня от Говарда, который был плохим. Я всегда знала, что он был плохим, но теперь я знала, что он был

намного хуже, чем я думала. Достаточно плохим, чтобы напугать даже Кляйн, которая никогда ничего не боялась.

Она собиралась отвезти меня в Учреждение, чтобы починить, что бы это ни значило, а потом вернуться за мной. Она собиралась сделать меня офицером и убедиться, что Говард больше никогда не прикоснется ко мне. Но ничего из этого не произошло, потому что Кляйн убили чертовы янки, которые теперь тоже были мертвы.

Когда я вспомнила о неожиданном повороте, который приняла моя жизнь, я была так занята, просто пытаюсь выжить, что никогда не рассматривала возможность того, что, в конце концов, смогу вернуться сюда. Здесь, в будущем, которое, как я думала, уже умерло.

Я ощущала себя примерно так, как чувствовал червь, когда кто-то выковыривал его из земли: слепой, беспомощный и сбитый с толку.

— Я не аномалия, — услышала я собственный голос.

— Конечно, нет, — подняв голову, я увидела, что Воробей усмехалась мне. — Ты просто другая, да?

«Мы в мэрии предпочитаем использовать слово «другой». Так что же другого в Шарлиз?»

Мой желудок сжался, голос Говарда царапал мои уши. Это был день, когда я впервые встретила его. В тот день мой отец бросил меня и записал на корм для всех экспериментов Говарда. В тот день начался мой кошмар. И это было слово, которое Говард использовал, чтобы описать это.

Другая.

Когда я снова услышала это слово, мне стало плохо. Я поежилась, холодная волна воспоминаний захлестнула мои глаза и уши. Я не хотела возвращаться в Лабораторию или место, похожее на Лабораторию. Я не хотела, чтобы Говард нашел меня.

Потому что, если он найдет меня, он не убьет меня...

Но я точно пожалею, что не умерла.

— Я... я должна выбраться отсюда, — пролепетала я.

В комнате была дверь. Я сорвала одеяло, его мягкие нити вдруг стали похожими на грязный песок, и побежала босиком по холодному бетонному полу. Мои ноги вспотели от ужаса воспоминаний. Я поскользнулась на полпути и сильно падаю на локоть. Прежде чем я успела упереться ногами, я ощутила, как руки Воробья сжали мою талию.

Ее хватка была невероятно сильной — как у Нормала. То, как она держала меня, было слишком сильно для моих ребер. Я закричала, чувствуя, как они трескались в тех местах, где они раньше трескались.

Воробей сразу отпустила.

— Что случилось?

— Ты меня чуть не раздавила! — я отползла от нее и вжалась спиной на дверь. Мои руки дрожали, обвив мою талию; мои пальцы нажимали на изгибы моих ребер, проверяя, нет ли переломов. Но их не было. Воробей, должно быть, вовремя отпустила. — Что, черт возьми, с тобой? Зачем ты меня так схватила?

Воробей все еще стояла там, где она отпустила меня, небрежно свесив руки по бокам. Она была высокой. Теперь, когда она встала, я увидела, что она была на добрых шесть дюймов выше меня. На ее руках были линии — изгибы Нормальных мышц. Сквозь тонкую белую ткань ее рубашки я видела еще одну неровную вмятину. Она тянулась по ее животу и углубилась, когда она уперла руки в бедра.

Внезапно я вспомнила, насколько хрупкой я была по сравнению с Нормалами. Я знала, как легко Воробей могла убить меня.

— Ты упала, — сказала она через мгновение. — Вот я и подумала, что помогу тебе подняться.

Я не знала, о чем она думала. Ее лицо колебалось между раздражением и любопытством. Я надеялась, что ее Нормальная сила означала, что у нее был Нормальный интеллект, то есть она не могла мыслить самостоятельно, дальше того, что написано в протоколе.

Но опять же, она меня удивила:

— Ты не такая... как все, да? — прошептала она через мгновение. — Ты действительно другая. Какая-то хрупкая. Ты больна, Шарли?

Я не ответила. Я не знала, что сказать, а от остроты ее взгляда у меня пересохло в горле. Я чувствовала, что были равные шансы, что она кивнет или вырвет мои конечности из суставов и высосет мозг через оборванные концы.

Дверь была позади меня. Я слепо схватилась за ручку, не сводя глаз с Воробья. Закрыто. Я потянула изо всех сил, вкладывая в это усилие весь свой вес. Но дверь все равно не шевелилась.

Воробей внимательно наблюдала за моими усилиями.

— Если ты заболела, ты должна сказать Фрэнку. Он тебя починит.

Я не знала, кем был Фрэнк, и я не хотела, чтобы он исправлял меня. Теперь я верила, что случится что-то плохое, если я позволю Воробью приблизиться. Я чувствовала предупредительный пульс сквозь внезапный жар в моем лице. Ручка сильно гремела, когда я толкнула ее вверх, но она все еще не поддавалась. Мои ноги тряслись, ладони промокли. Тут Воробей сделала шаг ко мне, и я заорала на нее, как на койота:

— Нет, нет! Оставайся на месте! Отойди от меня!

Она замерла посреди шага, склонив голову. После долгого, неприятного момента на ее лице появилось понимание.

— Ты боишься, да?

— Да, — выдавила я. — Я не знаю, где я, кто ты и что ты собираешься со мной сделать, но...

— Я намерена присматривать за тобой, Шарли. Я была очень рада познакомиться с тобой. Я даже тренировалась с цыплятами, чтобы случайно не навредить тебе.

Я не понимала. Ее слова только усилили мое замешательство. Они злили меня. Все, что произошло с того момента, как я проснулась, уже крутилось у меня в голове, как пыльная буря, — и тут она добавила это...

Эту горсть камешков, которые подхватил ветер и с силой швырнул в губчатую середину моего черепа.

— Я тебя не знаю, — прорычала я. — Так что перестань разговаривать со мной, как будто мы друзья, ладно? Я тебя не знаю.

Она моргнула.

— Ну... пока нет.

Я уже выходила из себя, как вдруг из-под потолка раздался женский голос:

— Тихий час закончился. Теперь все юниты могут свободно исследовать Учреждение.

Прежде чем я успела понять, откуда исходил голос, я услышала еще один шум — серию ударов, которые начались слабо, но становились все громче по мере того, как они

проносились по коридору. Звучало так, будто на нас мчался экзокостюм, его ноги удлиннились, а сухожилия набухли для боя. Этот гул был звуком его многотонного тела, шагающего по земле.

Я подпрыгнула, когда звук ударил в дверь позади меня и заставил ее содрогаться. Мои потные руки скрипели по скользкому полу, когда я отпрянула, отталкиваясь пятками, пока сильно не врезалась в голени Воробья.

И они были так же неподвижны, как и металлическая дверь.

— Что это было?

— Замки, — просто сказала она. — Все двери запираются в тихое время, а утром открываются.

— Почему?

Воробей на мгновение задумалась.

— Полагаю, чтобы уберечь нас от неприятностей.

Она отошла, и без ее голеней я отшатнулась. Я не пыталась это остановить, а просто позволила этому случиться. Приятно было прилечь на секунду. То, как мой затылок прижался к твердому полу, успокаивало меня. Охлаждало кожу, облегчало дыхание. И самым приятным было то, что я не видела Блейза.

Я проверила, но шишка у основания черепа исчезла, зажила. Кожа была гладкой, за исключением грубых корней моих волос. Я была рада, что он ушел... но и напугана, потому что это означало, что я осталась одна.

Ну, за исключением этой странной девушки в Учреждении.

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на перевернутое изображение Воробья, севшей возле моей кровати. Раньше я этого не замечала, но под ней был ряд ящичков. Она открывала один и вытащила мягкую на вид белую куртку. Затем она встала и подошла ко мне.

— Вот, — она бросила куртку мне на грудь.

— Эм... спасибо?

— Не за что.

Воробей смотрела на меня еще мгновение, ее серебристо-лунные глаза скользили по всему моему телу с тревожной сосредоточенностью. Затем она повернулась и схватила блокнот с кровати.

— Ты можешь делать все, что хочешь, до обеда — это единственный обязательный прием пищи за день.

— Обед?

— Да. В столовой всегда есть еда, если хочешь перекусить. Просто пролистни, — она подняла большой палец, — и выбери, что хочешь съесть. Ничего не ломай, не стреляй из любого оружия вне отведенных для этого мест...

— Что?

— ...и не вмешивайся ни в какую проводку, — ее глаза сузились, взгляд скользнул к потолку, — или ты можешь убить нас всех.

— Я не... какого черта мне возиться с проводкой?

— Фрэнк сказал, что ты можешь, — прошептала Воробей, снова глядя на меня. — Он говорит, что у тебя есть такой опыт.

Больше путаницы. Еще одна горсть камешков в центре кружащегося облака пыли.

— Кто такой Фрэнк?

Воробей не ответила. Она прошла мимо меня и толкнула дверь. Та широко распахнулась

и с громким щелчком закрепилась у стены. За дверью был узкий коридор — больше похоже на металлическую трубу, чем на коридор. Будто кто-то взял бронетранспортер и растянул его на пятьдесят ярдов в обоих направлениях. Я начала потеть от воспоминаний...

— Стой!

Воробей протянула руку прежде, чем я успела дойти до нее, блокируя меня.

— Тебе следует пойти туда, — сказала она, кивая поверх моего плеча. — Думаю, тебе больше понравится.

Она повернулась и направилась в правый конец коридора, двигаясь походкой, похожей на бег трусцой. Ее фигура тускло отражалась на стенах, приглушенная светом и искаженная в изгибе металлического коридора. Одна женщина с двумя мерцающими призраками, марширующими рядом с ней. Я смотрела, пока она не повернула за угол в конце коридора и не исчезла. Затем я повернулась налево.

— Это не броненосец, — прошипела я, заставляя ноги сгибаться.

Они застыли и тряслись, дрожали от воспоминаний о голоде, жаре и опухшем, высохшем языке. Я повернулась, чтобы посмотреть на одного из своих призраков, размыто отражающегося в металлической стене рядом со мной. Я сосредоточилась на пятне персика, где было ее лицо.

— У тебя нет времени бояться, Шарли. Нужно выбраться отсюда. Потом ты должна найти Уолтера и убедиться, что с ним все в порядке... и тебе лучше надеяться, что он в порядке, — грубо добавила я. — Потому что, если это не так, это твоя вина.

Это то, что мне было нужно. Этот пинок протащит меня по этому коридору и вынесет за двери Учреждения. Я натянула куртку, которую дала мне Воробей, и застегнула ее до подбородка. Мои волосы были распущены. У меня не было ленты, волосы не стали бы держаться в косе без нее. Так что я скрутила темно-каштановые пряди и натянула капюшон на голову. Я думала лучше, когда мои волосы были убраны.

Пол прихожей представлял собой несколько секций металлических реек, вваренных в нижнюю часть изгиба. Он громко лязгал при каждом моем шаге. Я не знала, как Воробью удавалось двигаться так тихо, когда я, даже приложив все усилия, звучала как бык на стекле.

По обеим сторонам коридора были комнаты, спальни, идентичные той, в которой мы с Воробьем были. Но все эти комнаты были пустыми. Кровати были заправлены, полы — выметены. На столах тепло светились лампы.

На полу не было ни одного квадратного фута, на котором не было бы пыли, а я лучше других знала, что паутина могла появиться почти где угодно. Чтобы эти комнаты были такими чистыми, кто-то должен был за ними недавно ухаживать — значит, кто-то подметал полы и застилал кровати в совершенно пустых комнатах.

Эта мысль пугала меня. Почему-то казалось более естественным позволить пустой комнате собирать пыль, чем убирать ее. Внезапно я стала рада своей неуклюжей поступи и лязгу, которые издавали мои ботинки по сварным металлическим полам. Иначе была бы тишина. Вряд ли я смогла бы пройти между этими пустыми комнатами в тишине. Все это дополнительное давление могло помешать мне согнуть колени.

Я обрадовалась, когда коридор, наконец, повернул. Там был более короткий участок, вероятно, не более пятнадцати ярдов, и металлический туннель открывался в круглую металлическую комнату.

Эта комната была такой же пустой и чистой, как спальни. Четыре двери, раздвинутые и подвешенные в тисках рам, тянулись вдоль изогнутой стены передо мной. Над дверью не

было вывески. Раньше была: я видела узкие лампы там, где были до этого установлены и подсвечены их метки. Но хотя свет все еще слабо светился внутри плафонов, слова были удалены.

Я не знала, куда идти. Я даже не знала, в каком направлении смотрела. Воздух внутри Учреждения был холодным и влажным — это, вероятно, означало, что мы все еще находились под землей. Но даже это было лишь предположением. Если я отсутствовала достаточно долго, чтобы мои раны зажили и образовались шрамы, то у любого, кто вошел в санитарную комнату, было достаточно времени, чтобы переместить меня.

Я вполне могла быть в другой части мира.

Было жутко стоять перед этими дверями и не знать, какую из них безопасно открыть. Я чувствовала себя кровью в человеческом сердце: вихрем в желудочке, не знала, смотрела я на аорту или артерию. За исключением того, что кровь не должна была ничего решать сама по себе. Она следовала за потоками, выталкиваясь или всасываясь с каждым ударом сердца.

Часть меня желала, чтобы моя жизнь была такой простой. Но это было не так. И я не могла стоять здесь весь день — или всю ночь — ждать, пока пустая металлическая комната даст мне ответ. Поэтому я выбрала дверь и подошла к ней.

Это была третья дверь слева. Я выбрала ее, потому что ненавидела четные числа, а выбор первой двери казался слишком очевидным. Третья дверь хорошо ощущалась. Я не могла точно объяснить, что это было за чувство, но я ощущала вспышку, когда взялась за ручку.

Мой большой палец скользнул по сканеру на замке. Лампочка над дверью одобритительно мигнула зеленым. Я была уверена, открывая дверь и вступая в комнату за ней, что приняла правильное решение.

Но когда я увидела, что меня ждало за этой дверью, я передумала.

ГЛАВА 8

Я не сразу поняла, что кто-то еще — что-то еще — находилось в комнате. Я была поражена светом и звуками, а также огромным количеством оборудования, втиснутого в одно маленькое пространство.

Эта комната напоминала мне командную станцию, которую мы с Ашей нашли в будке контрольно-пропускного пункта: маленькая комната с огромным изогнутым экраном спереди и раскидистый стол, заваленный ручками, циферблатами и кнопками. За исключением того, что в этой комнате были два стола, расположенных амфитеатром с экраном впереди.

Экран, который мы видели в будке КПП, был разбит — еще до того, как пады швырнули в него стул. Я помнила пустой белый экран, покрытый черными дергающимися лианами. Будто миллионы маленьких статических точек, которые обычно роились в мертвой ленте, каким-то образом свернулись в кольца. Такая же черно-белая каша появилась в проекции Куба Кляйн после того, как я воткнула его в дверь КПП.

И Куб не работал после этого.

Экран в этой комнате все еще работал. Я с изумлением смотрела, как он вспыхнул цветом. Картинка была разбита примерно на дюжину разных окон, каждое из которых

показывало разное изображение мира под ними — далеко под ними. Деревья отображались как крошечные точки; дороги выглядели как царапины на песке. На некоторых кадрах могли быть люди, но слишком маленькие, чтобы их можно было заметить.

— Это ...? Это реально? — прошептала я.

— Да, это прямая трансляция, — ответил роботизированный голос.

Я не ждала ответа, и меньше всего ответа, который исходил прямо от меня. Я подпрыгнула так сильно, что чуть не провалилась в дверь.

— Осторожно, юнит X1-37, - спокойно сказал голос. — Ты уже однажды ушибла себе мозжечок. Вторая такая травма нецелесообразна.

Я узнала этот голос. Его я слышала перед тем, как потеряла сознание после очистки. Помню, я подумала, что голос звучал странно. Может, даже разумно. Я помнила, как подумала, как странно, что голос бота мог звучать так спокойно, в то время как любой другой бот, которого я слышала, звучал так, будто он кричал через консервную банку.

Я не хотела, чтобы этот бот был опасен. Я хотела, чтобы он был таким же спокойным и добрым, как его голос. Но я узнала, что большинство ботов в Ничто просто хотели убивать. Поэтому я повернулась очень медленно.

Уолтер однажды рассказал мне о ботах, которые ходили на двух ногах, как люди. Он сказал, что они чертовски жуткие. В то время я не обратила на это высказывание толком внимания. Это была просто часть истории, еще одно отступление Уолтера с примесью ненормативной лексики, которое имело мало общего с его основной мыслью. Теперь, когда я, наконец, хорошенько разглядела существо, стоящее рядом со мной, эта фраза вырвалась из моих воспоминаний и ударила меня по зубам.

— Что за черт...?

— Будь осторожен, X1-37, - снова сказал бот. Слова звучали так же, но намного громче, чем раньше — будто он увеличил громкость своих динамиков.

Мое сердце колотилось о ребра. Большая часть моего тела — моя кровь, моя плоть, мои кости — вопила, чтобы я бросилась в дверь и захлопнула ее за собой. Но мои проклятые глаза не отводили взгляда.

Такого бота я еще не видела. Он был сложен как человек: ноги, ступни, руки и кисти. Голова была овальной, но лица не было. Лишь одна линза, где должны быть глаза. Я слышала крошечные жужжащие звуки, когда объектив приближал и отдалял мое лицо. Я слышала, как он щелкал, сканируя мою длину вверх и вниз.

Это выглядело жутко. Пока я думала об этом, что-то загорелось под объективом. Это был небольшой прямоугольный экран со слабой синей полосой света посередине. Линия начала рваться при звуке моего панического дыхания. Она подпрыгивала и мерцала, будто записывала все мои звуки.

— Что ты делаешь?

— Я слушаю тебя, X1-37.

— Перестань называть меня так.

— Извинения. Как бы ты хотела, чтобы я тебя называл?

Я не ответила. Мне уже казалось, что этот бот пытался впитать меня и запомнить все обо мне — точно так же, как глаза Воробья вбирали меня. Но этот взгляд работал с точностью и огромной емкостью памяти того, что казалось ультра-продвинутым механизмом. Он определенно был более продвинутым, чем все, что у нас было в Далласе. Я могла орать на Билла весь день и не получить в ответ ни звука.

Но этот бот, похоже, мог вести целый разговор. Но не мог оставить меня в покое.

Голубой свет под его линзой устремился в сторону, ожидая моего ответа. Когда я ничего не сказала, он снова заговорил:

— Я повторяю свою просьбу для твоего рассмотрения: какое имя ты бы предпочла, чтобы я использовал, если не номер юнита?

— Номер юнита?

— Да. Твой номер юнита X1-37.

Я не знала, о чем говорил бот. Я даже не понимала, что такое юнит.

— Я человек.

— Да.

— Не юнит.

— Юнит, — синий свет на экране его рта подпрыгивал вверх и вниз, когда он улавливал мои запутанные бормотания. — Давай начнем с обмена какой-нибудь более удобоваримой информацией — может, тем, как нас лучше называть?

— Меня зовут Шарли, — жестко сказала я. Вроде, об этом просил бот. Но звучало так, будто он читал из словаря, так что я не была уверена.

— Шарли... — серия слабых щелчков исходила от гребня его хромированного черепа. — Извини, но это имя не совпадает с моими записями. Ты хотела сказать Шарлиз?

— Я сказала именно то, что имела в виду, — прорычала я. Я отвлеклась, снова услышав это ужасное имя, что мне потребовалась секунда, чтобы задаться вопросом, как бот вообще узнал об этом.

— Это обозначение в твоём удостоверении личности, — сказал он, когда я спросила.

Конечно. Даллас управлял Учреждением, поэтому в систему были загружены все идентификаторы. Но мой файл был стерт, когда я чуть не умерла. Так что не должно быть ничего, кроме моего имени и возраста...

И обширной криминальной истории.

Наверное, лучше не поднимать этот вопрос. Я могла запустить какой-то протокол, который заставит этого бота бросить меня куда-нибудь в камеру.

— А как тебя зовут?

— Мое обозначение — ФР-47К. Мое предпочтительное имя — Фрэнк.

— Фрэнк? Ты — Фрэнк? — буркнула я.

— Фрэнк — мое предпочтительное имя, да. Хочешь, чтобы я отдал предпочтение Шарли вместо юнита X1-37?

— Э-э... Наверное, да.

Более слабые щелчки; короткое жужжание его объектива.

— Готово. Обозначение присвоено. А теперь, пожалуйста, следуй за мной, Шарли.

Туловище Фрэнка повернулось на сто восемьдесят градусов, и я увидела, что у него в затылке была еще одна линза. Там, где были бы его уши, если бы Фрэнк был человеком, были два мелких углубления. Крошечная игла с пульсирующим голубым светом наконечником находилась в середине каждой чаши. Они были похожи на миниатюрные спутниковые тарелки — вероятно, предназначенные для того, чтобы улавливать разговоры за милю.

Я смотрела, как ноги Фрэнка шаркали, пока не повернулись в ту же сторону, что и его туловище. Весь процесс занял всего около секунды. Может, я и не заметила бы его движение, если бы оно не выглядело так странно.

Если бы он не выглядел так странно. Я решила, что Фрэнк — это он, потому что его шаг был длинным и немного кривым, чем-то напоминал мне то, как мужчины расхаживали с важным видом, когда у них за поясом был пистолет.

— Куда мы идем? — осторожно сказала я.

Фрэнк был уже на полпути вниз по ступеням амфитеатра. Я думала, что он должен был двигаться намного быстрее, потому что его движения были плавными и точными. Вместо того чтобы повернуться, его линза просто щелкнула, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Я собираюсь показать тебе, как работает командный центр. Думаю, это немного тебя утешит, ты сможешь увидеть мир, который оставила позади.

Мир, который я оставила позади?

Эти слова казались странными. Они били меня в уши холодной окончательностью — будто Фрэнк думал, что я никогда больше не увижу Ничто.

— Вы не можете держать меня здесь, — сказала я, у меня внезапно сжалось горло. — Мой друг там, и ему нужна моя помощь.

Фрэнк не повернулся. Глаз его объектива сузился на моем лице.

— Ты не можешь уйти отсюда, Шарли. Дело не в том, смогу я тебя удержать или нет — ты просто не можешь уйти.

— Еще как могу!

— Пожалуйста, — сказал Фрэнк, и громкость его динамика снизилась до такой степени, что я едва слышала. — Если ты дашь мне время, я отвечу на все вопросы. Но если позволишь своим эмоциям...

Я не слышала остальных его слов, потому что уже выскочила за дверь.

Округлая комната выглядела не так, как раньше. Вероятно, потому что проход, ведущий в спальню, был запечатан. Металлическая стена опустилась на арку. Посередине двери светилась полоса красных огней, и я ничего не сделала, чтобы они стали зелеными. Я даже не могла найти сканер, чтобы попытаться разблокировать дверь. Мой единственный вариант — попробовать одну из других дверей.

Первая была заблокирована. Она отклоняла мой отпечаток и после третьего прикосновения включала визжащую тревогу. Это заставило меня попробовать вторую дверь, которая на секунду стала зеленой, прежде чем вырваться из моей руки и захлопнуться.

Теперь сработали две сигнализации, и осталось открыть только одну дверь.

— Давай, — шипела я, нащупывая большой палец на сканере. Я не знала, показалось ли мне, но дверь слева от меня вдруг открылась. Это была комната, из которой я только что сбежала. Комната с Фрэнком, который хотел держать меня взаперти в чертовом Учреждении.

Холодный пот струился по моей спине, когда я представила, как рука Фрэнка в хромированном колпачке тянулась, чтобы схватить меня. Чтобы затащить меня обратно и закрыть дверь за нами. Я испытала облегчение, когда сканер загорелся зеленым цветом, и я бросилась всем весом на дверь — на случай, если она попытается закрыться передо мной.

Я проехала по бетонному полу. Мои ладони скрипели, первый слой моей кожи был содран. Мои легкие застряли между моим телом и полом. Их придавило, и весь воздух вырвался из них.

Было больно стоять. Если бы меня не преследовал бот, я бы, наверное, пролежала там несколько минут и позволила дыханию вернуться ко мне естественным образом. Но у меня не было нескольких минут.

Фрэнк был позади меня.

— Пожалуйста, прекрати, Шарли. Ты только навредишь себе, — кричал он из дверного проема.

Все волосы на затылке встали дыбом; остальные волосы волнами упали на лицо. Я вскочила на ноги и побежала, задыхаясь и не видя, к полосе сине-зеленого света, которая могла быть еще одной дверью. Свет набухал между волнистыми прядями моих волос. Я вытянула руку, как палку, и готовилась распахнуть дверь.

Вместо этого я врезалась в нечто, похожее на огромную стеклянную стену.

Мой нос был сломан. Я чувствовала, как знакомая жгучая боль вспыхнула в центре моего лица, и вскоре я ощутила вкус крови. Она текла по моим губам и щекотала горло. Мне нужно было перевернуться и сплюнуть ее, прежде чем я утону в ней.

И только после того, как я выплюнула несколько глотков, я поняла, что Фрэнк стоял рядом со мной.

Его передняя линза сосредоточилась на ярко-красных брызгах, которые теперь покрывали его хромированные ступни и голени.

— Это крайне антисанитарно, — сказал он.

— Прост... эй!

Мир вращался, когда Фрэнк поднял меня с пола и поставил на ноги. Мои глаза все еще были затуманены внезапным движением, когда я слышала тошнотворный треск, сопровождаемый раскаленной добела вспышкой боли.

— Ой! Боже! — завопила я. Я нащупала свой нос, который Фрэнк каким-то образом вернул на место быстрее, чем это было возможно. — Что ты сделал?

— У тебя был сломан нос. Я оказал первую помощь.

— Ну, ты мог бы меня предупредить! — мои глаза слезились, когда я провела пальцами по ноющей переносице. — Ой... чертовски больно.

— Твой уровень боли подскочил до пяти долов, Шарли.

— Долов?

— От латинского слова *dolor*. Согласно новой науке, среднее человеческое тело способно выдержать более сорока долов. Считается, что среднее женское тело способно выдержать даже больше — интенсивность более пятидесяти дол.

— Что это значит?

— Ты слишком остро реагируешь, — просто сказал Фрэнк, — примерно на сорок пять долов.

Я знала, что я чувствовала. И мне было плевать на науку, как на крысиную пушистую задницу — было чертовски больно, когда мой нос вернулся на место.

— Боль субъективна, — признался Фрэнк после того, как свет на экране его рта закончил сканирование всех моих красочных жалоб. — Возможно, именно поэтому метод измерения долами является предметом разногласий.

Фрэнк говорил так, словно он был из другого мира — мира, где у людей было время сидеть и придумывать способы измерения неизмеримых вещей. Вне Ничто было только два вида боли: та, которую ты преодолевал, и та, которая тебя убивала. Там было тяжело, но я не могла дожидаться, когда вернусь.

— Я ухожу, — прорычала я, многозначительно глядя в блестящий объектив Фрэнка. — Ты либо скажешь мне, как выбраться, либо я проделаю дыру в стене.

Его рот на секунду погас.

— Мы почти в полумиле под землей...

— Тогда я проделаю дыру в потолке. В каком бы направлении мне ни пришлось двигаться, я... подожди, что это?

Я как раз пыталась угрожать Фрэнку, когда подняла взгляд и хорошо разглядела источник сине-зеленого света.

Он исходил от ряда огромных стеклянных трубок. Их было, наверное, десять, растянутых по всей длине комнаты. Трубы были в два раза выше среднего человека и почти достаточно широки, чтобы тот же человек мог стоять там боком, если бы захотел.

Дискообразные лампочки свисали с потолка каждой трубы и заставляли стекло светиться ярким зеленовато-голубым цветом. Я видела свое потрясенное отражение, превратившееся в волнистого монстра из-за изгиба стекла, когда я подошла к ближайшему из них.

Было что-то... знакомое в этих трубках. Я провела рукой по стенке стекла, стирая кровь из носа. Я пыталась вспомнить. Это было у меня в голове.

Зуд.

Мир начал мерцать и колебаться, когда я думала. Я ощутила странный, внезапный толчок — будто я вот-вот засну очень глубоким сном. Но я боролась с этим. Блейз мог вернуться, если я поддамся воспоминаниям. И я не хотела, чтобы Блейз вернулся.

Я моргнула и отвернулась от трубок, фокусируя взгляд на противоположной стене. У стены стоял ряд чего-то, похожего на узкие металлические шкафы. Я встала перед ними прежде, чем успела остановиться и подумать о том, как я туда попала. Одна из дверей открылась, и я поняла, что мои пальцы находились под защелкой. Они подняли ручку. Моя рука отдернулась, и эта дверь открылась...

— Нет! — я захлопнула ее и быстро отошла. Я не знала, что на меня только что нашло. Я не знала, почему эти трубки казались такими знакомыми или почему я пошла прямо к двери этого шкафа. Я хотела выбраться из Учреждения. Я хотела выйти сейчас.

Я резко развернулась, чтобы убежать, но Фрэнк стоял позади меня.

Я снова ударилась носом об его металлическую грудь.

— Ой! Зара...!

— Шарли, — динамики Фрэнка включились так громко, что чуть не вышибли мне уши. — Ты навредишь себе, если не успокоишься.

Я увидела, как это происходило, только потому, что наблюдала в этот раз. Руки Фрэнка поднялись к моему лицу, и он с нежной точностью опустил пальцы по обе стороны от моего носа. Затем мир стал красным, и меня пронзила вспышка боли, от которой слезились глаза.

— Угх... — я застонала, комната снова кружилась. — Угу... Мне нужно сесть.

— Рекомендуемая поза для лечения, — сказал Фрэнк, видимо, с одобрительным кивком.

В ту секунду, когда моя задница коснулась пола, Фрэнк сел на корточки передо мной. Меня поражала плавность его движений. Как у человека. Но он был более совершенным, чем люди. Идеальный, как Нормал...

Я отогнала очень тревожную мысль и сосредоточилась на том, что Фрэнк делал с моим носом. Я его толком не видела: его пальцы расплывались, когда они находились примерно в двух дюймах от моего лица. Но я чувствовала, как они двигаются у переносицы, ощущала легкое прикосновение к хрящам, когда они проходили. Когда он убрал руку, я протянула руку и обнаружила две резиновые полоски, приклеенные к моей коже.

Полоски были чем-то вроде повязки. Чтобы удерживать мой изуродованный нос на месте, чтобы он зажил ровно. Но я не видела, откуда они взялись.

— Я их выделяю, — сказал Фрэнк, выставив указательный палец так, чтобы я могла его видеть. На том месте, где была бы кромка его ногтя, была крошечная дырочка, и пока я смотрела, из нее наполовину вытек пузырек прозрачной жидкости. — Вещество называется пласти-бонд, жидкий бинт, изначально разработанный для военных. Он отпадет естественным образом в течение недели.

— Что ж, удобно, — буркнула я.

— Это удобно, — согласился Фрэнк. — И здесь так мало травм, что мне редко приходится менять патроны.

Он не причинит мне вреда. Фрэнк был самой странной машиной, с которой я когда-либо сталкивалась, но он явно не был заинтересован в том, чтобы разорвать меня в клочья. На самом деле, казалось, он искренне злился, что я продолжала причинять себе боль.

Я откинулась, чтобы получше рассмотреть его, и увидела знакомый символ на его груди. Он был неглубоко выгравирован на хромовом его торсе, и я была уверена, что когда-то он был окрашен в красный цвет.

— Ты из больницы, да?

Фрэнк постучал по центру массивного креста на груди.

— Да. Я работал в отделении неотложной помощи в JPS почти двадцать лет, прежде чем меня сняли.

— Сняли?

— Да. Больница приобрела парк устройств, совместимых с АВА, и планировала переработать мой парк.

— Что случилось?

— Я... не знаю, — его череп несколько мгновений шелкал, прежде чем он продолжил. — В моем журнале наблюдений есть пробел, охватывающий период с ноября 2212 года по июнь 2215 года. Где-то во время этого перерыва АВА была повреждена — и все связанные с ней юниты также были повреждены. Теперь все, что осталось, это старая технология. Юниты вроде нас.

— Нас? Я не юнит! — я фыркнула, когда Фрэнк кивнул. Я указала на свой нос, который распух так сильно, что я ощущала черновато-синий цвет, растекающийся по моему лицу. — Юниты не истекают кровью! Если, конечно, это не нефть или что-то в этом роде.

— Я чувствую твое разочарование...

— И перестань меня чувствовать! Это жутко.

— Моя функция — гарантировать, что люди, с которыми я вступаю в контакт, чувствуют себя комфортно.

— О, так я теперь человек? Потому что всего секунду назад ты называл меня юнитом. Понимаешь, почему это так сбивает с толку? — я рычала, в то время как свет на экране рта Фрэнка лихорадочно мигал от моих слов. — Я либо человек, либо бот. Я не могу быть обоими. Ты такой старый, что твоя память, вероятно, дает сбои.

После долгого молчания Фрэнк сказал:

— Эта тема разговора явно тебя расстраивает. Я заархивирую ее, чтобы получить доступ позже. И моя система памяти полностью исправна, к твоему сведению.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что именно сказал Фрэнк. Это было как разговаривать с проклятым экраном меню Куба.

— Подожди, так ты ничего мне не скажешь?

— Неверно. Я всегда готов предоставить информацию.

— Тогда почему ты продолжаешь говорить, что я — юнит?

Щелк, щелк...

— Извини, но эта тема разговора была заархивирована. Пожалуйста, попробуй еще раз позже.

— Фу! — я разочарованно зарычала, вставая на ноги. — Раз ты не собираешься говорить мне, кто я и почему я здесь, то нет смысла торчать здесь.

— Куда ты идешь, Шарли? — закричал Фрэнк, пока я направлялась к выходу.

— Найти что-то достаточно мерзкое, чтобы пробить полмили дыры в бетоне.

— Такой взрыв разрушит Учреждение.

— Хорошо! Может, это спасет следующего бедолагу от того, чтобы застрять здесь, внизу.

— Не хотела бы ты поучаствовать в симуляции ZOOT перед уходом?

Что-то странное произошло со мной, когда я услышала это слово. Будто вокруг моей талии обвязали веревку: Фрэнк сказал «ZOOT», и я рванула прочь от двери.

— Что это значит? — сказала я, почти задыхаясь. Мое сердце колотилось так, словно под подбородком застрял ствол пистолета. Я не могла понять, взволнована я или напугана. — Что такое ZOOT?

— Акроним. Это расшифровывается как Zone Oscillation и Orbital Terrain*.

— Хорошо, но что это? — сказала я медленно. Может, Фрэнк был не так продвинут, как я думала. Вероятно, мне придется говорить с ним так же, как с Ночным Уолтером.

— Симуляция ZOOT может быть разнообразной. Медицинское использование варьировалось от моделирования хирургии до обеспечения безопасной среды для жертв эмоциональной травмы. Позже она была выпущена для публики как игровая платформа. Но ZOOT изначально были разработаны для вооруженных сил Соединенных Штатов как средство обучения и обучения их элитных сил. Если решишь принять участие, попадешь в симулированную историческую битву, — продолжал Фрэнк. — Ты получишь форму оружия, точно соответствующую времени, и будешь оценивать свои действия. Хочешь поучаствовать?

— Я не знаю. Все это звучит довольно глупо, — пробормотала я, хотя мой желудок делал то, что точно представляло собой кучу возбужденных шлепков. Я пыталась повернуться к двери, но не могла. Мои ноги не слушались — на самом деле, я делала все, чтобы они не тянули меня к ближайшему металлическому шкафу.

Фрэнк чувствовал мою борьбу. Его объектив почти самодовольно скользил по беспомощному выражению моего лица.

— Превосходно. Я позову Воробья.

— Что? Почему?

— Потому что ты не должна входить в симуляцию без опытного партнера. Это может дезориентировать.

Фрэнк быстро подошел к стене шкафа, где между первой и второй дверью была вмонтирована небольшая система внутренней связи. Вместо того чтобы нажать кнопку вызова, он протянул руку. Синий пульсирующий шнур вытянулся из-под его запястья и защелкнулся на порте у основания динамика. Секунду спустя из потолка прорвался механический голос:

— Юнит X2-1, явитесь в тренировочную зону ZOOT и подготовьтесь к симуляции...
юнит X2-1, пожалуйста, явитесь в тренировочную зону ZOOT и подготовьтесь к симуляции...

— Что означают номера юнитов? — спросила я, пока мы ждали.

Фрэнк втянул шнур. Его линза приблизилась к моему лицу.

— Извини, но мне нужно, чтобы ты уточнила: какие номера юнитов?

— Почему у Воробья X2, а у меня X1? Какая разница?

— Извини, но эта тема для разговора заархивирована, — сказал Фрэнк после минутной паузы. — Я могу предоставить следующую информацию: обозначение FR означает «Frenetic Robotics», а обозначение «X» означает «X».

Это мне абсолютно ничего не сказало. Фрэнк не мог быть менее полезным, даже если бы попытался.

— Спасибо, — буркнула я.

— Не за что.

Мы стояли в неловкой тишине, пока, наконец, не появилась Воробей.

Она прошла в дверь в решительном темпе. Я видела, что она была чем-то занята, потому что ее глаза были еще там — все еще отвлеченные тем, что привлекло ее внимание. Именно так смотрел Уолтер, когда ему нужно было перестать мечтать обо всех способах, которыми он собирался мариновать тварь, чтобы на самом деле выстрелить в нее.

Я так сосредоточилась на взгляде ее серебристых глаз, что почти не заметила, что она вся была в красках. Они были на ее белой одежде, на ее голых руках — несколько брызг были даже на темных волнах ее волос. Красный, синий, оранжевый, фиолетовый, зеленый, коричневый. Почти каждый цвет, который существовал, и в головокружительном разнообразии оттенков.

— Хорошо, только поторопись, чтобы я могла вернуться к своему... тьфу!

Она отпрянула и таранила меня так же, как я, наверное, глядела на нее.

— Что случилось с твоим лицом?

— Тот же вопрос, — парировала я, указывая на бледно-голубые брызги на ее подбородке.

Она коснулась его рассеянно.

— Я рисовала. Что ты делала? Щелкала желуди?

Я не ожидала, что она скажет что-то смешное. Это застало меня врасплох, и я случайно рассмеялась.

Воробей помрачнела. Она пристально смотрела мне в лицо; ее глаза, казалось, впитывали каждую деталь, пока я быстро подавила смех.

Я не знала, как долго мы смотрели друг на друга. Но этого хватило, чтобы забыть, что Фрэнк все еще был в комнате.

— Хорошо, что вы благосклонно относитесь друг к другу. Это поможет вам в симуляции.

Я не знала, откуда, черт возьми, Фрэнк получил такое благосклонное известие: Воробей выпрямила спину, словно ожидая, что я выстрелю в бок, и я точно выглядела не лучше. Но ни один из нас не выглядел так, будто мы активно ненавидим другого.

Но это могло произойти.

— Если вы оба наденете ZOOT, я загружу симуляцию, — крикнул Фрэнк, когда его хромированные ноги плавно перенесли его к экрану в задней части комнаты.

Под экраном был еще один стол, покрытый кнопками. Синий шнур вырвался из запястья Фрэнка и вонзился в порт посередине стола. Через пару секунд экран щелкнул, и из-под потолка донесся мужской голос:

— Добро пожаловать в ад, личинки! Я сержант-инструктор Нэш, а это мой личный набор симуляций — дьявольская рулетка с надиранием задницы и болью! Думаешь, у тебя есть все, что нужно? Снаряжайся, солдат!

Я понятия не имела, что происходило. Фрэнк был подключен к экрану и так быстро прокручивал меню, что я видела лишь кучу черных пятен на желтом фоне. Я даже не могла сказать, на что он смотрел, на слова или на картинки.

Когда я повернулась, чтобы спросить Воробья, я увидела, что она уже стояла перед одним из металлических шкафов.

И на ней не было ничего, кроме нижнего белья.

— Ну, я не могу носить свою одежду под костюмом — она вся сомнётся, — сказала она после того, как я выплюнула волну потрясенных ругательств. — Кроме того, троды должны касаться кожи. Ты получишь сообщение об ошибке, если они этого не сделают.

— Троды? — успела пискнуть я. Мне нужно было все, что было в моих силах, чтобы не отводить глаз от лица Воробья... и подальше от мускулистого пятна ниже.

Она отвернулась, чтобы взять что-то из шкафа, и я потеряла ее лицо из виду всего на секунду. Взгляд быстро скользнул по ее телу. Не более одного вдоха. Но, видимо, этого хватило, чтобы каждая деталь врезалась в основу моей памяти.

— Солатроды, — сказала Воробей, когда обернулась. — Они должны коснуться твоей кожи.

В руках она держала черный комбинезон — почти такой же, как те, что мы с Ашей нашли в будке контрольно-пропускного пункта. Эти костюмы были созданы для боя. Они были покрыты странными бронированными чешуйками, которые могли самовосстанавливаться после сол-взрыва.

Эти костюмы, очевидно, никогда не собирались покидать Учреждение: они были сделаны из простого черного эластичного материала и имели крошечные белые диски, прошитые через всю подкладку. Я точно знала, что это были за диски. Говард использовал их каждый раз, когда хотел узнать что-то, что я не хотела ему говорить.

— Нет, — я отпрянула от Воробья, кожу покалывало от воспоминаний об этом особом ожоге. Такой ожог будто обжигал мои нервы. — Я ни за что не буду лезть в это.

— Почему? Это не больно.

Воробей наклонилась, чтобы надеть костюм, и я чуть не растворилась в полу.

— Нечего бояться — обещаю, — сказала она, надевая рукава. Ее глаза не отрывались от меня, пока она застегивала молнию. — Твое лицо всегда так краснеет, когда ты напугана?

— Я не чувствую никакого страха, — завопил Фрэнк через всю комнату. — Я считаю, что ее сильное кровоизлияние связано с высоким уровнем...

— Заткнись, Фрэнк!

Я не хотела, чтобы он выпалил, что я чувствовала, потому что даже я не знала, что я ощущала. Я не думала, что когда-либо чувствовала это раньше. Какая-то мощная смесь возбуждения и смущения, какая-то сила, от которой у меня тряслись ноги. Я открыла ближайший шкаф и начала раздеваться. Может, если мне будет стыдно за себя, я перестану стесняться Воробья.

— Я в порядке — я не боюсь. Видишь?

Я достала из шкафа костюм и попыталась засунуть туда ноги. Но они все еще тряслись. Я уже шаталась на двух ногах. Когда я подняла одну ногу, я наклонилась лицом к земле.

Я закрыла глаза и отвернулась, потому что собиралась врезаться в бетон и не хотела потерять ни одного зуба. Но я была на полпути, когда Воробей меня поймала. Она сделала выпад вперед и опустила руку под мой торс. Затем она снова поставила меня на ноги так же легко, как подталкивала шатающуюся дверь.

— У тебя они и на груди, — пробормотала она, прежде чем я успела ее поблагодарить.

— Что?

Она прижала кончик пальца к моему подбородку.

— Эти.

Я не видела, на что она указывала, но могла догадаться.

— Мои веснушки?

— Ага. Они здесь и здесь... они у тебя везде? — ее серебристо-лунные глаза блестели, пристально смотрели в мои. — Везде?

— Воробей... — линза Фрэнка подлетела к нам. — Является ли расположение эпидермальных пятен социально приемлемой темой для разговора?

Она отвела взгляд на секунду.

— Нет.

— Ты хочешь что-нибудь сказать Шарли?

Ее взгляд коснулся моего и убежал.

— Извиняюсь.

Затем она подошла к одной из гигантских стеклянных труб, оставив меня полуголой и с одной ногой в костюме — все еще в полном замешательстве.

Наконец, я вставила другую ногу и застегнула костюм. В шкафчике был шлем. Но мне было лень его надевать. Он был из того же эластичного материала, что и костюм, и имел две круглые линзы, пришитые к глазам. В рот была вшита какая-то маска — вроде той, которую мне приходилось носить в Граните, но с длинной гибкой трубкой, свисающей спереди.

Казалось, если я надену этот шлем, то буду похожа на черную ручку комода, из которой свисал шнурок для обуви. Потому что именно так выглядела Воробей.

— Двери капсулы не закроются, если на тебе не будет шлема, — сказала она, ее голос был приглушен сквозь маску.

На данный момент я не знала, хотела ли я вообще, чтобы двери капсулы закрывались. Какой бы странный толчок я ни чувствовала по поводу ZOOT, он быстро исчез. Когда я увидела, как Воробей прошла в свою капсулу, и услышала, как за ней захлопнулась дверь, я решила, что не хочу иметь с этим ничего общего.

— Что, если я предложу тебе сделку? — сказал Фрэнк, будто ощущая мою тревогу через всю комнату. — Войди в симуляцию, и я отвечу на один заархивированный вопрос.

— Я бы предпочла, чтобы вы просто выпустили меня отсюда, потому что, если вы меня не выпустите, мне придется пробивать себе дорогу.

Я не шутила. Перед моей головой разрастался огромный расстроенный узел. Все, о чем я могла думать, это как выбраться из Учреждения. Мне нужно было к Уолтеру. Мне нужно было в Ничто, где жизнь была так же проста, как убийство до того, как тебя убьют. И я боялась того, что я буду делать, когда этот узел неизбежно лопнет.

Даже когда я думала об этом, я ощутила, как работают мои руки. Они надели мой костюм ZOOT и застегнули молнию до подбородка. Я натянула шлем на лицо и моргнула,

мои глаза привыкали смотреть сквозь стеклянные линзы.

— Что со мной происходит? — сказала я, когда меня охватило почти непреодолимое желание.

Я хотела двигать ногами. Я хотела дойти до капсулы рядом с капсулой Воробья и хотела попасть внутрь. Я хотела, чтобы дверь за мной закрылась, потому что тогда я смогу делать то, что мне было нужно. Что я должна был сделать.

Воробей внимательно смотрела на меня. Блики сине-зеленого света били в ее линзы и скрывали глаза. Но я все еще ощущала ее взгляд. Она как какое-то существо наблюдала за мной из-за стекла — настороженно, любопытно. Внезапно меня осенило, что я не знала, любила ли она смотреть... или она смотрела, чтобы оценить. Чтобы, возможно, понять, где я слабее всего.

Я на собственном горьком опыте усвоила, что большинство людей были мерзкими существами.

— Я хочу уйти отсюда, — слабо сказала я. — Я хочу пойти домой.

Линза Фрэнка приблизилась к моему лицу.

— Ты дома.

* Зональное колебание и Орбитальная местность

ГЛАВА 9

Я совершила ужасную ошибку.

Я позволила Блейзу уговорить меня отправиться в Учреждение, которое оказалось гигантской ловушкой. Теперь я позволила Фрэнку уговорить меня на симуляцию ZOOT,

которая тоже была ловушкой.

— Глубокий вдох, личинки!

Мои руки тряслись, но я держала их прижатыми к бокам. Я набралась смелости, чтобы шагнуть внутрь капсулы — точнее, я просто не боролась с нервами, которые тянули меня в центр стеклянной трубки. Я не вздрогнула, когда дверь закрылась, или когда голос сержанта закричал, чтобы я не двигалась. Затем трубка, свисающая с моего шлема, хлестнула по потолку капсулы, и ровный поток чистого кислорода зашипел у меня в ноздрях.

Теперь меня трясло.

Зачем мне был кислород?

— Вы ощущаете вкус, личинки? Вкус свободы! — сержант Нэш кричал на меня сверху вниз.

— Воробей? — прошептала я.

Я знала, что она меня не слышала. Она была в капсуле слева от меня, заперта за таким же стеклом и с таким же ровным шипением кислорода в носу. Она, наверное, была такой же, как и я: все, что она слышала, — это собственное неглубокое дыхание и бешеный стук-тук-тук ее сердца.

— Я... я боюсь, — сказала я, с трудом призналась в этом. Эта дрожь прошла по моим рукам и звенела у меня в горле. Я думала, что это может успокоить меня, если я скажу об этом. Поэтому я смотрела на размытый силуэт в капсуле рядом со мной и призналась в этом вслух. — Солатроды причинят мне боль, да? Боже, они ужасно болят. Может, не для Нормала, но для кого-то вроде меня... Думаю, я лучше приму пулю, чем еще один шок.

Расплывчатая фигура Воробья внезапно повернулась ко мне. Я вздрогнула, когда ее голос затрещал в моих ушах:

— Я знала это. Я знала, что ты боишься.

— Ты можешь меня слышать? Ну, какого черта ты ничего не сказала? — пролепетала я, когда она кивнула.

— Я думала, ты знаешь.

— Что?

— Тебя действительно расстреляли? — резко перебила она.

— Ну, да.

— С пулей?

— Да, с чертовой пулей!

— Могу я увидеть шрам? — сказала она после долгой паузы.

Я глубоко вдохнула. Я забыла о том, что была напугана — дыхание должно было удержать меня от полного выхода из себя с кем-то, кто почти вызвал взрыв.

— Зачем? — сказала я сквозь зубы.

— Мне нравится, как они выглядят. Каждый отличается.

— Подожди, ты уже видела пулевые ранения? Где...?

— Хорошо, личинки! Приготовьтесь — мы сейчас заскочим в Сан-Антонэ!

— Где ты раньше видела пули? Воробей! — я била ладонями по стеклу, но она, похоже, меня не слышала. — Воробей!

Огни надо мной мигали три раза, чередуя бледные солнечные огни и сине-зеленую дымку лампочек капсул. Я продолжала пытаться привлечь внимание Воробья, но мне казалось, что наша связь каким-то образом оборвалась. Я была уверена, что именно это и произошло, когда внутри моего шлема эхом раздался голос робота:

— Сейчас капсула номер два будет заполнена. Подождите, пожалуйста.

Огни надо мной начали мигать. Они вращались и ослепляли меня голубыми и зелеными бликами. Из динамиков громко выла тревога. Я не знала, то ли это часть программы, то ли что-то пошло не так.

Я повернулась, чтобы найти дверь капсулы, когда поняла, что что-то было на моих ногах. Что-то было у меня на ногах — какая-то густая липкая слизь, которая сочилась из-под пола капсулы быстрее, чем я успевала от нее уйти. Она приближалась так быстро, что я могла бы подумать, что капсула тонула, если бы в комнате снаружи все не было неподвижным.

— Воробей! — я хлопнула себя по шлему, думая, что, может, это была самодельная система связи Уолтера, и она замыкалась, если я поворачивала голову не в ту сторону. Но я ничего не могла нажать.

Я пробралась к стене, обращенной к ее капсуле, спотыкаясь о лужу слизи, которая поднялась выше середины моих бедер. Внутри капсулы Воробья тоже поднималась слизь. Она спокойно стояла, пока вода текла по ее груди и плечам и, наконец, скрыла ее голову. Через несколько секунд ее тело стало парить.

Она оторвалась от пола и всплыла вверх, замерла, подвешенная, в середине капсулы. Трубка, идущая от верхней части капсулы к ее маске, была единственным, что удерживало ее на привязи. Но странно: хотя под ней не было пола, она все равно ходила, будто ноги были на полу. Воробей подошла к ближайшей ко мне стене, и ее расплывчатая голова смотрела вниз, пока я пыталась отбиться от слизи.

Я была полностью окружена. Мое дыхание звучало как пила, жующая дерево. Я пыталась прыгнуть в последнюю секунду. Я пыталась махать руками и брыкаться ногами, как делала, когда Говард бросал меня в бак.

Не было сопротивления; это было как прыжок в воздух. Я вскочила только для того, чтобы тут же упасть обратно — и слизь быстро оказалась выше моей макушки. Она была не холодная и не теплая, почти соответствовала температуре моей крови. Это было самое странное чувство, похожее на то, как туман касался моей кожи теплым весенним утром. На секунду мне казалось, что я стояла в облаке.

Потом я начала подниматься.

— Боже... — прошипела я, когда мои ботинки оторвались от земли. Я старалась оставаться неподвижной. В конце концов, Воробей выглядела нормально: она просто парила в середине своей капсулы, ее голова в шлеме двигалась, следуя по пути моего подъема. Но все равно это было неестественно. — О Боже... Боже...

— Постарайся расслабиться, Шарли.

Динамики внутри моего шлема шипели, когда наша связь снова соединилась.

— Что это за штука?

— Это гель для местности. Он будет двигаться, когда ты идешь, создавая ощущение, что под тобой настоящий мир.

— Реальный мир? Что...?

— Скоро стемнеет, — тихо сказала она. Ее ладони мягко стучали по стеклу, когда она подняла руки в моем направлении. — Просто постарайся расслабиться, хорошо? И помни: это всего лишь игра.

— Что значит: всего лишь игра? — крикнула я.

Воробей не ответила.

И темнота пришла быстро.

Я ощутила тихий щелчок, жалюзи упали на линзы моего шлема. Я сильно потела. Лужицы омыли нижнюю часть моих рук, соленые капли сочились из моих пор и впитывались в эластичный материал моего комбинезона. Когда мое зрение исчезло, я внезапно ощутила слизь. Она была везде, вокруг меня. Прижималась к моей коже.

Затем, внезапно, я ощутила волну тепла, пробегающую по тысячам с лишним солатродов, прилипших к моей коже. Казалось, пара гигантских рук обвилась вокруг моего тела и крепко сжала меня. Я бы закричала, если бы это ощущение длилось дольше. Но я едва успела осознать, что была напугана, как перед моими объективами вспыхнул мир цветов.

Я стояла посреди какого-то старого здания. Это напоминало мне руины, через которые мы с Уолтером карабкались: грубые, пустые и ледяные. Порыв ветра проник в арку открытого окна, и троды остыли. Они вспыхнули по всему моему телу в спешке, так что я чувствовала холод точно так же, как если бы это был настоящий ветер.

Но это не было реально. Ничто из этого.

Мои руки выглядели так же, как и в реальной жизни — вплоть до последней веснушки. Но мои движения были не такие быстрые, как должны быть. Когда я перевернула руку, она была на полсекунды медленнее, чем должна быть. И если я взмахну рукой в сторону...

— Ой! — взвизгнула Воробей.

Она стояла рядом со мной. Я не знала, как она туда попала и почему стояла так близко. Все, что я знала, это то, что я случайно прижала палец к ее груди.

— Извини...!

— Это была моя грудь!

— Извини, ладно? Я не знала, что... как ты это назвала?

— Это грудь. У вас их две, — добавила она, указывая на то место.

Мое лицо вспыхнуло.

— Ну, прости, но я не знала, что она будет прямо здесь! — сказала я, защищаясь. Я отказалась произносить слово «грудь», потому что даже от одной мысли об этом у меня становится жарко. — И какого черта ты до сих пор в нижнем белье?

— Как и ты, — возразила она.

И она была права. Я была в ужасе. Я опустила руки на бледную веснушчатую массу подо мной и попыталась прикрыть ее как можно больше.

— Перестань смотреть!

— Почему?

— Потому что это меня смущает!

— А... так вот что означает весь этот чудесный розовый цвет, — сказала Воробей, кивая на мой румянец. — Кстати, тебе нечего стыдиться.

Воробей смотрела на мой румянец. Удивительно, как реалистично она выглядела, вплоть до жуткого внимания ее серебристых глаз...

— Подожди, как я смогла даже прикоснуться к тебе? Ты же... — я неуверенно махнула рукой, — где-то там?

— Ага. Это из-за тродов, — сказала она с тяжелым вздохом. — Они потрясают нервы, заставляют тебя чувствовать, что ты делаешь то, что видишь...

Ее голос прервался, когда она сосредоточилась на чем-то слева от себя. Она провела рукой по воздуху, словно отбивая муху; ее глаза двигались, будто она читала. Через мгновение она снова вздохнула.

— Думаю, на этот раз я возьму винтовку. Не то чтобы это имело значение, — Воробей протянула руку и будто схватила воздух. В ту секунду, когда ее руки сомкнулись, в ее хватке появилось длинноствольное ружье.

Это было старое оружие. Вероятно, даже старше Жозефины — винтовки Уолтера, из которой стреляли столько раз, что ему пришлось чинить ствол полоской самодельного клея.

Воробей скривила лицо так, будто оно пахло примерно так же, как клей Уолтера, и покрутила винтовку в руках. Затем она наклонилась, чтобы схватить что-то на своей талии, и ее наряд мгновенно изменился. Одежда появилась на ее теле: изношенные, грязные коричневые штаны и рубашка в пятнах пота. Ее сапоги выщвели, а их пальцы были покрыты пылью. Шляпа с широким закругленным краем скрывала ее лицо. Поля не были загнуты вверх, как у Говарда, а торчали ровно, как обеденная тарелка.

— Это что? — сказала я, глядя, как она стягивала с пояса мешочек.

— Порох.

Ее губы слегка приоткрылись, когда она насыпала большое количество черного песка в ствол своей винтовки. Она бросила металлический шар вслед за ним, а затем вытащила длинный металлический стержень сбоку от своей винтовки и использовала его, чтобы забить шар дальше в отверстие.

Я недоверчиво смотрела, пытаюсь представить себе сценарий, в котором Воробей нажимала на курок, а ее пальцы не отрывались от рук с кровью.

Как только шарик застрял, она вставила металлический стержень на место и щелкнула молотком.

— Вот. Заряжено.

— Чт...? Всего один выстрел? Это нужно делать каждый раз?

— В 1836 году у них не было солнечной энергии, — сказала она, закатывая глаза.
1836?

Я понятия не имела, что было так давно — я знала, что было время до этого. Но, наверное, я никогда не переставала думать о том, сколько времени прошло между самым началом и настоящим. Более двух тысяч четыреста лет.

— Это вздор, — согласилась Воробей, когда я все еще была настолько потрясена, что была вынуждена повторить тот факт, что она только что провела три минуты, заряжая единственный выстрел. — Но я полагаю, это все, что у них было в Аламо. Конечно, нас зарезали. Тебе лучше поторопиться и выбрать что-нибудь, иначе за тебя выберет сержант Нэш, а он всегда выбирает охотничий нож. Слева от тебя, Шарли, — добавила она с ухмылкой.

Я обернулась и увидела, что рядом со мной в воздухе парило большое колесо меню. Оно крутилось точно так же, как меню Куба — но вместо слов там были проекции кучи различного оружия. И все они выглядели печально.

Я прошла мимо винтовки с обломанным прикладом к другой, у которой ствол был такой длины, что он, наверное, волочился по земле. Было одно ружье, похожее на револьвер — если бы револьверы были кусками дерева с латунными молотками, ввинченными в наверхие. С тем же успехом я могла бы бросить спичку в бутылку виски.

— Что мне выбрать? — бормотала я.

— Это зависит от того, хочешь ты большой кусок мусора или поменьше? — крикнула Воробей. Ее ружье было прислонено к стене, и она высунулась из одного из окон без стекол, удовлетворенно закрыв глаза от искусственного тепла зимнего солнца. — Боже, я люблю

солнечные передачи. Да?

Я смотрела на нее секунду и не могла не задаться вопросом, была ли она когда-нибудь на улице. Прежде чем я успела спросить, сержант Нэш закричал мне в уши:

— Время вышло, солдат! Тебя ждет рулетка.

Меню оружия крутится само собой. Оно двигалось так быстро, что все превратилось в одно коричневатое пятно. Я пыталась смахнуть его, но меню игнорировало мои движения.

— Что это будет? — крикнул Нэш.

— Это тесак, — пропела Воробей со своего места.

— У тебя есть пистолет. Они не дадут мне нож...

— Похоже, у тебя тесак! Размахивай им гордо, солдат!

— Что, черт возьми, я должна делать с этим? — сказала я, когда в моей руке появился изогнутый ржавый нож.

— О, становится лучше, — сказала Воробей. Ее голос был напряжен от смеха. Когда я подняла взгляд, она указала на мою голову. — Никто не выглядит хорошо в енотовой шкуре.

Одежда Воробья выглядела наполовину прилично. Она была грязной и старой, да, но, по крайней мере, у нее была настоящая шляпа. У меня был хвост. Было жарко, все зудело. Везде, к чему я прикасалась, я чувствовала мех. Моя одежда была из цельной кожи, и с нее повсюду свисали кисточки: на руках, груди и от бедер до лодыжек на обеих ногах. Я была похожа на прогулочный ковер между хвостом шляпы и кисточками, свисающими с моих конечностей.

— Это шутка? — я схватила пригоршню кисточек и тщетно попыталась их сорвать. — Ни за что люди так не одевались.

— Техасская армия катастрофически недофинансировалась, — сказала Воробей, пожимая плечами. — Полагаю, они просто носили то, что у них было.

— Ну, это пулю не остановит!

— Нет.

— А этот чертов нож... он застрял у меня в руке! — сказала я, когда попыталась бросить лук и поняла, что не могла. Он застрял в моей правой руке. Руке, которую я использовала чаще всего. Даже когда я разжала хватку, он прилип к моей ладони. — Как мне его снять?

— Ты не можешь бросить оружие ближнего боя.

— Почему бы и нет?

— А зачем? Тебе не нужно было его перезаряжать.

— Что...?

— За Техас!

Я подпрыгнула, когда позади меня раздался взрыв голосов. Сейчас вместе с нами в маленькой комнате собрались солдаты. Они не были настоящими, потому что у всех было одно и то же грязное лицо, снова и снова отпечатанное под их шляпами. И все они выглядели так, будто кто-то сфотографировал их посреди чихания.

Их рты двигались причудливо — будто их губы не разъединялись, и работали только их челюсти. Их боевой клич был так монотонен, что казался почти роботизированным:

— За Техас!

— Ну, ты не можешь ожидать, что вся графика будет потрясающей, — сказала Воробей, увидев выражение моего лица. Секунду спустя она выхватила пистолет с земли и нырнула под окно. — Черт, он рано появился. Он уже здесь.

— Кто тут?

— Санта-Анна — вернись!

— Кто?

Я едва успела разглядеть сцену снаружи, прежде чем Воробей оттянула меня окна. Сотни фальшивых солдат были разбросаны по симулированному миру. Эта группа солдат выглядела гораздо более организованной, чем та, что сейчас кричала мне в уши «Техас». Все они носили гладкую черную униформу с белыми крестиками на груди и черные шляпы с разноцветными веревками, свисающими с полей.

Их нельзя было назвать угрожающими — не то что граклы Аши, которые отмечали свои убийства глубокими порезами на предплечьях, а на шее у них были выжжены три звезды. Но, по крайней мере, они не носили чертовы енотовые шапки.

— Черт, он тебя увидел, — прорычала Воробей, указывая на мою грудь.

Я опустила взгляд и увидела, что на моем торсе светился ярко-красный прицел. Он не касался моей одежды, но парил в воздухе примерно в трех дюймах передо мной. И куда бы я ни двинулась, он следовал.

— Что это? — буркнула я, пытаясь смахнуть мишень. Это была проекция, полностью сделанная из цветного света. Мне повезло бы больше, если бы я попыталась сбить облака с неба.

— Ты отмечена, — сказала Воробей.

— Почему? Что я сделала?

— Выглянула в запотевшее окно, стоя прямо, — буркнула она, опуская дуло винтовки на подоконник. — Теперь он тебя видит, и тебе лучше поверить, что он пошлет всю свою армию прямо на твое место.

— Кто может меня видеть?

— Санта-Анна! Генерал мексиканской армии!

— Что за мексиканец?

— Фу! — Воробей мгновение сердито смотрела на меня, прежде чем покачала головой. — Ты действительно ничего ни о чем не знаешь, да? И это твоя история. Ты должна это знать.

— Моя история насчитывает около восемнадцати лет, — сказала я сквозь зубы. — Мне плевать на все, что было раньше.

Воробей пристально смотрела на меня.

— Может, тебе стоит побеспокоиться. Может, если бы тебе было безразлично, ты бы кое-чему научилась — например, что тебе нужно двигаться, присев, если ты не хочешь, чтобы враги тебя видели. А теперь тише, — язвительно добавила она, прижимая приклад винтовки к плечу, — мне нужно сосредоточиться.

Она наклонилась слишком близко к прицелу. Если у этой штуки была хоть какая-то отдача — а я готова была спорить на что угодно, — это оставит неприятный синяк под глазом. Я почти предупредила ее.

Но потом я вспомнила, как она смеялась над моей одеждой, и решила, что искусственный синяк под глазом пошел бы ей на пользу.

Через полсекунды началась битва. Сотни орудий стреляли одновременно. Пушки были позади нас и снаружи. Мир буквально взорвался с грохотом, а затем исчез в облаке белого дыма.

Осколки камней и известкового раствора разлетались жалящей волной. Почти целую минуту я была ослеплена облаком пепла и серы. Раненые техасцы кричали хором. Они

хватались за пулевые отверстия, из которых во всех направлениях хлестали странно горячие потоки искусственной крови. Кровь текла преувеличенными потоками независимо от того, куда попали пули. У парня рядом со мной была ссадина на ладони, которая брызгала почти до потолка.

Я потянулась в дым, пытаюсь привлечь внимание Воробья.

— Это даже не артерия! Ни за что не было бы столько крови!

— Я не вижу! — кричит она.

Я провела рукой с ножом, пытаюсь избавиться от дыма.

— Дай мне секунду, и я...

— Я не вижу! — она схватила меня за кисточки и сбила с ног. Я почти упала на нее, но успела удержаться в последнюю секунду. Я не могла поверить, что случайно не зарезала одну из нас в процессе. Я подтянулась обратно в тот момент, когда сквозь дым появилось лицо Воробья, и я хорошо увидела, что случилось с ее глазами.

— Боже мой!

— Знаю! Кажется, я насыпала слишком много порошка! Как только нажала на спусковой крючок, раздался свист, — она махнула рукой на лицо, — огонь повсюду.

По ее лицу тянулись полоски обожженной кожи. Я никогда раньше не чувствовала запах горящего глазного яблока, поэтому не могла сказать, была ли похожей вонь, доносящаяся из ее глазниц. Но выглядело достаточно реалистично, чтобы мой желудок сжался.

— Все так плохо?

Я не могла сказать. Я видела ее глаза только секунду, и ее веки опустились и закрылись слезящейся линией прозрачной слизи.

— Нет, это не так уж и плохо.

— Да?

— Конечно...

— Они идут за стеной! — крикнул один из солдат. Он был в кожаном наряде с хвостом енота, как и я. Пока я смотрела, вся пушистая передняя часть его шляпы вырвалась наружу, он получил стальным шаром по затылку.

— Отлично, — буркнула Воробей. — А раз тебя увидел Санта-Анна, он пошлет толпу к наше окно. Я закрыта, у тебя дурацкий нож. С таким же успехом мы могли бы просто сидеть здесь и ждать штыков.

— Я не собираюсь просто сидеть здесь! — сказала я, солдаты снаружи синхронным маршем приближались к нам. — Я должна победить, чтобы свалить из Учреждения!

— Это чертов Аламо! Ты не можешь победить!

— Еще как могу!

Это было сложно, потому что у меня к руке был приклеен охотничий нож, так что это отнимало примерно половину моей хватки. Но мне удалось ухватиться за руки Воробья и использовать их, чтобы зарядить ее винтовку — наблюдая за солдатами позади меня для справки.

Удивительно, но она не боролась со мной. Похоже, она смирилась с тем, что мы обе умрем.

— Даже если тебе удастся ее зарядить, я все равно не могу стрелять.

— Просто заткнись и стой спокойно, — прорычала я, хватая ее рукой металлический стержень сбоку от ее винтовки. — Я буду целиться за тебя.

Под нашим подоконником со стуком встала лестница, и Воробей охнула.

— Звучит так, будто у тебя есть время на один выстрел.

— Это все, что мне нужно.

Воробей сделала именно то, что я ей говорила: она встала на колени и заняла огневую позицию. Я отошла от нее и пыталась прицелиться. Это было сложно, потому что мне приходилось делать все это левой рукой. Из-за охотничьего ножа я не могла хорошо ухватиться за спусковой крючок. Так что я сунула эту руку под руку Воробья и сжала ствол.

— Хорошо, положи палец на спусковой крючок, но не нажимай его. Просто положи его сверху... почему у тебя рука такая потная?

— Это не пот. Это кровь. Ты порезала меня своей рукой с ножом, дура, — сказала Воробей с раздраженным вздохом.

Я посмотрела поверх ее плеча и увидела, что случайно порезала ей нижнюю часть запястья.

— Ой. Извиняюсь.

— Все в порядке. Но в этих сухожилиях сил у меня осталось всего на десять секунд, так что, может, тебе стоит поторопиться.

— Верно.

Я обняла ее — и это было сложно, потому что она была выше меня. Но мне, наконец, удалось взяться обеими руками за ружье и присесть достаточно высоко, чтобы заглянуть ей через плечо. Мы застряли так близко друг к другу, что почти делили поля ее шляпы.

— Поторопись, хорошо? Твоя дурацкая енотовая шкура царапает мои ожоги!

— Ладно, ладно, — буркнула я, направляя ствол на армию под нами.

Некоторые мексиканские солдаты начали карабкаться, но наши парни — техасцы — довольно неплохо протыкали им лица штыками. Они дали мне около пяти дополнительных секунд.

Что меня беспокоило, так это ряд мексиканских солдат, которые присели на землю и заряжали винтовки. Когда это долетит до нас, симуляция закончится.

— Кто из этих придурков Санта-какой-то?

— Он генерал, так что он будет сзади, — раздраженно сказала Воробей.

Я щурилась сквозь пыль, сильно моргая, когда зимний ветер подул мне в лицо.

— Парень на лошади?

— Конечно.

— Ну, это...?

— Это не имеет значения! Просто, черт возьми, стреляй, чтобы мы могли выбраться из этой чертовой штуки!

Я очень вежливо сказала ей, чтобы она успокоилась. Затем я подняла винтовку и прицелилась в парня на лошади. Его шляпа была больше, чем у других, и его грязное лицо было будто приковано к моему. Я не могла сказать наверняка с такого расстояния, но казалось, что он был главным.

Как только я нацелила винтовку, я помедлила. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что я ждала Блейза. Я ждала, когда его руки появятся над моими и направят винтовку на место. Я ждала этого знания, уверенности. Но он не появился.

Мне придется сделать это самостоятельно.

— Стреляй! — крикнула Воробей.

Я нажала на курок.

И я выстрелила в Санта-Анну, прямо в середину его шляпы.

— Ха! — я смеялась, наблюдая, как его тело падало со спины лошади. Он плюхнулся на землю и изверг в воздух гейзер горячей крови. — Попала! Выстрелила ему прямо в голову.

— Ура, — буркнула Воробей. — Ты изменила ход истории.

Я не знала, почему она не радовалась: вождь умер. Это означало, что мы побеждали. Или, по крайней мере, я так думала. Но наши враги продолжали лезть к окну без паузы.

— Какого черта ...? Ну, как мы должны победить, если они не перестанут идти?

— Тебе действительно стоит когда-нибудь почитать книгу, — сказала Воробей, отталкивая меня от себя. — Тогда ты меньше будешь удивляться, когда я говорю, что ты не можешь победить — это Аламо.

Я села. Мексиканские солдаты стреляли во всех техасцев, которые пытались сбить лестницы. Армия Санта-Анны влезала в окно. Воробей что-то мне говорила. Ее обожженные глаза слиплись, а губы шевелились, я была почти уверена, что это была самодовольная ухмылка. Но я ее не слышала.

Первый солдат, прошедший через окно, вонзил штык ей в макушку. Кровь изверглась преувеличенным фонтаном, когда ее тело упало на бок. Потом наступила моя очередь.

Из всех ранений, которые я получила за последние несколько месяцев, я никогда не страдала от ножа. Конечно, меня резали, царапали и били в шею. Но я никогда раньше не была пронзена глубоко.

Я не знала, была реалистична или нет острая боль, которую я чувствовала, когда солдат вонзил штык мне в сердце. Наверное, это было намного больнее: на самом деле были слои кожи и мышц, которые болели задолго до того, как острие попадало в сердце. Но внутри симуляции я чувствовала только это.

Тупая боль, спазм, когда ранее неповрежденный клубок чистых мышц сломался о восемь дюймов стали. Это было странно, потому что пару секунд, клянусь, я ощущала, как мое сердце продолжало биться вокруг лезвия.

Затем мой желудок сжался, когда симуляция закончилась.

ГЛАВА 10

— Шарли? Шарли?

— Что? — простонала я.

Возвращение к реальности после того, как вы оказались в ловушке внутри симуляции,

немного дезориентировало. Это как когда я какое-то время сидела и вдруг вставала: у меня кружилась голова, и мир становился черным.

— Шарли? Ты с нами?

— Что так долго? — сказала Воробей, ее голос доносился издалека.

— Не знаю. Ее жизненные показатели в норме. Возможно, такое длительное воздействие повлияло на ее существующие травмы, — я услышала щелчок, линза Фрэнка настроилась. — Было очень мало случаев, когда пациенты, получившие такую травму головы, выживали — и вообще никаких данных о влиянии ZOOT на ранее существовавшие черепно-мозговые травмы, — больше щелчков. Мягкий гул. — Я должен провести всестороннюю проверку. Тебе придется помочь мне доставить ее в медицинское крыло.

— Мне нельзя прикасаться к ней вне симуляции. Ты так сказал, — добавила Воробей. — Ты сказал, что я недостаточно нежная.

— Не для выращенного в лаборатории цыпленка, — согласился Фрэнк. — Но анатомия Шарли должна выдерживать определенную чрезмерную силу...

— Цыплята? — простонала я.

— Только по форме. Это неразумные органические клоны, созданные только для того, чтобы обеспечивать пропитание.

— Цыплята...? Что случилось ...?

— Ты когда-нибудь видела, как самосвал сбивает оленя? — пошутила Воробей.

Не видела.

Но я могла себе представить, что для оленя это закончилось не очень хорошо.

— Я в порядке, — хрипло сказала я. Я слышала писк и ощутила резкий толчок, когда конденсат от моего дыхания заставил мое лицо скользить дальше по стенке капсулы ZOOT. Я привалилась к ней, конечности жалобно согнулись подо мной. Я хотела встать, но мое тело не слушалось.

— Ты должна помочь мне перевезти ее.

— Хорошо... я просто... в порядке...

— Она говорит, что с ней все в порядке.

— Воробей.

— Фу! — каблук ее ботинка сильно ударил по полу. — Хорошо, но если я случайно выпущу ее внутренности через задний проход, это будет твоя вина.

— Нет, не мой... задний...

Я пыталась открыть глаза, но, казалось, последние три дня я пила виски и курила одну из не табачных сигарет. Я застряла в живом сне.

Затем, когда я ощутила, как руки Воробья скользнули подо мной, этот сон превратился в кошмар.

— Нет, задний...!

— Ты — задница, — зарычала Воробей мне в ухо. — Какой особенный идиот страдает в симуляции ZOOT, а? Ради бога...

— Осторожно, — напомнил ей Фрэнк.

— Я нежная!

Воробей подняла меня с земли так быстро, что мои ребра, казалось, ударили по позвоночнику. Я не знала, действительно ли я потеряла сознание, или я была настолько занята попыткой спасти свои внутренности, что пропустила большую часть того, что происходило вокруг меня. Следующее, что я осознала, это мягкое покачивание, когда

Воробей понесла меня по коридору.

Через мгновение часть моей головы задрожала, ее голос вырвался из ее груди:

— Она более мягкая, чем я ожидала.

— У самок млекопитающих есть дополнительный жир, который позволяет им вынашивать ребенка, даже если они находятся в среде, где питательные вещества недоступны. И наоборот, самцы превращают свои питательные вещества в мышцы, что позволяет им защищать свою территорию от других самцов. Шарли — женщина, так что да, — кричал Фрэнк впереди, — она будет мягкой.

Воробей некоторое время молчала. Я держала глаза закрытыми и слушала ровный стук ее сердца. Если бы я несла на руках более сотни пудов человека, я бы, наверное, запыхалась. Мои мышцы тряслись бы. Я бы, по крайней мере, выделила слой пота. Но Воробей, похоже, совсем не беспокоилась.

В первый раз, когда она подвинула хваткой, она пытается дотронуться до жира на тыльной стороне моей руки. Меня это устраивало, пока она не начала сжимать.

— Ой!

— Что?

— Слишком сильно! — вскрикнула я.

Она быстро отпускает.

— Правда? Это было слишком сильно?

— Ты должна быть нежнее, Воробей, — сказал Фрэнк. И если бы боты могли звучать раздраженно, держу пари, он бы так и звучал. — Вспомни, что случилось с цыплятами.

Я застонала и снова сжала кулаки. Ни за что мои внутренности не выскочат из какого-либо отверстия. Не говоря уже о том конкретном.

Когда Фрэнк снова заговорил, казалось, что он шел рядом со мной:

— Ты должна простить ее любопытство. Воробей никогда не вступала в контакт с другой органической формой жизни.

— Кроме цыплят, — исправила она.

— Угх... мы можем, пожалуйста, перестать говорить о цыплятах? — буркнула я.

— Мы начали практиковать контроль, как только ты прибыла, — невозмутимо продолжил Фрэнк. — Хотя неясно, действительно ли она понимает твою хрупкость, Воробей сделала все возможное, чтобы быть мягче. И я надеюсь, что вы двое сможете сосуществовать в Учреждении долгие годы...

— Нет. Я уйду, — буркнула я вызывающе.

Воробей фыркнула над моей головой.

— Это невозможно. Она знает, что это невозможно, да?

— Мы... обсуждали это, — сказал Фрэнк после короткой паузы. — Хотя ее знания по этому вопросу составляют лишь около двадцати процентов, меня не удивит, если ей не хватает понимания.

Я собиралась ответить, когда низкий свист заставил меня вздрогнуть. Воробей почти выпустила меня и грубо сжала после этого.

— Ой!

— Что это за треск?

— Это была моя чертова спина! — рявкнула я, отклоняясь от нее. — Тьфу, и около дюжины других суставов. Где мы, черт возьми?

— Мы в медицинском отсеке, — через мгновение динамики Фрэнка стали тише. —

Шарли... разве ты не видишь, что мы в медицинском отсеке?

— Нет. Я слишком устала, чтобы открыть глаза.

— У тебя уже глаза открыты, — я услышала шелкающий звук и уловила, как ветерок ударил меня по лицу. — Можешь сказать мне, сколько фаланг я сейчас показываю?

— Ты смеешься? Она слишком тупая, чтобы понять, что означает это слово, — буркнула Воробей.

— Я знаю, что такое фаланги! — крикнула я, мой голос дрожал от паники. — Но я... я ничего не вижу! Все темно! Мои глаза действительно открыты?

— Боже. Я знал, что ее микрочип был скомпрометирован, но нервная стимуляция, вызванная датчиками ZOOT, должно быть, нанесла дополнительный ущерб.

— Что значит: мой микрочип? Какой микрочип?

Фрэнк мне не ответил.

— Воробей, положи ее на стол, пожалуйста. Спиной вверх.

Все, о чем я могла думать, это моя и без того получившая угрозу задница.

— Э-э, не будет ли мне безопаснее на спи...? Ой! Боже!

Воробей бросила меня на стол примерно с шести дюймов. Обычно это не повредило бы. Но она бросила меня прямо на мой подбородок.

— Фу, у нее кровь из лица.

— Из тебя вот-вот потечет кровь!

Я искренне злилась в этот момент. Я замахнулась на нее. Мой кулак пронзил пустой воздух, и сила сбила меня со стола. Весь воздух вырвался из моих легких, и моя спина сильно хрустнула, когда я рухнула. По крайней мере, этот треск перекрыл все те трески, которые произошли, когда Воробей сжала меня.

— Боже, она действительно слепа.

— Да. Именно это я и пытался передать. Пожалуйста, верни ее на стол...

— Я сама вернусь, спасибо, — рявкнула я, стряхивая с себя слишком грубую хватку Воробья. Мне нужна была секунда, потому что я была в равной степени слепа и слаба. Но, в конце концов, мне удалось затащить свою задницу вверх по ножкам стола и плюхнуться в лужу крови от подбородка. — Хорошо, я здесь. Сделай так, чтобы я снова могла видеть.

— Какая поразительно ужасная фраза.

— Воробей... — динамики Фрэнка работали так низко, что я едва слышала его голос. — Думаю, будет лучше, если ты покинешь нас сейчас. Вернись к своей работе. Я отправлю Шарли обратно в комнату, как только перенастрою ее микрочип, — добавил он после минутной паузы.

— Хорошо, — буркнула Воробей. Я не слышала, как она ушла — по-видимому, она громко двигалась, только когда была расстроена, — но я слышала, как дверь со свистом закрылась за ней.

Вскоре после ее ухода Фрэнк сообщил мне очень плохие новости:

— Мне придется сделать надрез у основания твоего черепа...

— Нет, черт возьми, не надо!

— Боюсь, это единственный способ...

— Ты не разрежешь мне голову!

Что-то ущипнуло меня за шею за полсекунды до того, как я попыталась слезть со стола... и я вообще не могла двигаться. Я говорила себе двигаться, встать и бежать к двери. Но мое тело было кашей.

Это текло по моим венам в тот день, когда я впервые встретила Говарда. Я помнила, как беспомощно лежала на больничной койке, когда смотрела, как Говард склонился надо мной, сжимая в руке свежую Перезагрузку. Я помнила, как слышала, как мое сердце завывало в мониторе, когда он воткнул иглу мне в шею — и оставил ее там почти на целых три секунды, прежде чем вонзить ее глубже.

Я снова ощущала себя ребенком, парализованным и беспомощным. Целый мир боли висел над моей головой.

Фрэнк собирался разорвать меня на части, и я ничего не могла сделать, кроме как умолять.

— Пожалуйста, пожалуйста, не убивай меня.

— Я не убью тебя, Шарли. За три столетия опыта работы я потерял только одного пациента.

— Да? — это заставляло меня меньше паниковать, я услышала шансы. — А что случилось с пациентом, которого ты потерял?

— Его труп был кремирован в местном похоронном бюро по его последней просьбе...

— Нет, я имею в виду, почему ты его потерял?

— Он управлял автомобилем и не пристегнул ремни безопасности, — сказал Фрэнк, его голос звучал надо мной. — Его автомобиль попал в аварию на опасном участке дороги 917, и от силы удара его выбросило через лобовое стекло. Он рухнул на забор из колючей проволоки — и эффект, как вы понимаете, мало чем отличался от эффекта ножа в масле. Прощу прощения, если это сравнение слишком устарело, — добавил Фрэнк. — У меня было всего несколько стандартных разговорных выражений, и мне не хватало полномочий для выполнения собственных обновлений...

— Нет, я поняла, — быстро сказала я. Наконец-то он мог рассказать мне что-то интересное, и я не хотела, чтобы он отвлекался на свои проблемы с ботами. — Значит, парня разрезало пополам, да?

— От передней части живота до позвоночника, да. Я провел операцию, которая потребовала многочисленных прижиганий и сложной схемы наложения швов. Но он скончался от травмы прежде, чем я успел закончить. Можно много говорить о желании сознания остаться внутри тела после такого инцидента, — тихо говорил Фрэнк. — Некоторым людям не хватает этой воли. Но твоя воля сильнее, чем у большинства.

Все во мне сжалось, я ощущала, как менялась комната. Стол тонул. Он гудел, когда его ножки согнулись, опуская его к талии Фрэнка. Его туловище шипело, когда он наклонился надо мной, как шипели конечности экзоскостюмов, когда они сжимались и теряли напряжение. При воспоминании об экзо — что они сделали с наемниками с Севера, что они сделали со мной — меня снова начало мутить.

— Твой дискомфорт резко регистрируется моими сенсорами. Я бы хотел, чтобы ты доверяла мне, Шарли.

— И я хотела бы иметь возможность видеть, но ничего не поделать.

Фрэнк ничего не сказал в ответ. Мои уши горели от напряжения ради каждого звука. Я слышала другие звуки, другие предметы в комнате подстраивались по молчаливой команде Фрэнка. Я не знала, что это были за штуки и зачем ему было так много всего. Затем я уловила звук, который я узнала.

Это был высокий жужжащий звук. Песня тысячи крошечных зубьев пилы, превращающихся в размытое пятно. Я уже слышала этот звук однажды, на краткую секунду,

когда смотрела, как сплетение хромированных роботизированных рук разорвало череп Ральфа и вытащило из него сероватое месиво. Я слышала этот звук почти каждый раз, когда пыталась заснуть.

Я закричала. Звук не достиг моих ушей, но я чувствовала знакомую боль и напряжение в горле, когда оно расширилось до предела, освобождая место для нечестивого шума, разрывающего мои легкие.

Фрэнк разговаривал со мной. Где-то в отдаленном уголке сознания я слышала урчание его динамиков. Но я не могла разобрать, что он говорил.

Я просто кричала и кричала.

Я кричала, наверное, секунд тридцать после того, как шум пилы прекратился — просто потому, что в этих криках было так много ужаса, что я не могла остановить их, пока они не закончились. Это было все равно, что пытаться помешать мусоровозу скатиться с холма.

— Ах. Вот в чем проблема.

Голос Фрэнка доносился издали. Влага покрыла мои щеки и щипала глаза; мои слова просачивались между рыданиями:

— Что ... проблема?

— У тебя опухоль в затылочной доле. Эта опухоль блокирует датчики, которые жизненно важны для зрения.

— Я не понимаю.

— Ты вообще знакома с анатомией мозга?

Мозг.

Вот. Это слово я не могла вспомнить, как только кошмары овладевали мной. Я впилась в него, позволяя ему прокручиваться в моей голове снова и снова. Может, если я достаточно подумаю об этом слове, я его не забуду.

Мозг.

— Человеческий мозг служит той же цели, что и материнская плата компьютера...

— Я не знаю, что это за чертовщина.

— Микрочип юнита?

— Нет.

— Автомобильный двигатель?

— Ох, ладно. Ага. Я знаю о двигателях.

— Тогда ты должна понимать, что двигатель — это эпицентр функционирования транспортного средства. Мало того, что оно было бы неподвижным без своего двигателя, но каждая внутренняя часть этого двигателя управляет другой внешней функцией.

— Например, когда нажимаешь на газ, он ускоряется.

— В яблочко. Твой мозг — твой двигатель, Шарли. Это внутренний эпицентр всех твоих внешних функций. И очень темпераментный. Что-то едва ли два миллиметра в диаметре может стать источником катастрофической неисправности.

Я быстро запуталась. Я до сих пор не понимала, что такое опухоль и как из-за нее я могла ослепнуть. Я уже собиралась попросить Фрэнка объяснить все это еще раз, когда мои глаза вспыхнули краской.

Это было как включить телевизор в кромешной тьме: я так привыкла к темноте, что внезапный свет показался мне слишком сильным. Я захлопнула глаза и впускала мир сквозь щели век, привыкая к цвету.

— Вот так. Опухоль успешно удалили. Хочешь посмотреть, как я провожу биопсию?

— Конечно, — сказала я, хотя понятия не имела, о чем он говорил. Я просто так радовалась, что могла смотреть что-то, что я не удивилась этому.

Комната по-прежнему была размыта. Это напоминало мне о том, как выглядели вещи, когда вода попадала в глаза: несколько четких пятен, затемненных искажающими волнами влаги. Когда я моргнула, волны разгладились на моих зрачках. Скоро я снова смогу видеть.

Мое сердце разрывалось от воспоминаний о другой комнате, подобной этой. Комнате, выкрашенной в белый цвет, с экранами и приборами. Металлический стол, как этот. Знакомое, пугающее присутствие наклонного бетонного пола...

— Постарайся расслабиться, — сказал Фрэнк позади меня. — Твои болевые рецепторы полностью заблокированы. Ты не должна чувствовать никакого дискомфорта.

Меня беспокоила не боль. Я ничего не чувствовала. Я не ощущала, что Фрэнк делал со мной. Хуже всего, я не могла даже поднять руку, чтобы защитить себя.

Приглушенный звук поднял мой взгляд. Я смотрела, как маленький экран, прикрепленный к стене механической рукой, опускался на мое лицо. Рука направила экран в нужное положение и наклонила его, чтобы он идеально совпадал с моим зрением. Через мгновение он загорелся со щелчком.

У меня сжался желудок, когда я увидела изображение на экране: комковатая серая масса с яростной сеткой черных прожилок, извивающихся по ее поверхности. Похоже было на какой-то грибок с кровавыми корнями. И это определенно напоминало кусок чего-то, что вот-вот вылетит из черепа.

Я просто не могла поверить, что это вышло из меня.

— Что это за фигня?

— Это опухоль, которая мешала функционированию твоей затылочной доли. Это менингиома. И это...

Один из гладких хромированных пальцев Фрэнка появился на краю экрана. Он нырнул, пока почти не коснулся опухоли, завис менее чем в сантиметре от ее выпуклой плоти. Затем из кончика его пальца высунулась толстая игла и вонзилась в опухоль.

Она начала сдуваться, сжимаясь почти до половины своего первоначального размера, когда игла всасывала ее жидкости. Синий огонек спокойно вспыхивал на внутренней стороне пальца Фрэнка. Когда игла высосала большую часть жидкости из опухоли, индикатор стал зеленым и раздался тихий звуковой сигнал.

— Это хорошо, правда? Зеленый — это хорошо?

— Это означает, что опухоль была доброкачественной, да. Менингиомы бывают часто. Тем не менее, осторожность всегда полезна. Сейчас я проведу быстрое сканирование твоей черепной полости и позвоночника, чтобы убедиться, что нет никаких других новообразований.

И это было быстрое сканирование. Прежде чем я успела перевести дух, чтобы задать вопрос, Фрэнк закончил.

— Превосходно. На данный момент ростков больше нет.

— Что это значит? Может... вырасти больше таких штук? — пролепетала я, морщась и наблюдая, как Фрэнк сжал опухоль между пальцами и убрал ее куда-то за пределы экрана.

— Да. Может.

— Могу ли я снова ослепнуть?

— Это будет зависеть от того, где появится следующая опухоль, но да. Можешь. Если менингиома когда-либо появится вдоль спинного мозга, ты можешь потерять значительную

часть своей подвижности.

— Меня может парализовать?

— Да.

Нет.

Этого не может быть. Мне нужны были глаза — мне понадобятся все чувства, которые у меня остались, если я рассчитывала выжить в Ничто. А если я ослепну в пути? Или оглохну? Что, если кто-то направит на меня пистолет, а я не смогу выстрелить в ответ, потому что у меня онемела рука? Я не продержусь долго, если не смогу защитить себя.

Когда я рассказала обо всем этом Фрэнку, он казался менее обеспокоенным.

— Опухоли довольно распространены, и с ними легко справиться при соответствующем уходе...

— Я не хочу быть под твоей опекой! Я должна уйти отсюда! Мой друг нуждается во мне, ясно? — я продолжила, когда Фрэнк не ответил. — Уолтер стар и болен, и... если он еще жив, ему понадобится моя помощь.

— Твоя помощь?

— Да, я облажалась, — тихо сказала я. И как только я дала себе секунду подумать об этом, я осознала всю тяжесть того, что я сделала.

У Маурьи был брат. Я не знала ни его имени, ни где он был, но я знала, что он придет. И он не обрадуется, узнав, что его сестру разорвали на части и превратили в кучу койотовых какашек.

А Аша? С ней была целая банда граклов. Она могла подумать, что я умерла, но она знала об Уолтере. Вероятно, она знала его достаточно хорошо, чтобы выследить — и когда она это сделает, держу пари, она нанесет ему такой же удар, как и мне. Такое избиение старый человек, как Уолтер, не выдержит.

А еще была пара левитов, которых я обрызгала грязью, выходя из будки контрольно-пропускного пункта. Где-то могло скрываться десять тысяч таких сумасшедших. Я просто не думала.

— Я пыталась улучшить ситуацию, правда. Но, думаю, вместо этого я разозлила кучу разных людей. И я не хочу, чтобы мои друзья пострадали из-за моих ошибок. Я должна выбраться отсюда и это исправить.

Фрэнк молчал какое-то время. На экране передо мной не было ничего, кроме кровавого пятна. У меня не было возможности узнать, о чем он мог думать, но я надеялась, что он жалел меня. Достаточно, чтобы отпустить меня. На самом деле я даже не знала, мог ли бот жалеть. Поэтому я удивилась, когда Фрэнк ответил:

— Я понимаю импульс защитить тех, кто тебе дорог. Я был создан, чтобы защищать других. Но для тебя это сознательное решение, а наши решения часто более убедительны, чем наш дизайн. Если бы я мог позволить тебе покинуть Учреждение, я бы это сделал, — громкость динамиков Фрэнка упала до шипения, — но я не могу.

— Почему?

Я услышала щелчок, и изображение на экране уменьшилось.

У меня пересохло в горле, когда я увидела себя на металлическом столе. Я рухнула так, будто я была настолько измучена, что не могла сделать больше шага, и провалилась в глубокий сон в ту секунду, когда легла. Под руками и на коленях моего костюма ZOOT были темные кольца от пота. Под моим подбородком высохло темное пятно крови.

О, и у меня в задней части черепа был вырезан огромный треугольник.

— Еще раз напоминаю, что твои нервные окончания достаточно онемели, — сказал Фрэнк в ответ на то, что, как я могла только догадываться, было огромным всплеском в его сенсорах.

Я не могла ответить. Я даже крикнуть не могла — хотела, но всё дыхание вырывалось нитями между зубами.

Внутри разреза в моем черепе находился глубокий выпуклый резервуар с жидкостью. Я узнала кровь, хотя ее было не так много, как должно было быть. Кожа на моей голове хлестала кровью, когда ее разрывали. Такой глубокий порез должен был вызывать гейзер — как раны в симуляции ZOOT. Вместо этого лужица красного цвета была на удивление неглубока...

Что позволяло мне легко видеть отвратительную массу под ней.

Масса выглядела как огромная опухоль: бугристая и ребристая, покрытая сетью набухших вен. Эти вены были ярко-красные, а не черные; масса мясисто-розового оттенка. Но я все еще думала, что это было похоже на гигантскую опухоль.

— Это твой мозг, Шарли, — пара пинцетов медленно вытянулась из другого пальца Фрэнка. Он использовал пинцет, чтобы отодвинуть лоскут массы в сторону. — И именно по этой причине ты не можешь покинуть Учреждение. Это твой микрочип. Микрочип не может покинуть Учреждение, если он не уполномочен на это. И у меня нет полномочий, необходимых для твоей авторизации.

Я не могла в это поверить.

У меня... в голове был кусок металла. Крошечный прямоугольник, наполовину поглощенный массой. То, как розоватая плоть сочилась сверху и снизу прямоугольника, напоминало мне о том, как дерево могло вырасти вокруг куска забора из колючей проволоки: на это могли уйти десятилетия, но, в конце концов, кора съедала его.

— Чем более зрелая форма юнита, тем труднее найти его или чип, — согласился Фрэнк, когда я привела сравнение. — Тебе не больше двадцати лет.

— Восемнадцать, — ответила я. — Мне восемнадцать.

— Я не удивлен. Нужно быть довольно молодой, чтобы пережить перенесенную травму.

— Хм. Ага.

Мы оба молчали около минуты. Я смотрела на экран, который, как я поняла, был подключен к объективу Фрэнка. Изображение приближалось и расплывалось в такт его жужжанию. У меня начала кружиться голова. Я уже собиралась сказать ему, чтобы он остановился, но изображение увеличилось настолько, что я смогла разглядеть крошечные царапины на чипе. И я впервые заметила, что на металле что-то было выгравировано:

X1-37.

Вот и все. Это была правда, отпечатанная у меня в голове и похороненная под той мягкой частью меня, которая заставляла работать все остальное. Я не могла больше игнорировать Фрэнка или отрицать это.

— Я — бот...

— Не совсем так, — сказал Фрэнк, прежде чем я успела загнать себя в новый приступ паники. — Ты — редкий образец биотехнологии — результат слияния соматических клеток и компьютерного программирования. Квинтэссенция рассуждений скрывается в квинтэссенции формы. В первоначальном замысле ты была человеком, чье поведение было обусловлено технологической точностью. Совершенный человек. Полностью послушный.

Я обдумала это секунду. Фрэнк использовал несколько ужасно громких слов — такие

слова я ожидала услышать только за несколько мгновений до того, как Говард бросит мне на лицо скорпиона. Пришлось копаться глубоко в своих воспоминаниях, а затем копнуть глубже, чтобы понять, как было связано между собой то, что он говорил, и то, что я знала. Но как только я это сделала, это обрело смысл.

Все упиралось в протокол.

Сколько раз я слышала, как Нормалы использовали это слово? Протокол был причиной практически всего, что они делали. Но это было больше. Больше, чем причина. Они несли это знание, как Уолтер носил Жозефину. Будто от этого зависела их жизнь. Даже шериф Кляйн, с которой по стандартам Нормалов все было в порядке, казалось, была не в состоянии нарушить ее протокол...

До конца.

Я просто думала, что это было из-за того, что Нормалы были тупыми. Но, возможно, у них не было выбора.

— Кто-то сделал нас такими, чтобы они могли нами управлять?

— Ну... они пытались, — сказал Фрэнк. — Самое интересное в органических геномах — это их склонность к адаптации. Выживание в течение одного репродуктивного цикла — размножение своих генов — является конечной органической целью. Свобода воли — это черта, которая в огромной степени способствует индивидуальному выживанию, а также отбраковке нежелательных геномов из популяции вида. Ты была создана, чтобы тебя контролировали, да. Но со временем и после нескольких циклов Х1 начали проявлять умеренную устойчивость к влиянию их чипов, — объяснял Фрэнк, вероятно, потому, что его датчики уловили тот факт, что я вот-вот умру от скуки. — Если твоему виду будет позволено продолжать цикл, вполне возможно, что ваши органические формы полностью откажутся от технологических изменений. Примерно как человеческая кожа отталкивает занозу.

Я смотрела на экран, пинцетные пальцы Фрэнка тыкали в чип. Свет упал на него, и я заметила, что на поверхности чипа имелся неглубокий узор. Это был блок линий и кругов, идущих параллельно друг другу. Не пересекаясь. Будто я смотрела на запутанный лабиринт сверху.

Большая часть блока имела бледно-золотой цвет, который слегка выделялся на фоне металла чипа. Но в середине был крошечный участок — и он, вероятно, был не больше пылинки — темно-коричневый. Внутри этой коричневой отметки линии были разделены. На них были трещины, которые напоминали мне текстуру дерева. В конце центральной линии был круг, который был разбит, как упавшее яйцо.

— Он поврежден, — сказала я больше себе, чем кому-либо. — Похоже на какой-то... ожог.

— Да. Я не производственный юнит, — пинцет Фрэнка мягко щелкнул по обесцвеченному пятнышку, — но этот рисунок похож на травмы, вызванные электрическим ожогом.

— Электричество?

— Да. Любой ток свыше четырех тысяч вольт имел бы достаточную мощность, чтобы повредить чип. Ты помнишь, когда была ударена током?

Я никогда не была поражена электрическим током. Впервые я услышала об электричестве, когда меня захватили наемники с севера. Их крепость работала на электричестве. Они нуждались в нем для питания своего авто-кузнецца — большого механизма, ответственного за штампование тысяч металлических пуль.

Я была довольно близко от взрыва, разрушившего форт. Я видела, как огромные оранжевые огненные шары лизали небо, и чувствовала, как земля качалась под колесами машины. Тем не менее, меня не били током.

Подстрелена, да. Но не ударена током.

— Я никогда не прикасалась к электричеству.

— Ты уверена?

— Ага. Я-то знаю, если... подожди секунду, — может, потому, что мой затылок был вскрыт и выставлен на воздух, я вдруг кое-что вспомнила. Что-то странное сказал Блейз прямо перед тем, как исчезнуть. — Если кто-то скажет, что его ударили, это как-то связано с электричеством?

— Возможно. Если бы кого-то ударила молния, можно было бы использовать слово «ударил».

— В меня может ударить молния?

Повисла долгая пауза. Такая долгая, что я ненадолго задалась вопросом, не выключился ли Фрэнк.

— Да, — наконец, сказал он, — да, Шарли. В тебя может ударить молния.

Мой желудок возбужденно перевернулся.

— Думаешь, это случилось с моим чипом?

— Думаю, ты помнишь, как тебя ударило...

— Нет, — сказала я, задыхаясь. — Кто-нибудь другой. Здесь со мной кто-то еще. В моей голове еще человек.

ГЛАВА 11

Я рассказала Фрэнку все, что знала о Блейзе. Оно выливалось из меня горячим потоком с того момента, как я впервые увидела, как его руки оказались поверх моих, до момента, когда он закричал на меня в уборной. Казалось, я говорила быстрее, чем мог двигаться мой рот. Все мои слова выплескивались в эту лихорадочную кашу.

Но я была слишком взволнована, чтобы остановиться.

— Я не сумасшедшая, да? Ты говорил, что мой материал снова и снова перерабатывался, так что вполне возможно, что Блейз был мной раньше, чем я.

— Да. Органический корпус каждой единицы X был создан с использованием геномов трех совместимых доноров. Возможно — хотя и не доказано — что личность каждого донора все еще существует в собранных участках их генома. Поэтому возможно, если бы соответствующие компоненты их микрочипа были уничтожены, чтобы проявились изначальные личности доноров.

— Подожди, ты хочешь сказать, что меня трое?

— Да. Три донора, три генома, три возможных личности.

Меня мутило.

Если бы я не была так ошеломлена, я бы потеряла сознание. Я ощущала себя чужой в собственном теле — нет, не теле. Переработанной мясистой массе, которая была домом для Блейза и, по крайней мере, еще одного человека. Изношенный кожаный костюм, уничтоженный одним поколением и рожденный в следующем. Инструмент. Орудие.

Творение.

Кто-то другой носил мое лицо и работал моими руками. Кто-то другой использовал мой голос. Мое тело позаимствовали, а теперь его украли. Число в моей голове означало, что я кому-то принадлежала. Я была не той, кем себя считала.

Я — даже не я.

— Кто я? — сказала я сдавленно. — Какая личность я сейчас?

— Я не уверен, и я боюсь, что это будет невозможно сказать. Карты всех исходных геномов запечатаны в зашифрованном файле, — объяснил Фрэнк. — Шифр нельзя взломать, не привлекая нежелательного внимания.

— Что ты имеешь в виду? Я думала, ты управляешь Учреждением?

— Нет. Я всего лишь медицинский юнит, которому здесь позволено существовать. Что нам теперь делать с твоим микрочипом?

Фрэнк явно пытался сменить тему, но я слишком беспокоилась об этих опухлях, чтобы обращать внимание.

— Я хочу, чтобы это вылетело из моей головы.

— Невозможно.

— Почему?

— Удаление убьет тебя мгновенно.

Это все решало. Я застряла с дурацким чипом. Тем не менее, должен быть способ не

дать ему растить опухоли по всему телу. Что-то мы могли исправить. Я думала об этом минуту, и ко мне пришла идея.

— Помнишь огромную шишку, которая была у меня на затылке?

— Не думаю, что когда-нибудь забуду это, — сказал Фрэнк. — Пришлось столько откачивать...

— Ну, каждый раз, когда я нажимала на нее, я видела его. Я видела Блейза, — попыталась дотянуться до затылка, прежде чем вспомнила, что все еще была онемевшей. — Я не могу... тьфу... не могу сказать наверняка, потому что не могу двигаться. Но я думаю, что эта шишка могла быть как раз там, где чип.

— Интересно.

— Как ты думаешь, это может иметь какое-то отношение? Если мы впихнем туда что-нибудь еще, думаешь, это починит чип?

— Я не производственный юнит.

— Но ты же бот, верно? Ты знаешь об этих вещах. Пожалуйста, — сказала я дрожащим голосом, — я не хочу, чтобы меня сожрали опухоли.

— Опухоли не хватает челюстей, необходимых для обработки плоти в традиционном смысле...

— Ты знаешь, что я имею в виду, — прорычала я. — Пожалуйста, Фрэнк. Если мы не можем вытащить чип, то мы должны хотя бы попытаться его починить. В противном случае в моем мозгу будут расти опухоли, пока он не вытолкнет весь чип из моего черепа.

— Анатомически невозможно... но я понимаю твою точку зрения. Я сохраню изображение твоего чипа, — я услышала слабый щелчок, за которым последовала вспышка света, которая на мгновение затемнила экран, — и попытаюсь получить доступ к некоторым файлам разработки в командной комнате. Хотя предупреждаю: эти файлы заблокированы. Любая попытка взломать их систему безопасности не останется незамеченной.

— Незамеченной для кого? Учреждения? — решила я, когда Фрэнк не ответил.

— Нет. Не Учреждения.

— Тогда кого?

Прошел еще один долгий миг. В этот миг была тяжесть — какая-то тяжесть, которая заставляла меня чувствовать себя неловко. Если бы Фрэнк был человеком, я бы подумала, что он собирался мне солгать. У него на носу выступили бы капельки пота; его дыхание стало бы прерывистым.

— Существо, упоминаемое в некоторых файлах как Шеф.

— Кто, черт возьми, Шеф?

— Полагаю, он в некотором роде твое божество. Твой создатель. Все это построил Шеф, — сказал Фрэнк, протягивая руку к потолку. — Учреждения, Колонии и X-юнитов. Он создал тебя, Шарли.

Мне не нравилось, как это звучало.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он создал меня?

— Ты являешься его интеллектуальной собственностью, как и любой юнит X.

Я не была ничьей. Я была живым, дышащим существом, способным принимать собственные решения — и собственные ошибки. Но я старалась говорить ровно:

— Так где же этот Шеф? Есть шанс, что я смогу с ним поговорить?

— Извини, но эта тема для разговора закрыта.

— Ты не можешь просто говорить это каждый раз, когда...! Ах!

Что-то громко зашипело рядом с моим ухом. Я ощутила острый укол в шею, в вену, которая пульсировала чуть ниже подбородка. Я открыла рот, чтобы спросить Фрэнка, что он творил, но слова так и не вырвались.

Вокруг меня рушились четыре черные стены. Я глядела на крошечную точку света — последний клочок моего сознания. Он парил в слабом свете полумесяца на рассвете, на бледно-голубом небе. Затем вошло солнце. Почерневшее солнце. Большое чернильное пятно с лучами, которые тянулись, как руки.

Эти руки обвили увядшую луну и заглушили последний свет...

* * *

— ...не то чтобы я ожидал, что ты поймешь. Вы, люди, вероятно, все еще украшаете свои пещеры рисунками собак и дугами мочи.

Я не понимала, был это сон или нет.

Воробей была здесь. Она сидела за столом напротив меня, закатив серебряные глаза, продолжая рассказывать, какой глупой она меня считала. Эта часть казалась реальной. Комната сбивала с толку.

На полсекунды мне почудилось, что я сидела в столовой наемников: крашенные шлакоблочные стены, уродливый кремовый пол с черными крапинками в узоре и ряды блестящих металлических столов. Все это было до ужаса знакомо. Я была почти уверена, что была здесь раньше. Даже запах, густой запах вареного мяса, напоминал мне о столовой. Но этого не могло быть.

Я взорвала то место.

— Ты бы сошла с ума, если бы увидела, что я умею делать с цветами...

— Где мы, черт возьми? — выпалила я. Мой голос был слишком громким. Я наполовину застряла в тумане сна, и даже мне казалось, что я шумела. Вопрос эхом разнесся по пустой комнате, слишком большой для двух человек. — Где мы? — сказала я снова.

На этот раз мой голос превратился в жуткий шепот.

Воробей отошла от стола, будто я только что угрожала убить ее.

— Мы в столовой.

— Внутри крепости?

— Это называется Учреждение, дурочка. Я же сказала тебе двадцать минут назад, что мы идем обедать в столовую. Почему я вообще беспокоюсь? — буркнула она себе под нос.

Я смотрела, как она взяла кусок еды с тарелки и отправила в рот. Было похоже на вареную куриную грудку с нарезанным картофелем. На десерт было какое-то печенье.

Мой поднос был таким же, как у нее. Куриная грудка была наполовину съедена, хотя я не помнила, чтобы откусила. Я отложила вилку и потянулась за печеньем. Единственное печенье я пробовала от Анны. И я вспомнила, что на вкус оно было теплым — как мед и специи.

Это печенье было на вкус как опилки и клей.

— Нужно сначала пообедать, язычник, — пошутила Воробей, когда я выплюнула печенье.

— Я не стану такое есть, — буркнула я. Курица была сухой и жесткой, а картофель с тем же успехом мог быть грязными дисками. — Где специи?

— Специи?

— Да, вроде соли и халапеньо... и, может, немного кинзы, — добавила я, изо всех сил пытаюсь проглотить особенно хрустящую картофелину.

— Я знаю, что такое специи. Я видела их в Архиве, — пылко сказала Воробей. — Но в Учреждении их нет. Фермерские станции выращивают только самое необходимое.

— Фермерские станции? — моя голова кружилась. Между ушами крутилось около сорока вопросов, и я не могла заставить выдать ни один из них. Вот тогда я и вспомнила, что Фрэнк разрезал мне затылок.

Я вспомнила опухоль и чип.

Я вспомнила жгучее ощущение, которое я испытала, когда черные стены навалились на меня...

И это... было последним, что я помнила.

Но моя курица была наполовину съедена. В моей руке была вилка. Воробей вела себя так, будто мы уже давно разговариваем — достаточно долго, чтобы полностью разозлиться на меня. Хоть десять минут.

Желчь подступила к горлу, когда я подумала о том, как мне разрезали голову. Я должна была узнать, что ее запечатали. Я потянулась назад. Мои пальцы едва коснулись бинта, когда Воробей бросилась через стол и остановила мою руку.

— Не... трогай... это! Сколько раз я должна сказать? Если ткнешь слишком сильно, рана треснет, и ты истечешь кровью...

— Не помню, чтобы ты мне это говорила!

— Ты ничего не помнишь? Ничего из этого? — сказала Воробей, когда я покачала головой.

— Последнее, что я помню, это то, как я лежала на столе с открытым мозгом. Потом Фрэнк уложил меня спать. Вот и все.

— Фу, — Воробей мгновение сердито смотрела на меня, прежде чем вздохнуть. — Отлично. Я дам очень краткую версию того, что произошло. Ты уже была в комнате, когда я вернулась...

— В какой комнате?

— В нашей. Наше общежитие? Пожалуйста, скажи мне, что ты помнишь общежитие.

— Да, я помню общежитие, — огрызнулась я. — Но как я туда попала?

Воробей пожала плечами.

— Фрэнк катал тебя по коридору на больничной койке? Ты пришла? Я не знаю и мне все равно. Все, что я знаю, это то, что я едва прошла, и ты начала приставать ко мне с тридцатью тысячами вопросов.

— Сомневаюсь, что тридцать тысяч...

— Безжалостно. Ты была совершенно неумолима. Знала ли я, что у нас в головах есть микрочипы? Мой чип того же цвета, что и твой? Почему ты X1, а я X2? Почему я в краске? Непрерывающийся, бесконечный поток чепухи.

— И ты мне ответила? — сказала я.

— Да, но только потому, что ты заперла меня в душе. У меня не было другого выбора.

— Ты была в душе?

— Конечно, я была в душе. Как еще я должна была смыть краску?

Мне стало так стыдно, что я чуть не упала со скамейки.

— Я же не была... там?

Воробей смотрела на тепло, расцветающее на моем лице, ухмыляясь.

— Нет, я была в душе. Ты стояла снаружи, блокируя дверь.

— Это... это намного хуже! — взвыла я. — Я просто стояла снаружи и смотрела, как ты

принимаете душ? И ты позволила мне? Что, черт возьми, с тобой?

— В этом ты была леди, — заверила меня Воробей. — Все время не сводила глаз с моей шеи. И я не могла сдвинуть тебя с места, не сломав чего-нибудь — ни двери, ни твоих костей. В конце концов, ты ушла, — добавила она. — Значит, никакого вреда не было.

— Никакого вреда...? — только эти слова я смогла произнести. Остальное, что я хотела сказать, попало в огонь, пульсирующий на моих щеках, и испарилось.

Воробья, похоже, это совершенно не беспокоило. Ее лицо осталось спокойным, а ее глаза впилась в меня. Наверное, меньшее, что я могла сделать, это сидеть спокойно и позволить ей некоторое время смотреть на меня. Я должна была позволить ей это.

— Нагота беспокоит меня не так сильно, как тебя.

Да, потому что ты идеальна, подумала я. Если бы я была сложена как Воробей, я бы чувствовала себя намного лучше в своей коже — в основном потому, что мне не нужно было бы беспокоиться о том, что люди увидят все веснушки на моей заднице. Однажды я повернулась в зеркале и чуть не ослепла.

Было похоже на пару перепелиных яиц сзади.

— Так ты знаешь о микрочипах? — сказала я, отчаянно пытаюсь увести разговор от наготы.

Воробей закатила глаза.

— Нет, я больше не буду, Шарли.

— Что не будешь?

— Я больше не буду с тобой разговаривать! В прошлый раз это заняло три часа!

Три часа? Меня не было три часа?

Нет, не было. Я очнулась и ходила вокруг, заманила Воробья в ловушку в душе и задала ей тысячу вопросов — но почему-то ни один ответ не всплыл в голове.

— Что мне дал Фрэнк? — спросила я. — Как я могла ходить и говорить, но ничего не помню?

Воробей пожимает плечами. Она внимательно наблюдает за мной, дожевывая последний кусочек своего печенья.

— Так ты ничего мне не скажешь?

— Неа.

— Давай, просто дай мне несколько быстрых ответов.

— Нет. И знаешь, почему? — Воробей наклонилась над подносом, и ее пальцы крепко сцепились. — Потому что, если я отвечу на один вопрос, будет другой. И другой. И я подниму глаза и пойму, что потратила весь вечер, отвечая на ту же чушь, на которую отвечала раньше.

— Это не чушь! Это важно!

— Возможно, для тебя так оно и есть, — прямо сказала Воробей. Ее глаза сияли страстью, которая не совсем соответствовала спокойствию в ее голосе. — Может, тебе важно знать обо всем этом, чтобы ты могла сбежать из Учреждения и вернуться к ударам камнями, пока ты не научишься добывать огонь...

— О, я знаю, как разжечь огонь.

— ...но я счастлива здесь. Мне здесь нравится. Так что, если хочешь задавать вопросы, ломать вещи и злить Фрэнка, делай это сама.

— Хорошо, хорошо. Я не буду задавать кучу вопросов о чипах, — быстро сказала я, когда Воробей встала, чтобы уйти. — Но ответ только на это: я что-нибудь говорила тебе?

— Что-нибудь?

— Да, я говорила тебе о... Не знаю, говорила ли я что-нибудь, что звучало так, будто это может быть личным? Или я сделала что-то странное?

Теперь, когда я знала, что последние три часа я была практически не в себе, я была обеспокоена тем, что могла сказать что-то смущающее. Или что я могла найти какое-то незапертое оборудование и взорвать — не то чтобы я была настолько глупа, чтобы взорвать Учреждение...

Но я не была уверена.

Глаза Воробья на миг поднялись к потолку, и у меня перехватило дыхание.

— Нет.

— Нет? Ты уверена?

— Да. Ты задавала мне вопросы, заперла меня в душе, пока я не ответила на них, а потом я помогла тебе одеться, и мы...

— Что значит, ты помогла мне одеться? — пробормотала я.

Воробей приподняла бровь; на ее губах играла насмешливая улыбка.

— Ну, ты не могла прийти на ужин в больничном халате.

— Почему, черт возьми, нет?

— Они все открыты сзади, — она постучала по скамейке носком сапога. — Никто не хочет сидеть голой задницей на холодном металлическом сиденье.

Я была в шоке. Я застыла от унижения. Воробей выбросила свой поднос и направилась к двери, когда у меня, наконец, хватило духу крикнуть:

— Его открыли сзади?

— Это было. Они все такие.

— Так ты... ты видела мои веснушки?

Она пошла через дверной проем спиной вперед, ухмыляясь, когда ответила:

— Ага.

* * *

Прошло две недели. Не думаю, что я спала больше десяти часов за все это время. Внутри Учреждения было ужасно тихо: очевидно, оно было построено для того, чтобы вместить целую кучу людей, но пока единственной, кого я видела, была Воробей. Даже Фрэнк исчез.

После того, как он разрезал мне голову и накачал меня веществами, я не спала всю ночь, думая о том, что я собиралась ему сказать — думая о том, что я собиралась спросить у него. Если Фрэнк собирался держать меня взаперти в пустом здании, похороненным на милю под землей, с Воробьём, то самое меньшее, что он мог сделать, это ответить на несколько моих вопросов. Но я не могла его найти.

Поэтому мне пришлось придумать другие способы провести время.

— Добро пожаловать, X1-37.

Когда я коснулась ручки, над дверью командной комнаты вспыхнул зеленый свет. Мой отпечаток работал только на нескольких дверях. Честно говоря, я была удивлена, что он работал вообще. Я бы точно не стала доверять мне.

Командная комната была местом, где я впервые встретила Фрэнка: это комната с наклоном вниз, где всю стену занимали десять огромных экранов. К экрану вели три ряда столов, на каждом из которых было полно ручек и кнопок, а также рычагов, которые выглядели как миниатюрные переключатели передач.

Я проводила большую часть своих дней в командной комнате. Я рано поняла, что эти

экраны показывали какое-то видео о том, что происходило в Ничто. Это было похоже на то, как я наблюдала, как линза Фрэнка увеличивала и уменьшала масштаб изображения моей головы, за исключением того, что эти линзы были расположены где-то в небе над Ничто. Сверху. Если я не нажму одну из красных кнопок несколько раз, все, что я смогу увидеть, — это черные точки деревьев на огромной полосе коричневой земли.

Изображения дрейфовали широкими, медленными кругами. Проходило около тридцати минут, прежде чем что-то, что я уже видела, снова всплывало. Некоторые экраны парили над озерами или старыми зданиями — достопримечательностями, которые мне было легко узнать и запомнить. Но на большинстве из них не было ничего запоминающегося.

Просто медленное, бесконечное вращение пустой земли.

Если бы я не была так измотана, мне бы уже наскучила командная комната. Но смотреть кучу медленных видео было всем, на что у меня хватало сил. Я выбрала стол и смотрела на соответствующий экран, ожидая, что произойдет что-то интересное, чего никогда не происходило.

Иногда мне казалось, что я видела человека, бегущего в Ничто. Я нажимала на красную кнопку, которая увеличивала изображение, но обнаружила, что это был всего лишь олень. Или дикий кабан. Тысячи кабанов. Уолтер не поверил бы мне, если бы я рассказала ему, потому что иногда нам требовалась неделя, чтобы найти хотя бы одного. А на тех, что нам удалось подстрелить, никогда не было много мяса.

Но там были тысячи сильных и с пухлыми животами, свисающими близко к земле. Хотела бы я придумать способ заманить одного из них в Учреждение. Еда здесь была настолько плохой, что я начала скучать по безвкусной еде из Далласа.

Однако я мало что могла сделать из командной комнаты. Был переключатель с пометкой «Ручное управление», но за корпусом из непроницаемого стекла. Хотя это не могло быть стекло, потому что стекло рано или поздно разбилось бы. Эта штука могла пережить выстрел. Я пинала его, била стулом и пыталась вскрыть стержнем, который нашла прислоненным к стене в медицинском отсеке.

Ничего.

Ни царапины.

Единственный способ убрать корпус — вычислить код на клавиатуре рядом с ним, а я понятия не имела, что это мог быть за код. Я даже не знала, сколько цифр в нем должно быть. Может, четыре. Может, двадцать четыре. Я могла бы потратить всю свою жизнь, нажимая на кнопки, надеясь, что случайно нажму на нужные цифры... что я и делала.

Находясь в бессонном состоянии, я проводила дни, наблюдая, как твердая коричневая земля медленно вращалась по кругу, в то время как я набирала случайные последовательности чисел на клавиатуре, которая не давала мне понять, приближалась ли я к цели. Это странно гипнотизировало вместе со щелканьем кнопок.

Глаза через какое-то время стали тяжелеть. Дыхание входило и выходило из моих легких без каких-либо усилий. В моей памяти были теплые черные провалы: сначала они были маленькими, но с каждой минутой становились все интенсивнее. Через какое-то время они начинали тянуть меня за голову. Они тяжело сидели между моими глазами и тянули меня вниз своей тяжестью...

Щелк... щелк, щелк... щелк...

Шум доносился откуда-то из-за пределов моих снов. Он пронзал теплые почерневшие стены настойчивостью чего-то реального. Не чувство. Не сон. Эхо — резонанс реальности.

И это дико раздражало.

... щелк, щелк, щелк... щелк ...

— Боже мой!

Я оторвала голову от стола и зарычала, поворачиваясь на стуле. Я была готова что-нибудь сломать, если придется. Я сделаю все возможное, чтобы остановить этот щелкающий звук. Я была так близка — так близка к тому, чтобы, наконец, немного отдохнуть. И я сделаю все, что я...

— Воробей?

— Ты пускаешь слюни во сне, — сказала она, не глядя. Ее серебряные глаза были устремлены на стену экранов. Она быстрыми, резкими движениями двигала крошечный рычаг переключения передач на столе.

Щелк... щелк, щелк...

Я развернулась и с изумлением наблюдала, как изображение на ее экране — экран номер четыре — повернулось в такт ее движениям. Воробей как-то управляла изображением. Она была за рулем. Я снова взглянула на ее стол и чуть ли не взвизгнула от волнения, увидев, что она открыла корпус на своем ручном переключателе.

— Ты знаешь код?

— Да.

— Как? Какой он?

— Я знаю код, потому что обращаю внимание. И я не скажу тебе, потому что ты просто сделаешь с этим что-то плохое, — сказала Воробей. — Фрэнк предупредил меня о тебе, о том, какой дикой ты можешь быть. Я не позволю тебе разрушить Учреждение так же, как ты разрушила все остальное.

Мне не следовало рассказывать Фрэнку обо всех бедах, в которые я попадала. Уолтер и я делали только то, что должны были, чтобы выжить, а это делали все в Ничто. Но я видела, как Фрэнк и Воробей сочли меня дикарем. Им никогда не приходилось ничего делать, чтобы выжить. Они даже не снимали кожу с мяса.

— Ты видела Фрэнка?

— Да.

— Где он?

Губы Воробья слегка приоткрылись, когда она направила изображение. Концентрация смягчила ее лицо — и на какое-то мгновение она не смотрела на меня, как на собачье дерьмо между ее ботинок.

Затем она снова начала злиться.

— Он над чем-то работает. Он не хочет, чтобы его беспокоили.

— Я не собираюсь беспокоить его...

— Ты мешаешь. Ты даже не можешь уснуть, не оставив после себя неприятный беспорядок.

Она посмотрела на мой стол, и я увидела лужицу слюны там, где раньше лежала моя голова. Я вытерла это рукавом.

— Ну, если я так тебя беспокою, почему ты здесь?

— У меня закончились краски, — рассеянно сказала Воробей. — Машинам потребуется двадцать четыре часа, чтобы выкачать еще комплект. Поэтому, пока я жду, я подумала, что могла бы также посмотреть, что происходит в мире.

Я до сих пор не была уверена в том, что делала Воробей. Она говорила, что была

художницей, что, вроде, означало, что она стояла целый день и рисовала картины. Но она разозлилась на меня, когда я спросила, не похоже ли это на то, как я рисовала кошек в школе. Так что сейчас мы просто не говорили об этом.

— К чему прикреплены эти камеры? — сказала я, глядя, как Воробей перевернула картинку. Похоже, она направлялась к какому-то озеру с сухим дном.

— Это дроны.

— Дроны?

— Большие самолеты. Они парят на высоте около трех миль и обычно придерживаются заранее запрограммированного маршрута.

— Если только ты не знаешь код, — буркнула я.

Воробей ухмыльнулась.

— Ага. Я просмотрела почти все, что можно было посмотреть в Архиве, так что иногда я спускаюсь сюда и играю с дронами...

— Что такое Архивы?

— Ради бога, Шарли, — буркнула Воробей.

— Что?

— У тебя когда-нибудь кончаются вопросы?

Нет. Иногда, когда я расходилась, Уолтер просто надевал шляпу на голову и притворялся спящим.

— Ну, а как я должна чему-то учиться, если я об этом не спрашивала?

— Можешь заткнуться и слушать, — легко сказала Воробей.

Я попробовала. И я очень старалась, потому что хотела знать все, что могла, об Учреждении. Я полагала, что чем больше я знала, тем больше у меня было шансов выбраться отсюда. Мне нужно было найти Уолтера. Мне нужно было немного поспать.

Воробей заставила меня сидеть в полной тишине больше минуты, прежде чем она, наконец, заговорила:

— То, что ты видишь в этой комнате, на этих экранах, реально. Это все происходит сейчас. Думаю, что это лучше, чем телевидение, потому что никогда не знаешь, чем все закончится.

Как только ее дрон оказался над озером с сухим дном, Воробей приблизилась. Это озеро было огромным. Издалека это было похоже на струп. Но вблизи, держу пари, эта штука тянулась на добрую милю. Через его истончающуюся северную оконечность был натянут мост. Этот мост был широким и разветвленным, будто он был построен, чтобы одновременно выдерживать большой вес. Под мостом была огромная полоса сияющей воды — единственная вода, оставшаяся во всем озере.

— Здесь всегда что-то происходит, — пробормотала Воробей, фокусируя камеру на мостике. — Я не знаю, что там посередине — может, город? Он выглядит слишком маленьким и дрянным, чтобы быть... о, ничего себе! Он горит.

Она посмеивалась под нос, когда дрон пролетел мимо столба черного дыма, но я не думала, что это было смешно.

В Ничто почти не осталось городов. Уолтер говорил, что было почти невозможно заставить группу людей жить так близко друг к другу, не убивая друг друга, но когда они это делали, это было хорошо для всех. Города были безопасны. Города всегда получали пищу и воду для торговли.

К сожалению, города также являлись большой целью для граклов.

Этот огонь был устроен намеренно. На мосту стояла очередь мужчин, которые все еще швыряли бутылки из-под виски на крыши. Ярко-оранжевое пламя вспыхивало везде, куда ударяли бутылки. Огонь смешивался с выпивкой и превращался в жидкое пламя — огонь, который быстро распространялся, и его было трудно потушить.

Горожане уже разочаровались в зданиях: собрали, что могли, и бежали по обоим концам моста.

Граклы ждали их.

— Похоже, они прикрыли мост с обеих сторон, — сказала Воробей, пока мы наблюдали, как Граклы расстреливали выживших. — Довольно эффективно, да?

В тот момент, когда из руин появилась первая волна горожан, они поймали град ярко-голубых солнечных лучей. Их одежда вспыхнула пламенем; их кожа сморщилась, как черви на раскаленном асфальте, когда они пытались потушить огонь. Некоторые горожане спрятались за ворота и стреляли в ответ. Проблема в том, что у них почти не было укрытий — и они были прижаты к стене огненных зданий.

Жар, исходящий от руин, явно был невероятным. Люди у ворот согнулись, шатаясь при каждом движении пламени. Рябь была такой густой, что камера дрона видела, как от нее гремели ворота. Вскоре весь город будет либо расстрелян, либо сожжен заживо.

В людей стреляли точно так же на другом конце города, но я не видела их сквозь дым. Голубые огни слабо вспыхивали внутри постоянно растущего черного облака, прежде чем они, наконец, исчезли.

Такого рода вещи случались в Ничто каждый день. Уолтер сказал мне не поднимать голову и игнорировать это больше раз, чем я могла сосчитать. Но у меня было плохое предчувствие по поводу этого боя. У меня полностью пересохло во рту.

— Мы должны что-то сделать, — услышала я свой голос.

Воробей фыркнула.

— Что будем делать, хм?

— Я не знаю... — я посмотрела на элементы управления передо мной, размышляя. — У этих штук есть пистолет?

— У них есть бомбы.

— Ну, брось один! — я поняла, что это плохая идея, как только сказала это. Но это не мешало Воробью закатить на меня глаза.

— Ты хочешь, чтобы я бросила бомбу посреди моста? Ты совсем дура?

— Возможно, — прорычала я в ответ. Она все еще твердила, какая я дура, но я не обращала внимания. Мое сердце билось слишком быстро, а руки вспотели.

У меня было плохое предчувствие. Плохое.

Не успела я подумать об этом, как где-то за пределами экрана раздалась еще одна стрельба. Она попала граклам в спину и заставила их разбежаться. Теперь они были зажаты между горожанами и новой группой людей — людей с чистыми ружьями и темно-зелеными шапками...

— Рейнджеры! — сказала я, вскакивая со своего места. — Это рейнджеры!

— Что? — Воробей отодвинула камеру немного дальше. — Хм. Интересно.

Она звучала скучающе. Мне не было скучно. Я была близка к тому, чтобы обмочиться от волнения. Единственными рейнджерами, которых я когда-либо встречала, были Джон Марк и Анна, но их было достаточно, чтобы убедить меня в том, что рейнджеры Старого города были хорошими людьми. И я хотела, чтобы они победили.

Однако рейнджеров было всего около двадцати. И я бы сказала, что граклов было вдвое больше. Они получили немного земли. Около трех минут граклы разрывались между борьбой с рейнджерами и защитой своих спин от горожан.

Затем рухнуло здание.

Она обрушилось с силой на вершину моста, выбрасывая волну огня и раскаленных добела обломков. Оно проглотило ворота и похоронило горожан в своей пылающей пасти. Бой замер на полсекунды. Даже граклы, казалось, съежились, наблюдая, как горожане зажариваются заживо.

— Угу, держу пари, там воняет, — Воробей сморщила нос, когда приблизила картинку, и дрон поймал кадр, в котором таяла плоть на полузакопанной руке. — Наверное, пахнет хуже, чем...

— Анна!

Ее имя было реакцией, инстинктом. Оно вырывалось наружу прежде, чем мой разум успел зафиксировать то, что видели мои глаза.

Но вот она — присела на корточки рядом со своими товарищами-рейнджерами, ее винтовка глухо стучала по плечу, она стреляла лучом в ряды граклов. Она была хорошим стрелком. Я смотрела, как она попала троим в грудь.

— Это Анна! — сказала я снова, будто до сих пор не могла в это поверить.

— Кто?

— Я ее знаю — она моя подруга!

— Которая из?

— Вон там, та, что в красной бандане.

Воробей приближалась, и как раз в тот момент, когда она это сделала, граклы выстрелили еще одним лучом. Он был везде. Будто они выстрелили разом. Рейнджеры исчезали во вспышке синего света; мое сердце поднялось в горло. В ту секунду, когда я снова увидела, оно упало на дно моего живота.

Анна свернулась калачиком на земле, тяжело дыша, держась за левую руку.

Ее подстрелили.

ГЛАВА 12

Граклы бросились со скоростью отчаявшихся. Они были в нескольких минутах от того, чтобы сгореть заживо — от смерти в пожаре, который они начали. Пепельно-черная краска стекала по их лицам, свернувшись под пульсирующими волнами жара. Она таяла на шее и стекала с подбородка липкими линиями.

Я удивилась, увидев, когда большинство из них вспотели от краски, что у Граклов в кожу на лбу были вставлены блестящие металлические диски. Диски были круглыми и блестели в свете луча, когда Граклы нажимали на спусковые крючки. Их глаза были расширены, а зубы — стиснуты от ужаса. Граклы не погибнут в пламени.

Они проложат себе путь к безопасности.

Они убьют ради пути к безопасности.

И на их пути была Анна.

— Ей лучше встать, — прямо сказала Воробей.

Она пыталась. Ее левая рука — ведущая рука — была сильно обожжена. Отсюда я почти слышала, как шипела кожа. Лицо Анны побелело от боли. Она была такой белой, что, когда она сорвала бандану, я увидела бледные веснушки, разбросанные по ее подбородку. Она пятилась, сидя на земле, опираясь на раненую руку и стреляя из винтовки другой.

Несколько рейнджеров пытались схватить ее, но граклы отгоняли их. Они подстроили свой огонь. Они рассчитали время так, что одна очередь стреляла, а другая перезаряжалась. Результатом была почти постоянная волна сине-горячих лучей. Божья стена огня.

У рейнджеров не было другого выбора, кроме как отступить и найти какое-нибудь укрытие. Они отходили, удерживая линии так долго, как могли, пока не наткнулись на какую-то низкую бетонную стену. Лучи не могли пробить бетон. Рейнджеры, перебравшиеся

через стену, были в безопасности. У них будет время перезарядить оружие и подготовиться к следующему рывку.

Но я не думала, что Анна справится.

Наконец, она встала на ноги и бросилась к своим товарищам. Один из рейнджеров, крупный мужчина с бородой до груди, перепрыгнул через стену и протянул руку. Он тянулся так далеко, как мог. Анна бросилась к нему. Выстрел с передней линии граклов лизнул ее ногу сзади, когда она прыгнула. Это было не прямое попадание, но достаточно болезненное, чтобы вывести ее из равновесия.

Она не попала по стене.

Рейнджер поймал луч ладонью и с воплем упал.

Никто больше не выскочил, чтобы забрать ее.

Анна была одна — раненая и выглядела очень близкой к потере сознания — пока граклы продвигались.

— Ненавижу это говорить, Шарли, но, похоже, твоя подруга... эй!

Воробей оттолкнула меня от пульта управления. Я не знала, как я добралась до ее стола или когда решила, что было бы неплохо попробовать запустить дрон. Прямо сейчас между моими ушами происходило только одно, одно ярко-красное сообщение, мигающее так сильно, что обжигало мне глаза: *Я должна была спасти Анну.*

— Шевелись! — крикнула я.

— Нет! Тебе нельзя... прекрати!

Я врезалась в ладонь Воробья, и это было как наткнуться на дуб. Сила сбила меня с ног. Но мне было все равно.

— Уйди с моей дороги, или я...

— Что? Чем ты планируешь заняться? Снова упасть...? Ох!

Как человек, чье лицо было избито, я обычно старалась не портить лица других людей. Я никогда не понимала, как много я использовала свое лицо, пока Аша не вывернула его наизнанку. Даже небольшие движения, например, закатывание глаз в ответ на одну из шуток Уолтера, причиняли чертовскую боль. А если бы я чихнула... о Боже, если бы я чихнула, я пожалела бы, что не умерла.

Я не хотела бить Воробья пяткой по носу, но она не оставила мне выбора.

Я должна была добраться до элементов управления. Я должна была спасти Анну.

— Ах! — Воробей с визгом упала со стула. Вероятно, это был шок больше, чем что-либо еще: я была недостаточно сильна, чтобы пнуть Нормала. — Ты... ты сделала мне больно!

— Я сказала тебе убраться с моей дороги.

Она держалась за нос, и из-под пальцев сочилась кровь. Ее серебряные глаза были обведены красным.

— У меня кровь.

— Перестанет течь через минуту, — прорычала я.

У меня не было времени беспокоиться о Воробье. Как только мой ботинок врезался ей в лицо, я схватилась за управление дроном. Мне нужно было сначала уменьшить масштаб, чтобы я могла видеть, что делала. Дрон все еще находился на высоте около трех миль. Я видела озеро и огромное черное облако дыма, которое все еще поднималось из горящего города. Но моста я почти не видела, а рейнджеров вообще не видела. Я буду лететь вслепую, пока не окажусь ближе.

Управлять им было довольно легко: коробка передач работала примерно так же, как

руль пикапа, перемещая дрон в любом направлении, куда я его тянула. И я направила его вниз.

— Эта штука работает быстрее?

Воробей ткнула окровавленным пальцем в цифру на экране.

— Ты летишь со скоростью тысяча миль в час!

— Да?

— Ради... да! Медленнее!

Я не замедлилась. Ни за что.

Мир раздувался довольно быстро, со скоростью тысячи миль в час. Я попала в облако дыма за пару секунд. Я видела только черный туман. Воробей кричала мне, чтобы я притормозила, но я не могла. Если я подлечу слишком рано, я промахнусь. Я должна была опускаться. Я должна была держать...

— Предупреждение! Предупреждение!

Красные огни мигали по всей командной комнате; сирена выла мне в ухо.

— Стой! — кричала Воробей. — Лети вверх! Ты разобьешься!

Внезапно дрон прорвался сквозь дым. Я увидела мост на полсекунды — я была так близко, что видела сколы в бетонных перекрытиях. Я изо всех сил дернула рычаг переключения передач. Камера поднялась вверх, и мне казалось, что я увидела что-то еще. Что-то металлическое или, может, просто ярко-синее. Я не могла сказать.

В следующий миг камера вздрогнула. Рычаг вырвался у меня из рук. Темная жижа покрыла экран и окрасилась в яростно-красный цвет, когда дрон накренился к горящим руинам.

Потом... ничего.

Камера выключилась.

Экран стал черным.

Красные огни мигнули еще раз, прежде чем отключилась сирена.

— Что ты сделала? — рядом со мной выла Воробей. Она захватила другой дрон — дрон номер три — и направила его к обломкам. — Что ты...?

Она сказала, что дроны были большими, но я понятия не имела, насколько они велики, пока не увидела свой дрон вблизи. Он раскинулся посреди огненных руин, наполовину погребенный в раскаленной гряде бревен. Его тело было построено как дротик, заостренное и тонкое. Крылья тоже были тонкими, но огромными. Они были такими длинными, что свисали по обе стороны моста. Видеть, как он растянулся по всему городу, было все равно, что видеть, как ястреб врезался в мышь: казалось, что на одно маленькое существо приходилось очень много птицы.

Граклы чувствовали то же самое — за миллисекунду они должны были напугаться до того, как дрон сметет их с моста. Их тела выглядели как порция черничного джема размером с Уолтера, размазанная по бетонным крекерам. Я не могла отличить одного от другого.

— С твоей подругой все в порядке, — хрипло сказала Воробей. — Тебе не нужно было разбивать дрон.

Я выдохнула с облегчением, когда увидела, как бородатый рейнджер помог Анне встать на ноги. Какое-то время ей будет больно, но она будет жить. Она подняла голову, ковыляя прочь, словно пытаясь понять, откуда взялся этот дрон. Воробей слишком сильно уменьшила картинку, чтобы я могла хорошо разглядеть Анну. И я хотела снова посмотреть на нее. Я хотела увидеть ее лицо.

— Разреши...

Воробей схватила меня за горло. Капля тепловатой крови слетела с ее подбородка, когда она огрызнулась:

— Клянусь Богом, Шарли, я убью тебя! Я, черт возьми, убью тебя, если ты снова прикоснешься ко мне.

Я верила этому. Серебро в ее глазах расплавилось.

— Хорошо! Я не прикоснусь к тебе. Это просто сломанный нос.

— Это больно!

— Ну да, больно, — я замерла на секунду. Рука на моем горле дрожала. Вокруг ярости во взгляде Воробья была прочерчена резкая, испуганная линия. — Тебя раньше не ранили?

— В симуляциях ZOOT...

— А на самом деле — нет. Тебе никогда раньше не приходилось истекать кровью, — тихо сказала я. — Тебе никогда не приходилось ждать неделями, пока что-то заживет. Тебе никогда не приходилось наблюдать, как твоё лицо меняет цвет с чёрного на фиолетовый, на этот противный цвет...

— Я знаю, что будет. Можешь не говорить мне, — прорычала Воробей. Ее глаза слезились, когда она повернулась к черному экрану — камере дрона, который я разбила. — Фрэнк будет очень зол. Он отнимет у нас привилегии Архива на месяц — и нас больше никогда не пустят в командную комнату. Никогда.

Я пожала плечами.

— Я не скажу ему, если ты не скажешь.

— Нам не придется говорить ему! Он узнает, что это были мы.

— Как? Как он узнает, что это были мы, а не какая-то банда граклов, стреляющая лучами в воздух?

— Лучи? На три мили вверх? — скептически сказала Воробей.

— Ладно. Может, тогда стреляли пулями. Или, может, на него напал один из ботов, похожих на водяных жуков — они умеют летать и у них есть ракеты. Дело в том, что Фрэнк никогда не узнает правды, пока мы ему не скажем, — сказала я, пожав плечами. — Так что, если ты просто будешь молчать, все будет в порядке.

Я продолжила наблюдать за рейнджерами. Они двигались так быстро, как только могла ковылять Анна, бежали к сухопутному концу моста. Два рейнджера бежали в нескольких шагах от основной группы. Они выглядели новыми граклов — или, может, любых горожан, которые могли чудом выжить в огне. Но если и остались выжившие, дрон их явно раздавил.

Мне было плохо от этого. В идеальном мире я смогла бы защитить Анну, не раздавливая горожан. Но Ничто было далеко от идеала. И в итоге я сделала то, что должна была сделать.

Двое рейнджеров внезапно ускорили шаг. Они кричали и размахивали руками, будто призывая основную группу бежать. Как только все они оказались на твердой земле, они развернулись и указали на горящие руины.

Я с изумлением наблюдала, как рушился центр моста. Жар огня в сочетании с огромным весом дрона был слишком для него. Огромный язык пламени вырвался из-под обломков, и весь город упал к озеру. Он превратился в какого-то дьявола; его желто-оранжевые руки, кажется, цеплялись за разрушенный край моста. Все это падало вниз, в высохший бассейн с водой в самом центре озера.

Массивное белое облако пара вырвалось из того места, где огонь ударил в воду. И то, что осталось от города, исчезло за ним.

Другая половина банды граклов застыла в изумлении. Мгновение они смотрели на рейнджеров — они были на противоположной стороне моста, и из-за расстояния и смога они не должны были ясно видеть рейнджеров. Но когда они это сделали, они разозлились.

Лучи вырвались из их винтовок в яростной буре. Они были слишком далеко, чтобы поразить рейнджеров. Бело-голубые огни испарялись примерно через пятьдесят ярдов — и я была готова поспорить, что длина моста составляла не более полумили.

Граклы ругались; рейнджеры огрызались. Обе стороны обменивались довольно непристойными жестами, прежде чем разойтись в противоположных направлениях. Чтобы обойти край озера, нужно было больше энергии, чем было у обеих сторон. Им нужно было отдохнуть и обработать свои раны до захода солнца.

Анна была в безопасности... сегодня вечером.

— Нам нужно уходить отсюда, — рассеянно сказала я. Я поднялась на ноги, не сводя глаз с экрана, пока Анна, прихрамывая, не отошла от камеры. Тогда я бросилась к двери.

Воробей — сразу за мной.

— Фрэнк, вероятно, слышал эти сигналы тревоги.

— Да, именно поэтому мы должны убраться отсюда, пока он нас не увидел. Нам нужно быть где-то еще, — я вышла из двери и остановилась внутри круглой комнаты. Единственная другая комната, в которую я могла попасть, была медицинским крылом, а оно было слишком близко к командному пункту.

— Нет, не туда, — сказала я, когда Воробей прошла мимо меня.

Она указала на свой нос, который перестал кровоточить, но теперь начал опухать.

— Я должна что-то с этим сделать.

— Есть только одно, что ты можешь сделать.

— Что...?

Я опустила ладони по обе стороны от носа и изобразила то, что я видела, как Аша делала после того, как Уолтер разбил ей лицо прикладом своей винтовки.

— Отвернись прямо.

Воробей с опаской кладет руки.

— Будет больно?

— Нет, будет здорово, — сказала я, шагая дальше по коридору. Я думала, что Воробей уловит сарказм в моем голосе, но, видимо, я плохо его выразила.

Хрясь!

— Ой! Ты — лгунья!

— Ну, я и не думала, что ты на самом деле собираешься...!

— Это ужасно больно!

Свист.

Мы услышали шипение открывающейся двери позади нас, и мы обе замолкли.

Фрэнк, произнесла губами Воробья, глаза широко раскрылись над распухшим носом.

Она схватила меня за рукав и чуть не вырвала мою руку из сустава, когда потащила нас по коридору. Следующие несколько поворотов мы сделали молча. Я была слишком занята, пытаясь не отставать, чтобы думать о том, куда мы могли пойти. Но когда Воробей потянула меня мимо нашего общежития — в ту часть Учреждения, где я не должна была находиться, — я начала нервничать.

— Мы не можем просто подождать в комнате?

— Я никогда не бываю в общежитии днем. У Фрэнка возникнут подозрения, — коротко

сказала Воробей. — Есть только одно место, куда мы можем пойти — еще одно место, которое имеет смысл.

Мы прошли еще несколько дверей, прежде чем Воробей рывком остановила меня. Ее рука замерла рядом с ручкой, ее большой палец был протянут к сканеру отпечатков.

— Не... ничего не говори, ладно? Просто молчи о том, что здесь.

Я не понимала ее колебаний. На табличке над дверью было написано «кладовая». Что я могла там увидеть? Ее коллекцию швабр?

— Я ничего не скажу.

— Обещаешь?

— Конечно.

Воробей хмурилась, глядя на меня, затем ее хмурый взгляд превратился в гримасу, когда выражение лица задело ее нос.

— Тебе не нужно было причинять мне боль, — буркнула она.

Что-то мелькнуло в ее глазах, какая-то глубина эмоций, которую я не ожидала от Нормала. Я поняла, что сожалела о том, что причинила ей боль. Я не понимала, как еще я могла бы отобрать у нее управление дроном, но мне было жаль, что я не смогла придумать что-нибудь.

Прежде чем я успела извиниться, она отвернулась.

— Ты обещала, — напомнила она мне, открывая дверь.

Я обещала. Но, может, если бы я точно знала, что увижу внутри кладовой, я бы не согласилась так легко.

Панель солнечных лучей освещала комнату. Было тесно. Ряды полок тянулись от передней части шкафа к задней. Это были металлические промышленные полки. Такие полки предназначались для тяжелого оборудования и ведер с чистящими химикатами. Но я не видела ничего подобного. Я не видела ни одной швабры. Если не считать нескольких пластиковых бутылок, нескольких стопок бумаги и горсти грязных щеток, полки были совершенно пустыми.

Странно было видеть их всех такими пустыми. Это вызвало у меня зуд — как когда я выходила за пределы Логова и видела, как наш пикап присел под кустами, потускнев под слоем утренней дымки. Когда я видела что-то пустое, это казалось неправильным. Я чувствовала, что должна была сделать что-то, чтобы заполнить пустоту.

И вот откуда я узнала, что провела слишком много времени с Уолтером: я превратилась из девушки, которая ничем не была довольна, в крысу, которая видела потенциал даже в самой ржавой куче хлама.

— Это твоя комната для рисования? — сказала я, следуя за Воробьем к задней стенке шкафа.

Сзади было светлее. Кто-то установил на полках несколько прожекторов. Провода шли от розеток по обеим сторонам стены и собирались наверху полок в клубок. Свет был настолько концентрированный, что я слышала низкое гудение солнечной энергии, пульсирующей внутри лампочек.

Воробей замерла на краю света. Она повернулась ко мне лицом, и в ее голосе звучало предостережение, когда она прорычала:

— Ты обещала.

— Да. Пару раз, — прорычала я в ответ.

Я теряла терпение. Это как когда Аша порезала мне руку разбитой бутылкой, а Уолтер

плохо зашил ее — и я должна была держать ее перевязанной пару дней, но примерно через восемь часов я захотела все увидеть. Я хотела посмотреть, насколько плохими были швы. Я хотела спланировать уродливый неровный шрам.

Я просто хотела покончить с этим.

Это я чувствовала сейчас: я не знала, о чем так беспокоилась Воробей, но если мне придется ждать еще немного, чтобы узнать, это просто убьет меня.

И, наконец, она ушла с моего пути.

— Серьезно? — я усмехнулась, когда увидела, что лежало в глубине шкафа. — И все?

Воробей была хорошим художником, я бы даже сказала, что очень хорошим. Первая картина, которую я видела, была восходом солнца, венчающим вершину пруда. Прохладный утренний свет скользил по почерневшим водам, превращал поникшие листья ив в усики из чистого золота. Тени тянулись от травы, и каждое лезвие скользило по влажной земле с задумчивой точностью.

Это было настолько реалистично, что ушла секунда, чтобы я поняла, что это была картина, а не фотография с дрона.

Но это была просто картина.

— Что, черт возьми, тебя так волновало? — буркнула я, осматривая стены.

На каждую поверхность были наклеены картины: восходы и закаты, люди, животные, случайный огонь — все они были так хорошо сделаны, что были практически неотличимы от настоящих. Но они все еще были просто... картинами.

— Я не понимаю. Я не...

Слова утихли, мое горло сдавило. Я не могла выдавить их из себя после шока от того, что нашла в дальнем углу комнаты — там, где свет сиял ярче всего. Он был таким ярким, что даже тени не было. Никаких препятствий. И сомнений. Я прошла мимо картин природы, мое дыхание перехватило от недоверия, и я смотрела в очень знакомые мутные карие глаза...

Глаза, принадлежащие лицу, покрытому темными веснушками...

Мои глаза.

Мое лицо.

Я.

— Что, черт возьми?

Слова шипели сквозь трещину в моем горле, пока я изо всех сил пыталась все это осознать. Здесь была сотня моих фотографий. Их было так много, что Воробей прикрепила их друг к другу.

На последней фотографии я сидела в столовой. Мой взгляд был пустым, и моя рука была поднята к затылку. Мои брови были синхронизированы — удивление, смешанное с замешательством, — и мои губы были приоткрыты в возмущении.

Я узнала этот момент. Это случилось после того, как Фрэнк накачал меня веществами и отправил во сне в общежитие. Это был именно тот момент, когда Воробей заорала на меня, чтобы я не трогала порез на затылке. Вот так, должно быть, выглядело мое лицо. Мой шок и мое замешательство, нарисованные реалистичными линиями на листе переработанной бумаги.

Это ощущалось... неправильным.

Мне было неловко, что Воробей увидела меня такой, что она меня так ясно увидела. Каждая отдельная веснушка идеально лежала на своем месте. Шрам, который проходил через мою бровь, который я получила, когда я ударила лицом об полку супермаркетов,

тянулся через мою кожу. Она зарисовала все мои шрамы: один на руке, другой на ладони. Они были настолько точны в своей форме и цвете, что я почти ощущала обстоятельства каждой раны.

Я вздрогнула, когда зазубренное стекло разбитой бутылки из-под виски резало мою кожу, я содрогнулась при воспоминании о зубах Аши, когда они порвали паутину плоти между моим указательным и большим пальцем.

Чувства одновременно были яркими и тревожными, и я сорвала картинку. Я оторвала ее от стены и бросила за себя.

Но были и другие.

Были картины, на которых я сражалась в симуляциях ZOOT. Картины румянца, окрашивающего мое лицо. Картины, на которых я спала — много-много таких. Я видела мир снов, отраженный в морщинах моих бровей и изгибе губ. Я слышала беспокойные ужасы, ползающие между моими ушами.

И Воробей была там, наблюдала, как я спала.

Записывала мои страхи.

Рисовала меня в тюрьме моих кошмаров.

ГЛАВА 13

— Я предупреждала...

— Ага, как же! Ты не рассказала мне все о том, что ты здесь делала. Я имею в виду... а? — я сорвала со стены еще одну фотографию, на которой я, похоже, собираюсь раздеться до больничного халата. — Какого черта, Воробей?

— Я ничего не могу с собой поделаться.

— Что значит, не можешь?

Она нахмурилась, отворачиваясь от меня.

— Я все вижу. Все время. И я серьезно. Даже маленькие, крошечные детали, которые почти все остальные упускают.

— Ага, я это вижу, — буркнула я, срывая картину, на которой я вытирала нос. — Зачем тебе это рисовать? Зачем кому-то в здравом уме...

— Иногда что-то застревает в моей голове, — отчаянно продолжала Воробей. — Они застревают там, и это все, о чем я могу думать. Единственный способ выкинуть что-то из головы — изложить это на бумаге. И... вот что я делаю.

Кажется, я ужасно застряла в голове Воробья. Она нарисовала почти каждый момент, который мы провели вместе, на листах на стене. Если бы я была незнакомцем, пришедшим из Ничто, я могла бы составить хронику жизни этой веснушчатой девушки по этим картинкам.

— Ну... ты интересная, — застенчиво сказала Воробей, когда я подняла еще одну неловкую картину.

Кажется, я кашляла: мои глаза были сморщены, а язык выпирал над верхушками зубов. Это было ужасно. Воробей даже запечатлела туман слюны, летящей изо рта.

— Как? — закричала я. — Как это интересно? Это уродливо.

— Ты не уродлива, — яростно сказала Воробей. — Перестань говорить, что ты некрасивая.

Она выглядела оскорбленной — как будто я назвал ее уродливой. Но это я должна была обижаться. Я этого не понимала. Я была совершенно сбита с толку.

— Почему ты должна все вот так рисовать?

Ее губы сжались.

— Я X2.

— Да, ты сказала...

— Но в Эль-Пасо, думаю, вы называете нас Аномалиями.

Моя голова кружилась. Я перевела взгляд от картин, которые определенно были прорисованы до мельчайших деталей, выходящих далеко за рамки того, что я бы назвала Нормальным, на Воробья.

— Так вот что такое аномалия? Они хороши в... искусстве?

Воробей закатила глаза.

— Нет. У всех остальных есть полезные особенности.

— Как что?

— Некоторые из них невероятно умны. Один из них был настолько умен, что фактически изменил мир — однажды Фрэнк рассказал мне об этом, — сказала Воробей через мгновение. — Но большинство из них просто... нестабильны. Они не такие, как X1. Их нельзя контролировать. Они хотят. И у них есть долгая история обращения к насилию, чтобы получить то, что они хотят. Вот почему они все остаются замороженными.

Я сразу же представила группу людей, висящих, как мясо, в холодильнике, и это заставило меня содрогнуться.

— Ты действительно тупая, да? — буркнула Воробей, когда я спросила, не это ли она имела в виду под словом «замороженный». — Нет взрослых людей, висящих в морозильных камерах для мяса. Они — эмбрионы.

— Что?

— Боже... они как, — Воробей сжала кулак, — желтая штука, которая выходит из яйца. Разве Фрэнк еще не показывал их тебе? Он носит их с собой повсюду.

Я не могла этого представить. Во-первых, я не могла себе представить, что у Фрэнка где-то был встроен морозильник. А во-вторых, я не могла себе представить, чтобы я не заметила, как он таскал с собой кучу желтков.

— Сколько здесь Аномалий?

— Семь. И это включает меня. Он носит их с собой, потому что они не должны существовать, — перебила Воробей, прежде чем я успела спросить. Она провела пальцами по картине на стене, по спутанным локонам моих волос во сне. — Остальные слишком опасны. Их должны были уничтожить давным-давно — и меня запихнули туда вместе с ними. Но Фрэнк спас их. Он спас меня. Он поместил мой эмбрион в инкубационную камеру и сам вытащил меня оттуда. Он заботился обо мне всю мою жизнь. Так что ты можешь понять, почему я не хочу расстраивать его.

Ее пальцы сжались, как когти, будто она собиралась сорвать мою картину и скомкать ее. Но в последнюю секунду она убрала руку.

— Меня удивляет мир, который ты называешь Ничто, — прошептала она. — Иногда я целыми днями наблюдаю за миром через дроны. И однажды я была очень близко к тому, чтобы покинуть Учреждение. Я собрала сумку и начала рыскать по Архиву в поисках выхода. Я почти сделала это, Шарли. Я почти ушла.

— Что тебя остановило? — сказала я.

Я должна был спросить ее о том, как она планировала сбежать, когда Фрэнк сказал, что это было невозможно. Но что-то мне подсказывало, что если я прямо спрошу, она снова

умолкнет. Прямо сейчас в Воробье была крошечная трещина, и я собиралась аккуратно ее поддеть. Бить ее ломом не поможет.

Хотя это было бы приятно.

Сначала Воробей не хотела мне отвечать, и я была рада, что решила задать простой вопрос. Она листала картины Шарли, пока не дошла до конца стопки. Я видела только около дюйма, но это было похоже на пустыню. Она сжала уголок так сильно, что ноготь на большом пальце стал белым.

— Обещаешь, что не будешь сердиться на меня?

— Нет, не буду! — буркнула я. Я могла только представить, какое смущение было запечатлено на этой бумаге. Если это была нагота, я порву картину.

Медленно, неохотно Воробей сняла картину со стены. Она протянула мне ее лицевой стороной вниз.

Я быстро перевернула. Я не знала, что ожидала увидеть, но точно не это.

Это была картина Аши и меня. Мы присели вместе на вершине плато — она держала меня за плечо, пока я сползала к земле. Солнечный дробовик лежал на земле рядом с нами. Я не видела наши лица с этого ракурса, но знала, что рыдала. Я рыдала, потому что не могла заставить себя убить Ашу.

Я помнила этот момент. Я помнила все, что я чувствовала по поводу Аши и ее ребенка, и на полсекунды я ощутила призрак уверенности, который щипал глаза в тот день. Аша и ее ребенок заслуживали жизни. Но в этом чувстве был лишь призрак.

Теперь у меня в животе был огонь. Эта картина была так реалистична, что мне хотелось дотянуться до нее и дать пощечину этой Шарли. Я хотела, чтобы она вытерла слезы и сделала то, что велел ей Уолтер... потому что, если она этого не сделает, ее жизнь превратится в ад.

— Ты наблюдала за мной, — глухо сказала я.

— Не совсем. Мне удалось поймать этот момент на дроне, и я... — Воробей осторожно дотронулась до своего распухшего носа, морщась. — Нет, это глупо.

— Скажи мне, — прорычала я. Я злилась на Ашу, а не на Воробья. Но я не могла сдержать гнев в своем голосе.

После еще нескольких минут ерзания Воробей, наконец, призналась:

— Я увидела тебя, и у меня появилось это ошеломляющее чувство.

— Чувство?

— Да. Я чувствовала, что ты в опасности. Или будешь. И — это было так странно — но мне было не все равно. Я постоянно наблюдала, как людей взрывают, и я ничего к ним не чувствовала. Но с тобой я расстроилась. Мне стало плохо. Вот почему я пыталась уйти: я хотела предупредить тебя, — она подошла ко мне и посмотрела мне в глаза. — И... я была права? Вы были в опасности?

Я не знала, почему я это сделала. Может, ее пристальный взгляд выбил меня из колеи. Может, я была потрясен тем фактом, что Воробей почувствовала, что я была в беде за много миль и еще за милью под землей. Может, мне нужно было, наконец, сказать кому-то правду. Но независимо от причины, все это вылилось наружу.

Я рассказала ей все.

Я рассказала ей об Уолтере и об Аше — и призналась, что любила их обоих. Да, по-разному, но на одной и той же глубине. Я бы умерла за любого из них. Так что мысль о необходимости убить Ашу разрывала меня на части. Именно этот момент Воробей

запечатлела на бумаге. Это был выбор, который разрушил Логово Уолтера и оставил меня избитой до полусмерти. Во многом это было началом моего конца.

Воробей никак не могла догадаться о его значении.

Но, видимо, она это почувствовала.

И когда я закончила рассказывать ей все эти вещи, она молчала. Она не предлагала никакого ответа и никаких соболезнований. Она даже не дала мне понять, что слышала мою историю. Если бы она не моргала и не дышала, я могла бы подумать, что она впала в какое-то кататоническое состояние.

Наконец, я не выдержала.

— Ну?

— Значит, я была права. Ты была в опасности, — сказала Воробей. Она повернулась и наклонила подбородок к двери. — Фрэнк идет. Он почти здесь.

— Что нам делать? — я стала разглядывать комнату, пытаюсь сообразить, как мне лучше всего представить что, что я не разбивала дрон из-за горящего города.

Воробей только пожала плечами.

— Мы займемся им.

— Ты хочешь, чтобы мы дрались?

— Нет, дура. Мы ответим на его вопросы спокойно — *спокойно*, — повторила она, пока я изо всех сил пыталась небрежно присесть на перевернутое ведро. — И мы будем настолько честны, насколько сможем.

Мне не нравилось, как это звучало. Но прежде чем я успела возразить, дверь чулана запищала и распахнулась. Хромированные ножки Фрэнка цокали по полу, пока он шел по проходу между полками. Он остановился в конце, его ноги все еще были направлены вперед. Его торс повернулся к нам лицом; его объектив жужжал от увеличения.

Воробей спокойно прислонилась к полке.

Я сжалась со скрещенными ногами на ведре — в одной руке картина кашля, а в другой — картина Аши.

Сияющий черный шар линзы Фрэнка парил над стеной с картинами.

— Ты решила обсудить свои странности с Шарли, — сказал он через мгновение.

Воробей пожала плечами.

— Она задавала вопросы.

— И как она относится к своим картинам?

— Сбита с толку, — перебила я. — И немного оскорблена.

Металлическая голова Фрэнка наклонилась в кивке.

— Различающим фактором между X1 и X2 является то, что ваши создатели назвали МИЛ — модуль искусственной личности. Воробью имплантирован МИЛ. Тебе — нет. Однако в модули X2 МИЛ были имплантированы неправильно, и результатом стала мозговая модификация, вместо поведенческой. Воробей, вероятно, должна была ценить искусство, — объяснял Фрэнк, поскольку я была уверена, что мое замешательство начало просачиваться сквозь мои поры, — но вместо этого неуместный модуль привел к тому, что у нее возросли художественные способности. Потому программа X2 была закрыта после единственного пробного запуска: их способности были слишком развиты, чтобы оставаться незамеченными в человеческом обществе, а неудачные МИЛ заставляли их эмбрионы постоянно отвергаться как аномальные у X1.

— Им некуда было идти? — сказала я, пытаюсь собрать все воедино.

— Им негде было жить, — поправил меня Фрэнк. — Доказательства свидетельствуют о том, что Х2 должны были провести свой последний цикл в Учреждении Двадцать четыре, где они должны были пройти всестороннее тестирование, прежде чем их микрочипы были бы уничтожены.

Я ощущала, что это был не конец истории. Воробей не стояла бы здесь, если бы все Х2 были уничтожены. Я не знала, должен ли я была знать о морозильнике для эмбрионов у Фрэнка или нет, поэтому я старалась быть осторожной:

— И... что случилось?

— Испытания так и не были завершены — и Учреждения Двадцать Четыре больше нет.

— Они сбежали?

— Спасательные команды обнаружили обезглавленные останки каждого члена персонала, исследователей и службы безопасности, погребенные в руинах Учреждения Двадцать четыре. Земля вокруг была настолько пропитана вредными химическими веществами, что три близлежащих города были навсегда переселены. По сей день место служит ядовитой свалкой, куда нельзя попасть без сверхсекретного допуска.

— Черт возьми... — я бросила взгляд на Воробья, ее вдруг очень заинтересовало пятно на потолке. — Думаешь, она оторвала кому-нибудь голову?

— Сомнительно. Более вероятно, что единица Х2-1 использовала свои обостренные зрительные чувства и необычайную память, чтобы сделать карту Учреждения и запомнить процедуры безопасности. Хотя отчет был настолько сильно отредактирован, что невозможно с уверенностью заявить о ее роли.

Я сомневалась. И я внезапно ощутила щипок на макушке — чувство, которое я отказывалась называть страхом, но которое, тем не менее, заставляло меня слезть с ведра и оказаться подальше от Воробья.

— Все семь юнитов Х2 в конечном итоге были захвачены и возвращены в зачаточное состояние. Стоит отметить, что Воробей скрывалась дольше всех: она сдалась колонии Х1 Даллас, — добавил Фрэнк, когда его объектив скользил по моим расширенным глазам, — которая оказалась под юрисдикцией шерифа Блейза Торна.

Мой следующий вдох с такой силой застрял у меня в горле, что я буквально задыхалась. Я чувствовала, как Воробей и Фрэнк смотрели на меня, пока я корчилась в приступе кашля. Примерно через тридцать секунд у меня хватило воздуха, чтобы воскликнуть:

— Блейз был шерифом?

— Юниты Х1-35, Х1-36 и Х1-37 были назначены шерифами.

— Назначены? Как насчет лотереи?

— Я не понимаю.

— Лотерея. Люди вносили свои имена в список, и в лотерею им сообщалось, где они будут работать, на ком собираются жениться, будут ли у них дети...

— Все эти факторы были предопределены вашими создателями, — просто сказал Фрэнк. — Юниты выполняли одну и ту же работу каждый цикл. Одни и те же юниты всегда были соединены вместе. Определенные пары юнитов предназначались для воспитания детей. Эта лотерея, должно быть, была средством умиротворения, призванным увековечить иллюзию справедливости и подавить любое чувство авторитарной несправедливости.

— Что?

— Создатели не хотели, чтобы вы все начали задаваться вопросом, почему некоторые люди живут в хороших домах, а остальные живут на свалке, — ответила Воробей. — Они

хотели, чтобы вы могли во всем винить лотерею.

Моя голова кружилась. Я споткнулась о ведро и тяжело села.

— Я была шерифом.

— Да, — сказал Фрэнк.

— Я всегда была шерифом, каждый раз?

— Да.

— Почему? Кто в здравом уме сделал бы меня шерифом? — спросила я вслух.

— Не могу представить, — буркнула Воробей.

— Прости, Шарли. Большая часть твоего файла была отредактирована, — сказал Фрэнк его динамики тихо гудели. — Я могу сказать, что твоя ДНК состоит из образцов от трех разных доноров.

— Кем они были?

— Точно не знаю. Их файлы также были сильно отредактированы. Но я могу назвать причины, по которым они были выбраны в качестве доноров, — быстро сказал Фрэнк, когда я закатила глаза, — и, возможно, ты сможешь догадаться об их сходстве по этому поводу.

— Ладно, давай, — фыркнула я. Я никогда не получу от Фрэнка ничего полезного. Все, что я хотела знать, он удобно не мог мне сказать.

После нескольких задумчивых кликов Фрэнк сказал:

— Донор Один был уголовником с обширным криминальным прошлым и уровнем интеллекта намного выше среднего. Донор Два был гражданским лицом с исключительно крепкой иммунной системой, пережившим длительное воздействие не менее чем семидесяти четырех вирусов и штаммов бактерий. А Донор Три был заслуженным ветераном вооруженных сил, совершившим почти четыре тысячи подтвержденных убийств.

Знание о моих донорах не заставило меня чувствовать себя лучше. Я как бы знала, что этого не произойдет, но я питала эту надежду до тех пор, пока Фрэнк не начал говорить о моей обширной криминальной истории — или обширной криминальной истории моего донора, кем бы он, черт возьми, ни был.

Грустно думать, что внутри меня жили частички других людей. Наверное, что на самом деле я даже не была собой — просто сшитый воедино беспорядок. словно три цвета краски Воробья смешались в каком-то несочетаемом оттенке оранжевого или коричневого. Это точно не было красиво.

— У тебя есть вопросы ко мне, Шарли? — сказал Фрэнк после того, как я просто сидела и смотрела целую минуту.

— Нет! Нет, ради бога, больше никаких вопросов, — резко сказала я. Моя голова болела. Было больно в самом основании, и я изо всех сил старалась не представлять, как мой чип извивался сзади.

Скользя по сероватым хребтам.

Застряв в слизи.

Объектив Фрэнка следовал за моей рукой, когда я потянулась назад, чтобы почесать крошечный выпуклый шрам в расщелине черепа.

— Да. Я немного ознакомился с процессом восстановления микросхем. Я могу выполнить простую процедуру, которая предотвратит преждевременное отторжение чипа твоим органическим веществом.

— Преждевременно...? Нет, я не хочу знать, — сказала я до того, как Фрэнк начал говорить. Теперь я знала, что чувствовал Уолтер, когда я говорила о Далласе и о

телевидении: от всех этих новых вещей у меня просто голова болела. — Давай сделаем это. Сделаем операцию.

— Завтра в десять утра, — сказал Фрэнк.

— Да, конечно.

Он повернулся туловищем к проходу, и я выдохнула с облегчением. Я была удивлена, что он не спросил нас о дроне.

Но я поспешила.

— Воробей и Шарли? — сказал Фрэнк.

— Да? — сказали мы вместе, ее голос был ровным и спокойным, а мой — чуть хриплым.

— Вы знаете что-нибудь о том, что произошло в командной комнате?

— Н...

— Что случилось? — Воробей перебила меня.

— Кажется, произошел сбой с одним из дронов. Постоянный сбой. Я не верю, что его когда-нибудь можно будет вернуть в строй, — ровным голосом продолжил Фрэнк, — и мне любопытно, знает ли кто-нибудь из вас что-нибудь об этом.

Воробей в тупике. Я знала это, потому что она замолкла на целую секунду, прежде чем пробормотать:

— Что за дрон?

— Она имеет в виду, какой дрон, — быстро сказала я. — Их десять, верно?

— Да.

— Я думаю, что мы летели... ах, смотрели номер восемь и девять.

— Когда это было?

Я пожала плечами.

— После завтрака. Потом стало скучно, так что Воробей привела меня сюда, что... — я морщусь, махнув на картины, — я бы очень хотела, чтобы она этого не делала.

— Понимаю, — Фрэнк на мгновение замер, его объектив скользил между нами. — Воробей?

Она приподняла брови.

— Да?

— Как ты повредила нос?

— Шарли ударила меня.

— Черт возьми, Воробей! — возмутилась я.

— Что?

— Ты обещала, что ничего не скажешь!

— Ну, я не хочу лгать. И Фрэнк никогда бы не поверил, что я настолько неуклюжа, что причиняю себе боль, — заявила она.

— Надеюсь, вы разрешили свои разногласия? — сказал Фрэнк.

— Ага, — буркнули мы.

— Хорошо. Тогда, Шарли, — его голова повернулась ко мне, — ты поможешь Воробью ухаживать за ее раной, пока она заживает. И вы потеряете на неделю привилегии Архива.

Я до сих пор не знала, чем был Архив, так что меня это устраивало.

— Звучит честно.

— Хорошо. Увидимся в медицинском отсеке завтра в десять утра. Не опаздывай.

ГЛАВА 14

Я не могла уснуть.

Я достаточно испытала это, чтобы сказать, что было два вида тишины: тонкая и глубокая. Тонкая тишина была подобна облаку. В основном тихо, но время от времени просачивался царапающий звук или чириканье — как когда небо было затянуто тучами, но я знала, что за ним все еще светило солнце. Тонкая тишина всегда была немного проницаема.

С другой стороны, глубокая тишина затягивала. Я говорила так, потому что единственное физическое ощущение, с которым я могла его сравнить, — это ощущение пребывания внутри резервуара. Когда мои ноги сводило судорогой и руки не выдерживали, а голова опускалась до тех пор, пока вода не текла в уши, — такой звук тишины. Это была темная дыра в земле с крышкой в сто фунтов. Это было смертное ложе холодной воды, которое простиралось на восемь футов ниже кончиков пальцев ног. Это было место, настолько холодное и тесное, что здесь едва ли мог найтись клочок сухого воздуха, в котором можно было бы кричать.

Последним звуком, который я слышала перед тем, как мой рот распахивался, и вода наполняла мои легкие, — была тишина.

— Я не могу уснуть, — шепнула я. Я поняла, что могла также сказать это вслух. Может, я смогу уговорить себя погрузиться в какое-то состояние сна. — Я не могу спать.

— Я знаю. Прошлой ночью ты храпела всего минут пятнадцать, — ответила Воробей, в ее голосе не было ни намека на усталость.

— Я храплю?

— Порой. Ты издаешь этот гортанный, слюнявый звук... как волк, жующий мясо бизона.

— Откуда, черт возьми, ты знаешь, как это звучит?

— В Архиве есть видеоролики о природе. Мне они очень нравятся — это как наблюдать за всеми худшими частями человечества, но с пушистыми зверюшками.

— Ах, — хмыкнула я. Я слишком устала, чтобы задавать вопросы. Мне просто нужно было закрыть глаза, и...

— Две ночи назад, думаю, ты вообще не спала. Ты не издавала никаких звуков. На самом деле я пару раз вставала, чтобы убедиться, что ты еще дышишь.

— Ну, может, если бы ты сосредоточилась на собственном сне, у тебя не было бы времени беспокоиться о моем, — проворчала я.

Наступила короткая пауза — ровно столько времени, сколько мне нужно, чтобы закрыть глаза и снова успокоиться. Потом Воробей сказала:

— Я не сплю.

Мои глаза резко открылись. В комнате было темнее, чем в сапоге, но я все равно перевернулась и посмотрела в сторону голоса Воробья.

— Что значит, ты не спишь? Всё спит.

— Я — нет. И держу пари, что ты бы тоже не стала, если бы твой чип все еще работал.

Я легла на спину и смотрела в черную бездну надо мной.

Нормалы не спали. Я этого не знала. Насколько мне было известно, я всегда спала. Я помнила, как мои родители укладывали меня спать ночью. Мне снились суперсладости и фиолетовые коты. Я просто всегда предполагала, что все остальные проводили ночи, делая то же самое. Но, видимо, нет.

И теперь я понимала, почему Говард всегда так интересовался моими снами: если Нормалы не спали, то они точно не видели снов.

— Значит... ты просто лежишь всю ночь и пялишься в никуда? — сказала я.

Я услышала хруст ее подушки, когда Воробей кивнула.

— Как-то так.

— Разве это не скучно?

— Немного.

Разве это не одиноко?

Я думала об этом вопросе, но я его не задаю. Конечно, одиноко. Проводить восемь часов каждую ночь, лежа без сна, неподвижно, в тишине, было бы невыносимо. И примерно месяц назад Воробей делала это в одиночку. Она прожила в Учреждении всю свою жизнь одна. У нее даже не было возможности поговорить со мной.

Заперта в этой комнате.

Каждую ночь.

Одна.

Я не могла бы так сделать. Я лучше утонула бы в Резервуаре.

— Не могу поверить, что ты не спишь.

— Хорошо, что факты не зависят от твоей способности в них верить, — буркнула Воробей. Затем, через мгновение. — Шарли?

— Да?

— Почему ты не можешь уснуть?

— Здесь чертовски тихо. Я привыкла к большому количеству шума.

— Например?

— Дерьмовые кондиционеры, жужжание жуков, Уолтер — и если ты думаешь, что я плохо звучу, ты должна услышать звуки, исходящие от Уолтера после того, как он выпил. Клянусь, это ужас.

— Он громкий?

— Боже, он как волчья стая, состоящая из одного человека. И некоторые звуки, которые он издает, имеют собственные запахи — такие, от которых глаза слезятся. Я просыпалась с рвотными позывами не раз.

— Я хотела бы когда-нибудь встретиться с Уолтером.

Я слышала улыбку в ее голосе и не понимала ее.

— Да? Все, что я сказала тебе о нем, это то, какой он отвратительный, и ты все еще хочешь с ним встретиться?

— Похоже, из него получится хорошая картина.

Я закатила глаза.

— Верно, я и забыла, что ты любишь рисовать грубые вещи.

— Интересные вещи.

— Ага.

Я уловила шорох, когда Воробей села.

— Шарли?

— Что?

Больше шуршания. Какой-то нервный хруст подушки.

— Думаю, я знаю, как пошуметь для тебя.

— О? Ты собираешься съесть восемь банок фасоли, а потом вышвырнуть меня из комнаты?

— Нет... — еще немного шороха. — Я собираюсь включить Архив для тебя, но не говори Фрэнку, потому что ты потеряла свои привилегии за то, что била меня.

— И по чьей вине?

— Твоей. За то, что пнула меня.

Я не могла с ней спорить — в основном потому, что у меня просто не было на это сил, а отчасти потому, что она могла быть немного права.

— Как ты вообще собираешься включать Архив? Разве Учреждение не закрывается на ночь?

— Нет. Почему ты так думаешь?

— Потому что все работает на солнце. И вещи на солнечной энергии не могут работать без солнца.

— В Учреждении есть генераторы, Шарли, — раздраженно сказала Воробей. — Они могут одновременно хранить дополнительные солнца на несколько недель.

— Да? Хм. Это довольно интересно... — я думала об этом секунду. — Ты не покажешь мне, где эти генераторы?

— Даже если бы я могла добраться до них, я бы ни за что не позволила тебе прикоснуться к ним. Ты бы, наверное, разорвала нас всех на куски.

Наверное, она была права.

— Работа Архива практически не потребляет энергии. Вряд ли Фрэнк заметит, что я его включила.

Бледный шар света расцвел над изножьем кровати Воробья. Это был проекционный свет — я бы, наверное, даже не заметила его, если бы в комнате не было так темно. Но теперь мне казалось, что я смотрела на солнце.

Я прикрыла глаза, пока они не привыкли.

— Это что?

— Это Архив, — сказала Воробей.

Я внимательно наблюдала, как она управляла проекцией по меню. Выглядело как гигантское меню Куба — но вместо того, чтобы реагировать на прикосновения, оно словно следовало за движением рук Воробья. Она провела рукой по кругу, и проекция превратилась из шара в большой прямоугольный экран.

— Какое телевидение ты смотришь? — спросила она, поворачиваясь ко мне.

Я не была готова к тому, что проекционный свет сделает с ее серебряными глазами. Они блестели, как два кусочка хрома Фрэнка, цвет которых переливался какой-то неестественной жидкостью.

— Э... эм...

— Просто выбери что-нибудь. Буквально все, что угодно, — раздраженно сказала Воробей, и в ее взгляде появился металл. — В архиве есть все, о чем только можно подумать.

— Здесь есть футбол?

Она ухмыльнулась мне. Это длилось лишь миг, но выражение идеально сочеталось с ее сияющими глазами, и воспоминание витало в моей голове даже после того, как она отвернулась. Кажется, я понимала, что она имела в виду, когда говорила, что у нее что-то застревало в голове: эта ухмылка определенно оставила след.

— С возвращением на Суперкубок двадцать два, — прогремел мужской голос из проекции.

Я села прямо.

— Двадцать два? Сколько, черт возьми, лет этой игре?

— Много, — с ухмылкой сказала Воробей. — Но мне нравится эта. Там много тачдаунов.

Я смотрела так много футбольных матчей, что могла представить, что происходило, просто слушая комментарии. И Воробей была права: шум помог мне расслабиться. Знакомые узоры шума толпы, смешанные с жужжанием дикторов, сделали мои веки тяжелыми. Две минуты спустя, и я была близка к тому, чтобы заснуть...

Затем толпа взорвалась.

Футбольные матчи в Далласе транслировались по телевидению с заранее записанным шумом толпы: крики приземления, улюлюканье при перехвате, возгласы после удачного начального удара — все было одинаково. Но этот шум был другим.

Там было примерно в десять раз больше энтузиазма, чем на любой записи, и, кажется, шум не заканчивался. Люди все еще вопили добрые десять секунд спустя.

Я с усилием открыла глаза и придвинулась к изголовью кровати, пытаясь подобраться под таким углом, чтобы видеть экран.

— Что случилось?

— Одна из команд только что забила тачдаун.

— Уже?

— Ага.

— Ну, ты можешь немного повернуть экран? Я не вижу.

— Ты должна спать. У тебя завтра операция.

Она была права. Я должна была спать. Но не успела я лечь, как толпа снова взорвалась.

— Что теперь?

— Другая команда только что забила тачдаун.

Я больше не могла. Обычно за игру бывало только четыре тачдауна. Эта игра была на пути к тому, чтобы иметь намного больше. Я должна была увидеть это сама.

— Можешь повернуть экран?

— Он не поворачивается, — фыркнула Воробей. — Ложись спать — что ты делаешь?

Ее глаза расширились, когда я сорвала с нее одеяло. Она уперлась в меня ладонью, прежде чем я успела пригнуться.

— Подвинься.

— Нет.

— Давай, всего на пару минут! — умоляла я, наклоняясь так, что весь мой вес приходился на ее ладонь. — Пять минут, а потом я обещаю, что пойду спать.

Губы Воробья сжались в неуверенности.

— Но... я думала, что только женатые люди должны спать в одной постели?

Это были странные слова. Конечно, все супружеские пары в Далласе спали в одной постели — или, скорее, лежали без сна, уставившись в потолок до рассвета в одной постели — но мы с Ашей также спали вместе. И мы точно не были женаты.

Я рассказала об этом Воробью, но она все еще не была убеждена.

— Откуда мне знать, что ты мне ничего не сделаешь?

Я не понимала.

— Что сделаю?

— То, что делают женатые люди.

— Я не понимаю, о чем, черт возьми, ты говоришь.

— Фрэнк сказал, что можешь. Он сказал, что ты могла бы что-то натворить.

Мне надоело слушать о Фрэнке. Меня тошнило от того, что он служил Воробью оправданием абсолютно всего.

— Знаешь что? Иногда мне кажется, что Фрэнк говорит тебе что-то только для того, чтобы напугать тебя и заставить следовать правилам...

— Нет, он...

— И я думаю, что он говорил тебе обо всех этих вещах, которые я могу сделать, чтобы ты меня боялась.

— Я не боюсь тебя, — возразила Воробей, но в ее глазах не было уверенности.

Я сломала ей нос сегодня. Теперь он распух до такой степени, что нижние части ее глаз свисали полумесяцами, будто они постоянно находились в состоянии, когда вот-вот потекут слезы. Ее признание не влияло на то, что Воробей боялась меня. Я бы не причинила ей вреда, если бы от этого не зависела наша жизнь.

Но ей и не нужно было этого знать.

— Хорошо, — натянуто сказала она.

Воробей скользнула к стене, и я устроилась рядом с ней. Я так долго стояла и спорила с ней, что замерзла. В Учреждении было холодно. Мои зубы немного стучали, когда я натянула одеяло до подбородка.

Воробей замерла рядом со мной.

— Что это был за звук?

— Это мои зубы.

— Почему они так звучат?

— Они стучат, потому что мне холодно. А теперь заткнись, давай посмотрим игру.

Воробей провела рукой, и проекция снова запустилась.

Я не могла в это поверить. Тот футбол, который я привыкла смотреть, происходил в маленькой мягкой комнате, заполненной камерами. Игроки носили шлемы и светящиеся ремни, а также перчатки, которые позволяли им передавать спроецированный шар света вперед и назад. Если кто-то из другой команды касался пояса, игрок считался схваченным и должен был стоять на месте до окончания игры. Я так и не поняла, почему они использовали слово «схватили» — слово «коснулись» было бы гораздо более уместным.

Теперь я понимала.

Когда в футбол только начали играть, они действительно сражались друг с другом.

И это было потрясающе.

— Это настоящее! — сказала я, когда игроки выстроились на поле. — Это настоящая

травы!

— Да, — буркнула Воробей.

Они били по мячу, и квотербек занял позицию. Огромные тела сталкивались на линии. Я слышала треск их шлемов, их тяжелое рычание, когда одна сторона боролась за то, чтобы пробить то, что так отчаянно защищала другая сторона. Квотербек поднял руку, а затем выбросил ее вперед. Я с изумлением наблюдала, как настоящий мяч — реликвия из кожи и белых шнурков — пролетел по спирали в воздухе и точно упал в руки бегущего игрока.

— Боже, он действительно поймал его! — закричала я, когда игрок пересек конечную зону. — Они сделали это, они действительно забили тачдаун!

— Да, это все реально, — сказала Воробей.

Я чувствовала, что она была раздражена, но мне было все равно. Меня потряс тот факт, что мы наблюдали, как группа людей делала вещи — настоящие вещи — которые я когда-либо видела только при свете и камерах. Камера показала толпу, и я была в шоке, когда увидела, что все люди собрались на стадионе. Это не была запись: реальные люди болели за свои команды. Одни носили оранжевое и синее, другие белое и красное. На них были шляпы и причудливое количество краски на лицах, и они были так взволнованы, что толкали друг друга от возбуждения.

Самым замечательным был тот факт, что эти люди с разной внешностью собрались вместе в количестве, которого я никогда не видела, но никто не нанес удар. Болельщики из разных команд сидели бок о бок, и никто не пытался убить друг друга. Этого никогда не случилось бы в Ничто.

В меня стреляли за меньшее.

— Когда это было? — сказала я.

— Год? Кажется, это был 1988 год.

Я пошатнулась. Я знала, что это было давно. Думаю, я даже знала, что был период лет с единицы. Но большего я не знала.

Это видео было записано Раньше — еще до того, как мир рухнул и все стало Ничем. Мы с Уолтером всегда представляли себе, какой была жизнь раньше. Мы находили здания или статуи в глуши и удивлялись им. На самом деле никто не знал ответов, поэтому мы воображали. Это было как смотреть на звезды: я никогда не узнаю наверняка, что там, поэтому я довольствовалась тем, что воображала.

Но теперь перед моими глазами раскинулось Перед. Был цвет, звук, тысячи человеческих лиц — каждое было выразительным и неповторимым. Было ясно, какой была жизнь раньше.

Потрясающей.

— Посмотри на них всех, — прошептала я. — Они такие... живые.

— Я думала, ты скажешь, что они отвратительны, — пошутила Воробей, пока камера показывала толпу лысеющих мужчин в очках.

Прежде чем я успела придумать ответ, меня снова охватил холод. Я натянула одеяло повыше и прижалась к Воробью. Она давала много тепла: от ее мышц шли волны, как и от ее кожи, будто я лежала рядом с раскаленным утюгом.

Кровать была слишком маленькой. Она не могла уйти от меня. И через секунду она просто сдалась, потому что ее конечности, наконец, расслабились из состояния трупной скованности.

— Держи руки при себе — предупредила она.

Я не знала, куда бы я их еще положила. Сейчас они застряли у меня под задницей, грелись. Мои ноги были другим делом. Я должна была надеть носки перед сном — я не знала, почему я этого не сделала. Теперь мои ноги были как лед, а комод стоял в другом конце комнаты. Уолтер научил меня всегда держать ноги в тепле, потому что пока они были в тепле, вся я была согретой. Я знала, что если им будет холодно, я буду продолжать дрожать.

Был только один верный способ их согреть.

Но Воробью это не понравится.

— Ах! Что это было? — взвыла она, отворачиваясь от меня.

— У меня мерзнут ноги, — сказала я.

— Да, но как? Почему они такие холодные?

— Я не знаю — эй!

Воробей наклонилась и фыркнула, когда я отдернула ноги.

— Значит, ты можешь засунуть свои замерзшие ноги мне в задницу, но мне нельзя их трогать?

Видимо, она была права.

— Отлично. Вперед, продолжай.

Руки Воробья были такими же теплыми, как и все остальное. Мои ноги начало покалывать в тот момент, когда она прикоснулась к ним.

— Ух, они как кубики льда! Что с тобой не так?

— Ничего.

— Ты заболела?

— Неа. У меня просто мерзнут ноги — и руки, — добавила я, вытаскивая их из-под себя. Моя задница почти не помогла разморозить их. Пижама Учреждения были сделаны из того же тонкого, чрезмерно переработанного материала, что и одежда в Далласе, и простыни были не намного лучше. Мне было трудно заснуть, потому что здесь было слишком тихо. Но мне трудно было спать, потому что было слишком холодно.

Воробей схватила мои руки и сложила вокруг них пальцы чашей.

— Смешно, — буркнула она. — Я буду рада, когда Фрэнк починит твой чип.

— Я тоже, — проворчала я.

Мне становилось все труднее держать глаза открытыми. Я бы хотела посмотреть концовку игры, но не могла. С непрерывным потоком шума толпы и жаром тела Воробья мне было так комфортно, как не было очень долго. Кровать стала мягче; мое дыхание — глубже. Вскоре мне показалось, что я покачивалась в бассейне с теплой бурлящей водой.

Не боролась. Не тонула. Не кричала и не хватала ртом воздух.

Просто дрейфовала по течению нежной реки, довольствуясь ее изгибами в океане мирного сна.

ГЛАВА 15

У меня был самый лучший сон: без перерывов и без сновидений — просто тихое облако тьмы, которое спокойно ворчалось между моими ушами. Это был лучший сон за последнее время. Я буду чувствовать себя хорошо, когда проснусь. У меня будет энергия думать и планировать. Я собиралась придумать способ сбежать из Учреждения.

В ту минуту, когда у меня появились эти мысли, в ту минуту, когда я начала ценить тот факт, что я хорошо спала, я начала просыпаться. Я вылетела из темного облака и попала в сон.

Это был необычный сон. Настолько подробный и реальный, что я чувствовала, как часть моего с трудом завоеванного отдыха истощалась из-за усилий его создать. Но я не могла этого избежать. Я застряла между облаком и землей, мои глаза были открыты, пока этот сон не закончился.

Я была в милях над землей. Все океаны мира были ярко-синими лужами, а облака — тонкими клочками на изломанной земле. Изображение быстро менялось, увеличиваясь со скоростью тысячи футов в секунду. Вскоре я смогла различить темную корку прудов и покрытые пятнами коричневые деревья.

В поле зрения появился лагерь средних размеров. Под дубовой рощей стояли два пикапа, и они довольно прилично выглядели. Большинство автомобилей в Ничто проржавели или были в клее. Но они выглядели так, будто у них все еще были все их оригинальные детали.

За пикапами находился небольшой лагерь с шалашами. Люди толпились вокруг выцветших палаток, собирая дрова для костров или возясь с ружьями. Когда изображение увеличилось, я узнала нашивки в виде собачьих голов на их зеленых куртках.

Эта группа рейнджеров была намного меньше той, которую мы с Воробьем видели на мосту. Их было около десяти. Поэтому я удивилась, когда изображение увеличилось еще, и я узнала Анну.

Она сидела одна на краю круга палатки на вершине выгоревшего на солнце бревна. Ее шляпа болталась на ремешке на соседней ветке. Я ясно видела ее лицо, когда она подтянула штанину к колену. Она морщилась, ее рот шептал ругательства, когда она осматривала свежий ожог на задней части ноги.

Изображение было так детализировано, что я почти слышала ее стон, пока она мазала рану какой-то пузырящейся мазью...

Погодите, я слышала ее. Звук трещал, будто проходил через помехи, но я все еще могла разобрать, что она говорила:

— Ах! Ах, черт возьми! — Анна нетерпеливо взмахнула своими рыжими кудрями, приглаживая их к выбритой стороне головы. Ее рука слегка дрожала, пока она капала мазь на ожог. — Ах! Черт возьми, это больно!

Так и было. Я слышала шипящий звук, когда прозрачная жидкость стала белой. Она съела весь пот и грязь с ее пострадавшей плоти, и я точно знала, что боли было достаточно, чтобы заставить любого взвизгнуть. Но это нужно было сделать.

Анна знала это, и поэтому она продолжала очищать ожог даже после того, как ее лицо

побелело. Похоже, он хорошо заживал: судя по количеству корки на нем, я бы сказала, что ее ожогу было не меньше трех дней. Вскоре кожа сможет сама о себе позаботиться.

— Эй, тебе нужна помощь? — крикнул мужчина.

Его голос был громким. Я бы даже назвала его бурным. Анна подняла взгляд, когда мужчина появился в поле зрения, и я думала, что ее брови были раздраженно сдвинуты.

— Нет, я в порядке.

— Уверена, что не нужна помощь? У меня есть еще рука.

Теперь мужчина стоял прямо перед ней. Я сразу узнала в нем того большого бородатого мужчину, который пытался перетащить Анну через стену, когда граклы бросились на мост. Он побежал за ней, когда в этом не было необходимости, и получил неприятный ожог руки за это.

Он размахивал этой рукой, пока говорил, и я видела, что она была туго перевязана белой полосой ткани.

— Не хочу хвастаться, но с тех пор, как я присоединился, в меня стреляли почти двадцать раз. И всегда больно.

— Приятно знать, — натянуто сказала Анна.

Она вела себя странно. Анна, которую я помнила, улыбалась: была милой и игривой, села рядом со мной, будто мы знали друг друга много лет. Наверное, я просто предположила, что она была такой со всеми.

Но то, как она сейчас сидела, напоминало мне о том времени, когда мы с Уолтером случайно подошли слишком близко к улью: нам пришлось застыть, пока они жужжали вокруг наших лиц и опускались на наши волосы.

— Не двигайся, урод, — прошипел мне Уолтер. — Пчелы могут что-то чувствовать — они тут же поймут, что мы не собираемся беспокоить их, и отпустят нас. Но до тех пор нужно молчать.

И Уолтер был прав. Примерно через полминуты, возможно, одну из самых долгих минут в моей жизни, пчелы снова поднялись на деревья. Мы с Уолтером выбрались и решили избегать этого места до зимы.

Анна относилась к этому мужчине, как к большой пчеле — пока она сидела неподвижно и не смотрела ему в глаза, он, в конце концов, перестанет лезть к ней.

Но он будто не замечал.

— Послушай, — он опустил один ботинок на бревно рядом с Анной, — я знаю, что ты новичок в стае, но мы должны быть командой в лагере точно так же, как и там. Ты не можешь сидеть здесь одна все время. Ты должна попытаться стать своим парнем.

— Я не парень, Райкер, — раздраженно сказала Анна. Она до сих пор не оторвалась от своей раны — и это, наверное, хорошо, потому что Райкер стоял, уперев ногу, и его пряжка почти сравнялась с ее головой.

Никто не хотел посмотреть вверх и увидеть это.

— Ты могла бы стать одним из нас, если бы попыталась, — сказал Райкер, пожимая плечами. — У тебя есть сила, и ты зоркая. Нас не волнует, что ты женщина или что-то в этом роде. Это все равно, что...

— Да? — Анна подняла взгляд, и ее лицо пылало от злости. — Потому что, похоже, тебе небезразлично, что я женщина.

— Что это значит?

— Ты прекрасно знаешь, что это значит. Я знаю, что попала там в беду, — сказала она,

тыча пальцем в рану, — и я знаю, что ты пытался мне помочь. И я подавила свою гордость и сказала спасибо. Но потом ты продолжил и спросил меня, не отвечу ли я на услугу...

— О, черт, я только хотел сказать, что, может, в следующий раз тебе стоит попытаться спасти мою задницу. Вот и все. Больше ничего, — сказал Райкер, раздраженно взмахнув рукой.

— Точно?

— Ага!

— Тогда почему ты никогда никому об этом не говорил? — прорычала Анна, краснота на ее лице с каждой минутой становилась все сильнее. — Я видела, как ты вытащил Хэнка из реки на прошлой неделе — ты просил его вернуть услугу? Что с Миком? Или Сэмом?..

— Не могу поверить, что ты все еще злишься из-за этого, — со смешком сказал Райкер.

Его смех, должно быть, стал последней каплей. Анна вскочила на ноги и прорычала:

— Я знаю, что ты имел в виду, и ты знаешь, что ты имел в виду. Я не дура, Райкер.

— Ну... ты можешь винить меня? — сказал он через мгновение. Он махнул рукой на ее тело, а под его бородой расплылась ухмылка. — Ты красивая дама. Я должен быть глуп, чтобы не спросить.

— Ответ — нет. Нет — всю мою жизнь. И когда я умру, я позабочусь о том, чтобы кто-нибудь написал это на моей могиле — на случай, если дьявол спросит меня. Нет.

— Хорошо, хорошо. Оу, успокойся. Ты расстраиваешься из-за пустяков.

— Это не пустяки! Каждую секунду дня. Я чувствую себя в большей безопасности, когда в меня стреляют, чем в лагере. Я имею в виду, — Анна недоверчиво тряхнула головой, — дошло до того, что я боюсь заснуть. Если ты хочешь, чтобы я была одним из парней, то, может, вам всем следует вытереть слюни со своих подбородков и относиться ко мне как к человеку.

Райкер провел рукой по бороде, ухмыляясь, а Анна рядом с ним кипела.

— Послушай... Хэм мягок с тобой. Он сделал тебя рейнджером и позволил тебе бегать с Джоном Марком, потому что он мягок с тобой. А когда Джон Марк исчез, Хэм спросил тебя, не хочешь ли ты уйти. Думаю, он сильно намекнул, что тебе следует бросить, потому что единственным выходом для тебя были стаи — и есть причина, по которой в стае никогда не было женщины. Это просто природа, ясно? Это мужская природа — продолжать смотреть и спрашивать. Так оно и есть. И если ты продолжишь говорить «нет», мы продолжим уважать это. Тебя никто не заставит, — пожал плечами Райкер. Он слез с бревна и повернулся, чтобы уйти. Но примерно через три шага он обернулся. — Хочешь узнать маленький секрет о мужчинах?

— Какой? — рывкнула Анна. Красное на ее лице смешалось с пугающей белизной.

Глаза Райкера отметили этот цвет, и он улыбнулся.

— Если тебе это надоело, если ты хочешь, чтобы это прекратилось, то лучший способ сделать это — просто выбрать кого-нибудь. Выбери одного из нас — даже не обязательно симпатией, — продолжил он, когда на губах Анны появилось возмущение. — Ты просто обязана это сделать. Мужчины будут уважать женщину другого мужчины. Это единственный способ заставить их оставить тебя в покое.

Анна ничего не говорила в ответ. Я не знала, то ли она слишком злилась, то ли была слишком напугана. В любом случае, что-то держало ее губы сжатыми в тонкую линию, пока Райкер не ушел в лагерь. Затем она тяжело села.

Мне не нравилось видеть, как Анна плакала. Я знала, что это был лишь сон, но я

чувствовала, как мое сердце билось о ребра. Слезы катились по ее щекам и капали с подбородка. Одна упала на ее раненую ногу, и она просто оставила слезу там. Ее руки обмякли между коленями; плечи были опущены. Это было самое жалкое положение, какое я когда-либо видела.

Я хотела протянуть руку через сон и схватить ее. Я хотела крепко обнять ее. Она могла продолжать плакать, если захочет — я знала, что иногда больше ничего не хотелось, — но я также знала, что не было ничего более несчастного, чем плакать в одиночестве.

Она даже могла вытереть нос о мой рукав, если захочет.

Анна внезапно перестала плакать. Ее глаза широко раскрылись, и она в панике вскочила с бревна.

— Ч-что это, черт возьми, было? — дрожащим голосом сказала она.

Она выхватила винтовку из-за бревна и сорвала с ветки шляпу. Она прошла около десяти ярдов по поляне за деревьями, когда ее тело внезапно напряглось.

— Р-Райкер! Райкер!

— Что это, черт возьми, такое? — завопил кто-то из лагеря.

Раздались торопливые шаги и хор криков, рейнджеры щелкали винтовками, переходя в атаку. Все они бросились к Анне, их глаза были настороженно устремлены на что-то вдалеке.

Я не видела, что там было. Изображение по-прежнему было сосредоточено на Анне. Когда я попыталась заставить масштаб уменьшиться, мое зрение заполнил экран черно-белой статики. Я больше не слышала и не видела.

У Анны были проблемы, и я ничего не могла с этим поделать.

* * *

— Анна!

— Ого!

Нелепо сильный кулак уперся мне в грудь и отбросил на матрас. Мои глаза резко открылись. Ушла секунда, чтобы понять, что сероватые шары, прыгающие передо мной, были серебряными глазами Воробья, а не какой-то странный след из моего сна.

— Я должна выбраться отсюда. Анна в беде, — выдохнула я.

Воробей покачала головой.

— Тебе приснился сон — кошмар, как его называют люди.

Я тоже так думала сначала. Но я не чувствовала, что спала. У меня болела спина между лопатками. Болела, как раньше, когда я просыпалась первой, а потом мне приходилось лежать в постели лишний час, чтобы дать Уолтеру поспать.

Нет, я уже давно не спала.

А если я бодрствовала, то, что я видела, никак не могло быть сном.

Я не знала, было ли это возможно. У меня не хватало воздуха, чтобы задаться вопросом — даже если бы это было возможно — как я могла видеть, что что-то происходило с Анной вдали. Что-то застряло у меня на дне живота и говорило мне все, что мне нужно было знать: то, что я видела, было правдой, и это происходило сейчас.

— Я должна выйти...

— Ты даже не должна вставать, — прошипела Воробей, прижимая меня к матрасу. — Фрэнк сказал об этом очень ясно: пока мы не узнаем, прошла ли операция успешно, ты должна оставаться здесь. Я должна приносить тебе еду и все такое, — добавила она, хмурясь. — Я не собираюсь работать на этой неделе.

Я не сразу смогла переварить то, что она сказала. И как раз в тот момент, когда мне стало не по себе, я уловила знакомое ощущение на затылке: жгучее натяжение травмированного лоскута кожи, скрепленного швами.

Прямо у основания черепа.

— Фрэнк уже сделал это, да? — выдохнула я. — Он уже починил мой чип.

— Ну, он пытался...

— Почему ты меня не разбудила? Я должна была проснуться!

— Я пыталась, но ты не...

— Значит, ты просто шлепнула меня на стол и продырявила мне голову? — завопила я, мое сердце бешено колотилось. Это было похоже на худшее предательство. Меня оскорбили, и я понятия не имела, что это происходило. — Как долго меня не было?

— Три дня, — ответила Воробей, будто я каким-то образом должна была знать, что меня не было почти полнедели.

Но я не знала. Я понятия не имела.

А теперь я была в бешенстве.

Все, что я хотела сделать, это кричать о том, как неправильно было затащить меня на операцию, не убедившись, что я проснулась. Но очевидно, что Воробей ничего не понимала, и кричать на нее о том, что сделал Фрэнк, не было толку. Поэтому я направила свой гнев на то, что, как я надеялась, было более продуктивным.

— Что значит: Фрэнк пытался починить мой чип? — прорычала я.

Воробей пожала плечами.

— Не знаю.

— Воробей...

— Отлично. Я скажу тебе то, что знаю, но ты должна пообещать, что больше не будешь повышать на меня голос.

— Нет, я больше не обещаю, — огрызнулась я. — Просто скажи мне.

Воробей неуверенно прикусила губу. Кулак в середине моей груди разжался так, и ее ладонь давила на мое сердце.

— Он пытался, Шарли. Правда. Фрэнк держал тебя под водой почти шесть часов, пытаясь заставить твой чип работать. Он сказал, что сделал все, что мог — и я не знаю, что это значит, не спрашивай, — но он не смог полностью починить его.

— Значит, у меня все еще могут быть опухоли?

— Возможно, — призналась Воробей. — Фрэнк сказал что-то о возможности починить коммуникационный приемник чипа...

— Что? Так я теперь лучше слышу? Отлично, — усмехнулась я.

— Рецептор связи фактически отвечает за отправку и передачу волн.

— Волн?

— Радиоволны, микроволны — волны — это то, как боты общаются друг с другом, — сказала Воробей, закатывая глаза. — Ты не передавала никаких волн, поэтому другие боты думали, что ты сломана.

— Вот почему экзо продолжали говорить, что я аномалия? Теперь я могу ходить без необходимости возвращаться в Учреждение, верно? — сказала я, когда Воробей кивнула.

Ее рука тяжело опустилась мне на грудь, прежде чем она ответила:

— Такая идея... но мы не узнаем наверняка, сработала ли она, пока не проведем несколько тестов.

— Сколько времени это займет?

— Тебе понадобится еще неделя, чтобы вылечиться, а затем Фрэнк начнет вводить низкоуровневые излучатели волн. Мне это помогло, — настаивала она, когда я попыталась вывернуться из-под ее руки. — И тебе тоже поможет. Просто нужно набраться терпения.

— У меня нет времени терпеть! Что-то происходит с Анной и рейнджерами — я не знаю, что это такое, но им нужна помощь.

— Это был всего лишь сон, Шарли.

— Нет, это было реально! Я... я видела это!

Воробей поджала губы.

— Ты через многое прошла за последние несколько дней. Эта анестезия — не шутки. Я бы поняла, если бы ты немного запуталась в том, что реально, а что нет.

— Я знаю, что я видела, — твердо сказала я. Я протянула руку и опустила ладонь на руку Воробья — жест, от которого ее брови удивленно приподнялись. — Пожалуйста. Я знаю, что это было реально. Я знаю, что Анна в беде. Ты должна помочь мне выбраться отсюда.

Воробей какое-то время наблюдала за мной, ее лицо было как камень. Наконец, она вздохнула.

— Если я докажу тебе, что с Анной все в порядке, ты успокоишься?

— Ага, — сказала я только потому, что была почти уверена, что Воробей никак не сможет что-либо доказать.

— Хорошо, — она соскользнула с кровати и протянула руки. — Ты будешь молчать и лежать спокойно. А когда все это закончится, ты вернешься сюда без суеты.

— Да, конечно, обещаю.

— Мне не нужно, чтобы ты давала мне обещания, — сказала Воробей с резким блеском в глазах. — Ты просто сделаешь это.

Воробей легко подняла меня с кровати. Вряд ли я когда-нибудь привыкну к тому, что она могла нести меня с небольшим усилием. Я, наверное, ощущала себя котенком в ее руках: костлявая и хрупкая. Если она чихнет слишком сильно, она сможет случайно раздавить меня.

В нашей комнате было темно и тихо. Единственным светом было бледное солнечное сияние прикроватной лампы Воробья. Она замерла у двери и села на корточки, чтобы я могла дотянуться до ручки.

— Уже за полночь, — сказала она, когда я помедлила. — Мой отпечаток не может открывать двери в нерабочее время.

А мой почему-то мог.

Панель загорелась зеленым цветом, и дверь с радостным писком распахнулась. Когда Воробей прошла в проем, и я услышала, как за нами закрылась дверь, до меня что-то дошло:

— Разве Фрэнк не узнает, что мы сбежали?

— Не раньше утра. Фрэнк заряжается ночью, — тихо сказала Воробей.

— Заряжается? Как солнечная батарея? Как он заряжается без солнечного света?

— Не знаю, — рассеянно сказала Воробей.

Я не знала, о чем она думала. Я видела только нос и подбородок. Когда она повернулась, я увидела одну из ее бровей. Она была изогнута, будто она хмурилась или была раздражена. У Воробья были равные шансы на то и другое. Но то, как ее большой палец впился мне в бедро, заставило меня думать, что она была обеспокоена.

— Что? — сказала я.

Воробей покачала головой.

— Что?

— Угу, хорошо, — она окинула меня взглядом, ее серебряные глаза наполнили мысли. — Я собиралась отвести нас в командный пункт и позволить тебе найти Анну с помощью дрона...

— Эй, отличная идея.

— ...но запуск командного портала потребует много энергии. И это не говоря уже о мощности, необходимой для того, чтобы заставить дрон переключиться на резервную батарею. Нет никаких шансов, что Фрэнк не заметит, что мы сделали.

— Я возьму вину на себя, — быстро сказала я.

Воробей нахмурилась.

— Это не кажется справедливым.

— Да ладно, у кого из нас больше шансов украсть дрон посреди ночи? Когда ты нарушала правила?

— Никогда. Во всяком случае, не в этом цикле, — буркнула Воробей.

Если она хотела, чтобы я спросила о ее предыдущих циклах, ей не повезло. Я не повелась. У меня на уме была одна вещь, и я не смогу вздохнуть спокойно, пока она не закончится. Мы могли поговорить позже.

После мгновения напряженного молчания Воробей, наконец, смягчилась:

— Хорошо. Ты можешь взять на себя вину.

Воздух в командной комнате был холоднее, чем обычно. Мое тело задрожало в тот момент, когда Воробей отодвинула меня от своей груди. Я тряслась, как мусоровоз на треснувшей оси. Когда Воробей опустила меня на холодное металлическое сиденье, я чуть не подпрыгнула.

— Т-твою...! — мои руки дрожали, когда я попыталась обхватить ими свою талию. Воробей сидела в кресле рядом со мной, и я наклонилась, потягиваясь, чтобы вернуться в теплую ауру от ее кожи.

Она оттолкнула меня локтем.

— Назад.

— Но мне холодно!

— Мне все равно.

После того, что заставил меня сделать Брендон, я поклялась, что никогда не окажусь в положении, когда меня заставят сидеть у кого-то на коленях. Я поклялась спустить курок, а не снова подвергаться такому унижению. Но сейчас мне было холодно, и я была в отчаянии. И холодные, отчаянные люди делали глупости.

— Позволь мне посидеть с тобой. Я обещаю, что не буду касаться органов управления, — сказала я, поднимая дрожащую руку в клятве. — Я не смогу сидеть здесь одна. Я могу... замерзнуть насмерть.

Воробей поджала губы; ее палец осторожно замер над клавиатурой.

— Хорошо, но через секунду. Я не хочу, чтобы ты видела на код.

Я была так занята, пытаюсь заставить кровь приливать к кончикам пальцев, что, честно говоря, не думала о краже кода... пока Воробей не упомянула об этом. Теперь я поняла, что это была бы хорошая идея.

Я снова стала несчастной, опустила подбородок, будто пыталась пробраться под

воротник больничного халата. Воробей думала, что я не смотрела, и ввела код, не утруждая себя скрыть цифры ладонью.

2522578663

Код оказался длиннее, чем я ожидала. Вряд ли обычный человек смог бы это запомнить. Но не так давно мое выживание зависело от способности запоминать и повторять информацию. Если я допускала ошибку, Говард мог повесить меня на растяжку. Или бросить меня в Ящик. Я так хорошо научилась засовывать вещи себе в голову, что запомнила код, не задумываясь.

— Хорошо, мы внутри, — пальцы Воробья стучали по панели управления. — Я перевела дрон номер три в ночной режим... батарея прогревается... все в порядке, — она кивнула, когда один из экранов перед нами загорелся. — Ну, вот. Теперь устроим тебя.

Воробей просунула руки мне под ноги и подняла меня к себе на колени. Морозная оболочка, которая медленно образовалась на моей коже, начала таять. Я бы все отдала, чтобы быть теплой, как она. Приятно было никогда не чувствовать себя некомфортно.

— Ты не должна прикасаться к элементам управления, — повторила она, используя рычаг переключения передач, чтобы управлять дроном. — Если я увижу твои руки рядом с этим выключателем, я брошу тебя на пол.

— Ладно, — проворчала я. Я наблюдала, как изображение на экране из черного как смоль перешло в приглушенный зеленый цвет. Были пруды, деревья и небольшие строения — все они мелькали на земле, как зеленые тени. — Почему картина выглядит так?

— Сейчас ночь. Это ночное видение, Шарли, — вздохнула Воробей у меня над головой. — Это то, как камеры дронов передают изображения, когда слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Ты помнишь что-нибудь о том, где во сне была Анна?

— Я видела ее, — яростно сказала я. — Это было реально. И рейнджеры расположились лагерем под кучей деревьев.

— Что за дерево?

— Эм... дуб?

Я ощутила, как Воробей закатила глаза.

— Итак, дубовая роща в нескольких минутах ходьбы от того места, где мы в последний раз видели...

— На самом деле, у них было с собой несколько пикапов. Так что, думаю, они куда дальше.

— Ну, тогда они могут быть где угодно, — раздраженно сказала Воробей, дергая рычаг переключения передач. — Сейчас они могут быть в сотне миль от моста. И мы знаем только то, что они расположились лагерем под какими-то деревьями, возможно, дубами...

— Там! — крикнула я.

Мое сердце билось о ребра, когда на экране появилась группа крошечных бело-зеленых человечков. Они стояли в непосредственной близости от дубовой рощи, собравшись в круг в поле. Я заметила только один из их пикапов, но точно знала, что это были рейнджеры.

— Вот оно — это именно то, что я видела! Смотри! Вот бревно, на котором сидела Анна, когда Райкер вел себя как задница... — мой голос утих, пока Воробей вела дрон над кругом рейнджеров, и я увидела, вокруг чего они все собрались. — Что это, черт возьми, такое?

Я не знала, потому что ночное видение было не такое четкое, как у обычной камеры, но, похоже, какой-то огромный бот вторгся в лагерь рейнджеров. Он был таким же высоким, как

тот старый отель, в котором Уолтер и я подверглись нападению. Высокая рука поднималась из середины основания бота и заканчивалась ведром размером с тележку.

Ведро выглядело так, будто было предназначено для того, чтобы зачерпывать сразу большое количество вещей — грязь, щебень, целый пикап. Я могла только догадываться, зачем миру вообще понадобилось что-то такое большое. Ведро было высоко поднято и плотно прижато к нижней части руки бота, где, видимо, оно останется до рассвета.

Его основание было шириной с дом: стальная платформа, поддерживаемая восемью металлическими колесами, установленными на двух направляющих. Когда один из рейнджеров забрался на колеса, я увидела, что те участки шире его роста.

— Что он делает? — сказала Воробей.

Я не знала. Воробей нажала на кнопку, чтобы увеличить изображение, а я все еще не могла понять. Этот рейнджер был молод и гибок — вероятно, не старше меня. На плечах у него висел небольшой рюкзак. Я не видела, что в нем было, но по тому, как низко он висел на его спине, понимала, что это было что-то тяжелое.

Но этот рейнджер забрался на гигантского бота так же уверенно, как шестиногий козел. Он поднялся над колесами и побежал к опоре башни. На верхнем гребне руки явно были поручни, потому что рейнджер поднялся по ней, будто взбирался по лестнице.

Воробей и я, затаив дыхание, наблюдали, как рейнджер приближался к ведру. Он стащил рюкзак с плеча и склонился от поручней, размахивая им за лямку. Я охнула, когда рука вытянулась из ведра. Она была маленькой, достаточно маленькой, чтобы протиснуться между острыми зубьями, торчащими из края ведра.

Рука тянулась к качающемуся рюкзаку, слепо хваталась. Через мгновение она, наконец, поймала рюкзак.

— Есть звук? — спросила я, рука отчаянно пыталась затащить рюкзак в ведро.

Воробей поджала губы.

— Если я включу звук, он разрядит аккумулятор.

— Мне все равно, — сказала я. Глядя, как рюкзак исчез между роющими зубами, я начала чувствовать себя неловко. Похоже, я знала, почему рейнджеры так пристально наблюдали за ботом, и я догадывалась, кто был заперт внутри ведра.

Но только после того, как из динамиков донесся треск, я узнала это наверняка:

— ... быть в порядке. Это должно помочь мне пережить завтрашний день.

— Анна, — прошептала я. Это все, что я могла сказать. Я не знала, что случилось. Я не знала, почему она застряла внутри этого бота. Но я знала, что рейнджеры были не в состоянии сделать что-то большее, чем принести ей припасы.

— Мы отправили нескольких парней обратно в Старый город — Райкер считает, что в одном из складских помещений может быть инструмент, способный нанести достаточно урона, чтобы пробить эту штуку, — рейнджер похлопал ладонью по башне и с опаской скривил губы. — Но я не знаю. Мой папа говорит, что боты сделаны из более прочного материала, чем обычно.

— Все в порядке, Кип, — сказала Анна с легким вздохом, который заставил меня думать, что она только что выпила целую порцию воды махом. — Это отлично. Я что-нибудь придумаю.

— Нечего придумывать. Пока мы не добудем этот инструмент, мы не сможем добраться даже до кристалла, — рейнджер Кип на мгновение замолк. Он прислонился к башне, как к стене, а не в тридцати ярдах от земли. — Анна... слушай, Райкер хотел, чтобы я сказал...

— Вы все не можете ждать вечно, — резко перебила она. — Я знаю.

— Просто эти Медноголовые все еще ищут нас. Мы не можем оставаться на одном месте слишком долго, — умоляюще сказал Кип. — Если ребята не вернутся к завтрашнему дню, мы должны уйти. Я обещаю, что принесу воды на несколько дней, и мы вернемся за тобой, как только все прояснится.

Анна ничего не сказала.

Кип неловко ерзал.

— Эй, Анна...?

— Все в порядке, — сказала она. Ее голос огрубел от того, что, как я могла предположить, являлось потоком сердитых слез. — Вам всем даже не обязательно возвращаться. Мне все равно.

— Ты не имеешь в виду...

— Да, знаю. Меня тошнит от этого, Кип. Я готова лечь спать. Так что продолжайте и делайте то, что должны. Я счастлива умереть здесь.

— Анна, не говори так.

Кип еще несколько минут пытался заставить Анну говорить. Я пыталась заставить ее говорить. Я не хотела, чтобы она сдавалась — я хотела, чтобы она боролась. Я думала так сильно, что мои глаза начали затуманиваться. Затылок покалывало. Меня так лихорадило от усилий, что я не сразу заметила, как изображение внезапно оборвалось.

— Черт возьми... батарея села. Что ж, думаю, ты была права. Я не знаю, как...

Воробей продолжала говорить, но я ее не слышала. Мои уши онемели. Через пару минут ее руки обвили мою талию. Я ощутила тупое давление, когда она проверила мой лоб тыльной стороной ладони.

— О нет... о, ты горишь! — Воробей выругалась под нос, прижимая меня к своей груди. Мир вращался, когда она встала. — Я знала, что ты не готова к этому, я знала это! Почему ты просто не послушала...?

ГЛАВА 16

АВГУСТ 2213

Блейз не чувствовал солнца. Он не понимал, что значило быть горячим, не говоря уже об опасности перегреться. Мир был неподвижен в его глазах. Не было ни пузырей, ни волн, ни всемогущей дымки. Его глаза поглощали этот пустынный мир с апатией человека, который отдыхал.

Он не знал, что солнце могло сделать с открытой кожей — как оно сдирало верхний слой и покрывало кожу под ним волдырями. Его губы никогда не шелушились. Белки его глаз никогда не были обожжены.

Пока он изучал лицо Мэтта, в его взгляде появилось замешательство.

— Что с тобой случилось? — прошептал он.

Мэтт не ответил. Он лежал, свернувшись калачиком на земле, на макушке его черепа зияла темно-красная лужа. Кусок его скальпа свисал с ржавого угла открытой дверцы машины. Грязные каштановые кудри, все еще на коже, слабо трепетали на ветру, пока кожа головы сохла на металлической кромке.

Мэтт упал, потому что был ослаблен? Неужели силы жара и солнечного света истощили его до такой степени, что он больше не мог стоять?

Или он упал, потому что бежал быстрее, чем должен был? Быстрее, чем его хрупкое человеческое тело могло нести его?

И бежал ли он так быстро, потому что... боялся?

Блейз не мог сказать. Мэтт определенно выглядел как животное, пойманное в яркий свет фар. Его глаза расширились, и он побежал в противоположном направлении — возможно, настолько стремясь уйти от полиции, что совсем не заботился о собственном благополучии.

Шансов, что Мэтт выжил после падения, почти не было, но Блейз все же присел, чтобы проверить. Его красивые черты остались гладкими, когда он прижал два пальца к вене под подбородком Мэтта. Его ярко-голубые глаза осторожно скользили по ране, сияя интересом.

Через мгновение он вздохнул.

— Бедняжка.

Блейз встал и пошел по дороге, оставляя Мэтта наедине с канюками, которые жадно кружили над головой. Небо было чистым над телом заместителя О'Брайена. Стервятников

он не очень заинтересовал. Может, это потому, что он был уже наполовину приготовлен — почти разорван пополам выстрелом из перезаряженного дробовика.

Это был внезапный и жестокий конец. Его органы разлетелись позади него на полосе кипящей крови. Срезанные, их мембраны раскололись от жара. Они были бы легкой добычей для любого голодного существа. Но даже муравьи изгибали свои линии вокруг кровавого пятна, будто их красные тела могли лопнуть, если они прикоснутся к нему.

Да, может, был было в том, что он был уже приготовлен. Или, может, животные не интересовались помощником О'Брайеном, потому что такие люди, как он, были немногочисленными не такими.

Они не могли просто умереть. Они не могли просто позволить себе отдохнуть и оставить свои тела растворяться в земле. Такие люди, как заместитель О'Брайен, такие люди, как Блейз, нуждались в особом уходе. В противном случае они никогда не отдыхали.

Блейз покончил с этим. Он решил, что не хотел, чтобы с Далласом было связано еще одно чертово дело. Он уберется как можно дальше от этого места, а потом умрет с миром. Это был его выбор. Это он решил для себя в ту минуту, когда в него ударила молния. Когда зажим, который был вокруг его разума, наконец, сломался, и он смог думать самостоятельно, это была первая мысль, которая у него возникла:

«Я выберусь отсюда и отдохну».

У О'Брайена не было такого выбора. Он умер, так и не поняв, что с ним случилось, или почему все должно было произойти именно так, а не иначе. Он прожил с этим зажимом всю свою жизнь. И когда он умер, он все еще был рабом.

Но Блейз собирался это исправить. Он позаботится о том, чтобы у О'Брайена был шанс. Жизнь будет лучше, в следующий раз.

На бедре Блейза в ножнах висел нож. Он ощущал его вес за несколько минут до того, как нашел смелость достать его. Его рот искривился в какой-то смущенной ухмылке, когда он потянулся под тряпку, чтобы вытащить нож, и его желудок сжался.

Он собирал раньше — десятки раз. Это риск, на который шли полицейские, когда они покидали стены Далласа: вокруг не было ботов и больницы, чтобы извлечь то, что нужно было спасти. Таким образом, все офицеры полиции учили протокол сбора, и их торжественной обязанностью было вернуть своих братьев и сестер, когда они умирали.

Блейз был членом полиции почти двадцать лет, и за время службы он восстановил многих своих товарищей-офицеров. Но это был первый раз, когда он почувствовал тошноту по этому поводу.

Странно было понимать значение слова и при этом не помнить, что пережил его. Блейз ощущал, как желудок сжимался, когда он снял шлем О'Брайена. Желудок сделал неприятное сальто, когда он увидел лицо под ним. В этом лице мало что напоминало ему об О'Брайене: кожа пепельно-серого цвета, рот отвис, а когда-то пронзительные желтые звезды вокруг зрачков мутно поблекли и превратились в зеленые.

Его глаза очень скоро станут одного цвета. Они потеряют яркость и высохнут до приглушенно-серого цвета. Блейз использовал пальцы, чтобы осторожно опустить веки. Цвета это, конечно, не сохранит. Но это могло помешать солнцу испепелить их горячими белыми струями, стекающими на лицо О'Брайена.

Его нож был неестественно острым. Он пронзил верхнюю часть черепа О'Брайена и разрезал его до основания. Блейз отложил нож и просунул пальцы в щель. Он был осторожен, чтобы не разорвать череп О'Брайена пополам. Блейз, возможно, сломал зажим,

но у него все еще была сила. Чтобы расколоть голову человека, требовалось не больше усилий, чем открыть банку «SuperFizz».

На него накатила волна тошноты, когда красно-розовая пена растеклась по его рукам. Холодные шишки пробежали по всей его спине, и его ноги затряслись. Ему пришлось сесть, уперев колени в свежую лужу чуть теплой крови, чтобы не потерять сознание. Но, несмотря на все это, Блейз рассмеялся.

Он так долго ничего не чувствовал, что чувствовать хоть что-то было облегчением.

Он быстро закончил свою работу, складывая нужные детали в стерилизованный пакет и запечатывая его полоской красной ленты. Слово «биологическая опасность» было напечатано жирными черными буквами по всей длине ленты. Блейз очистил нож о край своего плаща и нацарапал кончиком цифру на серой панели сбоку мешка: X1-36.

ГЛАВА 17

МАЙ 2413

— Нет, опусти меня, — стонала я, борясь с хваткой Воробья. — Опустите меня, урод со стальными глазами...

Я боролась еще несколько минут, прежде чем поняла, что Воробей была грудой простыней. Они обвили мои руки и ноги раздражающим клубком. На моей кровати было больше простыней и в два раза больше одеял, чем я привыкла. В какой-то момент, когда я попыталась выбраться из них, я перевернулась и увидела, что кровать Воробья была полностью обнажена.

Она сняла все свое постельное белье и навалила его на меня. Я также обнаружила, когда мне удалось высвободить руку, что она одела меня в три слоя пижамы. У меня было по три носка на каждой ноге, а ноги были как-то втиснуты в две пары штанов.

Неудивительно, что я была вся в поту.

— Почему? — я со стоном выбралась из клубка кровати. — Все, о чем я прошу, это нормальное количество тепла... Анна...

Воспоминание ударило по глазам: Анна была заперта внутри гигантского бота. Рейнджеры принесли ей припасы, но они вот-вот сдадутся. Если кто-то не поможет ей в ближайшее время, она умрет от жажды — может, даже умрет от голода или сварится заживо в этом металлическом ведре.

Я все еще не распуталась, но вскочила с постели. Я нетерпеливо сбросила простыни и, спотыкаясь, пошла к двери. Моя голова все еще довольно болела — и это было хорошо. Значит, прошло не так много времени. Если бы я проснулась здоровой, было бы слишком поздно.

К двери была приклеена записка. Я не узнала почерк, но предположила, что это была Воробей. Слова были написаны так аккуратно, будто взяты из проекции:

Даже не думай об этом.

Я не думала об этом.

Я распахнула дверь так быстро, что записка слетела на бетонный пол.

Боже, я потела, как кусок свиной кожи над открытым огнем. Влага с треском покидала мое тело. Я оглянулась и увидела, что мои ноги вспотели сквозь тройной слой носков: отчетливая дорожка из маленьких мокрых следов вела из общежития по всему коридору.

Если Воробей заметит, что меня нет, она без труда найдет меня.

Учреждение было ярко освещено. Я знала, что был день. Наверное, завтрак или обед, так как Воробья в нашей комнате не было. Я спешила по коридору и не останавливалась, пока не достигла круглой комнаты со всеми дверями.

Одну дверь я еще не открывала. Она мигнула зеленым, считав отпечаток моего большого пальца, будто вот-вот впустит меня. Но она всегда захлопывалась, прежде чем я успевала пройти в нее. И она захлопывалась. Я пыталась тянуть всем своим весом, и меня просто швыряло в дверной косяк.

Сегодня я была вооружена отчаянием — и шестью парами носков. Я сняла их, когда дошла до двери, и сунула один в другой, пока не получился огромный комок ткани. Мои ноги скользили от пота, когда я уперлась в раму. Дверь запищала, считав мой отпечаток, и открылась.

Я едва успела. Я запихнула комок носков в раму и едва успела отдернуть пальцы, прежде чем дверь захлопнулась с сокрушительной силой.

На секунду мне показалось, что я не справилась: дверь закрылась поверх носков. Она сжала комок и подала звуковой сигнал, будто была закрыта. Я думала, что мне удалось только испортить нить моих носков. Затем через секунду дверь отскочила от рамы и широко распахнулась.

Звукового сигнала и сигнализации не было. Наверное, дверь все еще думала, что была закрыта. Носки, видимо, поддались, позволили затвору войти в раму. Затем они вернулись в форму и вытолкнули дверь.

Я прошла — я не знала, что здесь найду, но за время пребывания в Учреждении я поняла, что должна была ожидать самое странное и бессмысленное расположение высокотехнологичного оборудования. И это было похоже на то, что я нашла.

Эта комната была заполнена кучей миниатюрных капсул ZOOT. Сине-зеленые трубы тянулись вдоль стен рядами от дверного проема. Они доверху были набиты слизью ZOOT. Некоторые из них были пусты, но в середине других плавали объекты посередине.

Трубок было так много, а сама комната была так тускло освещена, что мне казалось, будто я погрузилась в какой-то холодный водоем. Рябь плясала по стенам, огибая стеклянные трубки и прячась под тенями плавающих объектов. Ближайший ко мне ряд был заполнен морковью в разной степени роста: некоторые представляли собой мохнатый клубок, а другие были почти готовы к употреблению.

Должно быть, это были фермы, о которых мне рассказывала Воробей. Наверное, все

фрукты и овощи, которые мы ели, были выращены внутри этой слизи — вот почему все они на вкус были никакими.

Меня разочаровало, только это находилось за дверью. Наблюдение за ростом моркови не поможет мне сбежать из Учреждения. Но так как я уже была здесь, я решила осмотреться.

Чем глубже я проходила, тем шумнее становилась комната. В задней части комнаты были большие трубки, и они потребляли очень много энергии. После фруктов и овощей шли белки. Меня бросило в дрожь, когда я увидела цыплят, плавающих внутри этой сине-зеленой слизи. Хуже стало, когда замигали красные лампочки, и баки начали опустошаться, а цыплята оказывались в куче мокрых перьев на дне бака.

Я подпрыгнула, когда ближайшую ко мне курицу засосало в желоб. Пол открылся, а затем сильное всасывание сбilo курицу. Как только она исчезла, резервуар медленно наполнился слизью. Я смотрела, пока резервуар полностью не наполнился, и снова подпрыгнула, когда куриное яйцо вылетело из потолка резервуара в середину слизи.

Меня мутило от мысли о том, что, вероятно, больницы Далласа выглядели так же, только вместо цыплят там младенцев сбрасывали с потолка и засасывали в желоба. Все было так холодно и механистично. Я не сомневалась, что Шеф считал нас не людьми. И именно так он относился к нам.

Я пробиралась мимо круглых емкостей для кур и прямоугольных емкостей, заполненных большим количеством влажной земли. Наверное, отсюда была картошка. Я понимала выращивание картофеля партиями: у растений не было чувств. Но цыплята — и люди — наверняка знали.

В задней части комнаты ничего не было. Там было темно и пусто, пахло плесенью. Я прошла у последнего ряда баков, надеясь вопреки всему, что найду здесь что-нибудь полезное. Я уже почти дошла до конца ряда, когда рядом со мной что-то загорелось.

Должно быть, мои движения активировали свет. Он медленно расцвел, пока не начал светиться над гладкой металлической дверью и не озарил выцветшие слова на ее фасаде:

Директор компании

Шеф.

Эта комната, чем бы она ни была, принадлежала Шефу. Я нажала большим пальцем на ручку двери, но ничего не произошло. Мой отпечаток даже не отвергался. Я нажала на ручку и зарычала себе под нос, обнаружив, что она была заперта. Как, черт возьми, мне попасть туда?

Я как раз собиралась искать лом или что-то в этом роде, когда заметила, что рядом с дверью была клавиатура. А теперь, благодаря Воробью, я знала код.

— Хорошо, — мой палец дрожал, когда я держала его над клавиатурой, — поехали. Давай, помоги мне выбраться отсюда...

Код до сих пор был в моей памяти. Я быстро вбила его, и дверь издала звук. Я направила ручку вниз и толкнула редко используемую дверь. Я уже сделала три шага внутрь, прежде чем у меня хватило дыхания, чтобы посмотреть вверх и увидеть, что я нашла.

И когда я это увидела, весь воздух вылетел из моих легких.

— Что за...? — захрипела я, но не могла произнести ни слова.

Будто кто-то прыгнул мне на грудь и растоптал ее. Мои легкие вздымались, когда я снова врезалась в стену. Я прижалась к ней, держась за сердце, будто не верила, что оно не вылезет из-под моих ребер.

Внутри кабинета Шефа был еще один цилиндрический резервуар, и он был огромен.

Почти такой же большой, как капсула ZOOT. Инструменты щелкали и шипели на полке рядом с резервуаром. Я представила, что они качали дыхание в существо внутри слизи.

Нет, не существо: человек.

Человек, имя которого я случайно знала.

Существо, висящее внутри этого резервуара, дышащее через трубку, торчащую изо рта, было самым худшим, что я могла найти в этой комнате.

Это был Говард.

— ... Говард?

Тело, плавающее внутри резервуара, не отвечало мне. Он висело в сине-зеленой слизи, голое и худое. Я бы смутилась, увидев интимные части Говарда, если бы не была так потрясен, увидев Говарда.

Нет, не Говарда. Просто тело Говарда — просто какой-то... клон? Наверное, это было правильное слово.

Это тело было младшей версией человека, который много лет мучил меня в Лаборатории Далласа. Когда я знала его, он был взрослым. Вот как он выглядел в подростковом возрасте — и я только предполагала, что он был в подростковом возрасте, потому что его колени и локти были узловатыми, как раньше у Ральфа. И на его лице была тонкая прядка черных волос...

Подождите. Говард был Нормалом. У него не было волос на лице. Или руках и ногах. Или на тех частях его тела, которые грубо было разглядывать. У Нормалов волосы были только на голове и бровях.

Значит, это не мог быть Говард...

Да?

Я подошла к стеклу. Мое горло неприятно сжалось, когда я заставила себя протянуть руку и постучать костяшками пальцев по передней части резервуара. Перед моим мысленным взором вспыхнул кошмар — в котором глаза этого плавающего тела резко открылись, показав пару тусклых золотых радужек, а рот расплылся в широкой улыбке вокруг дыхательной трубки.

Его дыхание вырвалось потоком пузырьков, которые, когда они лопнули, принесли обрывки ледяного голоса Говарда:

— Здравствуй, маленькая мисс Шарлиз.

Хотя это был лишь кошмар. Это было нереально. Это просто мой разум играл со мной злые шутки.

Здесь, в реальном мире, я стояла перед телом, обмякшим и пустым, как выращенный в лаборатории цыпленок. Почему у Говарда было здесь тело, я не знала. Но я знала, что его разозлит, если я убью его.

И убить его было бы так просто. На боку бака был стальной рычаг с красными буквами, обозначающими катапультирование. Рычаг был такой же длины, как моя рука, и установлен почти слишком высоко для моей досягаемости. Но если я встану на носочки, я едва смогу обхватить его пальцами.

Мое сердце колотилось. Этот клон не представлял для меня угрозы, но я ощущала, что было бы ошибкой позволить ему расти дальше. Что собирался делать Говард? Собрать себе армию клонов и послать их за мной? Звучало так, как сделал бы Говард. Если кто-то и стал бы клонировать себя с единственной целью выследить и убить кого-то, кто действительно его разозлил, то это был бы Говард.

Если я убью этого клона, я спасу себя. Так я нашла смелость, чтобы схватиться за рычаг катапультирования. Я уперлась ногами и приготовилась потянуть вниз...

— Шарли!

Я вскрикнула, когда что-то холодное и металлическое до боли сжало мою руку. Моя задница сильно ударилась о землю, и комната пронеслась мимо меня размытым пятном, когда я отползла по полу.

Фрэнк стоял перед клоном Говарда, его хромированные пальцы были сжаты в кулаки по бокам. Его голос вырывался из динамиков ревом:

— Я был терпелив с тобой, Шарли. Но если я снова найду тебя в этой комнате, я прослежу за тем, чтобы ты была устранена.

Его слова бились о бетонные стены и звенели на стеклянных резервуарах. Я присела. Я уже видела, как боты вырывали у людей конечности из суставов. Если Фрэнк сделает хоть один шаг ко мне, я убегу отсюда.

— Это кто? — сказала я, кивая на клона Говарда.

— Это Шеф, — ответил Фрэнк, его динамики вернулись к нормальной громкости. — Или, скорее, это органическая масса, которая в конечном итоге станет хозяином сознания Шефа.

Я не могла дышать. Будто шок от только что услышанного мешал мне вспомнить, как втягивать воздух в легкие. Шеф, человек, который якобы построил Учреждения, Колонии и блоки X — это Говард?

Этого не могло быть.

Это было невозможно.

— Помнишь нашу дискуссию о сознании? Как юниты X несут свое внутри микрочипов, и это позволяет сохранять различные сознательные потоки на протяжении циклов? Человеческое сознание гораздо более изменчиво, и его очень трудно сохранить, — продолжил Фрэнк. Одна из его хромированных рук поднялась, указывая на машину, соединенную с баком Говарда. — Но Шефу, используя эту технологию, удалось сохранить как свою органическую форму, так и свое органическое сознание на века.

Я не была уверена, что понимала. Столько информации — ужасной информации — било меня между ушей, что это стало затуманивать мое зрение.

— То есть, Г... Шеф менял тела?

— Знаешь, как змеи сбрасывают кожу? Каждые пятьдесят лет Шеф возвращается в Учреждение, чтобы сбросить свою старую форму и перенести свое сознание в новую, — сказал Фрэнк.

— Но почему? — прошипела я. Это не имело никакого смысла. Должно быть, я была слишком глупа, чтобы справиться со всем этим, потому что шок сделал меня физически слабой. Я осела на пол, дверной косяк впивался мне в спину. Мои руки онемело упали на колени. — Почему...?

— Смертность. Люди боятся собственной смертности и сделают все, что в их силах, чтобы предотвратить неизбежное. Человек с ресурсами и интеллектом Шефа подошел к бессмертию ближе, чем любая известная органическая форма жизни. И ты не будешь делать ничего, что могло бы ему помешать, — добавил Фрэнк, его громкость снизилась до опасного уровня.

Я не понимала, как кто-то мог защищать Говарда. Поощрить его клона и позволить ему переселиться в новое тело означало бы потворствовать всем ужасным, бесчеловечным

вещам, через которые он заставил меня пройти. Это позволит ему жить, чтобы мучить меня в следующем цикле.

И следующем.

Сотни и тысячи лет после этого.

Нет... это закончится сейчас. Это закончится здесь... сегодня...

Я не видела. Мои глаза были затуманены, а тело полностью онемело. Я почти не ощущала его, когда упала и ударилась головой об пол.

— Что с ...?

— Прости, Шарли, но мне пришлось дать тебе успокоительное. Сегодня утром я получил уведомление о том, что у одного из дронов полностью разрядился аккумулятор. Когда я просмотрел запись, я увидел, что вы и Воробей делали прошлой ночью в командной комнате. Когда я проверил аудио, я услышал некоторые очень тревожные вещи. Ты не могла бы с такой точностью определить местонахождение вашего друга. Я верю, что ты действительно видела события, предшествовавшие ее поимке, пока спала. И я полагаю, что, пытаясь починить твой чип, я мог случайно внедрить какую-то катастрофическую модификацию. Я не сержусь, и это не наказание, — продолжил Фрэнк, щелкая хромированными ногами в мою сторону. — Я продолжу просматривать чертежи твоего микрочипа, пока не выясню, где произошла модификация. И пока я не починю твой чип, думаю, будет лучше, если ты будешь принимать успокоительное...

— Нет! — я хотела, чтобы это слово прозвучало криком. Я хотела, чтобы Фрэнк почувствовал мой стресс и услышал мою ярость. Но оно могло просто выскользнуть в стоне.

Я ощущала себя пьяно. Все, чего хотело мое тело, это перевернуться и заснуть. Я боролась с этим, пока могла. Я боролась за Анну. Но, похоже, чем упорнее я боролась, тем тяжелее сон бил по мне.

И вскоре я не могла с этим бороться.

ГЛАВА 18

АВГУСТ 2213

— Добро пожаловать, юнит X1-37. Пожалуйста, перейдите к плитке с пометкой А.

Блейз уже много раз бывал в Двенадцатом комплексе. В его обязанности входило возвращаться ежеквартально и предоставлять подробные отчеты в GeneTech и местный центр АВИ. Он поместил останки О'Брайена в ящик для мусора за пределами санитарной комнаты. Он также сдал на хранение все свое оружие и свой официальный Куб полиции — вместе со старым, потрепанным Кубом, который мертвый человек, Мэтт, обменял на воду.

Блейз не знал, заинтересуется ли АБР или GeneTech старым Кубом. Они, вероятно, уничтожат его в тот момент, когда он упадет в желоб. Но он мог быть полезным. А если Блейз попытается пронести его через санитарную комнату, боты заставят его бросить его в топку вместе с одеждой. Так что он мог бы положить вещь на хранение и дать ей шанс.

Он сделает это для Мэтта.

— Пожалуйста, снимите все предметы одежды и поместите их в контейнер для очистки, спасибо, — щебетали датчики Учреждения, Блейз швырнул свою одежду в желоб. — Пожалуйста, оставайтесь на плитке А.

— Ты не можешь стоять там вечно, Сайра, — крикнул Блейз с раздражением в голосе. — Чем дольше ты будешь тянуть с этим, тем хуже будет.

Свобода — свобода уехать далеко от Далласа и никогда не возвращаться — была не за горами. После того, как он будет допрошен и выдержит 24-часовой карантин, Блейзу будет приказано вернуться на свой пост в Далласе. Он будет один: остальная часть каравана полиции уже была на обратном пути. Не будет ни протокола, ни свидетелей.

Затем, в этот короткий промежуток времени, Блейз исчезнет.

Полиция покинет Даллас для двухнедельного поиска. Он будет интенсивным и тщательным. Но если он сможет выехать за пределы их юрисдикции, не будучи пойманным, это будет конец. Блейз будет свободен.

Была только одна последняя вещь, которую он должен был сделать. Последний пункт протокола, которому он должен был следовать, чтобы избежать подозрений: он должен был проследить за доставкой этой аномалии в GeneTech.

И она не слушалась.

— Я не хочу делать это снова, — прошептала Сайра. Ее тело было неподвижным, руки — сложены на груди, а кулаки были сжаты в мучительные узлы чуть ниже ключиц. — Пожалуйста, не заставляй меня делать это снова... Я... я не такая, как другие. Я никогда никого не обижала! Я просто... я просто хочу свободы, — Сайра обернулась, щурясь от

боли. — Пожалуйста, позволь мне уйти.

— Я не могу, — ответил Блейз. — Ты должна пройти санитарную обработку и пройти на допрос. Это единственный способ избавиться от головной боли.

Сайра застонала. Одна из ее рук высвободилась из узла и прижалась ко лбу. Боль явно была почти невыносимой: все ее тело тряслось. Если бы она была человеком, по ее спине текла бы река пота, и ее кожа была бы стянута силой миллионов испуганных ударов.

Но Сайра не была человеком. Не было выражений, средств, чтобы выпустить ее страх. И он строился и рос, как соль внутри хрупкой оболочки кристалла... пока она почти не упала под тяжестью.

Когда Сайра, наконец, подошла к санитарной плитке, ее ноги дрожали, будто они обе были сломаны пополам у голени. Она упала на колени, когда стены взмыли вверх, а вода стала бить по ее обнаженной коже тонкими, как игла, струями.

Блейз больше не мог ее видеть, но слышал ее рыдания.

Жаль, что это будет его последнее задание. Блейз перехватил и перевез полдюжины аномальных юнитов в Учреждение Двенадцать, пока был шерифом. Он знал, что Сайра будет допрошена и отправлена на переработку. Он знал, что эти следующие несколько мгновений будут для нее последними на земле. Но впервые в жизни он мог сожалеть об этом.

Ему... было жаль ее.

Сайра была молодой. Ее тело находилось в этом цикле только около двадцати пяти лет. У нее была стандартная физическая форма: высокая и гибкая, обладающая всей силой и иммунитетом юнита, созданного GeneTech. Одной только внешностью она вписалась бы в ряды среднестатистических жителей Далласа. Проблема была в ее микросхеме.

Сайра была юнитом второго поколения. X2. Кто-то из GeneTech или АБР решил, что X1 слишком послушны. Они были пассивны до такой степени, что, если действие не было прямо заявлено в их протоколе, они не смогли бы его выполнить — даже ценой своей жизни. Сейчас Даллас гнил изнутри, потому что никому не пришло в голову добавить в лотерейный список ремонтников. Лаборатория просто продолжала закрывать заводы в Граните, вместо того, чтобы чинить их.

Даллас был уступчив, но и неустойчив. Это общество потерпело неудачу, и различные поселения X1, разбросанные по Соединенным Штатам, в конечном итоге будут брошены. Вот почему ребята из GeneTech решили представить устройство второго поколения.

Чипы X2 разрабатывались без соблюдения частот. Они могли думать самостоятельно, задавать вопросы и чувствовать эмоции. Но самым досадным было то, что они могли отказаться следовать протоколу. Вот почему микрочип Сайры привел ее в Даллас, а не в Двенадцатое Учреждение: она нуждалась в присмотре.

Она должна быть под контролем других, послушных юнитов.

— Юнит X1-37? — раздался мужской голос из динамиков.

Блейз был настолько поглощен мыслями, что почти не ответил.

— Да, сэр? — ответил он достаточно быстро, чтобы избежать подозрений.

Камеры и микрофоны усеивали стены санитарной комнаты: командный центр всегда наблюдал. Блейз знал это. Он знал, что должен быть осторожен. Если GeneTech обнаружит, что он больше не соответствует требованиям, он будет немедленно переработан. А этого не могло быть.

Он был так близко.

Еще несколько дней, и он будет свободен.

— Имейте в виду, что нам нужно, чтобы вы направились в командную комнату после санитарной обработки, — крикнул мужчина из динамика. — Нет необходимости связываться с доктором Рави.

— Да, сэр, — спокойно сказал Блейз. Вопрос прижался к задней части его губ. Он почти потерял над ним контроль, почти позволил ему выскользнуть. Он почти спросил, почему.

Его шею покалывало сзади. Он был очень близок к тому, чтобы выдать себя. Х1 должны были следовать указаниям без вопросов. Что бы ни случилось, какой бы странной ни была команда, Блейз должен был помнить о том, что ему говорили.

Только так он сможет выбраться из Двенадцатого учреждения живым.

Когда стены душа опустились, Сайра лежала комком на полу. Ее волосы обвисли, а кожа блестела от воды. Щупальца пара на мгновение окутали ее тело, трепетали на холодном воздухе Учреждения. Кожа Блейза обычно была покрыта красными пятнами в течение нескольких часов после дезинфекции. Но кожа Сайры имела глубокий, насыщенный оттенок, не оставляющий следов.

Тем не менее, Блейз знал, что процесс санитарной обработки был... неприятен. Он ощущал боль в груди, наблюдая, как Сайра отрывалась от пола.

— Это самое худшее, — пообещал он.

— Да? — она обернулась, ее руки безвольно свисали по бокам, а взгляд был цвета стали. — Это? Это самое худшее? Или ты собираешься обращаться со мной, как с моими братьями? — холодно сказала она. — Ты собираешься разорвать меня на части и сжечь мое тело дотла?

Блейз ничего не сказал. Он ничего не мог сказать, потому что командный пункт внимательно наблюдал за ними.

Когда головная боль снова усилилась, Сайра поползла до последней двери. Она подала звуковой сигнал, когда она приблизилась, с шипением открыв комнату, полную мягкой белой одежды. Одежды, выдаваемой предприятием.

Одежды, в которой она умрет.

Блейз тяжело сглотнул, когда за ней захлопнулась дверь. Он ступил на санитарную плитку и позволил себе погрузиться в глубокие размышления, в то время как вода хлестала его по коже.

Было выпущено всего семь экземпляров Х2. Блейз не знал всех подробностей: он знал только, что программа Х2 провалилась, и все юниты должны были быть уничтожены. Они каким-то образом сбежали из GeneTech и разрушили объект высокого уровня в процессе. Остальные шестеро допустили ошибки и были пойманы довольно рано. Но Сайре удавалось скрываться пятнадцать лет.

Блейз не думал, что ее бы когда-нибудь схватили, если бы человеческий мир не был уничтожен. Что-то случилось с их машинами: все их транспортные средства и боты были неисправны. Это создавало всевозможные проблемы для полиции. Простая поездка на Учреждение заняла в два раза больше времени, и по пути им пришлось уничтожить несколько групп враждебно настроенных людей.

Вероятно, поэтому Блейзу нужно было идти прямо в командную комнату. Каждый раз, когда они вступают в бой с людьми, АБР требовало объяснений.

Официальной информации о том, что случилось с людьми, не было. Но что бы это ни

было, это повлияло даже на АБР: Сайра появилась в Далласе, потому что один из экзокостюмов отсканировал ее микрочип. Предполагалось, что экзокостюмы АБР должны были использоваться только в случае серьезной глобальной угрозы.

Возможно, существовала серьезная глобальная угроза. Возможно, мир находился на грани краха. Может, земля взорвется, и свобода Блейза будет недолгой. Но, по крайней мере, он умрет свободным человеком.

— Спасибо за сотрудничество, юнит X1-37. Пожалуйста, пройдите в раздевалку.

Когда Блейз вошел в раздевалку, Сайры уже не было. Медицинский персонал GeneTech введет ей успокоительное и привяжет к больничной койке на колесиках. Ее отвезут в медицинский отсек и проведут несколько анализов.

Затем они вскрыют ей голову, удалят чип и уничтожат ее тело в печи.

Белая одежда Учреждения казалась более грубой, чем обычно. Их материал царапал кожу Блейза, когда он надевал рубашку через голову и натягивал штаны до талии. Носки были тонкими и обрезанными чуть ниже щиколоток; у ботинок была слишком тонкая подошва, чтобы выдержать что-то большее, чем трение о плитку. Они не продержатся долго против грязи или асфальта.

Блейз вышел из раздевалки и повернул налево. Туфли на тонкой подошве беззвучно несли его по извилистым подземным переходам. Они следовали знакомому маршруту, без колебаний и быстро. Он не мог сбить темп. Он не мог даже заикаться, иначе Учреждение узнает, что что-то не так. Поэтому он заставлял себя продолжать идти.

Он должен был сохранять спокойствие...

Даже если что-то пошло не так.

Тихо. Первым, на что обратил внимание Блейз, был факт, что в коридорах практически не было шума. К этому моменту его обычно окружали: медицинский персонал всегда пытался взять у него несколько образцов, прежде чем он пойдет в комнату для допросов. Его рука даже слегка дернулась в ожидании знакомого резкого нажатия иглы доктора Рави. Его голова почти кружилась в предвкушении вопроса, который Рави всегда задавал ему именно на этом повороте зала:

— Как мы сегодня себя чувствуем, шериф?

Но вопрос так и не пришел. Не было ни доктора Рави, ни медсестер. Даже стажеро GeneTech, горстка которых всегда толпилась у разных дверей, чтобы мельком увидеть настоящий X1, нигде не было видно. Он не слышал статики их шепота или мягкого ритма их пальцев, когда они нервно постукивали по ладоням. На самом деле он слышал только далекий щелчок, кто-то катил по коридору медицинскую кровать.

Это была Сайра. Она будет туго привязана к этой кровати, в полубессознательном состоянии и в страхе.

X2 всегда боялись.

Блейз никогда раньше не испытывал страха. Он пытался уверить себя, что был только насторожен — опасения могли заставить сердце биться быстрее. Это могло быть причиной неглубокого дыхания или жжения в ушах. Блейза не пугало то, что не было ни голосов, ни звуков. Для этого была причина.

Этот последний проход вел в большую округлую комнату. Комната была усеяна дверями, большинство из которых Блейз никогда не видел открытыми. Он побывал в командном пункте, в комнате для допросов и в медицинском отсеке. Что скрывалось за остальными четырьмя, оставалось загадкой.

Кровать Сайры ехала в медицинский отсек, ее толкал молодой медбрат, которого Блейз не узнал. Правда, он видел только затылок мужчины. Но его руки были тонкими и дрожали. Вся его бледно-голубая одежда была покрыта коричневой грязью, будто на него брызнули какой-то темной жидкостью, которая окрасила его, когда он пытался ее стереть.

Работники объекта всегда были стерильны. Если кто-то из них заболел, его помещали на карантин. Если они были ранены, они должны были немедленно сообщить в медицинский отсек. А если они случайно что-то проливали, то их помещали в карантин, допрашивали и тут же ликвидировали.

Блейз не мог поверить, что медбрата в грязной форме было разрешено свободно ходить по Учреждению, не говоря уже о том, что ему поручили заботиться о Сайре.

Где были остальные медсестры?

Где был доктор Рави?

«Нет, продолжай идти, — яростно думал Блейз. Над дверью командной комнаты висела камера. Рядом с линзой угрожающе мигал красный свет, напоминая Блейзу, что он мог слышать и видеть каждую деталь. — Успокойся. Оставайтесь послушным. Делай все, что в твоих силах, чтобы выбраться отсюда».

Блейз остановился примерно в десяти ярдах от двери командной комнаты. Он терпеливо ждал, спокойно опустив руки по бокам, пока дверь, наконец, не открылась.

Она исчезла в раме с глубоким свистом, открывая группу солдат АБР, собравшихся за ним. Вокруг Учреждения всегда стояли солдаты. Они носили черную униформу и черные военные фуражки, и у каждого из них к верхней части бедра был привязан солнечный пистолет.

Несмотря на их вооружение и белый штамп АБР на груди, солдаты по-прежнему были лишь людьми. И Блейз никогда не боялся людей. Их тела были такими хрупкими, их кости так легко ломались.

Но сегодня, когда десять солдат хлынули из командной комнаты, чтобы окружить его, Блейз сделал все, чтобы не вздрогнуть. Они были экипированы полным тактическим снаряжением — снаряжением, к которому они не могли получить доступ, если Учреждение не находилось в осаде. Винтовки у них не питались от солнечной энергии. Эти ружья стреляли металлическими боеприпасами, и технически они незаконны.

Глобальное Правительство распустит GeneTech и объявит выговор АБР, если узнает об этом оружии. Так что, если Учреждение ощущал достаточную угрозу, чтобы вывести их, это означало, что здесь было нечто худшее, чем Глобальное Правительство.

— Эй, эй! Во всем этом нет нужды. Он просто старина X1.

Мужчина протиснулся сквозь толпу солдат, не обращая внимания на их винтовки. Он был одет как гражданский: черный костюм и полосатый зеленый галстук. Мужчина средних лет, около шести футов ростом, был сложен как обычный мужчина. Его глаза имели измененный оттенок золота — хотя модификация была, видимо, среднего возраста, потому что цвет был тусклым. Люди, рожденные с модификацией глаз, как Блейз, имели неестественно яркие цвета радужки. Модификации среднего возраста плохо выглядели.

— X1 никому не причиняют вреда — если только мы им об этом не скажем, — добавил мужчина со смехом. Затем он сказал с тревожно широкой улыбкой. — Ты не собираешься причинить нам боль, да?

— Нет, сэр. Нанесение неспровоцированного физического вреда является нарушением протокола, — ответил Блейз.

Улыбка мужчины застыла на несколько долгих секунд, пока его глаза колебались.

— Ха! Видите? Я же говорил.

— Мы принимаем все меры предосторожности, — сказал другой мужчина. Солдаты пропустили его внутрь круга, а затем снова встали на свои места. — Мы до сих пор не знаем, как этот вирус повлияет на наши юниты.

Наконец, знакомое лицо. Сержант Клауссер технически не отвечал за Учреждение. Он управлял повседневными операциями, конечно. Но как только заходил какой-нибудь высокопоставленный член АБР, он должен был отойти в сторону. Обычно на допросе Блейза присутствовал полковник. Ему никогда раньше не приходилось отвечать перед Клауссером.

Он не знал, что делать.

К счастью, сержант был слишком занят спором с гражданским, чтобы уделять Блейзу много внимания:

— Сколько раз я тебе говорил? Этот вирус есть только в АВА, а АВА, если вы помните мое высказывание, с самого начала был ненадежным ИИ, — заявил гражданский, срывая галстук. — Если бы все слушали меня, мы могли бы уйти отсюда несколько месяцев назад. Вместо нужно было заморочиться из-за какой-то прославленной операционной системы, в которой было больше дыр, чем в долбанном интернете. Был ли во всем вашем режиме хотя бы один бот, которого вы не подключили к АВА?

Губы сержанта Клауссера скривились в защитном жесте.

— Нет. Я не в курсе.

— Ну, вот, — сказал гражданский с резким смешком. Он бросил галстук на пол. — Вот, черт возьми. Вот почему все ваши боты внезапно вышли из строя, — он протянул руку к Блейзу, — в то время как мои все еще выполняют свои обязанности, на выполнение которых они были запрограммированы. Вирус — и я повторю это еще раз, сержант, — вирус есть только в АВА.

— Официального подтверждения не было...

— Мои техники в Остине подтвердили это!

— АБР нуждается в официальном федеральном подтверждении!

— Они сбили беспилотник и прогнали его чип через сканер... вирус, конечно, попал в их систему, — со смешком добавил гражданский. — Они должны были сначала отключить его от мейнфрейма, но они этого не сделали.

— Так что его можно перенести на технологию, не принадлежащую АВА, — усмехнулся Клауссер.

— Вручную, да, — с ухмылкой сказал гражданский. — Но нужно быть полным тупицей, чтобы подобрать вирус и внедрить его в свою систему.

Клауссер на секунду выглядел сбитым с толку.

— Ваши собственные сотрудники сами себя заразили!

— Эх, я все равно собирался их всех уволить. Налоги там становились смешными. И это же просто Остин, — сказал гражданский, махнув рукой. Он отвернулся от все еще бормочущего Клауссера и сосредоточился на Блейзе. — Хотите знать, что случилось с теми людьми в Остине?

— Меня нужно допросить, сэр, — категорично ответил Блейз. Может, слишком сухо. Этот гражданский человек, кем бы он ни был, был довольно тревожен. Блейзу нужно было не показывать, насколько он был взволнован. — Это протокол, сэр.

Гражданский игнорировал его:

— Эти бедные ублюдки в Остине — вирус активировал магнитные замки Учреждения, заперев их всех примерно в миле под землей. Потом захватил трубы. Включил раковины и душевые, затопил туалеты. Вероятно, им понадобилось около двадцати четырех часов, чтобы утонуть. Но утонули. Все они погибли в водовороте химикатов и неочищенных сточных вод. Вы можете себе это представить? — тихо говорил гражданский, подходя к Блейзу так близко, что их груди соприкоснулись. — Можете ли вы представить, какой космической пощечиной было бы умереть, захлебнувшись собственным дерьмом? Это не смерть умного человека, скажу я вам.

— Мистер Блэкстоун, — резко сказал Клауссер.

Гражданский обернулся.

— Да, сержант?

— Я должен попросить вас отойти от Х1 и позволить АБР выполнять свою работу. Эта штука должна быть немедленно убрана.

Ладони Блейза сжались в трясущиеся шары по бокам. Это было тонкое движение. Рефлекс гнева на то, что его назвали вещью, за которым последовало внушение, что его нужно было убрать.

Он не был вещью.

И если АБР хотели его ликвидировать, лучше было действовать быстро. Мужчина слева от Блейза довольно слабо сжимал винтовку. Всего две секунды уйдет на то, чтобы вырвать ее из рук и начать стрелять в ближайших охранников. Да, наверное, он их убьет.

Но Блейз не собирался стоять в стороне и позволить себя убрать.

Блэкстоун, кем бы он ни был, не испугался Клауссера.

— Ты действительно собираешься убить идеально послушного юнита из-за какого-то суеверия, что он может быть заражен? У юнитов Х нет даже порта! — сказал он со смехом. — Как, черт возьми вирус попадет сюда?

Блейз не хотел, чтобы к нему прикасались, но он должен был это вытерпеть. Он стоял как вкопанный, когда Блэкстоун дважды похлопал его по голове.

— Видишь? Порта нет.

Губы Клауссера сжались.

— У меня есть приказ: укрепить Учреждение и уничтожить любые единицы Х, которые появятся...

— Но я говорю, что вам не о чем беспокоиться. Я проектировал их, помнишь? GeneTech — моя компания, — Блэкстоун указал пальцем на ближайшего охранника. — И я купил эти пушки!

— В ответ на инцидент с Х2, - сухо сказал Клауссер, — после того, как семь ваших юнитов вышли из-под контроля, что привело к гибели пятидесяти агентов АБР и сотрудников GeneTech. В рамках штрафа вы должны были предоставить оружие, способное остановить ваши юниты в случае каких-либо дальнейших неисправностей. Вы строите машины для убийства, мистер Блэкстоун. Они могут быть все одеты в плоть и кожу, но они — машины. И пока это Учреждение находится на американской земле, мы отвечаем за него. А теперь отойдите в сторону.

Блэкстоун не двигался. Он встал перед Блейзом, скрестив руки на груди и вызывающе расставив ноги.

После напряженных тридцати секунд стало ясно, что Клауссеру надоело. Его лицо покраснело, когда он взревел:

— Отойдите в сторону, мистер Блэкстоун, или вас обстреляют. Винтовки готовы! Охранники АБР напряглись. Они подняли стволы, и их глаза сжались над прицелом. — Цель! — прорычал Клауссер.

Он сделал вдох для последней команды, когда Блэкстоун внезапно уступил.

— Хорошо, хорошо! Я отступлю. Но уступите мне место, чтобы выбраться отсюда, — сказал он, отчаянно махая рукой. — И я знаю, что не мне указывать, но разве вы все не должны стоять в какой-то очереди? Мне кажется, стрелять металлическими боеприпасами по кругу как-то опасно...

Пока он говорил, Блейз внезапно ощутил давление в животе. Его глаза слегка опустились. Казалось, что он смотрел Блэкстоуну в затылок, хотя на самом деле он наблюдал краем глаза.

У Блэкстоуна в руке был пистолет. Пистоль. Если бы Блейзу пришлось гадать, он бы сказал, что обойма вмещала около двадцати патронов. Блэкстоуну нужно было всего три секунды, чтобы засунуть пистолет Блейзу за пояс. Он стоял так близко перед Блейзом и говорил так оживленно, что никто из охранников этого не заметил. Он даже натянул рубашку на место, прежде чем отступить в сторону.

— Я имею в виду, что это не солнечные пушки, понимаете? Пули созданы для того, чтобы проходить сквозь предметы. Вы все с такой же вероятностью покончите с собой, как и с моим маленьким Х1. Извини за это, — добавил Блэкстоун, выходя из круга. — Ты был хорошим, 37 лет. Я буду злиться, когда тебя выведут из строя.

Следующие несколько мгновений ползли медленно. Время двигалось на треть обычной скорости: Клауссер отдал какие-то приказы, охранники АБР отбежали от Блейза и выстроились в шеренгу в задней части зала. Один человек добровольно вышел вперед. Он стоял почти в десяти ярдах от Блейза. Его рука лишь слегка дрожала, когда он поднял винтовку и прицелился в середину лба Блейза.

Вот оно. Или так и будет, если Блейз не воспользуется пистолетом. Блэкстоун дал ему средства, чтобы защитить себя. Он не знал, почему. Ни намек не было в потускневшем цвете его глаз и ледяной улыбке на его губах.

Знал ли Блэкстоун, что чип Блейза поджарился? Дали ли ему возможность защищаться, бороться за свою свободу? И стоила ли эта свобода усилий?

Было легко представить, как он пробил себе путь через АБР, но теперь перед Блейзом было около ста восьмидесяти фунтов живых, дышащих людей. Человек с душой. Человек, у которого может быть даже семья. Человек, которому осталось жить всего одну жизнь. Если Блейз пустит пулю ему в голову, то все. Свет погаснет. У людей не было надежды на переработку.

Стоила ли свобода Блейза больше, чем человеческая жизнь? Был ли он так эгоистичен, чтобы положить конец чьему-то существованию, когда шансы на то, что он выберется из Учреждения живым, были практически равны нулю?

Нет. Нет, не стоила...

Хлоп!

Блейз прыгнул. Впервые в жизни он ощущал холод. Он скатился на спину в непреодолимой силе, и давление заставило его встать на колени. Звук густо проходил через его уши мгновение. Кричащие голоса свелись к сердитому шепоту. Град выстрелов звучал так, будто кто-то бил кулаками в полуоткрытую дверь.

По его ногам текло странное тепло. Оно щекотало кожу, вызывая зуд. Когда он

наклонился, чтобы сбить зуд, его рука снова стала влажной.

Мокрой, да... но это была не кровь.

Блейз... был жив.

— ...Что за ад здесь творится, Блэкстоун? — прорычал Клауссер. Его руки яростно тряслись, он занес винтовку над головой. — Что, черт возьми, ты сделал? Эти пушки являются собственностью АБР!

— Имущество, которое я должен был дать за свой счет. Имущество, которое провело достаточное количество времени на складах GeneTech, прежде чем его отправили в Учреждение, — имущество, если вы помните, которое должно было пройти тщательную оперативную проверку одним из ваших сотрудников АБР. Но, — преувеличенно вздохнул Блэкстоун, направляясь к двери командного зала, — этой инспекции не было! Я не могу поверить, что одна из ветвей нашего правительства не справилась со своей задачей. Какого черта я плачу такие непомерные налоги?

— Ч-что ты делаешь? — Клауссер запинаясь, когда Блэкстоун прижал большой палец к подушечке над дверной ручкой.

Он смотрел недоверчиво.

— Я собираюсь сбросить с себя это ярмо, сержант. Я захвачу Учреждение.

Даже после того, как подушечка замигала зеленым цветом, Блэкстоун не убрал большой палец. Он держал Клауссера в ледяной глубине своего взгляда, его лицо было непроницаемым. Три секунды спустя подушечка мигнула красным.

Каждая дверь в комнате последовала этому примеру, загораясь красным светом одна за другой в серии зловещих гудков. Клауссер бросился к дверям медицинского отсека и тщетно пытался повернуть ручку. Охранники АБР рассредоточились и дергали другие двери. Никто из них не мог даже сдвинуть ручки с места. И пока они паниковали, Блэкстоун уверенно шагал к Блейзу.

— О, черт возьми, 37 — ты обоссался в штаны? — смеясь, сказал он, его тусклые глаза скользнули по мокрому пятну на паху Блейза. — Я не могу сказать, что виню тебя. Должно быть, было очень неприятно думать, что ты вот-вот получишь дыру между глаз. Но я не мог сказать вам, что они были холостыми, — Блэкстоун кивнул на толпу обезумевших охранников, — они бы знали, что их ждет!

Блейз все еще был в замешательстве. Его штаны промокли, а сердце в груди билось в болезненном ритме. У него не хватало духу отказать Блэкстоуну в руке, и он позволил мужчине поднять его на ноги.

— Между прочим, твои пули настоящие, — прошептал ему на ухо Блэкстоун. Дыхание мужчины было горячим и затхлым. Оно ударило Блейза в лицо мощной волной. — Можешь догадаться, что я попрошу тебя сделать дальше? Давай, угадай!

Во рту Блейза пересохло. Его ноги тряслись. Уши снова слышали ужасный пронзительный звон. Он не мог думать. Он едва мог дышать.

— Не знаю, сэр.

— Конечно, нет. Ты хороший маленький X1: вежливо ждешь, пока люди скажут, что делать. И поскольку АБР не выполняет свою чертову работу, я смог убедиться, что мой голос превосходит голоса всех остальных. Я ждал возможности использовать эту силу. Теперь у меня, наконец, появился шанс, — Блэкстоун крепко сжал его плечо. — Я хочу, чтобы ты убил их. Убей всех... до... единого.

Три минуты назад Блейз даже не подумал бы убивать людей. Он решил, что их жизнь

стоила большего, чем несколько дополнительных секунд свободы. Но сейчас ...?

Что ж, теперь он знал, что люди были безоружны. Они не могли остановить его. На карту было поставлено гораздо больше, чем несколько секунд свободы. Месяцы, годы — может, остальная часть его цикла. У него было немного времени, чтобы принять решение, прежде чем его колебания станут подозрительными.

А для Блейза выбор был простым.

— Отойди, X1-37! — крикнул Клауссер, когда Блейз достал пистолет. — Отойди! Стой...

Громкий хлопок.

Брызги потемневшей материи, окруженные тонкой красной дымкой.

Тело Клауссера ударилось о стену, прежде чем рухнуть на плитку. Темная жижа сочилась из разбитого затылка. Но Блейз не останавливается на достигнутом.

Они умоляли его, молили. Пара из них даже пыталась подобраться достаточно близко, чтобы выбить пистолет из его руки: мозги первого человека расплылись и ослепили человека позади него, чье мертвое тело упало на землю всего мгновение спустя.

Одна за другой пули били в головы. Неважно, уклонялись они или пытались бежать. Блейз целился с нечеловеческой точностью. С механической точностью. Каждая пуля, вылетевшая из его патронника, была смертельна.

Он не прекращал стрелять до тех пор, пока не стихли последние крики и белые стены Учреждения не окрасились в красный цвет. Он не пропустил ни одного. Пуля внутри патронника попала в Клауссера; девятнадцать были распределены среди охранников. Осталась только одна пуля. Она сидела внутри, латунный корпус нагрелся от тепла взрывной силы.

Блейз медленно опустил пистолет. В ушах до сих пор звенело от выстрелов. Ему потребовалась секунда, чтобы понять, что Блэкстоун аплодировал позади него.

— Хорошо, вот это была хорошая стрельба. Держу пари, эти идиоты потратили бы впустую тысячу снарядов, пытаясь сделать то, что ты только что сделал. Снимаю шляпу, — Блэкстоун отошел от кровавой бойни к медицинскому отсеку. — Мы еще не закончили, 37. У нас есть еще пара вещей, о которых нужно позаботиться.

Блейз вздрогнул, когда Блэкстоун выхватил револьвер из-за пояса. Он едва не послал последний выстрел в середину его тускло-золотого глаза. Но Блэкстоун не был для него опасен. Он небрежно держал пистолет возле головы, ожидая, пока дверь замигает зеленым. Как только это произошло, он открыл ее.

Сайру привязали к столу посреди комнаты. Она лежала на животе, ее глаза были широко раскрыты и испуганы. Ей в рот заткнули тканевый кляп, чтобы она не кричала. Руки робота-хирурга свисали с потолка над ней. Когда их включат, руки разрежут ей череп и удалят чип, мгновенно убив ее.

Похоже, она знала это. Если бы ее тело не было парализовано, оно, вероятно, тряслось бы достаточно сильно, чтобы сбить ее со стола.

Блэкстоун почти не смотрел на нее, когда прошел в дверь.

— Чад? Эй, Чад?

— М... мистер Блэкстоун! — из-за стола появился молодой медбрат. Это был худой, заляпанный грязью медбрат, который вез Сайру по коридору. Его узловатые конечности тряслись, когда он поднялся на ноги. — Что там происходит? Я вроде слышал...

Хлоп!

Чад рухнул на ближайший стол, разбрасывая все инструменты. Он оставил кровавые следы на столе и стенах, опускаясь на пол. Огромная рваная дыра хлестала кровью из центра его груди.

— О, это было ничего. Мы просто играем в ковбоев и федералов, — сказал Блэкстоун, подходя к пульта управления. — Ты уже загрузил машину, Чад? Неа. Конечно, нет, — Блэкстоун запихнул револьвер за пояс, чтобы обеими руками постучать пальцами по панели управления. — Если бы каждый раз, когда ты меня разочаровываешь, мне давали деньги...

Чед мог только хрипеть в ответ. Его лицо было цвета стен Учреждения. И вскоре его глаза закатились, а тело обмякло на кафельном полу.

Блэкстоун не заметил и не переживал. После того, как хирургический аппарат включился и прогрелся, он повернулся к Блейзу. — Миру конец, X1-37. Конец. Кто-то сделал что-то очень глупое, и теперь людям приходится бежать от своих тостеров. Весь мир станет почти непригодным для жизни примерно через десять лет — и если я не сделаю что-то быстро, человечество не справится. Мне нужен Эль-Пас..., кхм, Даллас. Мне нужен твой город, — продолжал Блэкстоун, не мигая. — Эти стены будут стоять веками, и они могут быть единственным способом, с помощью которого я смогу поддерживать жизнь скопления людей достаточно долго для повторного заселения. Но вы не играете милых с людьми. Итак... — Блэкстоун порылся в кармане и вытащил небольшой металлический предмет, который бросил Блейзу. — Мне нужно, чтобы ты закрыл его.

Предметом был ключ: металлический цилиндр с примерно двадцатью зубцами, вырезанными роботом, торчащими из его вершины. Блейз долго смотрел на него, пытаясь понять, для чего нужен был этот ключ.

— Сэр?

— А, точно, — Блэкстоун рассмеялся, хлопая себя по лбу. — Ты не должен знать о найтфоле. Это высокоуровневый материал GeneTech. Проще говоря, ты используешь этот ключ, чтобы убрать X1 из Далласа. Ты знаешь, где находятся органы управления сиреной полиции?

— Да, сэр.

— Маленькая панель управления встроена в потайной отсек прямо под выключателем сирены. Ты включишь сирены, как обычно. Затем ты откроешь это маленькое отделение, вставишь внутрь ключ и повернешь его, пока не услышишь щелчок...

Хирургический аппарат недовольно запищал.

Блэкстоун тихонько выругался, возвращаясь к элементам управления.

— Какого черта Чад сделал с этой штукой? Эти настройки...? — он нажал еще несколько кнопок, прежде чем продолжить. — Ах, когда ключ будет вставлен и повернут, сирена начнет излучать частоту. Ты знаешь, что такое частота, 37?

— Это связано со звуком или с возникновением событий?

— Звук! Ради бога, конечно, я имею в виду звук! Сирена начнет проецировать частоту, и это — я не собираюсь врать тебе, 37, это будет чертовски неприятно — но это уничтожит вас всех в течение примерно двадцати четырех часов. Тогда я смогу начать привлекать людей.

У Блейза перехватило дыхание. Он не знал, правильно ли расслышал Блэкстоуна.

— Уничтожит, сэр?

— Да, прости за это. Но вы не можете размножаться естественным путем, понимаешь? Искусственное воспроизводство стоит слишком дорого, и почти нет шансов, что ваши гены

когда-либо эволюционируют. Естественный способ дает дешевое, богатое разнообразие, которое нам понадобится, чтобы восстановить человеческую расу. Все это меня просто убивает, — ворчал Блэкстоун, тыкая пальцем по экрану. — Каждый раз, когда кого-то разрывают на части — вжух! Еще один образец уничтожен. Наше разнообразие становится менее обильным. Если я не сделаю что-то быстро, боюсь, человечество может быть вынуждено вернуться к нашему самому низкому генетическому я. Другими словами, мы останемся ни с чем, кроме бездельников. Мы потеряем всех умных. Позаботься об этом ключе, 37, - продолжал Блэкстоун. — Я сделал его в лаборатории в Остине, и я подозреваю, что чертежи погребены под сотней тонн жидкого дерьма. Другого такого ключа нет на земле. Так что, если ты его потеряешь, мы будем...

Хлоп!

Блэкстоун не издал ни звука, падая на пол. Его голова была склонена над пультом управления, так что Блейз не мог выстрелить в его череп. Вместо этого ему пришлось довольствоваться спиной.

Он обошел стол и толкнул тело Блэкстоуна носком ботинка.

Ничего. Он даже не дергался.

Он мог хлестать кровью, как Чад, но его черный костюм не позволял понять это. А у Блейза не было времени проверять. Он запихнул ключ в карман и отвернулся.

Приглушенный крик остановил его у двери.

Он забыл о Сайре. Было бы жестоко оставить ее связанной вот так. Оставить ее умирать с голоду, а потом гнить. Сегодня Блейз совершил много ужасных вещей, но он не был жестоким. Он сделал то, что должен был сделать, и сделал это быстро. С Сайрой он тоже быстро разберется.

Она охнула, когда он вырвал кляп из ее рта. Они долго смотрели друг на друга. Глаза Блейза были темными и тихими; Сайра залилась слезами. Он крепко держал пистолет в кулаке, его палец прижался к спусковому крючку.

Наконец, Сайра прошептала:

— Ты... ты собираешься убить меня?

— Ты хочешь умереть? — грубо сказал Блейз.

Сайра покачала головой, и ее слезы полились.

— Нет! Нет, я хочу жить.

— Ну... тогда ладно, — Блейз развязал ее и снял со стола. Он легко понес ее по коридору, бормоча на ходу. — В любом случае, я бы предпочел компанию.

ГЛАВА 19
МАЙ 2413

Мне уже надоело это. Каждый раз, когда я приближалась к ответу, Фрэнк вырубал меня. Меня так много раз вырубали, что это, вероятно, нанесло мне необратимый ущерб. Я должна была уйти отсюда. Сбежать из Учреждения. И я должна была сделать это сегодня вечером.

Анна долго не протянет. Она застряла в ковше какого-то огромного строительного робота, болтающегося почти в сотне футов над землей. Рейнджеры могли приносить ей еду и

воду только ночью — днем она висела в муках беспримерно ранней летней жары.

Ее тело было прижато к металлической обшивке бота. Обшивка явно нагревалась, когда солнце поднималось высоко. Анна явно ощущала себя тонким куском мяса, прилипшим к сухому краю чугунной сковороды. Она не выдержит еще один день на солнце. Я должна была сделать что-нибудь.

И я должна была сделать это сейчас.

Я выждала час после того, как погас свет, чтобы убедиться, что Фрэнк куда-то подключился и не мог меня остановить.

— Куда ты идешь? — сказала Воробей, когда я скатилась с кровати.

— Ты знаешь, куда я иду.

— Шарли, ты не можешь...

— Смотри на меня, — прорычала я.

Дверь мигнула зеленым под давлением моего большого пальца. Воробей поймала ее, не дав ей захлопнуться, и вышла за мной в коридор. — Тогда я, пожалуй, пойду за тобой. Кто-то должен будет отнести тебя в постель после того, как ты потеряешь сознание.

Я не собиралась терять сознание. Это я говорила себе в какой-то лихорадочной попытке удержаться на ногах. Мне не было больно. Моя голова просто казалась... слишком легкой. Будто она пыталась взлететь.

Она раскачивалась, пока я шла, и коридор расплывался и колебался передо мной. Я схватилась за край стены и сделала вдох, прежде чем повернуть за угол.

— Ты можешь сказать мне, куда ты направляешься? — Воробей ворчала позади меня.

— Комната клонов — фермерские станции, или как там их, черт возьми, называют, — выдохнула я, когда зал резко перевернулся на бок. — Я собираюсь... я иду к клонам.

— Куры? — скептически сказала Воробей. — От не будет толку, пока они не пройдут процесс ощипывания и обжигания. Ты знаешь это.

Ради бога, я не собиралась есть кур!

Слова пронзительно звенели у меня в зубах, но не вылетели изо рта. Потребовалось бы слишком много усилий, чтобы сформировать их и вытолкнуть на свободу. И прямо сейчас мне нужны были все усилия, которые у меня остались, только для того, чтобы пробраться по этому дурацкому, крутящемуся коридору.

Воробей терпеливо шагала за мной. Время от времени я ощущала давление ее руки на мой локоть, когда она поддерживала меня. Но большую часть времени я почти не замечала ее присутствия, что было необычно для Воробья. Наверное, она, наконец, решила, что я просто буду делать то, что собираюсь делать, и она могла либо помочь мне, либо убраться к черту с дороги.

— Что теперь? — сказала она, когда мы подошли к дверям комнаты клонирования. — Надеюсь, у тебя есть представление о том, как ты собираешься...

Пип.

Ручка мигнула зеленым под моим большим пальцем. Я точно ощутила шок Воробья, когда она прошипела:

— Кем ты была?

— Шерифом Далласа, — ответила я, когда дверь захлопнулась. — А это мой... мой...

Воробей ловко поймала меня. Я ощутила, как мой большой палец прижался к сканеру, и сжалась, пока Воробей прошла через дверь, прежде чем та успела закрыться. Боже, она была сильной. Такой... сильной...

Комната крутилась так сильно, что я даже не могла вспомнить, что хотела подумать. Сине-зеленые вихри, навязчивый свет, который пульсировал из резервуаров для клонирования, кружились перед глазами, образуя своего рода вихрь, который угрожал засосать меня в бессознательное состояние. Я ощутила пустое давление, когда мое тело ударилось о стену. Думаю, я бы сломала колени о холодный бетонный пол, если бы Воробей не подхватила меня на руки.

— Ладно, думаю, на сегодня хватит...

— Нет! Я должна выбраться отсюда! — завопила я, когда Воробей повернулась к двери. — Анна умрет, если я ей не помогу! Она умрет!

Я не знала, в какой момент мой крик превратился в серию оглушительных воплей. Но я знала, что шум, в конце концов, стал достаточно неприятным, чтобы Воробей передумала.

— Хорошо! Боже мой, женщина, — пробормотала она, возвращаясь ко мне. — Что мне делать, а? Как мы собираемся спасти Анну отсюда?

— Сзади есть дверь...

— Дверь Шефа? О, нет, тебе туда нельзя.

— Я уже видела это.

Воробей крепко сжала меня. Она уже знала ответ, но все равно спросила:

— Как...?

— Тебе следует быть осторожнее с секретными кодами в будущем, — поддразнила я, — вместо того, чтобы вводить их там, где их может увидеть любой.

Руки Воробья сжались в пару злых, трясущихся кулаков.

— Ты знала, что тебе нельзя этот код, Шарли. Я очень четко сказала тебе, что тебе не разрешается иметь его.

— Ну, нет никаких правил, когда дело доходит до выживания. Иногда нужно просто что-то взять.

— Злодейка, — прорычала она. — И подумать только, что я когда-нибудь...

— У тебя будет достаточно времени, чтобы разозлиться на меня позже, — быстро перебила я. — Сейчас ты можешь либо отнести меня в заднюю комнату, либо поставить меня на пол, чтобы я могла пролезть туда сама. Твой выбор.

— Я начинаю думать, что у меня никогда не будет особого выбора, когда дело касается тебя, — натянуто сказала Воробей.

Я знала, что она сердилась на меня. И где-то глубоко внутри я ощущала себя плохо из-за того, что украли у нее код. Но мне будет хуже, если Анна умрет, потому что я не встала и не помогла ей, когда у меня был шанс.

— Пока ты не разозлилась, я тебя предупрежу, — сказала я, когда Воробей поставила меня перед дверью. — Чтобы сбежать из Учреждения, мне нужно поступить некрасиво, ясно? Это будет довольно грубо, на самом деле. Возможно, ты даже захочешь отвести взгляд, когда я это сделаю.

— Чем ты планируешь заняться? — тихо сказала Воробей, пока я набирала код на клавиатуре. Я слышала, как предчувствие трепетало в глубине ее горла. — Что ты собираешься сделать, Шарли?

Воробей не была душой.

Она знала, что единственный выход из Учреждения лежал через отпечаток большого пальца Шефа.

И я думала, она знала, как я его получу.

Холодный воздух со свистом вылетел из кабинета Шефа, когда открылась дверь. Пахло так же затхло, как и утром. Я вздрогнула, проходя через дверной проем, вспоминая, каково было чувствовать, как когтистые пальцы Фрэнка сжимали мою руку — его силу, когда он швырнул меня в комнату клонов. Я помнила, как громкость его динамиков была выкручена до предела, когда он проревел:

— Я был терпелив с тобой, Шарли. Но если я снова найду тебя в этой комнате, я прослежу за тем, чтобы ты была устранена.

В этот момент я перестала доверять Фрэнку.

Только чудовище могло защищать кого-то вроде Шефа.

Я знала, что Говарда здесь не было. Клон, плавающий внутри этого резервуара, выглядел как Говард, но Говард, каким я его знала, жил в старом изношенном теле клона в Далласе. Я до сих пор не могла уложить в голове все, что сказал мне Фрэнк: как Говард переносил свое сознание — свою душу — в новые тела каждые пятьдесят лет, но при этом сохранял все свои воспоминания. И так он жил веками.

Говард из До.

Он построил это Учреждение и кучу других. Он разработал юнитов Х. Он технически владел мной. И я, должно быть, давным-давно сделала что-то, что разозлило его, потому что последние двести лет Говард перерабатывал меня, мучил, прочесывал мои сны — просто изо всех сил старался заставить меня пожелать смерти, наверное.

И он проделал хорошую работу.

Фрэнк понятия не имел, что я знала о Говарде: он думал, что мне просто было любопытно, откуда я. Он не рассказал бы мне так много, если бы знал, что Говард сделал со мной. Если бы он знал, что я ненавидела его больше, чем всех остальных людей, которые причинили мне боль, вместе взятых, он бы не сказал мне о клоне. Думаю, я бы отгрызла себе ногу за шанс навсегда убить Говарда.

Но, к счастью, мне не придется.

— Что теперь? — сердито сказала Воробей.

Она все еще злилась, что я украла у нее код, но мне было все равно. Мой желудок упал к ногам, когда я увидела клон-тело Говарда, плавающее внутри зеленоватой слизи.

Меня пронзила дрожь — хотя я знала, что это был лишь кожаный мешок в форме Говарда, я все еще наполовину ожидала, что тусклые золотые глаза распахнутся, когда я подойду. Я ожидала услышать голос Говарда, змеящийся из кормящей маски этого клона порочным потоком пузырей:

— Какой опрометчивый и глупый поступок ты собираешься совершить, маленькая мисс Шарлиз. Ты ведь знаешь, что означает слово «глупость», да?

— Заткнись, — прошипела я, голос Говарда продолжал звучать у меня в голове. — Заткнись, заткнись...

Я пошла, спотыкаясь, пока мои ладони не ударились о переднюю часть бака. Стекло было странно теплым. Почти такой же температуры, как свежая кровь. Мне пришлось закрыть глаза, потому что комната не переставала подпрыгивать. Меня мутило. Мои ладони скрипели по стеклу, пока я нащупывала переключатель выброса.

Я до сих пор прекрасно представляла это в своем мозгу. Это горело там, ныло от нервов, которые чуть не заставили меня щелкнуть выключателем, как только я его увидела. Это был простой инстинкт, как топтать ботинком по таракану: я хотела убить Говарда.

Я хотела стереть его.

Его цикл закончится сегодня вечером.

Я сжала гладкую ручку и приготовилась опустить ее.

— Шарли, не надо!

Руки Воробья сжали мои, но это не имело значения.

Я вложила все, что у меня было, чтобы потянуть переключатель. Прежде чем Воробей схватила меня, я бросила весь свой вес, повисла на его кончике. Но даже этого было недостаточно, чтобы сдвинуть переключатель.

Это было выше человеческих сил. Говард сделал так, что только Нормал мог выбросить его клона. А Нормал никогда бы этого не сделал, если бы ему не приказали.

Если только Говард не приказал это сделать.

— Я не могу... я... я недостаточно сильна, — сказала я, мои слова сдавили подступающие слезы. Они поднимались к глубине моих глаз. К тому времени, когда они полились, они были раскалены добела. — Меня так тошнит... от того, что я... слаба!

Я вырвала руки из хватки Воробья и ударила ими по стеклу. Это было ужасно больно. Сила послала дрожь в мои кости и шипы в мою голову. Я ощущала, как мое тело рвалось в суставах каждый раз, когда я ударялась о стекло. Но я не могла остановиться.

Я должна была вытащить клона из бака.

Это был единственный способ.

Это был мой единственный шанс...

— Хватит! — Воробей обвила мою талию, и без того трясущийся мир пронесся перед моими глазами в цветовой пятне. Но хотя она потянула меня, как шнурок, она мягко поставила меня на землю. — Если ты выбросишь этого клона, то, когда Шеф вернется, он узнает, что мы здесь. Он отключит кислород и задушит нас обеих...

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

— Потому что он делал это раньше, — резко сказала Воробей.

Она молчала мгновение. Я достаточно приоткрыла глаза, чтобы увидеть, как она нервно провела рукой по своим угольным волосам.

— Когда мне исполнилось восемь, Фрэнк показал мне видео. Это была запись одного из моих предыдущих циклов. Я знаю, что ты пытаешься сделать, Шарли. Я точно знаю, что ты планируешь, потому что я это сделала. Однажды я использовала клона Шефа, чтобы сбежать с Учреждения. Я не знаю, куда я пошла, но я знаю, что не продержалась долго, пока бот не просканировал мой чип и не заставил меня вернуться.

Я не понимала.

— Почему ты просто не воспользовалась отпечатком снова?

— Он исчез, — сказала Воробей, пожимая плечами. — Сенсоры Учреждения обнаружили разложение клона и приказали роботам-уборщикам бросить его в печь. Я знала, что не смогу снова уйти, пока Шеф не вернется на Учреждение и не запустит нового клона. Но когда он, наконец, вернулся и увидел, что его тело пропало, он понял, что внутри Учреждения находится кто-то еще. Поэтому он отключил кислород на неделю, — ее голос перешел в рычание, когда она добавила. — Я видела, как побагровела и умерла на руках Фрэнка. Если ты это сделаешь, все повторится. В конце концов, нас отправят сюда — и как только мы окажемся здесь, Шеф нас убьет.

Я не боялась умереть. В том-то и дело: теперь, когда я знала, как работала переработка, я знала, что, в конце концов, вернусь. А если я не... ну, меня это не слишком сильно волновало. Я прожила уже три жизни в этом цикле. Может, стоило бы отдохнуть.

Но если Анна умрет, она не вернется. И она, возможно, хотела жить.

— Оно того стоит, — твердо сказала я.

— Что? — спросила Воробей.

— Умереть. Думаю, что выбраться отсюда и жить так, как я хочу, даже если это ненадолго... думаю, ради этого стоит умереть. Ты не знаешь, потому что застряла здесь на весь свой цикл. Но это, — я махнула на размытую комнату, — если это не медленная и мучительная смерть, то это как минимум ад на земле. И это определенно не способ жить.

Воробей переминалась с одной ноги на другую. Я не могла прочесть ее лицо из-за вращения, но ощущала, как ее опасения висели, как туман, в воздухе между нами.

— Ты не боишься задохнуться?

— Нет, это даже не худший путь. Тебе следует попробовать получить тепловой удар, — туман на секунду поднялся — потом навис гуще прежнего.

— Если я сделаю это, я хочу пойти с тобой, — сказала Воробей.

— У меня не было бы другого пути.

— Правда?

— Да, ну, кому-то придется вести машину, потому что я плохо вижу.

— Зараза, — буркнула себе под нос Воробей. Но через секунду я услышала глубокий лязг, когда она опустила переключатель выброса.

Красный свет вспыхнул наверху резервуара, сердито мигая, когда в комнате зазвучал сигнал тревоги. Через несколько секунд из динамиков раздался голос робота:

— Пожалуйста, отойдите, пока процесс катапультирования не завершится... пожалуйста, отойдите, пока процесс катапультирования не завершится...

Я понятия не имела, что это будет так громко. Сквозь щели глаз я смотрела, как синезеленая слизь медленно вытекала из бака. Тело клона Говарда опустилось на ноги. Колени стукнулись о стенку резервуара, пока слизь продолжала стекать. Через несколько секунд слизь исчезла, а тело Говарда лежало, какдохлая рыба, на дне аквариума.

Красный свет погас, и тревога перестала звенеть. Я услышала шипение, когда дверь открылась, и удар, когда тело Говарда вывалилось наполовину в проем. Затем стало по-настоящему тихо — настолько тихо, что я слышала тихое шипение кислорода в легких тела клона.

— И все? — сказала я.

— Вот именно, — ответила Воробей. Она присела рядом с клоном. — Я отцеплю его дыхательную маску... и когда я это сделаю, он умрет. Ты не против?

Конечно, я была не против. Мне было жаль, что я не могла быть той, кто это сделает.

Удивительно, когда дыхание клона, наконец, остановилось, с моих плеч будто свалилась гора в тысячу фунтов. Говард будет в ярости, когда узнает, что его новое тело исчезло. Он застрянет внутри Учреждения, пока бак не вырастит ему нового клона.

Может, мне повезет. Может, его старое тело умрет раньше, чем он сможет выбраться из него, и тогда Говард умрет навсегда.

Воробей хмыкнула, перебрасывая клона через плечо. Затем она наклонилась и подхватила меня одной рукой.

— Мы должны зайти в медицинский отсек, прежде чем мы...

— Нет, не останавливайся! Давай просто уйдем! — умоляла я.

— Было бы довольно глупо уйти отсюда без каких-либо лечебных средств, — кратко сказала Воробей. — Тем более что у тебя способность причинять себе боль.

Видимо, она была права.

И поэтому я не жаловалась, когда она вынесла меня из комнаты клонирования в медотсек. Мне пришлось закрыть глаза, потому что мир снова начал вращаться. Я не видела, что делала Воробей: я ощущала, как она толкала мое тело и мертвого клона, меняя позы, пытаюсь до чего-то дотянуться ногой.

Наконец, она прорычала:

— Я не могу нести вас обоих и забрать дурацкую аптечку. Тебе придется взять ее, Шарли.

— Какая она? — сказала я, протягивая руку, чтобы провести рукой по воздуху перед собой. — Это сумка? Или чемодан...

— Это большой металлический цилиндр. Это будет похоже на гигантскую банку для шипучки.

Странно, но я не сомневалась в этом. Аптечка была похожа на банку шипучки — тяжелую банку шипучки размером с кошку.

— Кошмар, — простила я, поднимая ее себе на колени. Эта штука весила не менее тридцати пудов. Она была такой тяжелой, что просто держать ее было неудобно. — Ты уверена, что сможешь нести все это?

— Я в порядке, — ответила Воробей без намека на напряжение в голосе.

— Как? Тебе придется нести триста фунтов груза.

— И я могла бы утащить еще триста. Просто держись крепче, — сказала она, ведя нас через дверной проем. — Я знаю, что делаю.

ГЛАВА 20

Я старалась обращать внимание на то, что делала Воробей, пока она тащила нас через Учреждение — на случай, если меня когда-нибудь отсканируют и отправят сюда. Но то, что Фрэнк использовал для успокоительного, мешало мне.

Будто кто-то взял меня за корни волос и продолжал засовывать мою голову под воду. Шумы начинались как невыносимо громкие, а затем растворялись в неразличимой каше. Иногда мир был настолько резкий и сфокусированный, что я с трудом могла держать глаза открытыми. Мгновение спустя накатывал густой туман и покрывал все до такой степени, что я не могла отличить красный цвет от синего.

В воде и вне ее; туда-сюда между слишком мало и слишком много. Рука становилась более жестокой с каждым толчком. Она хотела, чтобы я утонула. Она хотела, чтобы мои легкие наполнились паникой и распухли, пока не лопнули...

Пока кожу головы не начнет покалывать, а волосы не заболят в фолликулах...

Пока...

— Ой!

Острая боль пронзила меня. Я резко вскочила, хватаясь за предмет, свисающий с моей груди. Это был огромный шприц: полая игла, подсоединенная к флакону с жидким лекарством. Я медленно вытаскивала его, рука дрожала, когда я увидела, как стальная игла выходила из моей окровавленной кожи дюйм за дюймом. Он прошел в мое сердце. В мое сердце. И он вылил бог знает что в мой кровоток.

Теплые волны пульсировали из моей груди с каждым ударом. Туман ушел из моих глаз и

ушей. Кожу головы слегка покалывало, будто я начала оттаивать после пребывания на морозе. Я чувствовала, как поднималась из водных глубин замешательства и вдыхала с облегчением.

— Стало лучше? — крикнула Воробей.

Я подняла взгляд и увидела, как она высовывалась из водительского окна чего-то вроде больничного фургона, только этот фургон был черным. А еще у него была решетка с шипами и огромная солнечная пушка на крыше. О, и шины выглядели так, будто они могли проехать через огненный океан, не растаяв.

Похоже, вести машину будет очень весело.

— Нет, — сказала Воробей, когда я распахнула дверь.

— Почему я не могу водить машину?

— Нельзя управлять транспортным средством в течение двадцати четырех часов после приема стимулятора надпочечников. Так написано на обратной стороне флакона.

Я посмотрела на красную предупредительную этикетку, прежде чем бросить шприц за собой, где стеклянный флакон разбился о пол.

— Да, но я не принимала. Ты меня этим зацепила.

— Только потому, что ты так сильно вертелась, что я не могла затащить тебя в фургон, не согнув тебя пополам. Ты можешь переодеться сзади, — добавила Воробей, указывая пальцем за спину.

Я заметила, что на ней была броня, похожая на черную самовосстанавливающуюся броню, которую мы с Ашей нашли в старой будке на контрольно-пропускном пункте. Поверх ее доспехов был толстый черный плащ, похожий на те, что раньше носила полиция. На ее коленях лежал шлем с окрашенной в красный цвет лицевой панелью. На ее груди я видела тот же квадратный отпечаток пальца, который защитил меня от сканеров экзо, когда мы впервые пересеклись. Когда красный свет осветил мою грудь, экзо подумали, что я была кем-то другим, и отпустили меня.

Мне не так повезло во второй раз.

— Да, надеюсь, ты не возражаешь, но я использовала твой отпечаток, чтобы совершить набег на оружейную, — сказала Воробей.

Я проследила за ее кивком и увидела комнату с клеткой, похожую на ту, что находилась внутри будки контрольно-пропускного пункта. Она стояла у дальней стены в ярко освещенной нише. Там было восемь наборов полок и большой настенный стеллаж — и все это было пустым.

— Как думаешь, почему я выбрала фургон? Я не дура, — отозвалась Воробей, когда я спросила, куда все делось. — Эти рейнджеры сказали, что им понадобится что-то мощное, чтобы вытащить твою подругу из бота. Так что я подумала, что мы могли бы также принести все.

Я бросилась к задней части фургона. Место тут было размером с завод по переработке гранита, и оно было заполнено рядами машин. Фургоны, грузовики, байки, броненосцы — большинство из них выглядели так, будто ими никогда не пользовались. Когда я добралась до задней части фургона и распахнула двери, я чуть не потеряла сознание.

Я никогда раньше не видела столько оружия в одном месте. Оно аккуратно лежало на стойках вдоль стен фургона. Меньшие пушки находились внизу; большие и крутые — наверху. Одна пушка явно опускалась на плечо, мои пальцы зачесались при виде нее.

— Ты упаковала кристаллы для всего этого? — сказала я, пытаюсь отвлечься от

внезапного желания схватить ту большую пушку и выстрелить в потолок.

— В ящиках есть патроны — зеленые ящики. Черные ящики для чего-то другого.

— Как что?

— Гранаты, — прямо сказала Воробей, будто ей наскучил тот факт, что на полу фургона лежали ящики с ручной взрывчаткой.

— Что, если кто-то выстрелит в нас несколько раз, и нас подорвет наши боеприпасы?

— Вряд ли. Этот фургон бронирован.

Может, это был лишь искусственный адреналин, который тек по моим венам, но я была так взволнована, что едва могла стоять на ногах. Я разделась до нижнего белья и надела разложенные для меня Воробьем доспехи. Она оставила вещи на хромированном медицинском цилиндре, который по какой-то причине пристегнула к одному из боковых сидений фургона.

Приятно было снова носить броню — будто я только что превратилась из почти голой в чертовски непобедимую. Сапоги идеально облегли мои ноги; перчатки дышали так хорошо, что казалось, что у меня ничего не было на руках. Я знала, что шлем мне тоже подойдет, но надевать его сейчас не было смысла: до утра не сработает лицевая панель.

Рядом с моими доспехами лежала тряпка. Я почти не трогала ее, потому что плащи полиции весили почти как я. Шериф Кляйн однажды разрешила мне примерить ее. Я продержалась на ногах добрых три секунды, прежде чем мои колени подкосились.

Этот плащ был намного легче, чем броня класса полиции. Он, вероятно, предназначался для ношения людьми. Боже, как приятно было нести на своих плечах тяжесть этой штуки. Я не знала, почему, но я получила огромное количество воздуха в своих легких, как только надела его. Я схватила с полок ремень с оружием и застегнула его на талии. Я взяла с полок черный длинноствольный солнечный револьвер и сунула его в кобуру.

Теперь я была готова.

— Итак... мы просто будем сидеть здесь, пока не взойдет солнце? — сказала я, забираясь на пассажирское сиденье.

— Мы могли бы, но я не вижу смысла, — ответила Воробей, хмуро глядя на огромные вращающиеся металлические двери перед нами. — Не похоже, что мы сможем увидеть восход солнца отсюда.

Я не понимала.

— Ну, мы не можем никуда ехать, да? Фургон не заведется, пока в его аккумуляторе не появится заряд от солнца.

Воробей ухмыльнулась.

— О, Шарли... разве ты не заметила, что фургон стоял на зарядной площадке?

Я не знала, чем была зарядная площадка, даже если бы мне ее показали. Я подпрыгнула, когда Воробей повернула ключ, и фургон с ревом ожил.

— Он работает ночью?

— Ммм, около двадцати миль. Потом будет то же самое, что и любая другая старая солнечная установка без зарядной площадки. Но мы, по крайней мере, сможем уехать от Учреждения, — Воробей нажала кнопку на приборной панели, и металлические двери стали подниматься. — Хорошо, я сняла координаты Анны с дрона в командной комнате...

— Как долго меня не было? — буркнула я. Если у Воробья было время, чтобы затащить меня сюда, украсть кучу оружия и поджечь командную комнату, должно быть, я была в гораздо худшем положении, чем просто немного сбита с толку.

— Возможно, я позволила тебе какое-то время крутиться, — сказала Воробей с оттенком смеха в голосе. — И я успела сделать это...

Она включила фары, и черное пятно перед нами ярко осветилось. У меня сжался желудок, когда я увидела клона Говарда, сидящего в десяти ярдах от острого кончика нашей решетки. Я знала, что Говарда здесь не было, и что клон был мертв. Но у меня до сих пор ши мурашки по коже — это было так же поразительно, как обнаружить таракана в сапоге.

Воробей усадила клона на один из стульев в командной комнате. Его обнаженное тело ссутулилось на спинке, а руки безвольно свисали по бокам.

— Я подумала, что будет довольно приятно покинуть Учреждение, разбив нашего создателя на выходе, — пробормотала Воробей. Она улыбнулась мне, и ее руки жадно сжали руль. — Вперед?

Я пристегнула ремень безопасности и сказала с ухмылкой:

— Погнали.

* * *

Этот рассвет был одним из самых красивых в моей жизни. Он венчал неровный ландшафт Ничто, проливая туманный золотой свет на кедры и мескитовые заросли. Я чувствовала, как летнее дыхание билось в окна. Сегодня будет жарко и тоскливо — такая жара высасывала из меня все жидкости, а тоска заставляла меня задуматься, смогу ли я продержаться еще минуту. К концу дня я так сильно обгорю, что, наверное, не смогу уснуть от боли.

И я была так взволнована, что едва могла усидеть на месте.

Воробей везла нас на юг и восток, направляясь к крошечной точке на экране приборной панели. Я всю ночь смотрела, как наш маленький треугольник приближался к этой точке. Делать особо было нечего: Ничто ночью было довольно пустым. Никто не мог водить или стрелять. Боты отключались, и люди прятались до рассвета. Возможно, вокруг бегали какие-то твари, но они держались подальше от наших фар. И у них было достаточно времени, чтобы убраться с нашего пути.

— Ты водишь почти так же плохо, как Уолтер, — буркнула я, пока Воробей везла нас по узкой каменной дорожке. Это было неправдой: Уолтер водил так, будто его глаза смотрели в противоположные стороны, а руки были деревянными. Это всегда был дикий и ужасающий опыт.

Воробей просто... была скучной. У меня были большие надежды, когда она выгнала его из гаража, разбив клона Говарда в кровавую массу. Но с тех пор одно разочарование следовало за другим. Наш фургон, вероятно, мог бы взять эту каменную платформу с разгона — и да, мы могли бы быть в воздухе на секунду. Но это была половина удовольствия.

Воробей не была забавной. Она не попала ни в один из водоемов и не ускорила на равнинах. Мне пришлось умолять, чтобы заставить ее проехать через лужу размером с поднос столовой.

Она проехала по ней так тщательно, что та не расплескалась.

— Где ты вообще училась водить машину?

— Моделирование ЗООТ. Фрэнк заставлял меня выполнять большинство миссий, и некоторые из них требовали от меня вождения автомобиля. Я также могу управлять самолетом или управлять танком.

— Я думаю, танк был бы быстрее, — ворчала я.

— Ты хочешь спасти Анну или погибнуть в огненной катастрофе? — парировала

Воробей.

— Я хочу водить! — выброс адреналина заставил меня скручивать руки и подпрыгивать на сиденье почти три часа. Я могла только ерзать, прежде чем начну сходиться с ума. — Давай, мы никогда не доберемся туда такими темпами! Дай мне шанс.

— Нет. Ты едва ли можешь сидеть спокойно в течение минуты, не размахивая руками. Я ни за что не позволю тебе управлять. И мы не так далеко, — Воробей кивнула на экран. — Мы будем там через пять минут.

Пять минут?

Я не была готова. У меня почти не было оружия. Мне нужно было хотя бы две — нет, три — пушки!

Как только я отстегнулась, Воробей резко затормозила.

— Ой! — я поднялась с пола, морщась от боли от удара о бронированное ветровое стекло. — Какого черта это было?

— Мне небезопасно водить машину, если ты не пристегнута.

— Ну, ты могла бы меня предупредить!

Воробей ухмыльнулась, наблюдая, как я трогала ушибленную точку на лбу.

— И упустить возможность проиллюстрировать, почему мне небезопасно водить машину, пока ты не пристегнута? Нет уж.

Я отползла на свое место и неохотно застегнула пряжку на место.

— Вот. Рада?

— Разумно, — буркнула Воробей, включая передачу в фургоне. — Здесь очень красиво, да?

Я не знала, назвала бы Ничто прекрасным. На мой взгляд, это был хмурый пейзаж. Но я должна была признать, что была счастлива видеть это.

Вскоре я заметила дубовую рощу. Я прислонилась к лобовому стеклу и напряглась, чтобы увидеть следы грузовиков рейнджеров. Наверняка, они еще не бросили Анну. Конечно, они дали ей еще один день.

Но когда мы подъехали ближе, я не увидела ничего, что заставило бы меня думать, что рейнджеры все еще были здесь. В поле зрения не было ни одного грузовика или палатки.

— На некоторых деревьях следы обугливания, — сказала Воробей. Она повернула руль, чтобы направить нас по широкой дуге вокруг рощи. — Это от солнечных пушек.

— Откуда ты знаешь?

— Некоторые из симуляций включали партизанскую войну в густых лесных условиях.

— Конечно. Ненавижу говорить тебе это, но мы не в симуляции, — я вытащила револьвер из-за пояса и снова зарядила его. — Здесь люди не делают одни и те же вещи снова и снова. Всегда разное. Если найдешь способ защитить что-то, они найдут способ обойти это. Так что лучше всегда стрелять в того, кто выглядит недружелюбно.

Воробей не ответила. Ее пальцы неуверенно крутили руль, когда мы приблизились к строительному роботу. Я не знала, хватит ли у нее мужества, чтобы стрелять во что-нибудь.

Но я точно скоро узнаю.

Черт, этот бот был намного больше, чем я ожидала. Я ощущала, что мы въехали в тень здания: он возвышался над нами, растягиваясь до тех пор, пока ведро, свисающее с его конца, не показалось чуть больше широкополой шляпы. Мои пальцы ног сжались, и мое сердце начало колотиться при одной лишь мысли о попытке взобраться на эту штуку. Я не знала, смогу ли я заставить себя это сделать.

Похоже, у меня могло не быть шанса.

— Зараза, он движется, — сказала Воробей.

Я была так сосредоточена, глядя на ведро, что не заметила, как его основание начало катиться. Солнце взошло, так что, конечно, у бота было питание. Должно быть, он почувствовал фургон и не собирался простаивать.

Волна камней и высохшей земли вырывалась из-под основания бота, который уезжал от нас. Гусеницы на его колесах впивались в землю и били нас волнами земли. Камни ударялись о наше бронированное ветровое стекло, а песок с шипением царапал крышу. Мы были слепыми и глухими, сворачивали, когда наши шины врезались в глубокие канавы, оставленные ботом.

Руки Воробья крепко сжали руль, когда она нажала на тормоз.

— Нет! Что ты делаешь? — завопила я, когда бот поехал.

— Я, черт возьми, не вижу! — кричала она.

— Ну, езжай рядом с ним! Не гони за ним!

— Как, черт возьми, я должна оставаться рядом с ним, когда он продолжает вертеться?

У меня не было времени спорить с ней. Бот двигался быстрее, чем должен был. Сорок, может, пятьдесят миль в час. И ему не нужно было замедляться на холмах или спусках: его огромный вес сглаживал все на его пути.

Пыль рассеялась, и я увидела, что она ехала к огромному хребту, возвышающемуся вдалеке. Гребень торчал из-за горизонта, как лезвие топора, со сколом на вершине. Мы должны были остановить строительного бота до того, как он начнет взбираться на этот гребень.

Наш фургон не сможет туда забраться. Анна умрет, и ее кости превратятся в пыль, прежде чем мы сможем добраться до нее.

Я должна была сделать что-нибудь.

И я должна была сделать это сейчас.

— Мы должны просто дождаться наступления темноты. Так будет легче — эй!

— Веди.

Серебряные глаза Воробья расширились, когда я направила револьвер между ними. Кристалл внутри камеры был горячим и заряженным, он жадно пульсировал в моей руке. Воробей таращилась на сердитое бело-голубое свечение, прежде чем натянуто сказала:

— Ты бы не стала.

Я дернула револьвер на волосок вправо и нажала на курок. Из ствола вылетел обжигающе горячий луч и с треском ударил в окно за головой Воробья. На бронированном стекле на секунду появилась рябь, а затем она сгладилась, как вода, высыхающая на куске стали.

Рот Воробья открылся. Она смотрела на меня с той же смесью замешательства и страха, что и тогда, когда я сломала ей нос.

— Хорошо, — грубо сказала она. Ее руки тряслись, когда она снова включила передачу. — Хорошо, я поведу.

— Держись рядом с этим ботом, — повторила я, отстегивая ремень безопасности. Я схватила свой шлем с пола и надела. Оттенок на лицевой панели окрасил весь мир в красный цвет. — Мы не сможем увидеть, если т... уф!

Воробей надавила на газ, и я улетела через спинку сиденья. Я тяжело рухнула на задницу и какое-то время боролась, чтобы встать. Воробей вела машину как сумасшедшая: я

ощущала, как мы приближались к опасно высокой скорости. Фургон сильно подпрыгнул и резко упал на землю. Я не могла бы быть более ушибленной или дезориентированной, если бы кто-то бросил меня в банку и встряхнул ее.

Передо мной на расстоянии вытянутой руки стоял черный ящик с гранатами, надежно прикрепленный к основанию ближайшей оружейной стойки. Я возилась с его защелкой, пока Воробей ехала к роботу. Вскоре я услышала шипение песка и громкий грохот камней, врезающихся в наше лобовое стекло. Шум был таким сильным, что я едва слышала, как Воробей кричала мне:

— Хорошо, я рядом с чертовым ботом. Что теперь?

Я не знала.

В этом была проблема: я знала, что мы должны были остановить строительного робота до того, как он взберется на гребень, но если не бросить гранату в его основание и надеяться на лучшее, я не знала, как мы его остановим.

— Просто, не знаю, держи нас на месте! Я сейчас.

Наконец, я открыла ящик и схватила все, что могла, одной рукой. Перчатки цеплялись за них, но мои руки были настолько беспомощно малы, что мне удалось достать только две гранаты.

Этого должно было хватить.

— Пстой, пстой — черт возьми! — я стиснула зубы, когда Воробей свернула, и прижала гранаты к груди. Мой шлем врезался в спинку сиденья, и я ощутила треск в шее, но со мной все было в порядке. — Как мне добраться до той большой пушки на крыше?

— Люк в потолке, — рявкнула Воробей. Она снова свернула, едва избежав столкновения с огромным стальным углом чудовищного основания строительного бота, который задел нашу решетку. — Думаю, что эта штука пытается нас сбить!

— Наверное, да, — ворчала я, потянувшись, чтобы схватиться за люк. — Добро пожаловать в Ничто!

Люк закрывался небольшим металлическим колесным замком. Мне пришлось крутить это колесо одной рукой, пытаясь удержать равновесие и не упасть на гранаты. Это были гладкие металлические канистры, каждая размером с банку шипучки. Я понятия не имела, насколько они были хрупкими, и что именно они сделают, когда взорвутся. Поэтому я держала их прижатыми к себе, будто они взрывались как яйца.

Как только люк открылся, он быстро скользнул в край отверстия. Веревочная лестница упала откуда-то на трясущийся пол фургона.

Не было выбора. Я не могла подняться по этой веревочной лестнице одной рукой. Я лихорадочно искала место, где можно было бы хранить гранаты. Моя рука коснулась пары широких петель на внутренней стороне плаща. На ощупь они были такой же ширины, как граната. Я аккуратно запихнула одну из канистр в петлю — и обрадовалась, когда она подошла.

Она идеально подошла. У этого плаща были карманы для гранат!

Я спрятала вторую гранату рядом с первой и поднялась по лестнице. Я была не в форме. Месяцы, которые я провела в ловушке внутри Учреждения в бессознательном состоянии, сказались на моих мышцах. Я была худой, шаталась, сухожилия в моих плечах ослабли и растянулись. К тому времени, когда я достигла отверстия, мои руки тряслись.

Ветер ревел мне в спину, и песок сильно шлепал по шлему. Еще не наступило утро, а уже было жарко. Летний воздух хлестал меня в грудь и мешал дышать. Моя шея напряглась в

предвкушении солнечного тепла, хотя и была прикрыта воротником плаща.

Я выползла из люка в окрашенное в красный цвет Ничто. Лицевая панель на моем шлеме ожила, как только я огляделась: тонкие белые линии пересекались в X на каждом объекте, на котором я фокусировалась — камни, канавки, искривленные старые мескиты. Цифры прокручивались в правом нижнем углу лицевой панели каждый раз, когда я фокусировалась на чем-то новом, измеряя расстояние до него в ярдах.

Бот находился ровно в сорока шести ярдах от нас — и это было далеко за пределами моей дальности броска.

— Я сказала тебе держаться рядом! — крикнула я, вставая на четвереньки. Вокруг огромной солнечной пушки на крыше фургона было кольцо из стальных перил. Я подтянулась к перилам и крепко держалась обеими руками. — Если ты не подъедешь ближе, я не смогу остановить эту чертову штуку!

Голос Воробья сердито трещал внутри моего шлема:

— Я не могу подъехать ближе! Смотри!

Перила неприятно впились мне в спину, когда Воробей нажала на газ. Она направила нас вправо от бота и быстро закрыла брешь. Мы были в пятнадцати ярдах от него. Если я не смогу бросить кусок металла на пятнадцать ярдов, то я не заслуживала того, чтобы увидеть, как строительный робот взорвется от гранаты.

Я быстро оторвала руку от перил и сунула ее внутрь плаща. Как только мои пальцы в перчатке нашли металлическую канистру, град песка отбросил меня назад.

Строительный бот выстрелил прямо перед нами и подрезал Воробья. Я подняла глаза и обнаружила, что оказалась в ловушке посреди жестокой пыльной бури. Я стиснула зубы от песка и бешеного воя ветра. Маленькие камни летели мне в грудь — некоторые из них били меня так сильно, что придется проверить, что они не проделали дыру насквозь.

Я пыталась прищуриться сквозь шторм, когда мой шлем внезапно издал предупреждающий сигнал, достаточно громкий, чтобы прорваться сквозь шум снаружи. На экране мелькали жирные белые буквы:

ВНИМАНИЕ: ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ

Объект, обнаруженный моим шлемом, был огромным зубчатым передним концом ковша строительного робота. Он вырвался из середины облака пыли и несся ко мне, пролетел над моей головой так близко, что сдвига в воздухе было достаточно, чтобы сбить меня с ног.

Я сильно врезалась в установленную солнечную пушку. Было так густо, что я не могла отличить свою задницу от локтя. Мои руки обхватили что-то похожее на пару рычагов. Я крепче сжала, держась за свою жизнь.

Затем почти сразу же что-то холодное и металлическое сковало мои ноги.

— Вытащи нас отсюда! Уезжай! — закричала я.

Воробей повернула влево, но было слишком поздно: мои ноги были зажаты. Набор металлических наручников поднялся с основания солнечной пушки и обернулся вокруг моих ног. Оковы под моими коленями были меньше, но металл вокруг моих бедер был примерно такой же ширины, как длина моей руки. Я могла согнуть ноги, но не могла вырваться. Будто я слилась с задней частью пушки.

— Ради бога! — прорычала Воробей, когда мои крики донеслись до ее шлема. — Если не хочешь, чтобы ноги были заблокированы, тогда отпусти рычаги.

Я разжала левую руку, и зажимы на левой ноге скользнули в основание пушки.

— Ой.

— Да, ой. Ножные замки нужны для того, чтобы держать тебя, пока ты управляешь ружьем, дура, — раздраженно сказала Воробей.

— Управляю? Ты имеешь в виду прицелиться?

— Нет. Пушка движется. Управляй ею, как самолетом, и быстро, — добавила она резким голосом. — Полмили до хребта!

Она была права. Из-за пыльной бури, зажимов для ног и того, что мне чуть не снесли голову зубья ковша, я потеряла счет тому, как близко мы находились к хребту. Он был еще более крутой и внушительный, чем я думала: гора, присыпанная тонким слоем кустарника. Фургон точно не сможет подняться на нее. И если мы попытаемся, это будет все равно, что врезаться в стену.

— Хорошо, — я снова обхватила рычаги обеими руками и вздрогнула, когда зажимы затянулись на моих ногах. — Хорошо...

Рычаги образовали широкую букву U, похожую на половинку руля. При попытке повернуть ничего не произошло. Затем я потянула назад.

— Проклятье!

Мои ноги напряглись, когда с крыши фургона взлетела пушка и вся платформа с перилами. Это было похоже на ведро на вершине строительного робота: оружие, подвешенное на огромной металлической руке. Теперь, когда я повернула рычаги, платформа сильно качнулась влево.

Фургон почти перевернулся, подскакивая на двух колесах, прежде чем я повернула вправо и исправила его.

— Осторожно! — взвизгнула Воробей. — Ты не можешь делать это так быстро, когда мы движемся!

— Извини! — сказала я. Экран моего шлема, похоже, был связан с большой солнечной пушкой: белые крестообразные целеуказатели зависали на кончике ствола, измеряя вероятность того, что я смогу поразить то, во что целилась. — Подвинься немного — у меня только тридцать процентов.

Воробей набрала скорость. Только после того, как мы приблизились к боту, я поняла, что понятия не имела, как стрелять из пистолета.

— Какого черта ты ждешь? Нажимай на кнопки! — вопила Воробей, когда строительный робот начал поворачиваться к нам.

Кнопки? Какие кнопки?

От пота шлем запотевал, и мое сердце пыталось подняться к горлу, пока я лихорадочно искала что-нибудь похожее на кнопку. Строительный бот вот-вот врежется в нас. В моем лице будет так много песка, что я не смогу ничего видеть. Я висела в воздухе сбоку от фургона, сталь сжимала мои ноги — и если это ведро снова ударит меня по голове, я не смогу увернуться.

Я начала сжимать рычаги, двигая хваткой, пока пыталась найти что-нибудь, что выстрелит из солнечной пушки. Боже, где был Блейз? Мне не помешала бы его помощь сейчас. Он, вероятно, точно знал бы, что...

БУМ!

Один из моих больших пальцев скользнул вверх и ударил по верхней части рычага. Я почувствовала щелчок, и из ствола пистолета вырвался огромный шар бело-голубого света. Я сильно промахнулась: луч пролетел мимо робота-конструктора и испарился. Но теперь,

когда я знала, где курок, я могла стрелять.

И я не сдерживалась.

Я целилась в широкое стальное основание бота, посылая луч за лучом в квадрат в его заднем правом углу. Я надеялась, что если смогу ударить его в одно и то же место несколько раз, тепла могло хватить, чтобы искривить этот угол и лишить бота равновесия.

Строительному боту, похоже, было все равно, что я обстреливала его основание. Он скользил перед нами, и все, что я могла сделать, это стиснуть зубы и продолжать целиться туда, куда мне указывал белый крестик на экране моего шлема.

— Я не вижу, Шарли...

— Продолжай ехать! Еще несколько секунд!

ВНИМАНИЕ: ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ

Я слышала звон своего шлема и видела, как на экране вспыхивал предупреждающий знак, но не остановилась. Мы будем на хребте в любую секунду. Я должна была убедиться, что строительный бот не сможет выбраться за пределы нашей досягаемости. Я должна была держаться.

Я должна была сделать это для Анны.

— Шарли!

Вжик!

Огромные зубья ковша рассекли пыльную бурю и устремились к моей голове. Я закрыла глаза, крича, когда за моими веками вспыхнул сине-белый луч огня. Я зажала кнопку стрельбы и не отпустила.

Фургон остановился так внезапно, что мне показалось, что я умерла. Я думала, что бот оторвал мне голову, и остановка на самом деле была последним подергиванием моих нервных окончаний, когда гас свет. Но когда я открыла глаза, я увидела, что была цела.

Огромное облако песка медленно рассеивалось, обнажая строительного робота. Один угол его основания, расплавленный огромным жаром моей солнечной пушки, должно быть, впился в землю и перевернул его на бок. Колеса сердито крутились, а рукоять ковша шлепалась, как рыба, выброшенная на песок.

Я не могла не рассмеяться от облегчения.

— Ха! Мы сделали это!

— Да... ну, ты остановила бота, — хмуро сказала Воробей, — но твоя подруга, вероятно, мертва.

ГЛАВА 21

— Анна!

Рука строительного робота дергалась, пытаюсь выпрямиться. Ковш на конце сильно впивался в землю, взбалтывая сокрушительное количество земли и раскачиваясь. Если Анна все еще была заперта там — и если она все еще была жива — она могла задохнуться, прежде чем мы сможем добраться до нее.

Воробей припарковала фургон. Машина покачнулась, когда она побежала назад, чтобы схватить какое-то оборудование. Я выпустила поток лучей в середину руки бота, расплавляя его сустав до тех пор, пока он больше не мог размахивать ковшом. Колеса слабо крутились внутри своих трактов, но без рычага, поднимающего основание под более благоприятным углом, он не мог откопаться. Он просто лежал там, пока я возвращала огневую платформу на крышу фургона и отпускала рычаги.

В ту секунду, когда металлические зажимы освободили мои ноги, я перепрыгнула через

перила и тяжело рухнула на землю.

— Анна! Анна, ты меня слышишь?

— Отойди, — выдавила Воробей, протискиваясь мимо меня.

На ней была тяжелая металлическая маска, и она несла что-то похожее на гранату с торчащим сбоку краном. Когда она нажала на курок, из крана вырывался осколок ярко-синего пламени.

— Не смотри на свет. Это повредит твоим глазам, — сказала она, наклоняясь над ведром.

Я хотела игнорировать ее. Но когда голубое пламя коснулось ведра, оно создало огненный шар настолько чисто-белого цвета, что у меня тут же начала болеть голова. Я стащила шлем и закрыла глаза рукой, наблюдая, как расплавленные искры стекали по ботинкам Воробья.

Меня трясло от беспокойства. Я знала, что Анна все еще была внутри бота. Но по какой-то причине я так увлеклась попыткой остановить его, что забыла об осторожности. Я прокручивала все это в уме и понимала, что Воробей была прав: если Анна переживет все эти раскачивания и тряску — если внутри она не будет большим куском омлета из плоти — это будет чудом.

Кажется, прошли часы, прежде чем Воробей срезала ковш с руки. Но на самом деле это было всего несколько минут. Холодный туман скользил по моей коже, когда ведро упало, и я увидела, сколько в нем было грязи. Песок уступал место темной земле, лежащей там, где солнце не могло до нее добраться.

Никто не смог бы выдержать такое давление.

Никак.

— Оно... оно похоронило ее заживо, — услышала я свой собственный хрип.

— Ты этого не знаешь, — спокойно сказала Воробей, начиная откапывать грязь в сторону. Она опускала руки на вершину кучи и тащила их вперед, соскребая огромные слои за раз. — Мы не узнаем наверняка, пока не... ну, это нехорошо.

Я смотрела, замерев, как Воробей вырвала камень, который был в два раза больше моей головы. Эта штука весила около ста пудов, но Воробей одной рукой отбросила ее в сторону.

Еще через тридцать секунд копания она выпрямилась.

— Вот рука.

Рука.

Я ощутила, как моя задница ударилась о землю, но не помнила, чтобы упала. Время повернулось вспять, пока я смотрела, как Воробей выкапывала тело Анны из ведра. Она была такой черной от грязи и копоти, что я бы не узнала ее, если бы не знала, кто она. Когда Воробей вытащила ее из земли, тело Анны болталось, как дождевой червь, оглушенный зимним холодом. Ее конечности болтались, а голова прижималась к груди Воробья. Она была цела — я не могла поверить, что она все еще была цела. Но я не сомневалась, что она была мертва.

— Мы опоздали, — выдавила я, когда Воробей опустила Анну передо мной.

Я вытерла грязь с ее лица и недоверчиво посмотрела. Ее глаза были закрыты; рот отвис. Все прекрасное внутри нее, весь смех и свет, ее потрясающие человеческие выражения — все это ушло. Все ушло. Это все, что она оставила после себя.

Это было лицо Смерти.

Рука Воробья коснулась моего плеча, когда она прошла мимо меня.

— Я приведу вам помощь.

Помощь? Не было никакой помощи. Ничего не поделаться с Анной. Она была мертва. Ее единственная жизнь угасла. И это была моя вина.

Это все было моей...

— Это не Учреждение. Куда вы меня привезли?

Я подпрыгнула, когда из динамиков раздался знакомый голос робота. Я обернулась и увидела, как Фрэнк выбрался из задней части фургона.

Как здесь оказался Фрэнк? Откуда, черт возьми, он взялся?

Фрэнк остановился в нескольких футах от задней двери. Внутри вогнутых дисков на его висках мигали красные огоньки, когда его голова сделала один полный круг.

— Мы почти в сорока милях к юго-западу от Учреждения. Ты послушала меня, Воробей, — сказал он, его голос гремел из динамиков. — Ты вызовешь гнев Шефа, и он...

Голос Фрэнка внезапно оборвался. Его передняя линза с жужжанием скользнула по телу Анны, и он быстро приблизился к ней.

— Удушье, — сказал он.

— И несколько сотен пудов давления, — добавила Воробей, выпрыгнув из задней части фургона. Она подбежала к Фрэнку и посмотрела на тело Анны, подбоченившись. — Есть признаки жизни?

— Нет. Но она не разложилась так, чтобы ее нельзя было оживить, — его руки согнулись, и металлическая паутина скользила между его пальцами, образуя два набора дисков. От его ладоней начал исходить пронзительный звук, где опасно светился ярко-синий свет. — Воробей, мне нужно, чтобы ты провела сердечно-легочную реанимацию, пока мои электроды заряжаются.

— Хорошо.

— Не забывай быть нежной. Не более двадцати процентов твоей силы...

— Хорошо.

Воробей оттолкнула меня в сторону и упала на колени. Она сложила руки крестом на груди Анны. Затем она начала толкать вниз, будто пыталась втиснуть в свой чемодан еще несколько вещей.

— Что делаешь? Она мертва! — сказала я, мой голос был сдавлен горячей волной слез. — Она... она мертва.

— Клинически да, — согласился Фрэнк.

— Тогда почему ты?.. Что за черт!

Я с ужасом наблюдала, как Воробей открывала Анне рот. Она пригнулась и крепко прижалась губами к мертвому, грязному рту Анны. Воробей с силой выдохнула, и грудь Анны поднялась от внезапного притока воздуха. Затем Воробей снова начала качать грудь, будто ничего не произошло.

Моя печаль по Анне быстро сменилась отвращением. Я не знала, что Воробей делала с ее телом, и мне это не нравилось.

— Стойте! Просто оставьте ее в покое! — я попыталась оттащить Воробья от Анны, но у меня не хватило сил. Поэтому я снова вырвала револьвер из-за пояса. — Оставь ее...!

— Воробей пытается провести сердечно-легочную реанимацию, — сказал Фрэнк, его голос перекрыл пронзительный визг, исходящий от его перепончатых пальцев. — Вручную вызывая сердечно-сосудистую функцию и дыхание, она предохраняет пациента от упадка. Если ты остановишь ее, пациент умрет. Ты этого хочешь, Шарли?

— Нет, — выдавила я, мое тело сотрясало от гневного жара.

— Тогда ты отойдешь и позволишь нам оказать помощь, — туловище Фрэнка повернулось к Воробью. — Заряжен. Пожалуйста, устрани все препятствия.

Воробей разорвала рубашку Анны одним быстрым рывком, обнажая ее нагрудный ремень. Затем она схватила меня за талию и утащила за пределы досягаемости. — Постарайся успокоиться, Шарли...

— Что он собирается с ней сделать? — буркнула я.

— Просто смотри, и ты...

— Чисто, — Фрэнк склонился над Анной и прижал свои хромированные ладони к ее груди. Через секунду я услышала громкий стук. Тело Анны выгнулось над землей, прежде чем снова упасть. — Нет сердцебиения. Я попробую еще раз. Чисто.

Я наблюдала, затаив дыхание, пойманная в железную хватку Воробья, как тело Анны снова содрогалось в конвульсиях.

И опять.

И опять.

— Не работает, — шипела я себе под нос. Слезы лились из моих глаз, Фрэнк сказал, что попытается реанимировать ее еще раз. — Это не работает... это не сработает...

Тело Анны выгнулось в последний раз под действием энергии, проходящей сквозь ладони Фрэнка. Она резко упала на землю, такая же безвольная, как в тот момент, когда Воробей впервые вытащила ее из-под земли.

По полусекундной тишине, которая наступила, когда Фрэнк выключил ладони, я поняла, что это был конец. Они сделали все, что могли. А Анна все еще была мертва...

— Гах!

Я сильно вздрогнула, когда Анна вдохнула. Она резко села и схватилась за горло. Она кашляла, выплевывая комья грязи и слюны на свою грязную грудь. Ее руки дрожали, царапая лицо, смущенно задевая открытую нагрудную ленту и, наконец, замирая на коленях.

Я знала, каково было просыпаться после смерти: это чувство, когда ты полностью подавлен и измотан. Это расстраивало и путало — обычно я потом не могла вспомнить свое имя, не говоря уже о том, что меня убило. Я знала, что Анна сейчас была напугана и растеряна. И хотела только утешить ее. Сказать ей, что все будет хорошо.

Но Фрэнк вмешался прежде, чем я успела заговорить:

— Пациент пришел в сознание. Кардио-функции: хорошо. Работа мозга: отлично. Дыхательная функция: удовлетворительная...

— Что, черт возьми? — завопила Анна, увидев Фрэнка. Она вскочила на четвереньки, ее рваная рубашка развевалась на ветру. Ее рука потянулась за нее и устремилась вперед с солнечным пистолетом в руке.

— Нет, подожди! Не стреляй! — закричала я. Анна направила на меня пистолет, ее ноги дрожали, когда она попятилась. Я убрала револьвер и подняла руки так, чтобы она могла их видеть. — Не стреляй, Анна. Это я — это Шарли.

— Шарли...? — она щурилась в замешательстве, пистолет дрожал, она изо всех сил пыталась удержать его вес. — Что...?

Она собиралась упасть. Я стряхнула с себя хватку Воробья и поспешила поймать Анну, пока она не потеряла равновесие. Я не была такой сильной, как Воробей, поэтому мы обе оказались на земле. Но, по крайней мере, Анна приземлилась на меня, а не на грязь.

— Ой, — прошипела я, ерзая. Я провела рукавом плаща по лицу Анны, вытирая грязь с

ее щек. — Привет. Ты в порядке?

Она смотрела на меня затуманенным взглядом, ее лицо искажало замешательство.

— Может быть.

— Хочешь воды или чего?

Анна моргнула. Казалось, она была на грани сна.

— Думаю, мне нужно... принять ванну?

* * *

Примерно в полумиле от того места, где мы спасли Анну, был ручей. Его защищало такое густое скопление кустов и деревьев, что я бы и не узнала, если бы Фрэнк не обнаружил его своими сенсорами.

— Эта вода родниковая, — заявил он, проверив ручей датчиком на кончике пальца. — В ней безопасно купаться, и после кипячения ее можно будет пить. Воробей, ты поможешь пациентке очиститься...

— Ты действительно думаешь, что это хорошая идея? — вклинилась я. Я поддерживала Анну, закинув ее руку на свои плечи. Когда Воробей потянулась к нам, я защищающе прижала ее к себе. — Я не думаю, что это безопасно.

— Твои идеи? — сказал Фрэнк.

— Ну, я, эм... а если Воробей ее раздавит? — буркнула я.

Экран во рту Фрэнка задумчиво мерцал.

— Она продемонстрировала удивительный контроль в своих отношениях с тобой. Я полагаю, вы даже смогли разделить постель без каких-либо инцидентов.

— Боже мой, ты все ему рассказываешь? — зашипела я на Воробья, которая в ответ только пожала плечами.

Анна захихикала мне в ухо. Фрэнк вколол ей что-то, чтобы успокоить ее нервы, и это сделало ее странной.

— Разделить постель, — смеялась она.

— Не по-свадебному, — прорычала Воробей, скрестив руки на груди.

Анна снова захихикала.

— Ха... по-свадебному. Ты замужем... за уродом, — она запрокинула голову, чтобы покоситься на Воробья. — Она... она очень красивая, хотя...

— Ладно, давай тебя помоем, — вмешалась Воробей.

Я снова отодвинула Анну от зоны ее досягаемости.

— Помнишь цыплят? Она и раньше раздавливала вещи!

— Я обнаружил небольшие рваные раны на конечностях пациента. Если эти рваные раны не очистить, они могут привести к смертельной инфекции. Анна должна быть вымыта, и ее раны должны быть очищены, — повторил Фрэнк, его объектив жужжал мне в лицо. — А поскольку ты выразила крайнее отвращение к наготы...

— Ха... нагота.

— ...я верю, что Воробей сможет выполнить это задание по моим стандартам. Кроме того, — голос Фрэнка стал тише, — мы с тобой должны поговорить.

Я ждала этого обсуждения даже меньше, чем того, как Воробей искупает Анну. Но я не могла избегать Фрэнка, как и не могла помешать Воробью схватить Анну и унести ее. Я слушала, как они исчезали между деревьями:

— Итак... когда вы поженились? — пробормотала Анна.

— О, ради бога... — ворчала в ответ Воробей.

Едва они оказались вне пределов слышимости, Фрэнк набросился на меня.

— Ты поступила очень эгоистично, Шарли. Твое решение покинуть Учреждение гарантировало, что ты будешь стерта. Это также гарантировало, что Воробей будет устранена. Ты в курсе, что Воробей, как X2, не должна существовать? И что, если Шеф обнаружит ее, она будет немедленно уничтожена?

Я смутно помнила, как Воробей говорила мне это. Я также помнила, как она говорила, что Фрэнк хранил все остальные зародыши X2 где-то в холодильнике.

— Если ты так беспокоишься о Воробье, почему бы тебе просто не оставить ее замороженной вместе с остальными?

Речевой ящик Фрэнка на мгновение превратился в прямую линию.

— Эта тема обсуждения была заархивирована...

— Нет. Хватит лгать, — резко сказала я, тыча пальцем в середину хромированной груди Фрэнка. — Мы все здесь, и мы все равно все умрем, так что можешь сказать мне правду. Что особенного в Воробье, а? Почему ты продолжаешь возвращать ее, если знаешь, что она просто умрет?

Фрэнк молчал какое-то время. Его линза то приближала, то отдаляла мое лицо, а его речевой ящик слабо дергался.

— Возможно, было бы легче показать, чем пытаться объяснить это словами. Следуй за мной.

Я пошла за ним, но только потому, что мне было любопытно. Я не сделала ничего плохого. Я с самого начала сказала, что собиралась покинуть Учреждение. Я сказала Воробью, что она не была обязана идти со мной. Я дала ей выбор: существовать в безопасности или попытаться выжить в Ничто. И она решила для себя.

Сейчас был полдень. Воздух был душным, а тень кишела насекомыми. Я пробилась через тучи комаров, стряхивая их с шеи, следуя за Фрэнком в фургон.

— Закрой за собой дверь, пожалуйста. Проекция получается максимально четкой при минимальном освещении, — сказал Фрэнк.

Я быстро закрыла дверь и склонилась, направляясь к Фрэнку. Он согнулся на корточках. Его голова находилась на уровне середины стены фургона. Глубоко внутри его объектива мерцал свет. Я услышала слабый щелкающий звук, когда этот свет внезапно расцвел на стене.

Это было похоже на телевизионный экран: изображение, отбрасываемое на плоскую поверхность, с множеством приглушенных цветов. Я с изумлением наблюдала, как в фокусе оказался медицинский отсек. Я узнала эту комнату с холодным металлическим столом и болезненно-белыми стенами. Казалось, будто я провела большую часть своего времени в Учреждении, запертая в этой комнате, под действием успокоительного. Из-за операций, которые, по словам Фрэнка, могли бы мне помочь.

Но ни одна из них не помогла. И сейчас я чувствовала себя хуже, чем когда начинала. Вид медицинского отсека снова меня разозлил.

— Что за чертовщина? — выпалила я.

Фрэнк не ответил.

Через секунду в кадре появился мужчина. Он был высоким и бледным, его кожа была покрыта месивом темных веснушек. Глазурь боли покрывала вспышку синевы в его глазах. Темные круги окружали его глаза, задевая щеки. Его дыхание было поверхностным и прерывистым.

— Блейз, — потрясенно прошептала я.

Я не понимала. Как здесь оказался Блейз? Внутри Фрэнка...? Это были его воспоминания? Что-то, что он украл из Архива? Я не знала. И любые вопросы, которые я задавала, отскакивали от его хромированного черепа.

У меня не было другого выбора, кроме как сидеть тихо и пытаться переварить то, что говорил Блейз:

— Пора, — выдохнул он. Блейз на секунду исчез, наклонился и закашлялся в чашу своих рук. — Ах! Боже, я знал, что выход на пенсию будет болезненным, но это что-то другое. Я чувствую, что моя голова вот-вот взорвется. Думаю, что пораньше закончу... просто покончи с этим, понимаешь? Но сначала я хотел поговорить с тобой. Сайра, — выдохнул он, его губы тряслись. — Моя прекрасная, милая Сайра. Твое время закончилось раньше моего. Ты ушла из жизни много лет назад, умерла у меня на руках посреди летней бури. Умерла до того, как вышло солнце, и до того, как ты смогла нарисовать все это в последний раз. С тех пор я держусь за тебя. Я хранил тебя.

Блейз залез внутрь плаща и достал из внутреннего кармана маленький пузырек. Крошечный кусочек металла звякнул о стекло, когда он поднес его к лицу.

— Я собираюсь сдать тебя на хранение, прежде чем сдать на переработку. Я позабочусь о том, чтобы ты родилась снова, чтобы ты была защищена, и о тебе заботились. Это Фрэнк.

Мой желудок сжался, когда Блейз наклонился и вернулся с большим металлическим цилиндром. Тот самый цилиндр, который Воробей заставила меня забрать из Учреждения перед тем, как мы сбежали. В том, в котором, по ее словам, были медикаменты. Я не могла в это поверить.

Я не могла поверить в то, что видела.

И я не могла понять, что это означало.

— Фрэнк сейчас бездействует — он такой ночью, — говорил Блейз, поднимая цилиндр над плечом. — Но он хороший маленький медицинский бот, и он позаботится о том, чтобы ты получила то, что тебе нужно. И как только я смогу — дорогая, как только я вырасту достаточно, чтобы покинуть Колонию Двенадцать — я вернусь за тобой, — Блейз слабо улыбнулся и добавил. — И мы снова получим свободу. Столько раз, сколько ты захочешь. Я всегда вернусь за тобой.

Блейз охнул и наклонился, чтобы поставить Фрэнка на пол. Когда он сел, его лицо побелело от боли.

— Ах... о, черт, как же больно, — он схватился за макушку, морщась, когда его пальцы впились в волосы. — Хорошо... Я переделал некоторые вещи, чтобы дать Фрэнку доступ к элементам управления Учреждением. Он должен быть в состоянии спрятать тебя довольно легко. И ты должна затаиться ради меня, потому что...

Тук! Тук! Тук!

Я подпрыгнула, когда из динамиков Фрэнка раздался громкий звук. Настолько сильный, что я подумала, что кто-то стучал в двери фургона. Но тут я услышала крик откуда-то за кадром — ужасный, ледяной, знакомый голос:

— X1-37! — кричал Говард. — Где ключ? Где мой ключ? Дай мне его прямо сейчас, или я устрою тебе целый мир боли!

Блейз слабо ухмыльнулся, а глухой звук продолжался.

— Ты должна затаиться ради меня, Сайра, потому что Шеф чертовски на нас зол. Я не

думаю, что он когда-нибудь перестанет искать этот ключ. Слишком плохо для него: я не буду помнить, что я сделал с ним. Ну... я лучше пойду, — Блейз прикоснулся пальцами к губам и крепко прижал их к экрану. — Я люблю тебя, Сайра. И я вернусь за тобой.

Блейз с дрожью встал. Он игнорировал стук в дверь и угрозы Говарда. Я смотрела, как он убрал флакон в машину, стоящую у стены. Затем он лег на холодный металлический стол.

— Не делай этого! Не делай этого, X1-37! — Говард кричал через дверь.

Я могла видеть от Блейза только его ботинки — остальная часть его тела лежала за кадром. Я видела паучьи тени, движущиеся по стене позади него, и слышала пронзительный гул пилы, вращающейся на конце роботизированной руки. Мгновение она плавно шипела, вращаясь в открытом воздухе.

Затем она задела что-то существенное.

— Нет! Нет! — кричал Говард, когда брызги красной крови отлетели на стену.

Ноги Блейза сильно тряслись, пока рука резала ему голову, вторая рука вынула чип из его мозга. Группа роботов-манипуляторов скользнула по потолку к машине, встроенной в стену, где опустила окровавленный пластиковый пакет.

— Нет! — я услышала, как дверь с шипением открылась, и тело упало на пол. Я видела от Говарда только его спину, когда он взобрался по машине и яростно застучал по ее кнопкам. Он кричал как сумасшедший — кричал что-то о том, что Блейз украл его ключ. Я не слышала, что он говорил, потому что изображение внезапно выключилось.

И я запуталась больше, чем когда-либо.

ГЛАВА 22

Я сидела внутри фургона минут пять — на жаре и в темноте, мой разум пульсировал ужасной вещью, свидетелем которой я только что стала, — и не произносила ни слова.

Фрэнк солгал мне. Он знал о Блейзе с самого начала. Он был с Блейзом с самого начала. Когда я наткнулась на Учреждение, это не было случайностью: Блейз надеялся, что меня схватят, и поэтому оставлял меня в живых ровно столько, сколько нужно, чтобы мы добрались до санитарной комнаты. Затем он ушел.

Я до сих пор помнила отвращение на его лице, когда он зарычал, что я мешала. Когда он сказал, что никто не будет скучать по мне. Когда он сказал, что у него были важные дела, и что я должна была просто снова погрузиться во тьму. Наверное, он думал, что Учреждение сделает то, на что он был запрограммирован, и что меня переработают.

Но у Фрэнка были другие планы.

— Ты знал, что я не Блейз, — сказала я, и мой голос был чуть выше шепота.

— Верно, — ответил Фрэнк.

— Ты знал, что я была из других... из других личностей. Но ты не убил меня.

— Верно, — снова сказал Фрэнк.

Тогда у меня был к нему только один вопрос:

— Почему? Зачем тебе возиться со мной, вместо того, чтобы просто передать другому человеку?

— Мой ответ может быть не таким простым и прямым, как тебе хотелось бы. Ты все еще хочешь, чтобы я продолжил?

— Конечно, — ответила я. А что, черт возьми, мне еще было делать?

Ничто из этого не имело значения. Ничто из того, что произошло в любой из моих прошлых жизней, не изменило бы того, кем я стала. Но пока я застряла в этом крошечном фургоне с лживым медицинским ботом, было бы неплохо отвлечься от проклятой жары.

— Причина, по которой я не отправил тебя на переработку, полностью связана с моим взаимодействием с Сайрой. Или, как вы ее знаете...

— Воробей, — сказала я. Я не была душой: я поняла эту часть.

— Верно. Сайра — это юнит X2-1, которое в настоящее время отвечает на прозвище Воробей, — сказал Фрэнк. — В одном из своих предыдущих циклов она вступила в контакт с юнитом X1-37 — юнитом, который, согласно многочисленным отчетам о состоянии, испытал катастрофический сбой в своем микрочипе, который подавил его функции соответствия. Вместе юниты сбежали из Двенадцатого учреждения и до конца своих циклов жили сами по себе на южной территории Техаса. Насколько я понимаю, юнит X1-37 и юнит X2-1 могли быть вовлечены в романтические отношения, когда их циклы слились, — продолжал Фрэнк. — У них была близость, которая, безусловно, была эмоциональной и, возможно, даже физической, и я думаю, что эта связь, которую они разделяли, могла каким-то образом проникнуть в их генетические структуры.

— Вот почему Блейз помнит Воробья и Учреждение, а я нет, — пробормотала я, махнув рукой. — Просто перейди к делу.

— Я предупреждал тебя, что мой ответ не будет прямым...

— Да, и я должна была послушать. Но я этого не сделала. Итак, мы здесь.

Я услышала тихий щелчок, когда Фрэнк согнул шею и кивнул.

— Очень хорошо. Как ты, возможно, поняла из спроецированного мной файла, Блейз запрограммировал меня заботиться о Сайре, а его микрочип вернули в четвертую колонию. Он попросил показать мне проекцию на восемнадцатый год ее цикла — полагаю, потому что в возрасте восемнадцати лет Блейз получил бы полномочия, необходимые ему для выхода из Колонии Двенадцать по своему желанию. Он планировал использовать эти учетные данные, чтобы получить доступ к Учреждению Двенадцать и вернуть Воробья — после чего они смогут спокойно прожить еще один цикл. Я делал то, что мне было приказано в течение первых двух циклов, но Блейз так и не вернулся за Сайрой. Сказать, что она была разочарована, было бы несправедливо. Ее здоровье ухудшилось, а ее разочарование вылилось в летаргию, которая в конечном итоге оказалась фатальной. Я ничего не мог сделать, кроме как следить за ее деградацией и при необходимости применять успокоительные средства. В каждом из этих двух циклов Воробей не доживала до тридцатилетнего возраста. Я был создан, чтобы ухаживать за пациентами-людьми, Шарли, — говорил Фрэнк, его динамики перешли на низкий гул. — Людьюми с их хрупкими телами и ограниченным сроком жизни. Я не был создан для того, чтобы постоянно терпеть деградацию и смерть одного пациента — пациента, о котором я заботился с самого рождения. Наблюдение за болезненным спадом Воробья во время второго цикла, должно быть, запустило какой-то протокол сохранения, спрятанный глубоко в моем коде. Я не мог подвергнуть ее проекции в третий раз. Я не мог умышленно совершить действие, которое привело бы к смерти моего пациента. Так что с тех пор я не показывал ей проекцию. Когда Воробей обнаружила тебя на камере дрона, я решил действовать в интересах ее сохранения во второй раз: вместо того, чтобы утилизировать тебя, я решил восстановить твое тяжелораненое тело и сохранить тебе жизнь.

Фрэнк сделал паузу. Если он ждал благодарности, то зря. Он проржавеет, прежде чем я

поблагодарю его за что-либо — меньше всего за то, что пощадил меня, когда я не сделала ни одной вещи, чтобы причинить ему боль. Если люди не беспокоили меня, я их не трогала. Это был нормальный, приличный поступок. Я не собиралась пресмыкаться из-за того, что кто-то вел себя порядочно.

Прошло еще мгновение, и Фрэнк продолжил:

— Заинтересованность Воробья в тебе была немедленной и сильной. Я не сомневаюсь, что ваши генетические структуры каким-то образом связаны...

— Возможно, она связана с Блейзом, — прорычала я, защищаясь, — но не со мной. Я ее не знаю.

— Возможно, — согласился Фрэнк. — Но если я прав, и ваша общая связь изменила вашу генетику, тогда есть часть тебя, которая помнит Воробья. Я не призываю тебя к какой-либо близости с ней, — добавил он, когда я начала протестовать. — Я просто хотел, чтобы ты поняла всю тяжесть своего влияния на ее действия и объем власти, которой ты обладаешь. И я бы попросил тебя относиться к ней терпеливо, с добротой, пока ваши циклы пересекаются.

— Я буду относиться к ней так же, как и ко всем остальным: пока она добра ко мне, я буду мила к ней. Но это все.

Я снова села на корточки и направилась к двери. Я не могла сидеть здесь в темноте с Фрэнком ни минуты. Я не могла ждать, когда сомнения и гнев захлестнут меня. Я должна уйти отсюда. Я должна была что-то сделать своими руками.

— Куда ты идешь? — крикнул Фрэнк, когда я открыла двери.

— Я собираюсь разжечь огонь.

— Зачем?

— Чтобы поесть и вскипятить чертову воду.

— В фургоне есть плита...

— Да ну, я не хочу плитку! — огрызнулась я. — Я хочу что-нибудь сжечь — и я не особо в этом разбираюсь.

Фрэнк, кажется, не понимал моей угрозы:

— Очень хорошо. Я помогу тебе.

Он шаркал позади меня, согнувшись пополам, пока не выпрыгнул из фургона. Затем он выпрямился во весь рост с пугающей скоростью.

— Шарли?

— Что?

— Есть еще один вопрос, который я хотел бы, чтобы мы обсудили. Это связано с твоими новообретенными способностями и тем, как твои гормоны могут повлиять на... Шарли?

— Что?

— Ты слушаешь?

— Конечно, — бормочу я. Правда в том, что я особо не обращала на Фрэнка внимания: я искала растопку. Я решила, что почувствую себя в тысячу раз лучше из-за всей этой странности, если просто подумаю об этом перед огнем.

— Я уверен, что ты в курсе, что уровень эстрогена у тебя падает, — продолжил Фрэнк.

— Я даже не знаю, что это такое, — прорычала я, хватая с земли охапку мертвых веток. Я прошла к лысому участку земли и грубо бросила ветки. Затем я пошла искать еще несколько кусков дерева значительного размера, чтобы сложить их поверх веток.

Фрэнк следовал за мной. Я ощущала странное тепло его сенсоров, скользящее по моей

спине.

— Примерно через семьдесят два часа твой эстроген упадет до критического уровня...

— Отлично.

— ... это означает, что у тебя будут гормональные нарушения.

Я только что нашла идеальное полено. Оно было размером с мою руку и уже мертвым три сезона. Эта штука, вероятно, сразу загорится. Плохо было лишь то, что оно было наполовину закопано в землю.

Я присела на корточки и обхватила бревно руками, пока Фрэнк бубнил о моих гормонах. Я уперлась ногами и встала. Полено вырвалось легче, чем я ожидала. Я отшатнулась, на мою броню посыпалась мокрая земля.

Большая часть земли скатилась с меня и упала. Но часть цеплялась за мою броню.

А потом поползла по мне.

— Черт возьми! Господи!

Бревно было покрыто огненными муравьями. Должно быть, это была их нора. Я вырвала середину их города. А теперь, судя по тому, как яростно они сновали к обнаженной коже на моей шее, муравьи по-настоящему разозлились.

Я бросила бревно и стала бить себя в грудь. Я топала ногами, как учил меня Уолтер, когда на моих ботинках могли быть муравьи. Я не хотела, чтобы они залезли мне в сапоги. Я знала, что если меня укусят, место будет чесаться до конца дня. Не было ничего хуже, чем укус огненного муравья в свод стопы.

Фрэнк, похоже, не обращал внимания на новую опасность, в которую я только что попала:

— У вас есть несколько лет опыта гормональных колебаний, но я беспокоюсь о том, какое влияние это окажет на твое окружение теперь, когда твой микрочип скомпрометирован.

— Святое дерьмо! Сколько там этих маленьких ублюдков? — завопила я, отчаянно хлопая себя по ногам.

Ко мне цеплялось больше огненных муравьев, чем я думала. Они не могли прокусить броню, но они искали часть меня, которую они могут укусить — и они были в стольких направлениях, что я не могла остановить их всех. Я уже собиралась упасть на землю и кататься, как вдруг муравьи замерли.

Я с недоверием наблюдала, как огромная полоса красно-черных тел, скопившихся на тыльной стороне моего предплечья, стала отваливаться. Их лапки подгибались, и они падали с меня, будто что-то ударило их замертво.

— Что за...?

— Шарли, пожалуйста, восстанови контроль над собой, — позвал Фрэнк.

Я обернулась и увидела, что все хромированное тело Фрэнка дрожало. Крошечные иголки в середине его тарелок торчали прямо, их огоньки мигали быстрыми красными вспышками.

— Что с тобой не так? — сказала я.

— Я излучаю частоту, смертельную для насекомых, а разрядка моего заряда слишком быстрая, чтобы ее поддерживать.

— Ну, так перестань!

— Я не могу.

— Почему?

— Я не могу остановиться, потому что ты все еще боишься, — голос Фрэнка оборвался, когда он говорил, будто ему тяжело давались слова. — Вот что я пытался передать. Мое вмешательство в твой микрочип каким-то образом связало твои излучатели сигналов с твоими органическими эмоциями. Когда ты испытываешь достаточно сильную эмоцию, любой юнит в пределах радиуса действия получает команду — по твоему сигналу — прийти к тебе на помощь.

Я не совсем понимала, что он говорил.

— Ты имеешь в виду, что я заставляю тебя делать это...?

Фрэнк стал дрожать еще сильнее. Его голос трясся, а тело превратилось в хромированное пятно.

— Шарли, если ты не успокоишься, мой заряд будет истощен сверх критического...

— Хорошо! — я все еще не знала, верила ли я тому, что говорил Фрэнк, но он выглядел так, будто вот-вот взорвется. И если он это сделает, это, вероятно, растопит мое лицо. Поэтому я сделала глубокий вдох. — Хорошо... все муравьи мертвы... мне больше не о чем беспокоиться... они меня не укусят...

Еще через несколько вдохов я ощутила, как мое сердце замедлилось. Я с изумлением наблюдала, как Фрэнк перестал дрожать, и иглы вернулись в его диски. Секунду мы смотрели друг на друга: мои глаза были прикованы к его объективу. У меня было около тысячи вопросов на губах. Но прежде чем я успела задать хоть один, Фрэнк сильно вздрогнул.

Его руки прижались к бокам, а голова опустилась в его середину, которая скользила вниз по ногам, как поршневая гильза, пока все его тело не сложилось в тугий металлический цилиндр.

— Фрэнк? — я осторожно взяла цилиндр и перевернула его на бок, ища кнопку или что-то в этом роде. — Фрэнк? Ты в порядке?

— Что случилось?

Я вздохнула, когда Воробей заговорила. Она прошла среди деревьев, как призрак, и теперь стояла на расстоянии вытянутой руки от моего лица.

— Где Анна?

— В фургоне, кипятит воду на плите, — Воробей выхватила цилиндр из моих рук и, защищаясь, прижала его к своей груди. Ее серебряные глаза потускнели, разглядывая мое лицо. — Что ты сделала с Фрэнком?

Я не знала, как сказать Воробью, что случилось.

Я даже не знала, с чего начать.

* * *

— Вероятно, они направились на юг, в Старый город — это, вероятно, не лучшее место, чтобы вести за собой целую кучку Медноголовых. Но мы говорим о Райкере, — бормотала Анна, ставя кастрюлю с кипящей водой на землю, чтобы она остыла. — Никто никогда не говорил, что он думает наперед.

Я была рада, что Анна чувствовала себя лучше. Я была рада, что она была настороже и планировала догнать рейнджеров, и я счастливо наблюдала за ее живым человеческим выражением лица, когда она рассуждала. Но я не могла получить истинное удовольствие.

В конце концов, мне удалось поведать, что произошло между мной и Фрэнком — я не все рассказала Воробью. Я ничего не говорила ей о Блейзе и уж точно не говорила ей, что она умерла дважды, потому что Блейз не пришел к ней. Но я рассказала ей, что Фрэнк сказал

о моем микрочипе.

— Значит, это был не сон. Ты действительно видела Анну. И ты... — Воробей оглянулась, хмуро посмотрела в сторону хребта. — Ты была внутри дрона.

— Да, наверное.

— У дронов очень мощные излучатели волн. Они могут общаться с другими ботами с почти атмосферных высот.

— Что это значит?

Воробей внимательно меня рассматривала, прежде чем ответить:

— Ты понимаешь, что это ты его поймала, да? Ты была тем, кто призвал этого бота в лагерь.

— Что? Нет! — выпалила я.

— О? О чем ты думала в последний раз перед тем, как бот схватил ее?

Я не сразу вспомнила. Пришлось прокручивать память в голове.

— Она была расстроена... Райкер вел себя с ней как задница, а я... — понимание расцвело в моей груди резко и холодно, — я хотела взять ее на руки и сказать ей, что все будет в порядке.

— И ты, конечно, сделала это. Ради бога, Шарли... — Воробей крепко прижала Фрэнка к груди, все еще хмуро глядя вдаль. — Ты можешь управлять другими ботами своими чувствами. Это плохо. Это не идеально.

— Почему нет?

— У тебя много чувств, Шарли. Но вряд ли я могу назвать хоть одно рациональным.

— Да? Я думаю, это может быть полезно — знаешь, когда я научусь контролировать это, — поправила я. Я махнула рукой на цилиндр Фрэнка. — Я имею в виду, это нехорошо, но...

Больше мы об этом ничего не говорили. Воробей казалась взволнованной и хмурой, и я не могла придумать, что сказать. Так что мы просто смотрели друг на друга, в то время как наш взаимный страх витал в воздухе между нами.

— Я собираюсь подключить Фрэнка к фургону — посмотрим, смогу ли я зарядить его достаточно, чтобы он вышел из спящего режима. Тебе следует поговорить с Анной, — добавила Воробей, отвернувшись. — Ее проблемы проще. Они могут дать вам время подумать.

У Анны проблемы были гораздо проще: разозленные у горящего моста граклы — Медноголовые — выследили рейнджеров до этой дубовой рощи, пока те пытались освободить Анну из строительного бота. Некоторое время они обменивались лучами, но рейнджеров было слишком мало, чтобы удержаться.

— Хэм убьет их, если они притащат этих Медноголовых в Старый Город, — бормотала Анна, размахивая шляпой над кувшином с охлаждающей водой. — У нас закончилось противоядие. Вот почему он в первую очередь послал нас за Медноголовыми: чтобы получить больше противоядия! Все это превратилось в большой беспорядок...

Я мало что знала о Хэме, кроме того факта, что он управлял Старым городом и у него был вспыльчивый характер. В первый раз, когда я встретила Анну, она и Джон Марк следовали за одной из жертв Хэма в Ничто: женщиной, с ног до головы закутанной в огромный кокон из колючей проволоки.

Тот человек убил собаку без всякой причины, так что он был не из тех, с кем я хотела бы делить территорию. Но то, что сделал с ним Хэм, все равно казалось чрезмерно жестоким. Я

была сторонником наказания кого-то с как можно меньшей суетой.

Анна казалась обеспокоенной. Все ее движения были рассеянными и злыми. И я не винила ее за то, что она беспокоилась о Хэме: любой, кто приговаривал человека носить колючую проволоку и ходить босиком по Ничто, пока он, наконец, не станет слишком слабым, чтобы стоять, не был тем человеком, которого я хотела знать и злить.

— Сколько времени у нас есть, прежде чем они доберутся до Старого города? — тихо сказала я. Я хотела помочь Анне спасти рейнджеров — да. Но я чувствовала, как глаза Воробья сверлили мою голову сбоку, и это очень отвлекало. — Может, мы сможем отрезать их, пока они не зашли слишком далеко. Уберечь их от неприятностей?

Анна выпрямилась. Она откинула полы пиджака и встала, уперев руки в бока. Они не успели оттереть грязь с ее одежды: брюки и куртка все еще были грязными. Ее рубашка была разорвана. Кожа на ее груди и животе светилась белым, будто она никогда не видела солнца, разделенная шероховатой линией на груди.

Будто кто-то размазал полосу грязи по Луне.

Я внимательно наблюдала, как Анна, щурясь, смотрела за линию дубов в широко открытое Ничто за ними. Она кусала нижнюю губу; нежно-розовый мягко контрастировал с белым. Когда мой взгляд опустился, я заметила линию в мышцах ее живота. Она начиналась прямо под ее нагрудным поясом и плавно спускалась, пока не исчезала под верхом ее штанов.

Мне нравилось, как это выглядело. Мышцы Воробья были слишком совершенны: они казались почти искусственными. Но в Анне была мягкость, которая сияла на всех ее шероховатостях и превращала все в кривую — кривую, более совершенную, чем любая линия мускулов, которую я когда-либо видела на Нормале.

Интересно, выглядела ли я так.

— Ха, ты что-то знаешь?

Мой желудок сжался, когда Анна усмехнулась мне.

— Что?

— Они не смогут пройти мимо пружины.

— Пружина? Это что? — сказала я, когда Анна кивнула.

— Ладно, смотри, — она села на корточки и начертила в грязи между нами спираль, — Медноголовые всегда передвигаются вот так: у них есть голова, в которой они держат большую часть своих воинов, — Анна постучала пальцем по внутренней точке спирали. — Это та часть, с которой мы столкнулись в Бриджтауне — о, я не рассказывала тебе о том, что произошло в Бриджтауне, да? Это было самое странное...

— Неужели огромный дрон упал с неба, врезался в середину моста и утащил весь город в глубины озера? — крикнула Воробей. Она сидела в задней части фургона рядом с заряжающимся цилиндрическим Фрэнком. Ее ноги бесцельно болтались, пока она продолжала сверлить взглядом мое лицо. — Потому что, если это произошло, то мы ничуть не удивлены. Да, Шарли?

— Подожди, это был Бриджтаун?

Смущенный жар залил мое лицо. Сейчас мне было еще хуже, потому что мальчики были родом из Бриджтауна. Я очень надеялась, что Тодд не решил вернуться туда. Было бы очень жаль, если бы я спасла его от бота, чтобы раздавить его дроном.

Анна охнула:

— Это именно то, что случилось! Большая старая крылатая штука упала с неба. Как

ты...?

— Это была удачная догадка, — быстро сказала я. Я попыталась уговорить Анну вернуться к разговору о Медноголовых. Но я сделала это недостаточно быстро.

— Шарли сделала это. Она отобрала у меня управление и попыталась управлять дроном. Оказывается, она не очень хороший пилот, — со вздохом сказала Воробей.

Я смотрела в середину ее блестящих серебряных глаз — что угодно, только бы не смотреть на Анну.

— Э-э... — примерно через полминуты молчания, в течение которого Анна только и делала, что смотрела на меня и качала головой, она, наконец, пробормотала. — Ты... ты разбила эту здоровенную тварь в Бриджтауне? Какого черта ты это сделала, Шарли? — ее руки сильно шлепнули по земле рядом с ней. — Они были нашими союзниками!

— Всё равно всё сгорело бы...

— Граклы сжигают его примерно три раза в год! Но знаешь, что? Мы всегда восстанавливаем его! — сказала Анна, щелкнув пальцами. — Теперь мы никогда не сможем восстановить его, потому что в середине моста большая дыра!

— Ну, не так, как я хотела! Я только ...

— Что именно?

Я не знала.

И в эту долю секунды колебания Воробей вмешалась:

— У нее есть чувства к тебе, и эти чувства превратили ее в злобного монстра с очень слабыми инстинктами пилотирования...

— Заткнись, Воробей! — завизжала я.

Между моими ушами гудела странная смесь. Я злилась на Воробья по целому ряду причин, не последней из которых являлось то, что она сказала Анне, что это я взорвала Бриджтаун. Но я была и расстроена тем, что Воробей сказала, что у меня были чувства к Анне.

Я была расстроена, потому что не поняла это, пока она не сказала. И я даже не очень понимала, что значило испытывать чувства к кому-то, но то, как мое сердце екнуло, когда она это сказала, дало понять, что это было правдой. Теперь я должна была справиться с этим.

Если бы мое лицо жгло еще сильнее, оно, вероятно, загорелось бы от ветра.

— Извини за мост, — сказала я, стараясь держаться, несмотря на румянец. — Я не знала, как управлять дроном, но все равно пыталась. И да, я думала, что они убьют тебя, если я чего-то не сделаю. Райкер и остальные точно дали...

— Подожди, подожди, — Анна подняла обе руки, будто я была шатающейся стеной, которую она пыталась укрепить. — Вы наблюдали за нами?

— Вроде того, — смущенно сказала я.

Рот Анны открылся. Она перевела взгляд с моего кипящего лица на Воробья, которая спокойно смотрела на нас, пока ее ноги свисали с края фургона. Анна смотрела на Воробья долгую минуту. Ее глаза скользили вверх и вниз, становясь все более напряженными с каждым взглядом, пока, наконец, не замерли в гримасе.

— Вы все из Эль-Пасо, — тихо сказала Анна, будто разговаривая сама с собой. — Иногда я забываю, потому что Шарли выглядит так... у нее не такая внешность, понимаешь? Нет холодности, которая всегда есть в глазах уродов. Но у тебя это есть.

Воробей ничего не говорила. Она спокойно выдержала взгляд Анны, даже не моргнув.

— Я понимаю, что вы живете иначе на западе, но я была бы признательна, если бы вы оставили нас в покое. Держите своих ботов, дронов и все, что у вас есть, при себе. Мы не хотим, чтобы это было здесь, — Анна поднялась и стряхнула пыль со штанов сзади. Она не смотрела на меня и сказала. — Если поможете мне найти мой рюкзак, клянусь, я не скажу ни слова о том, что на самом деле произошло в Бриджтауне. Но, думаю, будет лучше, если мы пойдем разными путями.

ГЛАВА 23

Следующие несколько минут прошли в неловком молчании. Анна озвучила Воробью свои предположения о том, в каком направлении могли уйти рейнджеры. Затем она наполнила флягу и без лишних слов забралась в фургон.

Воробей разделила оставшуюся воду на несколько кувшинов, которые она нашла привязанными к половицам под стойкой для оружия. Она двигалась быстро, наклоняя кувшин, чтобы наполнить каждый до краев, не пролив ни капли.

В задней части фургона было жарко; Анна вспотела. Она сняла порванную рубашку и закатала рукава грязной зеленой куртки. С локонов, спадающих с макушки ее обычно выбритой головы, капала вода на пол, их рыжеватые пряди потемнели от влаги. Похоже, ей было лучше быть несчастной, чем делить один клочок травы со мной и Воробьем.

Моя броня была влажной под мышками и коленями. Я тяжело дышала, язык опух. Я устала и хотела пить, и я думал, что лекарство, наконец, ослабевало. Но в течение многих минут я просто стояла и наблюдала, как Воробей занимается водой.

Я чувствовала, что все испортила. Что у меня был шанс вести себя как человек — вернуться в Ничто и продолжить с того места, где я остановилась. А теперь этот шанс был упущен.

Громкий звон снова привлек мой взгляд к фургону. Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фрэнк вытащил себя из цилиндрической формы. Его руки были широко раскинуты, а ноги — вытянуты вперед. Солнечный свет блестел на его хромированной

груди, а торс расширился, удерживая плечи на месте.

Я ожидала, что он нападет на меня: у Фрэнка точно было то, что он хотел бы мне разъяснить. Но вместо этого он согнулся в талии и прошел в темный центр фургона.

— Привет. Я подразделение ФР-47К, предпочтительное обозначение Франк. Похоже, у вас небольшие рваные раны на конечностях, и я обнаружил инфекцию в предыдущей травме на вашей ноге. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, пока я оказываю помощь.

— Мне плевать на... эй!

Я услышала пронзительный визг заряжаемого пистолета и внезапно вскочила. Я прыгнула в заднюю часть фургона, крича Анне, чтобы она убрала пистолет. Но прежде чем я успела ее остановить, она нажала на курок.

Я бросилась перед Фрэнком — что было сложно, потому что мне приходилось начинать с короточек — и поймала этот луч по центру груди. Броня мгновенно поглотила тепло. На самом деле было не так больно, но это вывело меня из равновесия. Я отлетела в сторону и ударилась головой о стойку для оружия.

И это было больно.

— Ой! Черт, — я осторожно коснулась головы и ощутила облегчение, когда мои пальцы остались сухими. Затем я повернулась и хмуро посмотрела на Анну. — Ты не можешь стрелять во Фрэнка.

— Не могу, — грубо ответила она, все еще заряженный пистолет был направлен через мое плечо, — не с тобой на пути.

— Он медицинский бот. Он только пытается помочь.

— Мне все равно, что это за бот, — резко сказала Анна. — Если это не плоть и кости — настоящая плоть и кости, — добавила она, кивнув на меня, — то я не хочу, чтобы он касался меня.

Это было больно. Мне было больно, что Анна так плохо со мной обращалась, особенно когда раньше она была так мила со мной. Я часто думала о ней. Я цеплялась за память о нашем разговоре у костра и вытягивала ее, когда дела шли плохо. Теперь она рычала на меня, будто я только что нассала в ее похлебку. И мне этого хватило.

Я не знала, что на меня нашло, но я ощутила прилив чего-то первобытного. Я чувствовала себя как в ту ночь, когда меня привязали к машине, и койоты погнались за мной.

Я подошла к Анне и наклонилась над ней, пока наши носы почти не соприкоснулись. Я могла видеть только ее глаза — мягкие карие радужки были острыми от какой-то ярости. Но ее гнев меня не пугал. Он кормил меня и заставлял жаждать большего. Я ощущала горячее давление ее пистолета, когда он грубо вонзился мне в вену под подбородком. Я улыбнулась, когда эта вена сильно запульсировала у ствола.

Будто я жаждала крови.

— Послушай, Анна, — сказала я смертельно тихим голосом. — Я с самого начала говорила тебе, что со мной что-то не так. Я не пыталась это скрыть. Ты знаешь, кто я, так что перестань вести себя так, будто это какой-то большой сюрприз. Расти, черт возьми.

— Держи своего бота подальше от меня, — сказала она в ответ, — и у нас не будет проблем.

Я пожала плечами и использовала это движение, чтобы сильнее наклониться к пистолету. Все, что Анне нужно было сделать, это вздрогнуть, и мое горло взорвется и поджарится до хрустящей корочки на грязи позади меня. Но это стоило риска.

— Отлично. Он не тронет тебя. Мы просто позволим этим ранам гнить, пока ты не

умрешь.

Фрэнк неловко щелкнул позади меня.

— Я не могу игнорировать открытую рану. Это противоречит моему протоколу...

— Ты ее не тронешь, — резко сказала я, не отрываясь от Анны. Я проникла глубоко в этот новообретенный колодец голода и использовала его, чтобы подкрепить свои слова. — Ты снова заснешь и заткнешься.

— Шарли, пожалуйста, не...

— Сейчас, Фрэнк.

Я слышала щелкающие звуки, когда Фрэнк сложился в цилиндр. Глаза Анны на миг оторвались от моих, расширяясь, когда они увидели, как Фрэнк впал в спячку. Удивление расцвело глубоким розовым оттенком на ее щеках, и я чувствовала запах ее страха...

Что только сделало меня голоднее.

* * *

У нас было мало времени. Рейнджеры опережали нас на полдня — и, если Анна говорила правду, до захода солнца они будут окружены медноголовыми.

— Они не такие, как другие граклы, — предупредила она меня, когда мы вместе присели в задней части фургона. — Медноголовые... они довольно плохие. Обычно они держатся далеко на западе, далеко там. В сторону Эль-Пасо. Но что-то направило их на восток.

Воробей ехала аккуратно. Слишком, на мой взгляд. Но Ничто по-прежнему представляло собой изрешеченную канавами пустошь, и фургон качался. Ни один из нас не был рад тому, что нам приходилось сидеть здесь вместе. Мы обе сидели на корточках, осторожные и негнущиеся — как парочка птиц, пытающихся сесть на кусок бечевки.

— Чем они плохи? — сказала я. Я бы хотела, чтобы Анна просто добралась до чертовой точки. Ничто проносилось мимо наших окон, и я скучала по всему этому.

Анна вернулась к рисованию спирали. Нам, наконец, удалось вырвать у Воробья лист бумаги и карандаш после почти пяти минут споров. Я знала, что с ней что-то будет — я не могла себе представить, чтобы она продержалась больше суток, не рисуя. Я не видела, где именно она спрятала свои припасы, потому что она заставила меня стоять в стороне и смотреть в сторону, пока она их выкапывала. Но я знала, что это было где-то со стороны водителя фургона.

И если она когда-нибудь меня разозлит, я буду знать, как ее задеть.

— Медноголовые не часто перемещают свой лагерь. Но когда они это делают, они всегда путешествуют вот так, — она провела острием карандаша по широкой дуге по спирали. — Снаружи держат разведчиков. Женщины и дети находятся посередине. А внутренняя точка...

— Да, голова. Я помню, — я неловко переместила свой вес, и струйка пота щекотала мою шею. — Итак, они назвали себя в честь змеи и передвигаются в форме змеи. Мило.

— Это не смешно, Шарли, — прорычала Анна. Ее рука сжимала карандаш так сильно что древесина фактически прогнулась. — Медноголовые — дикари. Они окунают свои ножи и стрелы в змеиный яд — и если одно из этих лезвий хотя бы поранит руку, тебе придется отрубить ее. Я видела, как рука человека за полчаса превращалась из хорошей в черную.

— Ага? Что произойдет, если я просто останусь вне досягаемости ножа?

— Ты не можешь! Вот что я пытаюсь тебе сказать, — ответила Анна, тыча карандашом в середину спирали. — Если рейнджеры ушли, то это потому, что голова охотится на них.

Это отбрасывает их к середине...

— То есть можно сказать, что это... сдавливает?

— Черт возьми, Шарли!

— Не ломай мой карандаш, — закричала Воробей с переднего сиденья. Ее серебряные глаза смотрели на нас сквозь отражение в зеркале заднего вида. Солнце блестело на них, как на двух кусках стали. — Если ты сломаешь мой карандаш, клянусь Богом, я засуну сломанные концы тебе в ноздри так далеко, что это убьет тебя мгновенно.

Анна выглядела растерянно.

— Что?

— Она угрожает проткнуть твой мозг, засунув тебе в нос осколки карандаша, — сказала я.

Анна выглядела еще более растерянной.

— Это вообще возможно?

— Ты действительно хочешь проверить ее?

— Нет, я хочу, чтобы ты заткнулась...

— Здесь что-то есть, — внезапно сказала Воробей. Она шлепнула меня по макушке. — Шарли, иди сюда. Смотри.

— Ой! Хорошо, я иду.

Воробей нажала на газ. Пол затрясся сильнее. Я повернулась и схватилась за спинку пассажирского сиденья для равновесия. Потом посмотрела в переднее окно.

— Что за...?

Сначала я не поняла, что видела. Это было похоже на огромную пыльную бурю: вихрь из песка и земли, вздымающийся над ландшафтом. За исключением того, что эта пыльная буря двигалась. Она моталась из стороны в сторону, двигаясь со скоростью, которая, вероятно, превосходила средний грузовик. Когда мы приблизились, в центре бури начали вспыхивать синие огни. Они время от времени сверкали между щупальцами грязи, и я сразу поняла, что это был лучевой огонь.

— Подъезжай поближе, — сказала я.

— Как ты думаешь, что я делаю? — ответила Воробей спокойно. Она нажимает на газ, и фургон начинает наезжать на неровности так сильно, что колеса отрываются от земли.

Анна беспомощно ковырялась сзади, ругая нас при каждом вздохе. Фрэнк сильно звенел ремнями. Ружья и канистры гремели так громко, что мне пришлось кричать, чтобы быть услышанной.

— Подрежь сбоку — не лезь прямо в середину!

— Думаешь, я глупа? — крикнула Воробей в ответ. Одной рукой она рулила, а другой схватилась за шлем. — Тебе лучше приодеться.

Она была права. Я схватила свой шлем с сиденья и надела его, пока ползла обратно к Анне.

— Иди сюда!

Она не дала мне руку, и мне пришлось тянуть ее за рукав. Мои ноги были закреплены под пассажирским сиденьем, а тело — вытянуто, как веревка. Я держалась за Анну и свернулась, притягивая ее к Фрэнку.

— Хватайся за эти ремни...

— Я не собираюсь просто сидеть здесь! — ее глаза пронизывали, а лицо пылало гневным жаром. Слова подпрыгивали, слетая с ее губ. — Это моя стая! Я буду сражаться за

них.

— Ты даже не можешь устоять на ногах, — я схватила ее руку и протянула через ближайший ремень. — Просто сиди спокойно и позволь уродам разобраться с этим.

— Шарли! — закричала Воробей.

Мы сравнялись с облаком пыли. Оно было намного больше, чем то, которое выбрасывал строительный бот. Наверное, размером с небольшой город. Я видела тусклое мерцание какого-то большого механизма и следовала за его тенью сквозь пыль, пока он кружил и скользил по земле. Другие тени преследовали его. Они напоминали мне рыбу, дерущуюся за жука: все они метались вокруг, пытаясь загнать эту единственную тень в центр круга. Но она продолжала убегать.

Наконец, тень вырвалась на свободу. Он оторвалась от преследователей и вырвалась из облака пыли. Это был один из пикапов рейнджеров. Песок слетал с его решетки, а грязь сыпалась на верхнюю часть, он мчался с головокружительной скоростью.

За ним из облака вырвались еще четыре машины — две мелких и два грузовика. Они были ржавыми и спаянными вместе, как старый байк Уолтера. Но их шины были толстыми, и каждая из них была оплетена гофрированной сталью. У одного из грузовиков к основанию решетки были приварены шипы. Он продолжал атаковать рейнджеров, пытаясь втиснуть эти шипы под основание и перевернуть машину. Остальные трое ускорились, пытаясь отрезать рейнджерам путь к отступлению.

Из каждого окна свисали тела. У них были пистолеты и винтовки, и они выпускали волну за волной лучевого огня по пикапу, пытаясь расплавить его шины. Рейнджеры отстреливались, когда могли. Но едва они высовывались, Медноголовые хлестали по окну потоком лучей.

Пыль и кусочки травы летели в лобовое стекло, Воробей упала на пол. Ее руки сжимали руль, а под броней напряглись мускулы, она изо всех сил пыталась удержать нас в вертикальном положении.

— Ого!

— Что? Ты никогда раньше не ездила по траве? — сказала я с ухмылкой.

Глаза Воробья закатились под красным оттенком лицевого щитка.

— Заткнись и достань пистолет.

— О, я уже знаю, какой пистолет я использую.

Я откатилась и позволила фургону подтолкнуть меня к люку. Желудок Анны явно не выдерживал такого количества движений. Она затуманено наблюдала, как я вращала замок. Ее лицо было цвета больничных стен. Кожа на ее щеках блестела, как рыба чешуя, когда на нее упало послеполуденное солнце, и свет отражался от холодного пота на ее лице.

— Что происходит, о-о-о!

Анна умолкла на полуслове. Ее глаза были выпучены, и она опустила голову. Ее вот-вот могло стошнить обедом на весь фургон. Но каким-то образом она подавила его. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на меня, ее глаза были налиты кровью от усилий.

— Что там происходит? — хрипло сказала она.

Я отошла в сторону, когда веревочная лестница упала.

— Мы догнали рейнджеров. Кто-то гонится за ними.

— На что они похожи?

— Охотники? Не знаю — дрянные, ржавые, — я охнула, поднимаясь по лестнице. Приходилось крепко держаться, чтобы не сорваться: Воробей еще не научилась ездить по

траве. Она продолжала дергать нас, вместо того, чтобы просто следовать за скольжением. — На одном из грузовиков шипы...

— Медноголовые! — Анна шаталась, пытаясь присесть. — Не позволяй — у — не позволяй этому грузовику перевернуть их!

— Я сделаю все, что смогу, — крикнула я.

Анна сказала что-то еще, но я ее не слышала. Ветер ревел, и грязь шипела на моем шлеме, когда я вытащила себя из люка. На этот раз я была увереннее. Меня не сбили с толку ни шум, ни свирепость ветра, рвущего мой плащ. Я схватилась за перила и вскочила за пушку. Мое сердце взволнованно вопило, когда я сжала ручки и ощутила, как металлические оковы обхватили мои ноги.

— Ты настоящая психопатка, — буркнула Воробей, когда я засмеялась. Ее голос хрипел в моих динамиках. — Ты готова?

Мы ехали за медноголовыми, прячась в огромном облаке пыли, поднимаемом их шинами. Они были шипастыми тенями вдалеке: метались, изгибались, изо всех сил стараясь опередить рейнджеров и отрезать их. Я не знала, хватит ли мощности фургону, чтобы догнать их.

Но, думаю, мы скоро узнаем.

— Ага. Возьмем их, — сказала я.

— Держись крепче, — ответила Воробей.

Я смеялась, фургон несся вперед. Он сердито рычал под моими сапогами — его голос становился громче с каждым ярдом опустошенной земли, которую он поглощал. Меня охватило странное чувство. Оно поднималось в такт нашей скорости, напрягаясь под натиском ветра.

Я была спокойна.

Я была создана для этого.

Воробей подкралась к ближайшему Медноголовому. Я повернула рычаги в сторону, пока не развернулась, огромный ствол моей пушки был направлен на наш бампер.

— Какого черта ты ждешь? — крикнула я. — Погнали!

— Заткнись, Шарли.

Воробей нажала на газ. Я крепко держалась за рычаги и ждала, мое сердце колотилось в горле. Фургон пронесся мимо первой машины. Я повернула пушку вправо и нажала на кнопку стрельбы, целясь в ржавую решетку.

Лобовое стекло машины было треснутым и грязным. Я только мельком заметила водителя, прежде чем облако пыли снова окутало его. Он таранился на меня. Я видела, как вокруг его глаз проступили белки, он сделал панический жест в сторону человека, сидящего рядом с ним, который выгнулся со своего места и вывесил пистолет в окно. Именно тогда я впервые увидела Медноголового.

Он был худым, и его борода представляла собой паршивое месиво. Десятки лучевых выстрелов почти сожгли рукав его кожаной куртки. Они цеплялись за швы клубком разорванных лент. Посередине его лба был круг опухшей красной кожи. Это привлекло мой взгляд, и я увидела плоский металлический диск, встроенный в шрам.

Рот Медноголового раскрылся в беззвучном реве, когда он прицелился из пистолета мне в грудь. Волосы бороды вокруг рта были влажными от липкой черной жидкости. Она вытекала из его зубов, когда он высунулся из окна, придавая ему вид дикого животного, которое только что насытилось горячей кровью.

Я не знаю, что дернуло этого Медноголового человека так обнажить верхнюю половину своего тела. Я не знала, то ли он был глуп, то ли искренне верил, что пистолет мог каким-то образом защитить его от луча обжигающей синей энергии, вырвавшейся из конца моей пушки.

Какими бы ни были его доводы, мне доставляло огромное удовольствие наблюдать, как его тело обжигал жар, а затем его выбросило в окно. Он безжизненно плюхнулся на каменистую землю, и облако пыли поглотило его останки.

Машина резко вильнула, когда еще три синих огненных шара шлепнули ее по передней части. Они ударились о лобовое стекло, и оно расплавилось. Стекло разбилось с оглушительным хлопком; водитель кричал, когда тысячи крошечных раскаленных осколков изверглись ему в лицо и разрезали его кожу на куски. Кровь хлестала внутри повозки ярким красным туманом. Водитель дернул руль в сторону, и передние колеса машины ударились о выступ из зазубренных камней.

Когда машина перевернулась, в окно вылетело еще больше тел. Она яростно сошла с курса, швыряя трупы и оружие по дуге над своим вращением. Я стреляла лучами в нее и разбросанные тела, когда что-то сильно ударилось о борт фургона, сбивая мой прицел.

Мир качнулся, подпрыгивая перед моим взором, пока Воробей боролась, чтобы удержать нас на правильном пути.

— Что это было? — сказала она, и ее голос звучал высоко внутри моего шлема.

Нас протаранил один из пикапов. Водитель сильно крутил руль в нашу сторону, пытаясь отогнать нас вправо. Я услышала глубокий свист и ощутила притяжение, когда рядом с нами поднялась отвесная бетонная стена. Мы ехали за тремя другими транспортными средствами: облако было слишком густым, чтобы сквозь него можно было что-то разглядеть. Я не знала, понимала ли Воробей, что мы вот-вот разобьемся.

— Тормоз! — кричала я. — Тормоз, черт возьми!

Моя грудь сильно ударилась о переднюю часть пушки, когда Воробей нажала на тормоз. Мы скользила, задняя часть фургона опасно виляла, словно змеиный хвост. Все мои суставы хрустели. На экране моего шлема вспыхнуло красное предупреждение, поскольку чистая сила угрожала нокаутировать меня. Я закрыла глаза. Это все, что я могла сделать, чтобы держать руки крепко на рычагах, потому что, если я отпущу их, металлические оковы вокруг моих ног разомкнутся.

И я буду ехать по земле, пока моя кожа не будет содрана.

Наконец, Воробей совладала с фургоном. Она повернула нас в сторону и остановилась. Я слышала ее дыхание через динамик в моем шлеме. Ее дыхание было не такое напряженное и прерывистое, как мое, но тот факт, что я его слышала, означал, что она была напугана.

— Ого... я думала, что мы перевернемся, — прошептала она.

Я медленно открыла глаза, мои колени дрожали, я боролась с желанием упасть. Даже с открытыми глазами было все еще темно. Влажный воздух каким-то образом пропитал мою броню. Он смешался с моим потом и образовал какой-то затхлый клей.

За нами и перед нами был дневной свет. Но там, где мы припарковались, было темно как смоль.

— Где мы? — пробормотала я. Я быстро повернула рычаги. Платформа звучала невероятно громко, когда повернулась лицом вперед. — Это... пещера?

— Я не уверена... эээ, подожди. Твоя подруга-рейнджер что-то кричит мне.

Я услышала хлопок, затем резкий удар. Потом раздался панический голос Анны в моем

уже:

— Повернись! Убирайся отсюда!

Воробей фыркнула.

— Да, мы, очевидно...

— Живо!

Мы одновременно услышали глубокий рокочущий звук. Звук грома пронесся по небу. Земля затряслась; теплые, липкие капли воды падали с потолка и разбрызгивались по верхней части моего шлема. Затем огромная тень затмила солнечный свет перед нами.

— Что это? — сказала Воробей.

Я не знала. Я не могла мыслить достаточно ясно, чтобы произнести хоть слово. Что бы это ни было, оно было достаточно велико, чтобы сотрясать землю и заполнять все отверстие.

— Мы должны выбраться отсюда! — снова закричала Анна. Я слышала, как она шлепнула Воробья по руке через динамики. — Поехали! И что бы ты ни делала, не смотри!

Не смотреть?

Что, черт возьми, это должно было означать?

Я ощутила, как фургон затрясся подо мной, Воробей направила нас задним ходом. Не успела она нажать на газ, как перед нами вспыхнул свет. Он был чистым, ослепительно белым. Я чувствовала, как он прорезал мне глаза и ударил по затылку. Я зажмурилась крепко, но ущерб уже был нанесен.

Когда я открыла их снова, света уже не было. Весь свет исчез. Я не видела своих рук или солнечного света позади себя. Я даже не видела экран шлема. В моих глазах было два огромных черных пятна.

— Боже мой, кажется, я ослепла!

В моих ушах раздались два раздраженных голоса:

— Она сказала тебе не смотреть...

— Я сказала тебе не смотреть!

— Ну, я не знала, что ты имеешь в виду! — взвыла я. Фургон несся назад. Я могла сказать, насколько быстро мы двигались, по количеству ветра, который трепал мой затылок.

— Как «не смотреть» означает что-то кроме «не смотри»? — Анна рычала мне в ухо. — Если бы ты заткнулась или... о, блин. Шарли!

— Что? — отозвалась я. Меня просто тошнило от того, что они кричали мне в ухо.

— Сзади к нам подъезжает машина — она блокирует выход! Нужно стрелять!

— Я не вижу! — но хоть я и ослепла, я знала, что у меня не было выбора. Я повернула рычаги, пока не решила, что заняла верную позицию. Затем я выстрелила лучом.

Глубокий гул раздался слева от меня. Фургон поднялся на задние колеса. Волна жара сильно ударила меня в грудь. Я слышала шипение, вода кипела на моем шлеме.

— Еще немного правее, — крикнула Анна, ее слова были торопливыми и высокими. — Верно-верно!

— Хорошо!

Я выстрелила еще одним лучом. На этот раз я видела ярко-голубой свет краем своего зрения. Будто слепота высыхала, как лужа. Я яростно моргала, пытаюсь ускорить высыхание.

— Ниже! — сказала Анна.

Я немного наклонила пушку и удерживала кнопки стрельбы. Выскочили три луча, один за другим. Тревога начала отчаянно пищать внутри моего шлема, но я плохо видела, чтобы читать на экране. Я просто продолжала стрелять и надеялась, что, в конце концов, попаду в

цель. С каждым лучом-вспышкой я видела немного больше. Я видела дно машины, когда она отлетела в сторону и едва избежала моего огня.

Она не отставала, поглощая землю между нами с угрожающей скоростью. Голубые лучи летели из ее окна в мою сторону. Я чувствовала серию глухих ударов, некоторые из них нашли свои цели. Но моя броня защищала меня.

Я смотрела на машину сквозь дыры моего зрения. Казалось, она всегда смещалась вправо. Каждый раз, когда я целилась, она виляла правее.

Так что в следующий раз, когда я выстрелила, я точно знала, куда целиться.

Тут было не так много места. Поэтому, когда мой луч попал в переднюю часть машины, и она отклонилась влево, она ударилась о бетонную стену. Это должно было стать концом. Но водитель держал ногу на газу. Массивные шины машины скользили вверх по стене, будто она собиралась взобраться на нее. Затем, когда Воробей попыталась проехать мимо, машина перевернулась.

Не знаю, как я узнала, что нужно было нырнуть. Я была слепой и потрепанной ветром, в шлеме кричала тревога. Но каким-то образом я ощутила, как многотонная волна из резины и стали вот-вот обрушится на меня. Я отпустила рычаги и упала. Металлические оковы растянулись. Я рухнула на живот.

Через полсекунды мои уши лопнули, машина врезалась в перила.

— Шарли? Шарли!

Я слышала крик, но не знала, чей. Может, они обе одновременно хлестали меня по ушам. Я не знала. Сейчас я пыталась уцепиться за край платформы — и молилась, чтобы перила продержались еще немного.

Машина перевернулась и упала так, что ее кабина идеально вклинилась в кольцо платформы пушки. Теперь она застряла, как жук, на спине. И водитель, похоже, никак не хотел смириться с этим фактом: он продолжал давить на газ, совершенно не считаясь с законами природы. Машина терлась о перила, визжа, когда колеса пробуксовывали, а кузов беспомощно раскачивался.

На краю поля зрения вспыхивал оранжевый свет каждый раз, когда машина ударялась о рельсы. Это могли быть искры. Колючие уколы обжигающего жара покрывали заднюю часть моей брони. Это было как лежать под одеялом из огненных муравьев.

— Шарли!

— Что?

— Видишь? Я же говорила тебе, что она не раздавлена, — самодовольно сказала Воробей.

Анна выдохнула с хрипом.

— Как, черт возьми, ты выжила, Шарли?

— Какой длины, черт возьми, этот проклятый туннель? — кричала я.

— Почти там, — ответила Воробей. — Но ты, возможно, захочешь пробираться к люку.

— Почему?

— Он настигает нас — я не могу ехать прямо. Я начну уклоняться, как только мы выберемся отсюда. И я бы предпочла, чтобы ты не оставляла в грязи кровавое пятно.

Я бы тоже предпочла избежать этого.

Сигнализация выла внутри моего шлема. С моих глаз высохло еще больше черной массы, и я смогла разобрать одно слово на предупреждающем экране:

Низкий.

Я понятия не имела, что это значило. Может, было мало кислорода? Эти шлемы качали кислород? У меня не было времени удивляться. Я повернулась, пытаюсь найти достаточно широкую щель, чтобы выскользнуть в нее.

Справа от меня была одна узкая полоска. Если я прижмусь и буду извиваться достаточно сильно, я выскользну из-под машины и упаду в люк. Я наклонилась, сжала ладонями за перила и подняла руки. Я хотела выпрыгнуть из этой щели в люк. Будет больно, когда я приземлюсь, но оно того стоило.

Я бросилась вперед изо всех сил — и влетела головой в острие зазубренного ножа.

ГЛАВА 24

ВНИМАНИЕ: НАРУШЕНИЕ

ВНИМАНИЕ: НАРУШЕНИЕ

Я смотрела на эти ярко-красные буквы, мелькающие на моей лицевой панели. Я увидела, как передо мной упал нож, который держал в руках рычащий Медноголовый. Я почувствовала удар, когда зазубренный наконечник проткнул макушку моего шлема; оглушительный треск пластика, когда он раскололся, до сих пор звенел в моих ушах.

Этот Медноголовый, должно быть, выпрыгнул из окна и повис вниз головой, чтобы увидеть меня. Теперь я слышала, когда отключилась сигнализация внутри моего шлема, только его маниакальный смех.

— Я застрял в одной из них! Проткнул голову!

Мой нос и уши болезненно потянули назад, когда Медноголовый вытащил свой нож, срывая мой шлем. Ветер и песок обрушились на мое лицо. Я пригнулась и прикрыла голову сгибом руки. Мои пальцы тряслись у скальпа, нащупывая колотую рану или даже болезненный участок кожи. Я помнила, что Анна говорила об отравленном оружии Медноголовых, и знала, что даже один небольшой порез мог меня убить.

Я ничего не ощутила. Но прежде чем я успела вздохнуть с облегчением, я услышала, как Медноголовые закричали из машины надо мной:

— Это не голова!

— Где, черт возьми, все остальное?

— Ха! Ты промазал!

— Черт возьми, да!

Медноголовый снова свесился. Я полностью увидела его обветренное лицо: у него были дикие глаза, а зубы казались неестественно острыми в слое черной слизи. Вены вздулись на его тонкой руке, когда он направил ко мне нож.

— Иди сюда, ты, маленький кусок де...

Солнечный свет вспыхнул белым и ослепил наши глаза. Медноголовый завопил и ударил себя ладонью по лицу. Я закрыла глаза и сжала ближайший кусок перил. Я приковала себя, готовясь к силе уклонения Воробья. Но ничто не могло подготовить меня к резкому рывку фургона.

Она повернула его полукругом, быстрее, чем такое тяжелое транспортное средство должно было вращаться. Машина отлетела и врезалась кабиной в край туннеля. Последнее, что я увидела в Медноголовом, — это выражение его лица, когда машина полетела, а край перил оторвал ему нижнюю челюсть.

Кровь залила мое лицо горячей красной струей. Страх был единственным, что держало меня у перил: мои руки обвивали металл с нечеловеческой силой и оставались прижатыми, даже когда моя нижняя часть тела раскачивалась в открытом пространстве.

Воробей не останавливалась достаточно долго, чтобы я смогла подняться. Она вырвалась из туннеля со скоростью, которая настраивала против меня всю силу земли. Я ни черта не видела — я чувствовала, как мои ноги брыкались на открытом воздухе, пытаюсь создать достаточный импульс, чтобы подняться на крышу фургона. Но ветер был слишком сильным.

Мои руки немели. Потом стали трястись. Я знала, что у меня была лишь пара шансов зацепиться за крышу, прежде чем иссякнут силы. И если я упаду с такой высоты, на такой скорости, с меня заживо сдерут кожу. Я снова подняла ноги в последнем приступе отчаяния — и ощутила, как кто-то схватил меня за лодыжки.

— Ах! — на полсекунды мне показалось, что это мог быть еще один Медноголовый. Я пяткой вслепую ударила его по лицу.

— Перестань, перестань пытаться меня пнуть, чудачка!

Я перестала вертеться и повернула голову.

— Анна?

Она выскочила из люка, вся ее верхняя часть тела вытянулась, чтобы дотянуться до меня. Ее кудри летели по ветру. Красная бандана закрывала нижнюю половину ее лица, но я видела, как между ее нахмуренными бровями появлялись морщинки, пока она изо всех сил пыталась удержать меня.

— Отпусти! — кричала она.

— Что? Нет!

— Я не могу втянуть тебя, если ты держишься!

Она была права. И хотя каждая кость в моем теле искренне противилась этому, я отпустила перила.

Моя грудь ударилась о крышу фургона, когда Анна грубо потащила меня назад. Она была слишком груба. Она тянула слишком быстро. Мне удалось вскинуть руки вовремя, чтобы не удариться подбородком о край люка. Секунду спустя я рухнула животом, весь воздух вылетел из меня. По крайней мере, я упала на Анну, а не на твердый пол фургона.

Мы лежали на полу в переплетении конечностей. Наши легкие задевали друг друга, пока мы обе изо всех сил пытались отдышаться. Я видела только золотисто-карие глаза Анны, и они смотрели на меня со смесью разочарования и тревоги.

— Ой, — прошипела я через мгновение.

— Ага, — согласилась она, быстро кивая. — Черт возьми, это больно.

— Шарли? — крикнула Воробей спереди.

— Я в порядке, — ответила я. Я сползла с Анны и схватила ее за запястья, помогая ей присесть. — На секунду мне стало страшно, но я в порядке...

— У нас проблема, — коротко сказала Воробей.

Я была готова пробиваться вперед, но фургон уже не подпрыгивал, как раньше. Мы тормозили почему-то. Когда я забралась на пассажирское сиденье, Воробей указала на сообщение, мигающее посреди экрана приборной панели:

Низкий заряд

— Что это значит? — буркнула я.

— Это значит, что в фургоне закончился заряд...

— Я знаю, что это значит! Я имела в виду, почему у нас нет заряда? Солнце встало!

Воробей некоторое время молчала. Я не могла понять, о чем она думала под своей красной лицевой пластиной. Наконец, она сказала:

— Где твой шлем?

— Забудь о моем проклятом шлеме! Что происходит с фургоном?

— Думаю, пушка на крыше использовала гораздо больше заряда, чем ожидалось. И мы ехали очень быстро — кристалл слишком сильно разряжается, Шарли, — фыркнула Воробей, в ее голосе слышалось раздражение. — Мы перестарались. Точно так же, как ты поступила с Фрэнком.

— Эй, это не моя вина...

— Почему мы тормозим? — выдохнула Анна мне в ухо. Она застряла между нашими сиденьями, ее пистолет был направлен в заднее стекло фургона. — Эта штука все еще позади нас!

Я посмотрела туда, куда она указывала, и впервые увидела то, что преследовало нас.

Вероятно, когда-то это был мусоровоз. Но Медноголовые приварили к его бокам и спереди пластину из огромных шипов. Передний набор шипов выступал примерно на пять ярдов за конец его решетки — более чем достаточно длины и веса, чтобы уничтожить практически любое другое транспортное средство, с которым он столкнется.

В том числе и наш фургон.

— Нельзя тормозить! Нужно продолжать двигаться! — сказала Анна.

Воробей тяжело вздохнула.

— Я двигаюсь. И дело не в том, что я намеренно замедляюсь: у фургона низкий заряд.

— Что, черт возьми, это значит?

— Замолчите! — перебила я их. Я наклонилась, чтобы посмотреть в пыльное ветровое стекло. Мои глаза сканировали каждый дюйм бесплодного ландшафта в поисках чего-нибудь, что мы могли бы использовать, чтобы соскоблить медноголовых с нашего хвоста. — Заткнись и продолжай ехать. Просто дай мне подумать...

Мы не могли обогнать мусоровоз. Мы не разлетелись на куски только потому, что он двигался чертовски медленнее нас — мы купили себе примерно пять минут. Я точно знала, что даже пустой мусоровоз так быстро не ехал, а этот вез с полной загрузкой. Вся задняя

часть была завалена камнями. Медноголовые, вероятно, нагроулили его, чтобы сбалансировать вес шипов. Но груда камней также служила насестом для двадцати разгневанных вооруженных мужчин.

Они притаились среди камней, их черные лица уставились на наше окно. Я не могла точно сказать, какое у них было оружие. Не мачете, и я была почти уверена, что это не были пистолеты. Они были похожи на букву Т: длинные хвосты с двумя дугообразными ветвями, вставленными в их вершины. Некоторые из них держали свои Т так, будто держали винтовку. Но большинство использовали только одну руку.

И все они были направлены на нас.

— Арбалеты, — сказала Анна, будто она могла прочитать вопрос в моей голове. — Хорошая новость в том, что им придется подобраться довольно близко, чтобы поразить нас.

— Какие плохие новости? — выдавила я.

Анна неловко поерзала.

— Ну... у них металлические наконечники, так что ваша броня будет бесполезна...

— Отлично.

— ... и я готова поспорить на большой палец левой руки, что все наконечники покрыты ядом. Когда они нас догонят, — хрипло рассмеялась Анна, — мы все будем похожи на лес. Даже Чокнутые Глаза раздувается и почернеет вместе с остальными... если только у тебя нет в коже какого-нибудь щита от гремучей змеи?

— Ммм, я не знаю, — ответила Воробей. Ее перчатки скрипели, когда руки сжали руль. — Меня и раньше убивали стрелами. Это не так плохо.

— Она говорит о симуляции ZOOT — это длинная история, — нетерпеливо пробормотала я, когда Анна приподняла брови.

Я повернулась и села на колени, глядя в заднее окно, пока мусоровоз медленно сокращал расстояние между нами. У нас было пять минут, прежде чем шипастая решетка проделает дыру в боку нашего фургона. Может, меньше. Я видела, что к шипам прилипли части грузовика. Они казались знакомыми: я узнала угольную краску на проколоте двери, и мой желудок сжался. Красные брызги украшали кончики шипов, и я была почти уверена, что это была не ржавчина.

Анна видела детали грузовика — и я знала, что она их тоже узнала. Она знала, что дверь была всем, что осталось от пикапа рейнджеров. Она знала, что, по крайней мере, половина ее стаи погибла.

Я смотрела, как сердитая волна красного цвета залила кожу на ее затылке, и я знала, что мы не могли просто свернуться калачиком и умереть.

Мы должны были взять с собой Медноголовых.

— Есть ли шанс, что поблизости есть еще один мост? — крикнула я, протискиваясь мимо Анны. Она заняла мое место, и я стала рыться в оружии в задней части фургона. Я собиралась использовать гранаты — я умирала от желания использовать их с того момента, как впервые увидела этот маленький черный ящик. Единственное, в чем я не была уверена, так это в том, смогу ли я найти способ использовать их все сразу.

Если это будет последний взрыв, который я когда-либо увижу, я хотела, чтобы он был большим.

— Да... похоже, через полмили будет мост, — крикнула Воробей.

Анна посмотрела на экран приборной панели.

— Это не мост — это Арка. Это один из наших маркеров мили. Отсюда до Старого

города двадцать миль.

— В какой-то момент это был мост, — настаивала Воробей.

— Что бы это ни было, он никуда не денется. Он просто изгибается очень высоко.

— Ему и не нужно никуда деваться. Мне просто нужно втиснуть мусоровоз в щель, — сказала я.

Я прошла у стойки с оружием, моя рука скользила по стволу каждого пистолета, мимо которого я проходила. У меня был револьвер, но мне нужно было кое-что еще. Что-то с немного большим радиусом действия. Я была почти уверена, что у меня не хватало сил, чтобы нести большую пушку — и даже если бы я смогла поднять ее на плечи, толчок этой штуки отправил бы меня в Эль-Пасо.

После еще одного быстрого сканирования я выбрала винтовку. Это было довольно простое ружье: толстый приклад, длинный ствол и стандартные металлические прицелы. Винтовка действовала от рычага, что должно было дать мне шанс подстрелить несколько Медноголовых на выходе.

— Да, но в этом нет смысла! — сказала Анна, проводя рукой по лобовому стеклу. — Он просто движется по дуге и падает обратно.

— Шарли сказала, что ей нужен мост, — коротко ответила Воробей, — и это единственный мост в пределах нашей досягаемости. Хотя я признаю, что нам повезет, если у нас будет достаточно заряда, чтобы добраться до вершины.

Анна недоверчиво поморщилась.

— Но это никуда не...!

— Это прекрасно, — сказала я, пригибаясь к ним.

Это было прекрасно. Я не могла бы и мечтать о лучшем месте: эта арка выглядела так, будто когда-то была частью огромной, запутанной массы бетонных мостов. Я не могла себе представить, сколько машин здесь было раньше. Я не могла представить себе мир, в котором людям понадобилось бы столько огромных мостов в одном месте. Ежедневно здесь проезжали тысячи автомобилей.

Остальные сломались пополам или рассыпались у столбов. Но этот мост стоял до сих пор. Он изгибался в виде наклонной буквы С от одного конца земли к другому. Его середина нависала над крутым скалистым холмом. Земля опускалась опасным склоном, поросшим кедрами и мескитовыми деревьями. Если мусоровоз упадет с вершины этого моста, он будет катиться до тех пор, пока каждый медноголовый не превратится в кашу.

Цок!

Мы с Анной подпрыгнули, когда что-то сильно стукнуло в заднее стекло. Воробей нахмурилась, глядя в зеркало.

— Они стреляют в нас стрелами.

— Да, мы знаем, — огрызнулась Анна. Она оттолкнула меня локтем и направилась к задней части фургона. — Здесь должно быть что-то, что мы можем использовать, чтобы снять их с наших... ах, гранаты!

— Нет, не бросай гранаты, — крикнула я в ответ.

— Почему нет?

— Потому что я собираюсь их использовать.

— Все? — Анна усмехнулась. — Ни за что, в горящем аду, ты не собираешься использовать все эти гранаты.

— О, есть способ, — спокойно сказала я, хотя мое сердце бешено колотилось, будто

пыталось понять, как летать. — И я не хочу, чтобы ты их бросала, потому что я не хочу, чтобы Медноголовые знали, что у нас есть. Я хочу, чтобы они были удивлены.

Цок!

Щелк, щелк, щелк!

— У нас нет времени на сюрпризы! — взвыла Анна, когда новые стрелы ударили в окно. — Боже, они почти достаточно близко, чтобы проделать дыру в стекле.

Воробей усмехнулась.

— Они не могут проделать дыру в этом стекле. Оно бронировано. Им нужно что-то покрепче.

— Как насчет тонны металлических шипов? — сказала я.

Голова Воробья в шлеме наклонилась в сторону.

— Вероятно, это сработает. Ага.

К тому времени, когда мы достигли основания Арки, Медноголовые были уже достаточно близко, чтобы я могла увидеть ненормальные выражения на их бородатых лицах. Они, похоже, сообразили, что не могли прострелить наш фургон, так что теперь просто размахивали своими арбалетами и ругали нас сквозь оскалы.

— Черт возьми, эта черная слизь у них во рту? — сказала я, втиснувшись рядом с Анной.

— Это змеиная кровь, — она взяла с полки длинноствольную винтовку и прижала приклад к плечу. Голубой свет трещал по золотым полоскам в ее глазах, когда она отодвинула затвор, и внутри камеры вспыхнул кристалл. — Они превращают кровь в таблетки, а затем рассасывают их, когда у них мало воды.

— Грубо, — пробормотала я.

Анна пожала плечами.

— Полагаю, чтобы они не умерли от жажды.

Она бросилась на пассажирское сиденье, пока я была занята открытием всех ящиков с патронами. Внутри ящиков лежали десятки кристаллов — каждый был упакован и запечатан внутри корпуса из ультраотражающей фольги. Они, вероятно, взорвутся даже через ящики, но я хотела убедиться, что гранаты нанесут как можно больше урона. Я хотела, чтобы они взорвали все.

У меня остался один ящик с боеприпасами, который я передала Анне.

— Я не могу это нести, — сказала она, когда я поставила ящик ей на колени.

— Я могу, — буркнула Воробей. Фургон жалобно скулил, когда она въехала в основание моста. Ее ботинок скрежетал на газу, и она толкала машину вверх по склону. — Где ты хочешь, чтобы я остановилась, Шарли?

— Если сможешь провезти нас немного дальше вершины Арки, это будет лучше всего.

Я выглянула в заднее окно и ощутила ледяную корку внизу живота, когда заметила, как близко подобрались Медноголовые. Я надеялась, что камни утяжеляли их. Я надеялась, что они боролись с этим восхождением так же сильно, как и мы. Но на случай, если это было не так, нам нужен был другой план.

— Как ты думаешь, с какой высоты ты можешь упасть, не сломав ногу, Воробей?

— Ммм... не знаю. Шестьдесят футов, наверное, — сказала она.

Рот Анны раскрылся.

— Ни в коем случае — никто не может так упасть, не сломав свою спину пополам!

Я игнорировала Анну.

— Как далеко ты сможешь упасть, если несешь ящик с боеприпасами и около ста тридцати пудов?

Шлем Воробья откинулся на пассажирское сиденье. Ее взгляд бегал по фигуре Анны.

— Это больше похоже на сто сорок пудов...

— Как далеко? — рявкнула я.

— Сорок футов — и это слишком, — напряженно ответила она.

— Хорошо. Сделай это. Уведи ее как можно дальше от места взрыва.

— Хорошо.

— Что? — сказала Анна. Ее лицо почти стало цвета облака, так что я знала, что у нее было некоторое представление о том, что мы запланировали. И у меня не было времени объяснять остальное.

— Что ты будешь делать, Шарли? — сказала Воробей.

Я старалась не думать об этом. Я сосредоточилась на том, чтобы подготовить заднюю часть фургона к взрыву, достаточно сильному, чтобы уничтожить Медноголовых. Я вытащила из кармана плаща две гранаты и держала их в руке. Бок о бок. Их вершины звякнули друг о друга...

— Ты могла бы использовать Фрэнка, — крикнула Воробей. Мы были у вершины моста. Двигатель фургона задыхался на остатках заряда. — Я знаю, что он тебе не особо нравится, но он определенно может принять падение.

Честно говоря, я забыла о Фрэнке. Я посмотрела на его бездействующий цилиндр, его хромированные стенки звенели о ремешок, и у меня появился кислый привкус во рту. Я не доверяла Фрэнку. Но у меня тоже особого выбора не было.

— Как мне его разбудить?

— У него на макушке есть кнопка, — сказала Воробей. — Нужно сильно надавить, а затем удерживать ее в течение трех секунд.

— Хорошо, — пробормотала я.

Я возилась с ремнями Фрэнка, когда громкий хлопок отдернул мои руки. Медноголовые пытались взобраться на мост. Их мусоровоз вздымался от напряжения, извергая хвосты синего пламени из задней трубы каждый раз, когда двигатель трещал и глох. Мужчины на вершине каменной кучи хлопали руками по железным бокам мусоровоза. Они шумели, когда водитель давил на газ, подстрекая его. Но вес камней мог быть слишком большим.

На полсекунды я боялась, что мусоровоз не сможет подняться, и что мы застрянем на гребне моста — в окружении медноголовых и в осаде, пока не кончатся наши припасы. И это был бы кошмарный способ умереть.

Хлоп!

Двигатель мусоровоза, наконец, переключился на более высокую передачу. Он сильно раскачивался и брыкался, как дикое животное. Камни летели по дуге с вершины его кучи — вместе с несколькими неудачливыми Медноголовыми. Их тела подпрыгивали на горячем бетоне. Некоторые из них получили валуны размером с череп себе в живот и середину груди, и их мучительные крики пронзили воздух.

Никто не остановился, чтобы помочь им. На самом деле Медноголовые, сумевшие остаться на мусоровозе, смеялись над своими павшими товарищами. Они запрокинули головы и хохотали, будто смерть была шуткой.

Я не хотела знать, что они будут делать, если поймают нас.

Я снова возилась с ремнями Фрэнка, когда фургон внезапно вздрогнул и замолк. Я

услышала, как заскрипели тормоза, когда Воробей нажала на них, не давая нам скатиться с другого конца моста.

— Вот и все. У нас нет заряда, — крикнула она ровным и беззаботным голосом. — Как далеко ты хочешь пойти?

— Не знаю, — отозвалась я, вытаскивая Фрэнка из ремней. Боже, он был тяжелым. С гранатой в одной руке и цилиндром Фрэнка на сгибе руки мне повезет, если у меня хватит конечностей, чтобы ползти. — Может, двадцать ярдов?

— Ммм, я бы чувствовала себя в большей безопасности на тридцати.

— Хорошо, тогда тридцать! Делай, что хочешь, только быстро!

— Как насчет того, чтобы выкарабкаться из этой проклятой смертельной ловушки? — сказала Анна дрожащим голосом. Она смотрела в окно, и по тому, как широко были распахнуты ее глаза, я понимала, что ей было некомфортно на высоте.

Воробей сняла ногу с тормоза, и фургон начал катиться по мосту. Ее серебряные глаза были прикованы к зеркалу заднего вида. Она позволила нам катиться до тех пор, пока Медноголовые не исчезли за гребнем моста. Затем она припарковала фургон.

Наши колеса опасно стонали, фургон покачивался после медленного спуска по склону. Я не знала, начнем ли мы снова съезжать. Воробей сидела как камень на водительском сиденье; Анна крепко прижимала винтовку к груди. Прошла еще одна секунда, и фургон замер.

— Хорошо. Вылезайте отсюда, — рявкнула я.

Обе женщины попытались распахнуть двери, но мост был слишком узок. Они ударились о бетон и отскочили.

— Нам нужно выйти сзади...

— Нет! Если выйдете через заднюю дверь, то застрянете между фургоном и этими Медноголовыми, — я остановила Анну локтем и пнула спинку сидения Воробья. — Выйди в окно.

— Окна не открываются, — сказала Воробей.

— Тогда пробей их!

— Они бронированы...

— Ты крепче любой проклятой брони, — огрызнулась я. — Сожми кулак и замахнись, как следует.

Воробей медлила секунду. Ее шлем повернулся к лобовому стеклу, и она подняла правую руку. Ее перчатка скрипела, когда пальцы сжались.

Я подпрыгнула, когда ее костяшки пальцев врезались в стекло. Она повернулась так быстро, что я даже не заметила, как она это сделала.

Анна взвизгнула и чуть не уронила винтовку.

— Твою...! Разве это не было больно? — недоверчиво сказала она, наблюдая, как Воробей отдирает большую панель из бронированного стекла на половицу. — Это...? Ты порезалась?

— Нет, — Воробей медленно согнула руку. — По крайней мере, я так не думаю.

— У нас будет время проверить себя на наличие порезов позже, — прорычала я, снова пиная сиденье. — Сейчас вам всем нужно бежать — вперед!

Воробей выскользнула через дыру в лобовом стекле, будто делала это уже сотни раз. Она терпеливо стояла, пока Анна пробиралась через стекло. Едва сапоги Анны коснулись земли, как Воробей взвалила ее себе на плечи.

Я ожидала, что она что-то скажет о том, что ее подняли, как мешок. Но Анна просто висела, цепляясь за свою винтовку, в то время как ее глаза оставались широко раскрытыми и испуганными. Выражение ее лица напоминало мне ночное существо, в глаза которому ударил свет: что, черт возьми, происходит?

Анна не была грызуном из сточной канавы, не знающим ничего, кроме дня и ночи. Она знала, что должно было произойти. Она знала, что Воробей спрыгнет с моста и упадет на землю с нечеловеческой высоты. И она так переживала из-за этого, что ее даже трясло.

Я выползла из окна и повернулась так, чтобы мои ботинки первыми коснулись земли. Я шла за Воробьем примерно десять ярдов вниз по задней части моста. Все дрожало. Я слышала, как стонали древние бетонные балки, пока мусоровоз с трудом поднимался к гребню. Возбужденные крики Медноголовых разносились сквозь сильный ветер, как демонический вой.

— Позаботься о ней, — крикнула я, пока Воробей продолжала убежать. — Помни — она человек. У нее только одна жизнь. Так что, несмотря ни на что, ты доставишь ее в безопасное место. Я найду тебя, когда все это закончится.

— Я буду осторожна, — крикнула Воробей. Она не останавливалась и не обернулась.

Анна вывернула шею, чтобы посмотреть на меня, и я старалась не отвлекаться на страх в ее глазах.

— А ты? Где ты...? Шарли! Шарли!

— Я буду в порядке! — уверила ее я. Хотя я прекрасно знала, что со мной, вероятно, не все будет в порядке. Весь вес моей жизни зависел от того, смогу ли я убедить Фрэнка сохранить ее. И я думала, что Фрэнк, наверное, немного злился на меня.

Я повернулась к фургону и поставила Фрэнка на раскаленный бетонный склон. Он мигнул зеленым, когда я нажала на его кнопку. И через пару секунд он выпрямился во весь рост.

— Ты не понимаешь, какое влияние твой усиленный коммуникационный рецептор может оказать на любое подразделение в пределах твоего диапазона, — Фрэнк ругал меня, будто не понимал, как долго бездействовал. — Если ты не научишься контролировать себя сейчас, очень вероятно, что ты... Шарли, мы находимся на очень опасной высоте, — динамики Фрэнка стали тише, а его руки были раскинуты, словно хромированная блокада, не давая мне подойти слишком близко к краю мостика. — Твое тело не останется целым, если ты упадешь отсюда.

— Да, я знаю, — сказала я, вытаскивая чеки из гранат. — Вот почему мне понадобится твоя помощь.

ГЛАВА 25

— Ты привела в активность взрывное устройство, — сказала Фрэнк, его линза отметила гранаты в моей руке. — Пожалуйста, отдай устройство, чтобы его можно было безопасно разрядить.

— Я не хочу безопасно их разряжать. Я хочу их взорвать.

Линия на динамике Фрэнка на мгновение прервалась.

— Такой образ действий опасен и нецелесообразен...

— Но это будет чертовски круто, — прорычала я сквозь ухмылку.

Моя рука дрожала от усилия, которое требовалось, чтобы удержать пружину нажатой. Волнение пронзало мой позвоночник. Я держала в руке огромное количество разрушения — проклятую волну огненной смерти. Я смотрела, затаив дыхание, и мое сердце билось о ребра, пока Медноголовые взбирались на гребень холма.

Они закричали, увидев меня. Мужчины, сидящие на камнях, опустили арбалеты, целясь смертоносными наконечниками стрел в центр моей груди. Я присела и рассмеялась, услышав, как стрелы били в заднее стекло фургона.

Медноголовые сделали свой выстрел.

Настала моя очередь.

Я встала и отвела руку, готовясь к броску. Мой взгляд был прикован к неровной дыре в лобовом стекле. Это будет адский огненный шар.

— Шарли, пожалуйста, отдай...

Хромированная голова Фрэнка повернулась, чтобы посмотреть, как гранаты вылетели из моего кулака и попали в лобовое стекло. Звон, который исходил от их металлических стенок, ударяющихся об пол, внезапно стал единственным шумом на многие мили. И следующие полсекунды тишины были оглушительными.

Мой голос дрожал от волнения и страха.

— Ну, что ты собираешься? Уф!

Я не получила предупреждения: Фрэнк схватил меня металлическими руками и оторвал от земли. Ветер свистел в ушах, когда он побежал к краю моста. Он двигался слишком быстро, чтобы мой разум мог обработать движение; весь мир скатился в затемненное пятно. Он прыгнул с края мостика — так, будто у него в заднем отсеке хранилась пара крыльев — и все замедлилось.

Я встретила взглядом с одним из Медноголовых. Он перезарядил свой арбалет быстрее остальных. Его черные глаза царапнули мое лицо, и в них горела нечеловеческая ярость. Его губы скривились, когда он прицелился мне в грудь. Я слышала звук струны, когда он запустил в меня стрелу со стальным наконечником, но я не видела, как она летела.

Рука Фрэнка схватила меня за лицо и защитила мою голову, как шлем. Я слышала грохот, когда мусоровоз врезался в борт фургона. Звенел визг пронзенного металла и шипение разбитого стекла, за которым последовал шум, в котором было больше силы, чем звука.

Почти на три секунды весь мир окрасился в оттенки огненно-голубого. Фургон распахнулся, и зверь внутри него расправил пылающие крылья. Он упал и проглотил мусоровоз целиком. Вряд ли у Медноголовых было полминуты, чтобы удивиться, прежде чем их тела распались.

Но, возможно, они успели. Может, они моргнули, а потом перестали существовать.

Взрыв пробил дно моста. Огромные куски арматуры и бетона вырвались наружу волной, испаряясь в воздухе на фоне ярости голубого пламени. Было похоже на дым, вырывающийся из фитиля потухшей свечи: струя серо-коричневых обломков сложилась в яростный веер.

Моя голова сильно ударилась о грудь Фрэнка, когда веер отбросил нас в сторону. Нас откинуло на тридцать ярдов в сторону — и на секунду мне показалось, что мы летели. Мы рассекали воздух, и Ничто со свистом проносилось далеко под нами.

А потом мы стали падать.

Это были самые страшные секунды в моей жизни. Я ощущала это, пока мы падали с той высоты, от которой мое тело не могло уцелеть, — и мои инстинкты сработали. Я кричала, махала руками. Я болтала ногами в пустом воздухе в тщетной попытке замедлить нас. Но мы продолжали падать.

Мы падали так, что я знала, что меня ждали не переломы, мы достигли скорости, которая убьет меня. Не просто убьет: удар о землю с такой высоты превратит меня в мокрые брызги на камнях. Интересно, смогу ли я почувствовать, как рушатся мои кости, или услышать, как рассыпается моя кожа. Интересно, мои органы скатятся по склону или просто лопнут, как яичные желтки?

Я закрыла глаза и обмякла. Мое тело было теплой массой крови, балансирующей на грани беспамятства. Моя голова прислонилась к хромированной груди Фрэнка.

Внезапно я ощутила, как его динамик загудел у моего уха:

— Пожалуйста, приготовься к посадке.

Прежде чем я успела вдохнуть, чтобы спросить, мы упали на землю.

Фрэнк обвинил меня своими конечностями в защитной клетке. Я услышала тихий шорох его ног, шаркающих по камням, и мир стал вращаться. Мне удалось оставаться в сознании первые три оборота, и я напряглась, услышав, как тело Фрэнка с грохотом покатилося по склону. Но затем мы достигли скорости, которая была слишком велика для моего разума. Моя голова наклонилась вперед, и в моей памяти возникла огромная черная дыра.

А потом Фрэнк склонился надо мной.

Я видела свое потное лицо в отражении его объектива. Кожа была слишком бледной, а веснушки выделялись, как мошки. В ушах звенело. Будто кто-то тряс колокольчиком у меня над головой. Я видела, как включился динамик Фрэнка, но не слышала, что он говорил, из-за звона.

— Что?

Его динамик снова загорелся. Я уловила только конец:

— ... я потерпел неудачу.

— Что ты имеешь в виду? — я села и стала ощущать себя. Я проверяла себя на наличие царапин, синяков и сломанных костей. Но я ничего не ощущала. — Ты не потерпел неудачу. Ты спас мне жизнь, Фрэнк.

— Я пытался спасти тебя, Шарли. Основой моего протокола является сохранение жизни, когда это возможно, — снова сказал Фрэнк. Линия в его динамике колебалась, прежде чем он добавил. — Но я потерпел неудачу.

Я не понимала. Он сломался? Падение сломало его? Я встала на ноги и тут же ощутила: с ногой было что-то не так.

Было больно. Будто горело. В моей броне была тонкая трещина. Я осторожно коснулась ее и почти вскрикнула от внезапного приступа боли. Я сбросила ботинок и застонала от жжения, пока закатывала броню на ногу.

Неглубокий порез рассекал кожу посередине голени. Порез составлял примерно половину длины моего указательного пальца, но кожа вокруг была красной и опухшей, будто была заражена. Я знала... Я знала, что произошло, еще до того, как я спросила.

— Этот последний Медноголовый... он ударил меня, да? Он выстрелил в меня.

— Да. Я попытался увести тебя подальше от опасности, но стрела задела твою кожу.

— Она была отравлена, да? — я слышала, как говорила. Звон вернулся. Он раздулся между моими ушами, и я ощущала слабость.

— Да, — ответил Фрэнк.

Он присел и протянул палец к моей ране. Ощущение жжения стало горячим, когда он вонзил иглу во влажную середину пореза.

— В твоей крови тревожное количество гемотоксинов, — сказал Фрэнк, когда индикатор на его пальце мигнул красным.

— Отлично, — буркнула я.

Камень больно терся о мое плечо, и я понимала, что упала на спину. Небо было раскалено добела в агонии жгучего дня. Черный дым поднимался над обломками под разрушенным мостом. Его ярость рассеивалась, когда он встречался с небом, будто жар

поглотил его сущность и превратил вздымающуюся форму в трепет пепла.

Я не могла смотреть, как горел мусоровоз — гребень холма загораживал обзор, — но слышала довольное рычание пламени. Я закрыла глаза и позволила этому звуку стать песней, успокаивающей мой страх.

— Сколько мне осталось жить? — сказала я через мгновение.

Фрэнк не ответил. Его различные части щелкали и вращались, пока между нами затягивалась тишина.

— Я хочу спасти тебе жизнь, Шарли.

Мои глаза резко открылись.

— Ты можешь спасти меня? Так сделай его! — буркнула я, когда Фрэнк наклонил голову. — Черт, я думала, что точно умру. Но если есть возможность остановить это...

— Есть способ, — перебил Фрэнк. — Я мог бы удалить гемотоксины вручную, пропустив твою кровь через свои фильтры.

— Тогда сделай это, — снова сказала я. Я села и подвинула к нему ногу. — Ради бога, начни фильтровать!

— Я не могу. Процесс занял бы у меня не менее восьми часов, а осталось всего четыре часа солнечного света.

— Ну, тогда делай, что можешь. Половина излечения лучше, чем ничего, — сказала я.

Свет ярко блестел на хромированном черепе Фрэнка, когда он покачал головой.

— Мне потребуется два часа, чтобы охладить внутреннее хранилище до температуры, достаточной для защиты моего груза в течение ночи. На карту поставлена не только твоя жизнь, Шарли, — тихо добавил Фрэнк. — И это, безусловно, наименее ценное.

Сначала я понятия не имела, о чем он говорит. Затем я вспомнила эмбрионы.

— Подожди, ты собираешься дать мне умереть только ради того, чтобы спасти кучу яиц?

— Сохранение аномалий X2 — мой главный приоритет, — просто ответил Фрэнк. Он прижал ладонь к своей груди и держал ее там мгновение. Затем хромированные пластины на его торсе мягко раздвинулись.

Я увидела их впервые — шесть бледно-голубых флаконов, надежно зажатых в ручке пластиковой полки. Флаконы были спрятаны за стеклянным окном. Холодный туман клубился над ними, а лед неровно взбирался по их изогнутым фронтам. Полка была погружена в какую-то странную жидкость, которая казалась движущейся, как воздух. Это была не вода, потому что вода так не дымилась.

— Азот, — сказал Фрэнк, когда я спросила. — Моя система охлаждения предназначена для сбора азота из жидкого воздуха и хранения его в этой камере. Именно азот удерживает эмбрионы в замороженном состоянии, и для его создания требуется много энергии, чтобы камера оставалась заполненной всю ночь.

— Сейчас она выглядит полной, — сказала я, глядя на флаконы. — Думаю, до утра они будут в порядке.

— Я не могу так рисковать...

— Даже ради спасения моей жизни?

— Ты не чувствуешь жизни, Шарли. Ты — юнит X, и твое состояние существования называется циклом. После того, как этот цикл закончится — как бы он ни закончился — ты просто начнешь новый.

— Я не готова к тому, чтобы это закончилось, — сказала я, задыхаясь.

Громкоговоритель Фрэнка мягко пульсировал на фоне растущей мольбы моих слов.

— Прости, Шарли. Эмбрионы X2 являются бесценными генетическими образцами Единственные существующие экземпляры, представляющие собой вершину генетических достижений человечества. Было бы безответственно рисковать их сохранностью ни при каких обстоятельствах, а тем более в тщетной попытке продлить цикл юнита X1 с сильно скомпрометированным микрочипом. Я могу фильтровать твою кровь в течение двух часов, — снова сказал Фрэнк, — но это только отсрочит неизбежное.

Мое лицо начало неметь — будто его грыз зимний ветер, пока все мои нервы не заснули. За исключением того, что моя кожа не была холодной, и была не зима. Онемение отвлекло меня от того, что пытался сказать Фрэнк. Все, о чем я могла думать, это тот факт, что я умру. Я могла умереть сейчас, а могла умереть через два часа.

Фрэнк хотел, чтобы я думала, что это были мои единственные варианты.

Но я знала лучше.

— Я могла бы заставить тебя сделать это, — прошипела я, опускаясь в новообретенный колодец голода. — Я могла бы заставить тебя спасти меня точно так же, как я заставила тебя убить тех муравьев...

Фрэнк бросился ко мне так быстро, что я едва успела заметить его движения. Что-то давило на мое горло. Он не давил сильно, потому что в этом не было необходимости: что бы Фрэнк ни прижимал к вене на моей шее, у него был такой же опасный край, как острие разбитого стекла.

— Я не могу убить, чтобы сохранить свое существование, но я могу убить, чтобы сохранить других, — тихо сказал Фрэнк. — Если ты попытаешься заставить меня истощить мои ресурсы, я убью тебя, Шарли.

Я не дышала — отчасти потому, что мое горло начало распухать, но в основном потому, что если бы я вдохнула, кожа, прижатая к оружию, которое держал Фрэнк, разорвалась бы.

Наконец, он отпустил меня.

Из кончика его пальца торчал скальпель. Он блестел на полуденном солнце, свет скользил по гладкому стальному лезвию, будто он не мог лежать на его лезвии. Объектив Фрэнка был сфокусирован так, что мое лицо было единственным, что находилось в его отражении. Я знала, что он внимательно следил за любыми признаками того, что я могла попытаться снова взять его под контроль.

Любая крупица доброй воли, которую Фрэнк заработал, спасая меня от взрыва, исчезла. Я не доверяла ему, и я не доверяла себе, чтобы не паниковать. Но здесь был один человек, которому я доверяла. И она могла бы вразумить Фрэнка.

— Где Воробей? — простонала я, когда встала.

Моя нога дрожала. Плоть вокруг раны распухла примерно до половины размера моего кулака. Она была натянутой и красной, а тонкий порез растянулся, извергая поток крови по моей голени. В тот момент, когда я попыталась надавить на ту ногу, боль стала такой сильной, что я упала. Слезы навернулись на мои глаза, горячая реакция на осознание того, что у меня нет выбора.

Что бы я ни делала, я умру.

— Мне нужно найти Воробья, — я проехала по грязи. Я затуманено смотрела на Фрэнка, выдавливая слова быстро немеющими губами. — Воробей поможет — мне нужно...

— Я уверен, что она придет к нам, если сможет. Но ты должна оставаться на месте, — тихо сказал Фрэнк. — Физическое напряжение заставит твою кровь двигаться быстрее, что,

в свою очередь, ускорит продвижение яда к сердцу.

— Что произойдет, когда он попадет в мое сердце?

— Твое состояние будет быстро ухудшаться, что приведет к смерти, — объектив Фрэнка остановился на моем лице, которое точно передавало поток холодного страха, который грозил вырваться из моей груди. — Хочешь, чтобы я задержал этот процесс, или ты бы предпочла позволить яду двигаться своим курсом?

— Повремени, — выдохнула я. — Я не... я не хочу умирать.

— Ты никогда не умрешь по-настоящему, Шарли, — снова сказал Фрэнк, приседая рядом со мной. — После того, как твои органы перестанут функционировать, я прослежу, чтобы тебя забрали и вернули в колонию X1 Даллас для переработки.

Это не утешало. Я знала, что произойдет, когда я попаду в Даллас. Я буду рождаться и перерабатываться снова и снова — десятки раз, сотни раз. Убита до того, как я впервые вскрикнула, или, может, даже до того, как мои глаза полностью открылись. Это то, что случилось с Дефектами до того, как вмешался Говард, и я полагала, что это произойдет теперь, когда я уничтожила клон Говарда.

Кем я была в течение этого цикла, все, что я чувствовала, — все это будет потеряно.

И на этот раз... Боже, на этот раз меня уже не спасти. В Граните не будет ни программы, ни особых планов Лаборатории. Может, я и не умерла бы на самом деле, но я и не смогу жить.

Внезапная острая боль в ноге вырвала меня из мыслей. Я посмотрела вниз и увидела, что в моей ране торчали две иглы — а, может, игла на самом деле была одна, но мое зрение настолько затуманено, что мне виднелись две.

Тонкие трубки соединяли иглы с грудью Фрэнка. Они слегка дрожали, внутри него начал гудеть какой-то механизм. Темная полоска крови сочилась через одну трубку и исчезала в туловище Фрэнка. Пять секунд спустя другая трубка потемнела, кровь стекала обратно в мою ногу.

— Воробей... Анна...

— Постарайся расслабиться, Шарли, — сказал Фрэнк. — Чем выше уровень стресса тем быстрее распространяется яд. Если Воробью удастся добраться до нас, уверен, она выслушает все, что ты скажешь. И я объясню обстоятельства твоей кончины как можно яснее.

Фрэнк был черствым и холодным. Он обращался со мной как с частью машины, которую вот-вот выкинут и переплавят во что-то новое. И, может, это все, чем я была.

Возможно, я дошла до конца. Мое тело не ощущалось. Единственное, что осталось, это натянутая кожа вокруг моей раны. Мое лицо и губы опухли; легкие дрожали, будто отвергали каждую тонкую струйку воздуха, которую мне удавалось вдохнуть. Затем меня начало трясти.

Подземные толчки обрушивались на меня резкими волнами. Моя спина выгибалась, а голова билась о камни позади меня. Я не чувствовала боли, но ощущала давление. Я знала, что нежная кожа на макушке моего черепа, вероятно, потрескалась и кровоточила.

Пот заливал глаза. Я не знала, откуда он стекал, но он не прекращался. Здесь было очень жарко, но мы были в тени кедра и дул ветерок. Я не должна была так сильно потеть. Из меня вытекала влага, словно в моей коже были дырки размером с пулю. Я начала задыхаться и понимала, что у меня во рту скапливалась куча слюны. Горячая и липкая. Я повернула голову в сторону — движение, заставляющее весь мир поворачиваться вместе со мной — и

позволила слюне вытечь из-за моих распухших губ.

У меня двоилось в глазах. Тройлось. Передо мной были три слоя земли и неба, наложенные друг на друга. Мой желудок внезапно перевернулся, и я ощутила, что меня сейчас стошнит. Я зажмурилась, но мир все еще вращался вокруг меня.

Я чувствовала то же, что и тогда, когда я была заперта в колыбели рук Фрэнка, и мы катились по склону. На это похожа смерть? Тошнота и кружение? Я утону в собственной чертовой слюне? Я знала, что смерть будет уродливой вещью... но я не ожидала, что она будет такой унижительной.

— Фр... Фрэнк...? — прошептала я.

Нет. Нет, я не хотела, чтобы моим последним словом было Фрэнк. Я пыталась придумать, что сказать на последнем издыхании, когда у меня внезапно закончилось время.

Я не была готова...

Но смерть не ждала.

ГЛАВА 26

Было тихо.

Это первое, что я заметила в смерти: тишина.

Это была не та тишина, которая царила внутри Учреждения. Шум все еще был слышен — просто далеко. Как-то глухо. Разбавленный водой и оставленный непрозрачным.

Жаль, что шум был таким тихим, потому что я думала, что мой слух мог быть единственным чувством, которое у меня осталось. У смерти не было запахов. Не на что было смотреть, кроме листа глубокой, постоянной тьмы. Моя кожа — если у меня еще была кожа — вполне могла быть сделана из камня.

Я осознала окружающую меня оболочку, но она была такой частью моего существа, как тяжелое зимнее пальто. Не было никаких нервных окончаний или крошечных волосков. Ничего, что связывало бы эту оболочку со мной. Ее можно было полностью снять с моего тела и бросить в чертову яму, и я ничего не почувствовала бы.

Но мое телосложение... мои кости, связки и мышцы — все эти вещи, казалось, работали. Не было ощущения более глубокого, чем тот факт, что я могла двигать своими конечностями, и они двигались.

Звук усилился, когда я вытянула руки и ноги. Этот звук напоминал мне брызги грязи на лобовое стекло: глухой шипящий звук, постепенно перерастающий в грохот. Я корчилась в этой паутине шума, пытаюсь понять, смотрела я вверх или вниз, пытаюсь решить, стоило ли это вообще выяснять. Может, весь смысл смерти был в том, чтобы плыть сквозь безвременную пустоту и терзаться этими приглушенными звуками.

Потом... я увидела свет.

Сначала я думала, что это был просто переход во тьму. Просто рябь сквозь черноту. Я не осознавала, что в ней была какая-то субстанция, пока не потянулась к ней. Шум перерос в тихий рев, когда мой кулак затмил бледный поток света. Тьма стекала с моей руки, потоком скатываясь по руке. Тысячи крошечных крошек теней посыпали мою оболочку, пока падали. Я была почти уверена, что эти крошки были комочками грязи. Я не знала, что еще это могло быть.

Когда моя рука протолкнулась через другую сторону пустоты, внутрь ворвался

раскаленный добела свет. Он отбросил бледные лучи во тьму и стер пустоту. Внезапно я увидела, где находилась, и с ужасом обнаружила, что не умерла.

Но я точно когда-то была мертва, потому что меня определенно похоронили.

Я ясно видела, как солнце светило сквозь неровную дыру, которую я пробила в грязи. Оно миновало пик и находилось примерно в трех руках от гребня горизонта. Странно, однако... Я смотрела на солнце, прямо в середину его обжигающей белой кожи, и ничего не чувствовала. Обычно я могла только взглянуть на него, и тут же возникала колющая боль. Но я смотрела почти целую минуту, не моргая, и...

Погодите.

Я не моргала, потому что не умела моргать. Куда пропали мои глаза? Как я могла видеть, если у меня не было глаз?

Моя рука двигалась в панике. Она попала в поле моего зрения и хлопнула по моему черепу. Звук, который она издала, представлял собой резкий лязг — будто металл ударился о металл. Мое зрение тряслось от силы, но это не было больно. Что, черт возьми, со мной произошло?

Я решила выкарабкаться из грязи. Может, если я смогу встать, у меня будет лучшее представление о том, что именно произошло с моим телом. Я потянулась и оттолкнула землю в сторону. Я согнула руки, счищая ими огромные слои грязи с лица.

Свет проник внутрь и осветил мои руки. Я замерла, когда увидела их: это были не руки, а огромные механические клешни. Они были по форме как буква С. Когда я согнула их, выемка для большого пальца скользнула в остальную часть когтя, образуя прочный кулак. Когти были тупыми и ржавыми. Кто знал, как долго они были погребены под землей?

Теперь я поняла, что я, должно быть, потеряла сознание от яда. Затем что-то, черт возьми, случилось с моим чипом, заставило меня прыгнуть в тело ближайшего бота. Я не знала, как я сюда попала, и я не знала, как я вернусь. А пока я могла так двигаться.

Я попыталась встать, но что-то было не так с моими ногами. Они застряли под тяжелым предметом — придавлены. Я могла сдвинуть их влево или вправо, но что-то мешало им подняться. Я смахнула кучу грязи в сторону и увидела, что на моих ногах лежала большая бетонная плита.

Плита выглядела так, будто когда-то она была частью подземного сооружения. Этот бот, должно быть, наступил на нее в какой-то момент, и конструкция рухнула, придавив его ноги. На бетоне не было царапин. Никаких указаний на то, что бот пытался освободиться. Вероятно, он просто лежал здесь день за днем, двигая ногами в стороны, пока солнце не зашло.

Я просунула когтистые руки под плиту и начала ее поднимать. Странно, что я не ощущала напряжения в руках — как было бы, если бы я использовала мышцы. Вместо этого из моей середины доносился звуковой сигнал. Он быстро рос, пока я стаскивала плиту с ног. Я знала, что могла поднять такое количество бетона, ничего не сломав. Не знала, откуда я это понимала, кроме того, что звуковой сигнал успокаивал меня. Я использовала часть своего заряда, конечно. Но я не причинила никакого вреда.

Я выдвинула ноги, будто выскальзывала из-под одеяла. Когда я притянула их к себе, я увидела, что стержни моих ног были такими же толстыми и внушительными, как и мои руки. Мои ступни были плоскими дисками, окруженными шестью круглыми бугорками. Ручки похожи на пальцы ног. Когда я согнула их, они двигались в унисон.

Боже, как приятно было стоять. Сначала было немного страшно. Как только я поставила

ноги под себя и выпрямила ноги, мир стал маленьким. Я поднялась медленно и продолжила подниматься намного дальше, чем считала достаточным. Моя тень была огромной. Она поглотила приземистые деревья, и угол падения солнца вытянул ее, наверное, на пятьдесят ярдов передо мной...

Я сосредоточилась на заостренном кончике своей тени, когда маленький белый кружок встретился с гигантским черным жуком, который взволнованно мчался к гребню моей тени. Цифры выскочили в воздух над жуком. Я знала, что он был ровно в сорока двух ярдах от меня и что мне потребуется ноль процентов заряда, чтобы уничтожить его.

Но я не хотела уничтожать жука. Эти последние несколько минут были настолько дезориентирующими, что было немного утешительно смотреть на существо, занимающееся своими делами. Я сосредоточилась на жуке и удивилась, когда мое зрение внезапно приблизило его.

Его бронированная голова потускнела в тени моего тела. Я видела каждую микроскопическую трещину, прорезающую его оболочку, — узор был настолько однообразный, что казался почти механическим. Его усики яростно шевелились, жук сновал по сухой земле. Крошечные волоски на его ногах словно встали дыбом, будто он осознал, что тень отбрасывало что-то неестественное.

Я позволила своему зрению снова уменьшить масштаб, чтобы осмотреть окружающий меня пейзаж. Мне нужно было не только выяснить, где я была, мне нужно было выяснить, где я: где мое тело? Оно было мертво?

Мое бот-тело оставило за собой огромную воронку в земле. Это дыра была достаточно большой, чтобы проглотить дом. Когда я посмотрела на сооружение, закопанное глубоко в земле — сооружение, которое зажало мои ноги, — над его вершиной появилась белая сетка. Сетка покрыла то, что я могла видеть, и вышла за пределы земли, чтобы показать мне части конструкции, которые все еще находились под землей. Похоже, это был какой-то длинный округлый туннель. Слова услужливо всплыли над сеткой:

Дренажная система.

Я разглядывала линию этой сетки, когда посмотрела вверх и обнаружила что-то еще. Вдалеке виднелся сломанный мост. Он был в полумиле от меня, и из-под него поднималась огромная башня черного дыма. Белый круг мелькал на мосту всего секунду, прежде чем я начала осматривать склон под ним.

Мои глаза или линзы — или что я использовала, чтобы оглядеться — казалось, поняли, что я искала что-то органическое. Пурпурные линзы накрыли мои глаза, и внезапно все, что производило собственное тепло, стало светиться красным.

Прямо передо мной в мескитовых зарослях спрятался ястреб. Дальше виднелись слабые очертания ящерицы, греющейся на вершине светящейся желтой скалы. Я провела взглядом по сторонам, ища сияние в форме человека в самых темных фиолетовых полосах тени. Найти мое тело не составит труда... если оно еще было живо. Если я умерла и ушла, то я буду слишком холодной, чтобы быть обнаруженной.

Я начала нервничать, когда поймала какой-то сигнал. Только так я могла это описать: будто где-то был включен телевизор, и я слышала тихое потрескивание его помех.

Я пошла к сигналу, мои огромные ноги тяжело стучали по земле. Мескитовый куст передо мной сухо трещал, когда я сотрясала землю; ястреб расправил крылья и взлетел с раздраженным визгом. В нижней части экрана появилась толстая полая полоса. Она медленно заполнялась белыми пикселями, пока я пробиралась к шуму помех.

Над полосой лениво мигали слова:

Входящая чужеродная передача

Сила соединения: 34%

Процент рос, пока я приближалась к источнику. Мои глаза лихорадочно сканировали тени. Я знала, что приближалась — не знала, откуда, но я не сомневалась в этом. Когда я, наконец, увидела человеческий силуэт в тени в двадцати трех ярдах впереди, я целеустремленно пошла к нему.

Сила соединения: 78%

Я знала, что контур был моим телом. Я была удивлена, увидев, как теплый оранжевый свет пульсировал в моем торсе и на моем потном лице. Тогда я не умерла. Каким-то образом я все еще была жива...

Сила соединения: 100%

Входящая передача

Белая полоска появилась посреди моих глаз, закрывая обзор. Черные слова побежали по ней торопливым потоком.

<ВВОД: Привет от юнита ФР-47К. Человек в опасности. Пожалуйста, измените свой курс.>

Круг, который должен был представлять мой фокус, подлетел к Фрэнку. Он сдержал свое слово и все еще сидел рядом со мной, медленно фильтруя мою кровь. Круг просканировал его хромированную фигуру и отразил его форму на моем экране белой сеткой. Я видела, что он был низкосортным медицинским юнитом, который тратил большое количество заряда. Я также видела, что мне потребовалось бы меньше одного процента заряда, чтобы раздавить его.

Я не знала, что ему ответить. Но, к счастью, мое бот-тело, похоже, знало, о чем я думала. Он быстро передало мои слова:

<ВЫВОД: Фрэнк? Что, черт возьми, со мной происходит? >

<ВВОД: Шарли?>

Мягкий голубой свет бешено пульсировал от металлического кольца вокруг линзы Фрэнка. Он сканировал меня. Казалось, что в моем теле прыгали тысячи блох.

<ВЫВОД: Хватит! Это щекотно.>

<ВВОД: Приношу извинения. Я не верил, что это действительно ты, Шарли.>

<ВЫВОД: Да, это я.>

Я подняла одну из когтистых рук и защелкнула ее. Звук раскатился по ландшафту, как выстрел.

<ВЫВОД: Как мне вернуться в свое тело — мое настоящее тело?>

<ВВОД: Прости меня, Шарли, но я считаю, что ты будешь более полезна своим товарищам в твоей нынешней форме.>

<ВЫВОД: Почему?>

<ВВОД: Твой передатчик связи вызвал секретного военного юнита. У меня недостаточно полномочий, чтобы даже прочесть твое назначение. Управление этим юнитом увеличивает твои шансы сохранить большое количество человеческих жизней.>

<ВЫВОД: Что, черт возьми, это значит?>

Голубой свет пульсировал на торсе Фрэнка мгновение, прежде чем он отправил свой ответ:

<ВВОД: Шарли, на твоих товарищев напади.>

* * *

Боже, я была такой душой.

Все, о чем я могла думать, это способ взорвать Медноголовых. Я не думала о шуме или дыме — или о том, какое зло это количество шума и дыма собиралось привлечь. Теперь Фрэнк говорил, что он мог обнаружить большое количество машин, движущихся в этом направлении. И некоторые из них были очень близко.

Мои ноги с шестью зубцами быстро преодолели склон. Я добралась до основания моста тремя огромными шагами. Расплавленные, спутанные руины мусоровоза все еще пылали. Обугленные части тела слабо тлели на грязи. Высокие синие языки пламени ревели, продолжая жевать хлам, а дым, вырывающийся из крошащихся шин, был настолько густым, что даже мои сканеры с трудом его считывали.

Я продиралась через горящие руины. Мои когти вытянулись и порвали раскаленное брюхо мусоровоза. Странно, ведь ощущение того, что я находилась в сердце такого яростно пылающего огня, обычно вызывало у меня бесконечный трепет. Но теперь все, что я испытывала, было волнообразным жаром и кратковременный всплеском температуры.

Воробья и Анны нигде не было видно. Моя тепловизионная линза настроилась, пока я думала о том, как я буду их выслеживать. Она повысила чувствительность до такой степени, что нынешнее тепло — как солнце на скале — было слишком интенсивно, чтобы его можно было измерить. Вместо этого мои датчики обнаруживали только остаточное тепло.

От моста вели две группы следов. Я следовала за ними бегом. С каждой секундой они становились ярче, их цвет меняется от желтого к оранжевому, к красному. Потом... они закончились.

Я была в трех четвертях мили от моста, а следы исчезли. Я вынула тепловизионную линзу и изучила землю своим обычным зрением. В грязи были следы шин. Круг скользнул по отпечатку их гусениц и вернулся ко мне со строкой информации:

Широкие шины. Умеренное давление нагрузки. Гражданский автомобиль.

Крови не было, следов борьбы не было. Кто-то мог довольно легко похитить Анну, но Воробей никуда бы не пошла против ее воли, не устроив драку. Кто бы их ни подобрал, они пошли добровольно.

Я смотрела в направлении следов от шин и позволила моему зрению приблизиться. На горизонте виднелся след облака пыли. Просто вьющийся клубок. Это мог быть след какого-то транспортного средства, или это мог быть просто песок, потревоженный ветром. Я собиралась отправиться за ним, когда что-то начало пищать в моей груди.

Это был тот же датчик, который отслеживал мою силу, когда я отрывала от ног кусок дренажного туннеля. Теперь он подавал звуковой сигнал, чтобы предупредить меня, что приближались посторонние автомобили. Я сосредоточилась на попытке прислушаться к шуму, но вместо этого видела шум. Это было похоже на пульсирующую волну тепла — как рябь над куском металла, выставленным на солнце летом.

Звуковая рябь трепетала над гребнем холма позади меня, быстро набирая силу. Я должна была игнорировать их. Я должна была развернуться и погнаться за Анной и Воробьем, пока они не уехали слишком далеко вперед. Но я и беспокоилась, что эта рябь могла исходить от другой группы Медноголовых. Я помнила, что сказала Анна, о том, как Медноголовые двигались по спирали, которая медленно ловила жертв. Что, если это была часть той спирали? Что, если с вершины холма вот-вот хлынет целый легион жутких людей?

Я не могла так рисковать.

Мои ноги двигались со скоростью, которая стирала ржавчину с суставов. Я мчалась по открытой местности, мой взгляд был прикован к звуковым волнам, исходящим из-за холма. Я хотела, чтобы я была собой сейчас. Стыдно было иметь возможность двигать таким огромным телом так быстро и при этом не чувствовать острых ощущений. Я не ощущала, как ветер трепал мою косу, и не было вкуса грязи, разбрызгивающейся на моем лице. Эта металлическая оболочка вокруг моего тела полностью избавила меня от любого чувства опасности. Все было слишком просто. Я не думала, что была хоть вещь, которая могла бы остановить меня.

Затем первая машина выскочила из-за гребня холма, и мои огромные ноги вырыли в земле огромную полосу, когда я резко остановилась.

Это было совсем не то, что я ожидала увидеть. После целого дня поездок на мусоровозе, пикапе и легковых машинах с шипами вид одинокого мотоцикла, ползущего по каменистой местности, казался совершенно неуместным. Особенно этот мотоцикл, который был настолько изношен и проржавел, что беспомощно дрожал каждый раз, когда наезжал на кочку.

На байке сидели двое мужчин друг за другом. Проницательные голубые глаза человека сзади были смутно знакомыми. Но поблекший взгляд водителя был мне хорошо знаком. Его распухшие костяшки туго сжимали ручки, а тонкие ноги вывернулись, когда он наехал на кочку, из-за которой мотоцикл наклонился вбок. Я знала ужас быть пассажиром на этом байке лучше, чем большинство людей, и я не удивилась, когда человек сзади испустил завывающие ругательства.

Это бот-тело не могло наполниться всеми эмоциями, которые я хотела испытать. Хотела бы я смеяться или запрокинуть голову и орать всякую ерунду ветру. Хотела бы я просто сесть и поплакать, ведь я была счастлива.

Потому что я, честно говоря, не думала, что снова увижу Уолтера.

Уолтер!

Я думала изо всех сил, но он меня не слышал. Мой объектив сосредоточился на его старом кожаном лице, на его густой седой бороде, покрытой крошками, и я мчалась к нему так быстро, как только могла. Я держала его перед собой, и мои сенсоры напрягались, чтобы уловить его слова, когда он крикнул мужчине позади себя:

— ...не просил тебя ехать со мной, тупица!

Человек позади него горячо отвечал. И как только я услышала его рычащий голос, я узнала в нем рейнджера Джона Марка.

— Не просил? Неа. Но ты пришел в Старый Город с этой слезливой историей о том, как потерял своего уroda...

— Я не рыдал! Я никогда не рыдал! Ни разу в жизни.

Это была грязная ложь. Ночной Уолтер рыдал, чтобы заснуть половину времени. Но я не могла кричать, чтобы сказать так много. Все, что я могла сделать, это продолжать бежать и махать одной из ржавых рук. Но мужчины были так увлечены спором, что ни один из них не замечал меня.

— Я просто хотела знать, как, черт возьми, мы попали в спираль? — кричал Джон Марк. — Ты повернул на восток?

— Конечно, я повернул на восток! Ты считаешь меня глупым? — фыркнул Уолтер в ответ. Он на секунду отпустил руль, чтобы указать на черную башню дыма под мостом. — Вон тот огонь! Люди, вероятно, могут видеть его за десять миль вокруг. Должно быть, это

заставило Медноголовых сплотить ряды...

— Да, и это именно то, что я сказал, что случится! Я сказал, что нам не следует ехать по этому пути, пока все не уляжется.

— Но это она! — настаивал Уолтер. — Поверь мне: всякий раз, когда здесь возникает такой большой пожар, дитя имеет к этому какое-то отношение.

Он был прав. Он был прав, и я была тронута тем, что Уолтер подверг себя опасности только для того, чтобы выследить меня. Звучало так, будто он искал меня все это время. Все эти месяцы меня не было, а он не терял надежды.

Я бы хотела, чтобы во мне было сердце, чтобы я могла чувствовать, как оно набухло. Это явно было одним из лучших чувств в мире — знать, что кто-то, о ком я так сильно переживала, немного больше заботился обо мне.

Я уже в двухстах ярдах, когда Уолтер и Джон Марк, наконец, заметили меня. Они перестали спорить о том, кто из них был виновен в их гибели, и замерли.

— Что это, черт возьми, такое? — взвыл Уолтер.

И в то же время Джон Марк хлопнул Уолтера шляпой по спине, крича:

— Поверни! Поверни!

— Я не могу повернуться! Тут целая куча змеесосов едет следом!

— Ради бога, езжай куда-нибудь!

Уолтер сжал руль и так резко повернул влево, что байк ехал на боку некоторое время, прежде чем он успел его выправить. И в это время я приблизилась.

Я должна была вести себя осторожно. Я не могла говорить с Уолтером — и даже если бы могла, я сомневалась, что он сделал бы что-то большее, чем отругал меня и выстрелил в меня кучу раз. Я решила обращаться с ним как с мотыльком: я собиралась поймать его в свои руки и быть очень осторожной, чтобы не стереть масло с его крыльев.

К сожалению, Уолтер такое допустить не собирался.

— Стреляй! Стреляй, черт тебя подери! — кричал он.

Джон Марк повернулся и попытался попасть в меня из своей винтовки. Моя грудь слабо звякала каждый раз, когда он попадал по моей оболочке, а он попадал в меня девять раз из десяти. Даже с ужасным вождением Уолтера и чудовищным ботом, сотрясающим землю под ним, Джон Марк по-прежнему был хорошим стрелком. Но его лучи были недостаточно сильными, чтобы нанести урон. И я быстро сократила разрыв между нами.

— Что за...? Что он делает? — завопил Уолтер, когда я прыгнула перед ним.

Когда я приземлилась, все затряслось, и я с ужасом наблюдала, как байк подпрыгнул в воздух. Оба мужчины отлетели в сторону, цепляясь друг за друга, их тела напряглись, чтобы удариться о землю. Я не доверяла себе, чтобы ловить их — я боялась, что могла раздавить их своей хваткой. Вместо этого я просто держала когти открытыми и подсунула их под них, пока они не начали падать.

— Т-твою... — Джон Марк встряхнулся, поглаживая себя. — Как мы не умерли?

— О, скоро, — ответил Уолтер. Он смотрел прямо на мое — что бы там ни было — и выражение его лица было как у человека, говорящего со смертью. — Давай, чертово ржавое ведро! Давай, раздави нас!

— Что ты делаешь? — заорал Джон Марк. Он выхватил свою винтовку и навел ее на меня, готовый выстрелить еще раз. — Не говори ему, чтобы он раздавил нас!

— Он нас все равно раздавит! Я хочу, чтобы он знал, что я не боюсь. Слышишь, тупой козел? Я не боюсь тебя!

Уолтер отступал, сплюнул комок пачку табака мне на когти. И я была так счастлива его видеть, что мне было все равно.

Я уперлась когтем в грязь и наклонила его, чтобы оба мужчины мягко соскользнули на землю. Они выглядели совершенно потрясенными и полными подозрений. Я не винила их. Боты обычно просто рвали людей на части, в Ничто. То, что я пощадила их жизни, наверное, было неслыханным.

Может, поэтому они и не побежали. И Уолтер, и Джон Марк прожили достаточно долго, чтобы понимать, когда что-то было не так. Они смотрели на меня, их ноги дрожали, а их одежда промокла от ужасного пота. Даже у Уолтера немного дрожал подбородок.

Ни один из них не произнес ни слова. Я думала о том, чтобы объяснить — может, написать что-то в грязи. Но потом я вспомнила, что они не умели читать. Никто в Ничто не умел читать. Как же я им скажу тогда?

Я все еще ломала голову над этим, когда Джон Марк, его глаза все еще были выпучены и устремлены на меня, наклонился к Уолтеру и прошепел:

— Черт... тебе действительно повезло.

— Хм. Не знаю, удача ли это, — сухо ответил Уолтер. Его выцветшие глаза сузились, разглядывая мое тело. — Это не похоже на удачу. Это похоже на... что-то другое.

Друг, думала я. Я твой друг, Уолтер.

Он меня не слышал, конечно. И через секунду я поняла, что у нас закончилось время, чтобы поговорить об этом. Моя грудь подала звуковой сигнал, когда звук на другой стороне холма усилился. Я оглянулась и увидела целую мешанину прозрачных волн, струящихся по гребню. Там ехало много машин. И если то, что сказали Джон Марк и Уолтер, было правдой, это было сборище Медноголовых.

Металлический панцирь мог защитить меня от отравленных стрел, но Джон Марк и Уолтер были уязвимы. Я не могла позволить Медноголовым подобраться достаточно близко, чтобы стрелять в них. Я не позволю им умереть той же ужасной смертью, от которой сейчас страдало мое тело. Я не позволю этому случиться.

Мои датчики загорелись, как угли, когда я побежала к холму. Что-то изменилось в протоколе моего тела. Перед глазами серdito мелькали жирные красные буквы:

БОЕВОЙ РЕЖИМ: НАЧАЛО

Когда первые пикапы с шипами пролетели над вершиной холма, они врезались прямо в мои кулаки. Вся передняя часть грузовиков захрустела, как ржавые консервные банки; их шипы беспомощно изгибались против жуткого металла, из которого была сделана моя кожа. Кровь струилась по моим рукам. Белый круг прыгал вокруг измученных лиц Медноголовых, которым удалось пережить первоначальную аварию. Я резко опустила кулаки, заставляя их замолчать.

Люди не раздавливались так же. Когда я была ниже их уровня, они хрустели, как жуки. Но — и, может, это потому, что я не чувствовала, как они хрустели — там, где нависло мое бот-тело, они хлюпали, как черви. Мягкая, влажная кожа с жидкими внутренностями. Никакого шума: всего минутное сопротивление перед неизбежным хлопком.

За грузовиками следовали еще восемь автомобилей. Семь из них были простыми, а один был мусоровозом с камнями. Около половины этих Медноголовых точно обмочились в штаны, когда увидели, что я неуклюже приближалась к ним. Несколько самых смелых выпустили стрелы, которые безвредно стучали по моей коже — и их раздавило первыми.

Я поймала одну мчащуюся машину ногой и раздавила ее. Я поскользнулась бы на луже с

кровью, которая сочилась из-под обломков, если бы мои острые пальцы ног не увязли в грязи. Я подхватила вторую машину когтями и порвала ее пополам. Тела, некоторые целые, а некоторые такие же разорванные, как машина, выпали на грязь передо мной.

Пыль поднималась бурей, когда остальные машины затормозили. Они развернулись и попытались уехать от меня, но далеко не смогли. Белый круг разделился на пять, и каждый из них радостно моргнул, зацепившись за машину. Звук в моей груди предупредил меня о том, что я собиралась использовать три процента своего заряда.

Но, черт возьми, оно того стоило.

Пять ракет вырвались где-то рядом с моими плечами и окутали мою линзу густым белым дымом. Я потеряла их из виду, когда они взмыли вверх, а затем синхронно понеслись вниз, пожирая каждую машину в огненно-оранжевом взрыве.

Последним, о чем мне нужно было позаботиться, был мусоровоз. Это было немного грустно, потому что он не мог двигаться так же быстро, как машины. Его будет легко убить. Я зачерпнула его и прижала к своей груди. Металл сплюснулся, камни рассыпались по моему лицу, как мел, а люди создавали ужасно неприятную кашу. Но это были последние из Медноголовых.

Джон Марк и Уолтер были в безопасности.

Я ожидала, что их уже давно не было. Я ожидала, что когда я доберусь до вершины холма, я не увижу ничего, кроме их пылевого следа вдалеке. Но когда я повернулась к холму, я увидела, что оба мужчины смотрели на меня. Они смотрели, их черты резко озаряли лучи заходящего солнца. Рот Уолтера приоткрылся, и я знала, что он собирался сказать, еще до того, как он заговорил:

— Боже...

ГЛАВА 27

Я была удивлена, что они не сбежали. У Уолтера всегда были довольно хорошие инстинкты, так что я думала, может, он просто чувствовал, что в этом гигантском боте было нечто большее, чем можно было бы предположить из-за того, что он топтал грузовики и раздавливал тела.

— Боже... ты видел эту штуку? — крикнул Уолтер.

Джон Марк вздрогнул.

— Да, я должен был быть слеп, чтобы этого не видеть.

— Я имею в виду — господи!

— Хм, да.

— И это просто, ах, — Уолтер махнул на меня рукой, — это просто разорвало их всех и отправило прямо в ад.

— Хм, — Джон Марк с опаской смотрел на мои когтистые руки. — Но почему он не напал на нас так?

Да. Я была так рада, что Джон Марк был здесь, потому что он обычно был осторожным человеком, в то время как Уолтер обычно мог сосредоточиться только на одной вещи.

— Понятия не имею. Но если это не убьет нас, я буду грабить!

Уолтер помчался с холма быстрее, чем человек его возраста должен был двигаться. Это ликование дало ему энергию. Ничто не делало его более счастливым, чем когда он думал, что мог найти какое-то ржавое сокровище. Его конечности тряслись, когда он скакал по сухому участку земли у подножия холма.

Я говорила, что он скакал, но только потому, что его энтузиазм, казалось, придал ему силы гораздо более молодого человека. На самом деле, его руки вращались, пока он ковылял, прыгая к ближайшей куче трупов. Это мало чем отличалось от движений большой неуклюжей птицы, пытающейся взлететь.

— Черт возьми... черт возьми, все! — Уолтер перевернул первое тело носком ботинка. Он закрыл рукой нос, когда из него вывалились органы. — Ну... может, у него что-то в карманах. Но, черт возьми, я даже не знаю, куда делись его карманы.

— Осторожно пинай эту дрянь, — сказал Джон Марк, шагая вниз по склону, его глаза

все еще не отрывались от меня. — Этот бот, вероятно, раздавил их пушки. И если они взломаны...

— Да, я знаю. Когда я пну его, он взорвется, как мина, — буркнул Уолтер. Он оттянул рукав своей грязной сероватой рубашки и с опаской потянулся к куче месива возле головы трупа. — Хотя здесь что-то блестит...

Приятно было снова увидеть Уолтера. Я смотрела, как его иссохшее старое лицо сморщилось в знакомом выражении решительного отвращения, увидела легкую дрожь в его руке, когда он потянулся к куче каши и вытащил рваный кусок материала с верхушки, и мне было жаль, что я не могла сделать больше, чем просто измерить угол его подбородка. Хотела бы я броситься на его костлявую грудь и рассказать ему все, что я узнала...

Потому что Уолтер не стал бы это портить. Он не стал бы пытаться мне все объяснить, и он не стал бы пытаться во всем разобраться. Он просто закатил бы глаза и сказал, что не хотел знать обо всем моем уродском дерьме. И меня бы это вполне устроило.

После минуты копания Уолтер вытащил из каши металлическую банку. Она почернела от крови, и на землю рядом с его ботинками капали липкие линии. Уолтер с минуту изучал ее, прежде чем скривить губы в гримасе разочарования.

— Хм, ну, это точно не стоило пятен, — проворчал он, отбрасывая жестяную банку.

Теперь передо мной появился Джон Марк. Его рука все еще крепко сжимала винтовку. Но его взгляд прервался, когда он услышал тихий звон металлической банки, ударяющейся о землю.

— Что это было?

— Ой, просто полупустая банка какой-то дурацкой жевательной резинки.

— Уверен?

— Что еще может быть? — фыркнул Уолтер. Он уже перешел к следующему трупу, но Джона Марка, казалось, не покидала эта банка.

Он посмотрел на нее, потом на меня. В конце концов, он решил пройти туда, где была брошена жестяная банка, не поворачиваясь ко мне спиной. Суставы Джона Марка хрустнули, когда он присел на корточки. Шероховатая сторона его большого пальца неуверенно потерла окровавленную поверхность жестяной банки.

Потом вдруг он забыл обо мне. Он бросил винтовку и обеими руками схватил банку с земли.

— У-Уолтер!

— А?

— Ты хоть представляешь, что нашел? — Джон Марк выглядел более взволнованным, чем я когда-либо видела его. Его руки тряслись, когда он потер банку о штанину. — Это противоядие.

— Что?

— Это противоядие! — вопли Джона Марка перешли в раскат смеха. — Хэм отдаст нам за это все, что мы захотим — ты сможешь достать достаточно припасов, чтобы добраться до Эль-Пасо.

— Ну... я смогу, — Уолтер подошел к Джону Марку, и его борода расползлась в ухмылке. — Кто бы мог подумать, а?

— Все, кто когда-либо сталкивался с Медноголовыми, — фыркнул Джон Марк. — Это такая смертоносная банда, как ты знаешь...

Оба мужчины вздрогнули, когда я подвинулась, но мне нужно было привлечь их

внимание. Я крепко сжала кулаки и крепко вонзила их в землю перед собой. Я думала, что я только настаивала, но они явно решили иначе.

— Нам лучше убраться отсюда к черту, - прошипел Джон Марк, изумленно глядя на меня.

Уолтер медленно, осторожно кивнул. Будто он боялся, что слишком сильный жест согласия вызовет у меня протокол убийства.

— Да... да, я думаю, что мы почти исчерпали удачу.

Когда они попытались отодвинуться от меня, я поймала их на ладони. Я должна была двигаться медленно и осторожно. И я должна была придумать, как передать тот факт, что мне нужно было это противоядие. Если я его не получу, мое тело умрет.

Как я могла объяснить такую сложную информацию двум мужчинам, которые не только были напуганы до полусмерти, но и не могли прочесть ни единого слова? Они замерли, когда я опустила перед ними руку, и смотрели на меня, вытаращив глаза, когда я подняла другую руку, указывая на дымовую башню вдалеке.

Это было далеко. И солнце садилось. Я могла только представить, сколько энергии требовалось, чтобы привести в действие это огромное бот-тело. И я не знала, смогу ли поддерживать его в рабочем состоянии намного дольше. Возможно, оно не протянет даже до наступления темноты.

Я знала без малейшего сомнения, что мое тело не переживет ночь.

С такого расстояния дымовая башня казалась дымкой. Я знала, что глаза Уолтера видели только вблизи, но я надеялась, что Джон Марк сможет это увидеть.

— Что? Чего он хочет? — прошипел Уолтер.

Джон Марк проследил за линией моей руки и нахмурился, когда дошел до конца.

— Обломки? Это твой друг? Мы этого не делали, — сказал он, поднимая руки. — Клянусь, мы не...

Я очень медленно подняла коготь и протянула его к рукам Джона Марка. У него была банка с противоядием в ладони. У меня не было достаточно грациозного движения, чтобы дотронуться до банки, не сломав ему пальцы. Поэтому я просто подобралась как можно ближе.

Джон Марк хмурился. Его взгляд сосредоточился на моей линзе.

— Что? Что ты пытаешься сказать?

Он не понимал. Я не могла поднести руку достаточно близко, чтобы он понял, что я указывала на жестяную банку, потому что моя клешня была такой большой, что я указала бы на все его тело. Я старалась не расстраиваться, когда у меня вдруг появилась идея.

Я опустила коготь обратно на землю и нарисовала грубый круг в грязи.

— Что за черт? — фыркнул Уолтер. — Он рисует для нас?

Джон Марк не ответил. Он внимательно наблюдал, как я рисовала волнистую линию рядом с кругом. Для меня это не было похоже на змею, но — слава богу — Джон Марк понял.

— Противоядие? — сказал он.

Я не могла кивнуть. Вряд ли у меня были шейные суставы. Поэтому я откинулась на части, соединяющие туловище с ногами, а затем наклонилась вперед.

Уолтер скривил губы.

— Думаешь, это был какой-то странный кивок?

— Хм, может быть, — Джон Марк смотрел на меня. Он поднял банку над плечом. — Ты

хочешь это? Ага? Ну, бери. Мы не хотим неприятностей.

Он наклонился и бросил банку на восемь ярдов от себя.

Уолтер схватился за бороду.

— Черт возьми, что ты делаешь? Это был наш путь в Эль-Пасо!

— Солнце садится, — тихо сказал Джон Марк. — Мы будем следовать за ним на расстоянии, а затем заберем противоядие, как только бот потеряет заряд.

— Хм, — Уолтер медленно кивнул. — Да... да, это неплохая идея.

Это была неплохая идея. И если бы я хотела только взять банку и бежать в закат, это была бы отличная идея. Но мне нужно было ввести противоядие в свое тело, а я не могла его нести. Мои когти, очевидно, были созданы, чтобы разрушать. Им не хватало ловкости, необходимой для того, чтобы поднимать мелкие предметы, не раздавливая их. Я определенно не могла сделать все необходимое, чтобы получить противоядие внутрь моего тела — и Фрэнк, вероятно, уже выключился.

В любом случае, мне понадобится помощь.

Но Уолтер и Джон Марк меня просто не слушали.

— Следи за этой штукой — я проверю других тупых идиотов на предмет добычи. Может, я найду другую банку, и нам не придется гоняться за этим роботом повсюду.

— Ага... — буркнул Джон Марк. — Может быть.

Уолтер ушел, а Джон Марк снова посмотрел на меня. Я пыталась нарисовать в грязи фигурку человечка, но в итоге получилась кривобокая собака. Я попыталась сделать стрелку, которая соединит человека-собаку с банкой, когда на моем экране всплыло предупреждение.

Низкий заряд

Оставшееся время: 6:58

У меня было меньше семи минут, чтобы переправить эту банку через пустоши и ввести противоядие в свои вены. Я не смогла объяснить ситуацию Уолтеру и Джону Марку.

Я собиралась сделать что-то отчаянное. Я уже собиралась рискнуть и попытаться поднять банку с земли, когда позади меня раздался громкий рожок.

Это был другой пикап рейнджеров. Мне было интересно, куда он делся. Но нельзя было отрицать его знакомую угольную окраску и группу одетых в зеленое мужчин, сгрудившихся сзади.

В одном из них я узнала бородатого мужчину по имени Райкер. Он наполовину свисал с кузова грузовика, прижав руку к носу. Его лицо выглядело так, будто его ударили осколком доски. На пальцах запеклась кровь, а губы распухли.

Мой круг прыгал по лицам рейнджеров, прежде чем наткнулся на двоих, которых я узнала: Воробей и Анна сидели спереди. Воробей ехала со скоростью, которой я гордилась; Анна вытянула руку из окна, помахала в приветствии.

Джон Марк ответил на ее жест смехом.

Грузовик резко остановился в десяти ярдах от меня. Двери распахнулись. Анна побежала к Джону Марку, а Воробей — ко мне. Ее серебряные глаза превратились в расплавленное золото в угасающем свете. Ее губы приоткрылись, когда она посмотрела на меня.

— Шарли? Это ты?

— Ах — что? — Уолтер поднялся от трупа, который он грабил, и посмотрел на меня. — Этого не... этого не может быть... — он приковывал, его выцветшие голубые глаза глядели куда-то на мой экран. — Дитя? Ты там?

— Это она, — уверенно сказала Воробей. Она подошла к моим грубо нарисованным картинкам и какое-то время изучала их. — Змея... яд?

Я исполнила странный кивок туловищем.

— Тебя отравили? — глаза Воробья расширились, когда я снова кивнула. — Где ты? Сколько еще...?

— Что значит, где она? — фыркнул Уолтер. Он махнул на мое тело-бота. — Я думал, ты сказала, что она там — за рулем этой штуки!

— Она не за рулем, — лаконично сказала Воробей, следуя за мной к банке. — Разум Шарли внутри этого бота... ее тело где-то еще.

Уолтер не мог бы выглядеть более растерянным, чем если бы его рубашка вдруг стала пурпурной.

— Что, черт побери...? Что это за чушь собачья?

— Это длинная история, — сказала Анна. Она кивнула Воробью. — Позаботься с Шарли, а я останусь с мужчинами.

— Ха, нам не нужно, чтобы ты за нами приглядывала, — хрипло крикнул Райкер. Остальные рейнджеры нерешительно вылезли из кузова грузовика, но Райкер все еще дулся. — Я увижу, как тебя за это повесят, Анна Шарп. Я — твой лидер стаи...

— Она не била тебя, — рявкнула Воробей, поднимая с земли банку. — Это сделала я. И если тебе нужно, чтобы я напомнила тебе, я могу ударить тебя снова.

Райкер стал совершенно белым под синяками и захлопнул рот.

Воробей подбежала ко мне. Она махнула мне рукой.

— Опустит, и я поднимусь. Потом тебе нужно бежать, Шарли. Мы должны как можно быстрее передать тебе это.

Я опустила руку, и Воробей ловко вскарабкалась по ней. Мне не нужно было беспокоиться о том, чтобы быть осторожным с ней: она не была человеком. Она прижалась к моей оболочке и крепко держалась, пока я выдвигала ноги.

Оставшееся время: 2:44

У меня было меньше трех минут. Когда я взобралась на холм и побежала к дымовой башне, время стало идти быстрее. Каждая секунда времени на три секунды отличалась от моих часов. Но не видела смысла тормозить.

Оставшееся время: 0:23

Едва мы достигли моста, как мои ноги начали терять силу. Они застревали, будто я пыталась пробиться через глубокую яму с грязью. Через десять секунд мои ноги просто застыли. Я даже не могла их согнуть, чтобы Воробей меньше лезла. Мое тело было в пятидесяти трех ярдах вниз по склону, скрытое под покровом густого кедра. Максимум, что я могла сделать — то, что я сделала с последней каплей заряда, — это вытянуть руку и указать в правильном направлении.

Но Воробей не сможет найти меня.

Слишком поздно.

* * *

— Тсс! Тсс! Вы все заткнитесь! Она не спит.

Голос Анны звучал между моими ушами. Было тяжело открыть глаза — все мое тело было похоже на один гигантский пчелиный укус. Оно пульсировало и горело. У меня был озноб. Но я... вроде была жива.

На ужасный, мучительный миг я испугалась, что все еще была в ловушке внутри тела

бота. Я была в ужасе от того, что мое настоящее тело умерло, и теперь я была обречена всегда жить в холодной металлической оболочке, которая ничего не чувствовала. Но затем новая волна боли сотрясла мои кости, и облегченный вздох сорвался с моих губ.

Если мне было так больно, значит, я провалилась обратно в свое тело. Мое настоящее тело, которое горело, дрожало и чесалось, и в нем было сломано больше костей, чем заслуживал страдать любой человек. Это было слабое тело, и часто оно было отвратительным. Но оно было моим.

Вокруг моей руки появились пальцы. Они были мягкими и теплыми, и я была благодарна за твердость, с которой они прильнули ко мне. Я была уверена, что не смогла бы вырваться из темноты, если бы эти руки не увели меня от света.

— Эй, — пробормотала я.

Анна улыбнулась мне. Теплый оранжевый свет освещал ее черты, и я сразу вспомнила ту ночь, когда мы сидели у костра и разговаривали. Я отвела взгляд от ее улыбки и увидела, что в нескольких шагах от меня ревел костер.

Воробей наблюдала сквозь пламя. Ее глаза были сосредоточены на мне. В ее руке был кусок древесного угля, и она яростно царапала им плоскую вершину скалы у своих коленей.

— Ты действительно рисуешь меня прямо сейчас? — буркнула я полураздраженно.

Воробей пожала плечами.

— Я ничего не могу с собой поделать.

— Ты спасла мне жизнь, — тихо сказала я.

Она снова пожала плечами.

— Это не было проблемой.

— Что ж, спасибо тебе.

Она отвела взгляд от своей работы и хмуро посмотрела на меня.

— Заткнись и не шевелись.

Я старалась не улыбаться, но улыбка все равно пришла. Она стала ухмылкой, когда я уловила знакомый свистящий ритм дыхания и ощутила сильный привкус виски. Колени Уолтера сильно хрустели, когда он упал рядом со мной.

— Боже, малыш! Ты хоть представляешь, как долго я тебя искал? Я был уверен, что ты мертва!

— Нет, не был, — сказала я со смехом. — Ты никогда не отказывался от меня.

— Хм, это только потому, что мне потребовалось бы чертовски много времени, чтобы найти другого уroda, хотя бы наполовину такого же хорошего, как ты, — сказал он с влажным фырканьем. — Так... где же ты была?

Я тяжело вздохнула и ответила:

— Долгая история, Уолтер.

ГЛАВА 28

СЕНТЯБРЬ 2213

Лето почти прошло. Утро было уже не такое неумолимое, как послеобеденное время: густая роса покрывала землю на рассвете. Она ловила первые сонные лучи света и поглощала их цвета. На несколько минут коричневатые веретенообразные сорняки,

пережившие августовский зной, окрасились в оттенки чистейшего золота. Они тяжело свисали — сорняки сидели, как путники, отдохавшие на краю уютной постели.

Их долгий путь через суровые летние месяцы почти закончился. Вскоре они упадут к своим корням и отдохнут.

Блейз улыбался про себя, наблюдая, как солнце осторожно выглядывало из-за горизонта. Он сидел, скрестив ноги, на ложе из сорняков, и его штаны промокли насквозь. Но он не возражал.

— Ты уже закончила? Не знаю, смогу ли я продержаться долго, — крикнул он с игривой ноткой в голосе. — Ты слишком красива, чтобы сидеть там в одиночестве.

Сайра оторвалась от своего блокнота. Это была маленькая потрепанная книга с пустыми страницами, которую Блейз нашел в заброшенном магазине. В магазине были всевозможные краски, но они согласились, что было бы слишком хлопотно держать краски запечатанными и увлажненными во время путешествия. Вместо этого они остановились на коробке цветных карандашей.

Сайра могла бы рисовать и грязью: ее таланты были потусторонними. Любое зрелище, которое могли запечатлеть ее глаза, ее руки могли изобразить в мельчайших деталях. Их темп был медленнее, чем должен был быть, по простой причине, что Сайра могла найти красоту практически во всем. И когда она видела что-то красивое, она должна была это нарисовать.

Сайра сидела спиной к солнцу. Тень, отбрасываемая ее волосами, делала серебро в ее глазах гранитом.

— Наберись терпения, — прорычала она. В ее голосе звучала грубость, но улыбка играла на ее губах. Она будто не могла не улыбаться. — Я почти закончила.

— Ты уже двести раз рисовала меня.

— Да, но на этот раз все по-другому. Этот свет... — она усмехнулась, царапая страницу острым кончиком синего карандаша. — Вот увидишь. Когда я закончу, ты поймешь, что я имею в виду.

Блейз терпеливо сидел еще несколько минут. В уголках его глаз была мягкость, которая имела мало общего с утренним светом. Они скользили по лицу Сайры и медленно разглядывали ее фигуру. Несколько раз. Будто он хотел бы запомнить ее форму так же подробно, как она могла вспомнить его.

— Готово, — сказала она.

— Наконец-то, — пробормотал Блейз.

Он облегченно вздохнул, когда она села рядом с ним. Его рука обвила ее талию, и он крепко прижал ее к своему боку. Она опустила голову ему на грудь и застенчиво протянула блокнот.

— Видишь? Понимаешь, что я имею в виду?

Блейз приподнял брови, когда увидел рисунок. Он был очень похож. Четкий, как снимок с дрона. Сайра захватила его до того, как солнечный свет ударил по его ясным голубым глазам. Его темные волосы развевались на ветру; каждая его веснушка была прорисована в деталях. Он не понимал, почему она настаивала на том, чтобы изобразить его на многих своих рисунках. Но это делало ее счастливой.

А когда Сайра была счастлива, весь мир казался весной.

— Эх, я не знаю. Думаю, ты сделала мой нос слишком большим, — сказал Блейз, изо всех сил пытаясь сдержать смех в своем голосе.

Сайра повернулась, чтобы посмотреть на него, ее губы приоткрылись в споре. Несколько секунд они смотрели друг на друга, прежде чем хмурый взгляд Блейза превратился в ухмылку.

— Я знала, что ты лжешь, — сказала она, закатывая глаза.

— Ага? Как ты поняла?

Сайра встала и запихнула блокнот в глубины рюкзака. Затем она грубо поцеловала Блейза в губы.

— Потому что ты не признаешь сходство, даже если я нарисую веснушки с твоей задницы, — прорычала она.

— Эй, я думал, мы не будем говорить о моих веснушках на заднице? — крикнул Блейз, когда Сайра ушла от него. — Я показал тебе это секретно!

Он вскочил на ноги и пошел на звук ее смеха по залитому росой полю, улыбаясь, как дурак.

Блейз не знал, что делать, когда Сайра впервые поцеловала его. Это было так внезапно и навязчиво — это было определенно подходящее слово, потому что он ни разу не позволял кому-то еще прикасаться к его губам. Он понятия не имел, насколько они чувствительны. В тот момент, когда она держала его, казалось, что этот маленький участок кожи контролировал каждый его нерв. Он снова почувствовал этот толчок. Он ощутил, как электричество пронзило его мышцы с достаточной силой, чтобы поднять его с ног.

И когда она отпустила его, он понял, что навсегда изменился.

Блейз понятия не имел ни об объятиях, ни о поцелуях, ни о дюжине других вещей, которые Сайра показала ему с тех пор. Ему никогда бы не пришло в голову, что их тела были созданы, чтобы соответствовать друг другу. Что их взаимный восторг навсегда связал бы их. Что ему не суждено было жить одному.

Во многих смыслах ему казалось, что его жизнь только начиналась.

— Итак... — Блейз схватил Сайру за руку и переплел свои пальцы с ее. — Куда мы направляемся дальше?

Ее зубы скользнули по нижней губе, будто она пыталась подавить улыбку.

— Океан?

— Да? Вот куда ты хочешь? Тогда все в порядке. Я знаю место, — Блейз потянул ее, поворачивая их на юг. — Учреждение номер два находится на острове в Персидском заливе. Бьюсь об заклад, там никого не будет, потому что... Сайра?

Блейз резко остановился. Сайра замерла в полушаге позади него. Ее серебряные глаза были зажмурены, и боль исказила ее лицо. Она колебалась мгновение, ее рука дрожала, когда она потянулась к своей макушке.

— Ах... это больно, — прошептала она через мгновение. Затем она выпрямилась. — Извини, я в порядке. Просто головная боль.

Рот Блейза сжался.

— Как давно болит?

— Только со вчерашнего вечера. Наверное, ничего, — быстро добавила она, когда глаза Блейза расширились. — Болит уже пару месяцев, с тех пор, как тот бот просканировал мои глаза и заставил меня отправиться в твой город. Я не знаю, не нанесло ли это необратимый ущерб.

Блейз некоторое время молчал. Его глаза скользнули по лицу Сайры в поисках чего-то.

— Сколько тебе лет? — тихо спросил он.

— Тридцать три.

— Ты уверена?

— Да, а что? — Сайра нахмурилась. — Что такое?

— Ничего, — ответил Блейз. Он улыбнулся ей, но это была уже не та теплота, что раньше. — Я уверен, что ничего.

* * *

Их тихое утро быстро рассеялось. Ветер стал усиливаться после восхода солнца. К полудню Блейз заметил облака вдалеке.

Они напали с юга, шеренга раздутых белых существ, стремящихся закрыть все небо. Их ряды пополнялись, они продолжали пожирать все, что могли. Одно облако парило высоко над другими. Оно возвышалось над серединой линии и тянуло остальные внутрь по мере своего роста. Потом оно вдруг ожило.

Молнии вспыхивали внутри пульсирующих туч; голова начала гудеть. Вскоре воздух наполнился обещанием дождя.

— У нас около тридцати минут, — тихо сказал Блейз.

Теперь он говорил сам с собой: Сайра не могла говорить уже большую часть часа. Блейз нес оба их рюкзака на плечах, а Сайру он держал на руках. Ее тело дрожало от каждой новой волны боли. Они приходили все чаще. Они сильно били ее.

Блейз прикусил губу, когда Сайра застонала. Это был самый слабый звук. Едва заметный из-за рычания надвигающейся бури. Но он поразил Блейза такой сильной болью, что он не вздрогнул, когда зубы порвали ему губу, и струйка крови потекла по его подбородку. Боль была предпочтительнее оправдания того, что будет дальше.

Он предпочел бы почувствовать боль, чем ощущать, как Сайра умирает у него на руках.

Кулаки Блейза сжались под Сайрой, он хотел направить свою ярость в ближайшую кирпичную стену. Когда он перебрался через следующий холм, он увидел шанс.

У подножия холма была небольшая деревянная хижина. Она была хорошо спрятана внутри роши из сосен. Двое мужчин копались в земле рядом с лачугой. Они были похожи на скелеты, покрытые грязными лохмотьями. Их пальцы, распухшие в суставах, лихорадочно бились о камни и сорняки — копали, пока не наткнулись на рыхлую землю.

Один из них возбужденно завизжал. Он вытащил из почвы толстую белую личинку и зажал ее между зубами, пережевывая так быстро, как только мог. Второй мужчина умолял о своей доле. А когда не получил ее, нанес удар.

Израженная губа Блейза с отвращением оторвалась от зубов, пока он наблюдал, как двое мужчин-скелетов бились из-за червей.

— Животные, — прошипел он. Он взглянул на хижину. Отметил обветренную крышу, над которой опасно собирались грозные тучи. — Пятнадцать минут.

Сайра застонала, когда он осторожно опустил ее. Он спрятал ее за одним из деревьев так, чтобы она могла опереться на его массивный ствол. Ее глаза были закрыты, но она слабо улыбнулась, когда вдалеке раздался раскат грома.

— Мир после бури невероятен... он будет прекрасен, — хрипло сказала она. Затем ее брови изогнулись болезненными дугами. — Но мои рисунки... дождь их... испортит.

— Нет, не испортит, — сказал Блейз, и в конце его голос слегка надломился. — Обещаю, этого не будет. Просто посиди здесь и отдохни немного, дорогая. Я разберусь.

Блейз нежно прикоснулся губами ко лбу Сайры. Затем он встал и пошел к хижине.

Скелеты закончили свою борьбу. Они вернулись к копанию червей, оба получили

синяки в драке. Они были так увлечены своей работой, что не заметили Блейза, пока его тень не упала на их узловатые руки.

Оба мужчины вскочили на ноги и схватились за самодельное оружие. У одного из них был молоток, а у другого — ржавое мачете. Человек с мачете направил кривой край своего оружия на Блейза.

— Тебе лучше отступить, — прорычал он. — Убирайся отсюда, или мы тебя разрежем.

— Мы все равно должны его разрезать, — сказал мужчина с молотком. Его язык скользнул по нижней губе, оставляя за собой пятно зернистой грязи. — На нем много мяса. Это было бы куда лучше, чем черви.

Они решили — безмолвно, лишь голодным взглядом — что скорее съедят Блейза, чем прогонят его.

И напали.

Блейз не видел смысла вытаскивать нож. Он поймал запястье человека с мачете и дернул вниз, ломая его почти пополам. Мужчина закричал, его пальцы обмякли, и он выпустил мачете, которое Блейз поймал другой рукой.

— Эй-эй! — второй бросил молот и поднял руки, сдаваясь. — Ты выиграл, ясно? Ты победил! Не надо нас убивать. Мы уйдем...

Бам.

Блейз вонзил мачете в макушку второго мужчины. Лезвие расколело его череп, как бревно, выплескивая мягкое содержимое на землю. Первый мужчина в ужасе наблюдал, забыв о сломанном запястье, как лицо второго разделилось на две неровные части.

— Ч-чего ты хочешь? — завопил он, когда разорванное тело его друга упало на землю.

Блейз не ответил. Он перерезал мужчине горло мачете и пошел к лачуге, оставив его тонуть в собственной крови.

В хижине прятался третий человек. Женщина. Ее одежда почти была полностью сорвана с тела и запачкана кровью. Она угрюмо наблюдала подбитым глазом, как Блейз прошел в дверной проем.

Какое-то время он смотрел на нее, но она не двигалась. И не говорила.

— Уходи, — прорычал он. — Уходи или умри.

Слезы навернулись на ее глаза, когда она прошипела:

— Просто убей меня.

У Блейза не было на это времени. У него было восемь минут, чтобы доставить Сайру в лачугу до того, как разразится буря. Это мог быть последний день, который они проводили вместе, и он не собирался терять ни минуты.

Он схватил женщину за горло и плавным движением сломал ей шею. Скорее всего, она даже не успела испугаться. Ее смерть была чистой и бескровной. Блейз хотел, чтобы хижина оставалась максимально чистой. Он не хотел, чтобы Сайра волновалась. Он не хотел, чтобы она расстраивалась.

Одно за другим он затащил тела людей на деревья и бросил их как можно дальше от хижины. Человек с перерезанным горлом был еще жив и кашлял. Но он скоро умрет. Блейз швырнул его позади остальных и слушал, пока тело не обмякло на земле. Затем он вернулся за Сайрой.

Она была бледной и дрожала. Блейз видел, как за эти годы ушли на пенсию десятки юнитов, и он знал, что конец Сайры был близок. Она долго не протянет. Он не понимал, почему она ломалась, когда ей не было и пятидесяти. Но он найдет ответы. Он разберется,

что с ней случилось, и все исправит.

Жизнь будет лучше, в следующий раз.

— Буря... — прошептала она, когда Блейз без особых усилий поднял ее на руки, — ... дождь.

— У нас есть еще две минуты. Все будет хорошо, дорогая, — сказал Блейз, теперь его голос звучал разбито. — Я позабочусь о тебе... с тобой все будет в порядке.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net